

23-1-14

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА

Эссе о художнике
читайте
на стр. 28

Лунная ночь. Медведь на охоте. 1899

Собаки на нартах. Новая Земля. 1901

ISSN 0868—4855. Слово 1991. № 7

А. А. Борисов. На промысел за оленим. 1901. К 125-летию со дня рождения художника

С Л О В О

VII '91

ISSN 0868—4855.

Русь моя, милая Родина...

Станислав
Епифанов.
Село Константиново.
Излучина Оки

Очерк о художнике на стр. 66

СЛОВО

— это журнал современных писателей и издателей, противостоящий масскультуре, торгашеству в духовной жизни, утверждающий лучшие традиции русских книгоиздателей — Ивана Сытина и Алексея Суворина,

— это дайджест книжных новинок и путеводитель в мире книг, возвращающих из зарубежья, из спецхранов, из-под идеологических пломб,

— это современная проза, поэзия, публицистика, проникнутая пониманием трагедии и страданий народа, его духовных идеалов и надежд,

— это семейное чтение, это журнал для личных и публичных библиотек, для школьных учителей и преподавателей вузов, для книголюбов,

— это поиск «третьего» пути, это издание, независимое от любого партийного диктата и догматизма, от групповых и клановых пристрастий, это журнал свободомыслящих и для свободомыслящих,

— это для многих читателей возможность приобрести уникальные книги по абонементам журнала вопреки всевластию теневой экономики и «черного» рынка,

— это домашняя галерея современных художников, фотохудожников и мастеров классического мирового и отечественного изобразительного искусства.

Его Высокопреосвященство митрополит Виталий (в миру Ростислав Петрович Устинов) родился в 1910 году в Петербурге. Вместе с родителями выехал в 1917 году во Францию. В 1939 году пострижен в монахи Иово-Почаевского монастыря в Карпатах, рукоположен в сан в 1941 году. В 1948 году становится священником в одном из православных приходов Лондона, в 1951 году — приходским священником в Монтевидео. С 1954 года — епископ, с 1958 — архиепископ Монреальский и всей Канады. В 1986 году архиерейским собором избран митрополитом. Митрополит Виталий — центральная фигура современного Русского Зарубежья не только по церковному сану — Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, епископа Монреальского и Канадского, но и по влиянию, по личному авторитету. Статьи и проповеди митрополита Виталия касаются наиболее насущных проблем духовной жизни и исторических судеб России. Таким было его «Письмо молодым людям в России», опубликованное в 1989 году в «Православном Вестнике» (Нью-Йорк, № 25—26) и в «Литературной России» (№ 52), в котором прозвучали сбивающиеся ныне слова: «Злые силы столько потрудились, чтобы сокрушить Православную русскую державу, что для них возрожденная Россия — это ночной кошмар с холодным педантизмом потем... Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона, Гитлера».

В августе 1990 года под руководством митрополита Виталия в Монреале прошел Шестой Всезарубежный съезд Русской православной молодежи, на котором он выступил с проповедью об Истине и Жизни. «Самое главное, — подчеркнул он, — в деятельности души человеческой — это молитва. Молитва должна быть как дыхание. Мы только пользуемся силами, которыми мы обладаем, — волей, умом, сердцем. И вот, когда мы молимся одним умом, это ужасно трудно, мы очень рассеянные. Значит, нужно просить Бога, чтобы Господь нам помог как бы щупальцами сердца схватить слова молитвы. И тогда оно загорается» (цитата по фонограмме документального фильма режиссера А. Киселева «Россия — путь к истине» (ЦСДФ, 1990)).

Статья «Телевидение как проблема для современного пастырства» была впервые опубликована почти тридцать лет назад в «Канадском Вестнике», но, как нам кажется, нисколько не утратила своей актуальности.

МИТРОПОЛИТ ВИТАЛИЙ

Митрополит Виталий. Кадр из фильма «Россия — путь к истине»

Порабощение души

Мы еще до конца не поняли, какие огромные последствия будет иметь изобретение телевидения. Обладая какой-то воистину магической силой обаяния и привлекательности и вместе с тем тая в себе страшный яд растления, оно стихийно завоевывает свое самое почетное место почти в каждом доме, в каждой семье. Современное пастырство не может и не должно обойти молчанием телевидение, которое не превзойдено ничем и никем по силе влияния на душу человеческую. Борьба с телевидением должна быть нашей первейшей задачей, и это мы говорим без преувеличения, потому что оно является ежедневным, ежеминутным источником влияния на нас в нашем же собственном доме. Вся борьба с ним должна выражаться в правильном отношении к этому гениальному современному изобретению, но трудность и сложность борьбы с ним в том, что приходится бороться не с телевидением, а с бесконечно расслабленной человеческой волей, которая просто не находит в себе силы вовремя оторваться от этого исключительно обольстительного и заманчивого удовольствия. Тут вспоминаются слова апостола Павла: «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (I Кор. VI, 12).

Итак, чтобы успешно бороться с телевидением и раз и навсегда выработать к нему правильное отношение, необходимо сначала с предельной объективностью рассмотреть все, что в нем есть положительного, затем раскрыть все его сокровенное зло и только тогда начать пользоваться его добрыми услугами, отвращая от себя с последовательно напряженной энергией его тлетворное влияние.

Надо указать, во-первых, что всякое изобретение, всякий механизм и машина не есть зло само по себе, как нет самобытного зла. Зло только в воле разумной твари, не исполняющей волю Божию. Наоборот, в таких изобретениях надо видеть печать Божией Премудрости, которую человеку дано раскрыть в законах природы и от всего сердца вознести хвалу своему Создателю. Перед размером соблазнительных картин, плывущих по телевизионным каналам, было бы нерассудительно не отметить и его положительно доброго влияния на массы людей, а именно: телевидение способствует возвращению людей в их дома.

Весь период от I-й мировой войны до сего дня был отмечен социологами и педагогами стремлением человека уйти в свободное время на улицу в поисках развлечений.

Дома только ночевали, ели, но никогда дома не оставались в свободные часы. Спорт, кино, танцы и бесконечные другие развлечения, пропитанные ядом растления, выводили всех из-под домашнего крова, который катастрофически стал терять, в особенности для детей, смысл родного гнезда, где ребенок впервые раскрывал свой осмысленный взор на вещи, облакая их своей фантазией, где его воображение с любовью придавало домашней обстановке одушевленные формы, создавая целый мир наивной детской фантазмагии. Улица манила и ребенка, и он почти что с колыбели, грубо и жестоко, без всякой подготовки, познавал оскорбляющий его душу реализм жизни.

И вот телевидение впервые за десятки лет стало возвращать всех домой. Его роль в этой большой социальной перемене очень скромная: оно просто обратилось к низшим инстинктам того же уличного человека и вернуло его к его домашнему очагу только потому, что все те же удовольствия и развлечения города и улицы перенесло в его собственный дом.

Конечно, ничего высоко нравственного в этом в принципе нет, но среди моря бесчинства, соблазна и растления современной жизни надо уметь хвататься и за соломинку,

если есть возможность хоть что-нибудь и тут использовать для добра.

Согласимся признать тот факт, что телевидение способствует возвращению к домашнему очагу, и сумеем использовать это его доброе влияние. Оно таит в себе столько почти что магнетической силы, привлекательности и обаяния, что если просто его отрицать, в категорической форме возвышая свой голос с кафедры и амвона, то это значит себя уподобить бьющей воздух палке.

Наконец, телевидение способно наглядно и исчерпывающим образом преподавать уроки по всесторонним вопросам науки, искусства и техники и этим поднять образование, ведение, нанося таким образом большой удар по невежеству и полунуке, которые всегда несли миру столько горя.

Рассмотрев все положительные стороны телевидения, перейдем теперь к обозрению его губительного воздействия на человеческую душу.

Телевидение совершенно отрывает всех от чтения. Зачем читать, когда все не только видно, но и слышно? Зачем напрягать свое воображение, когда все уже заранее сделано за нас, проработано и преподано нам в законченном виде с мельчайшими нюансами, которые просто сидя можно воспринимать без всякого труда?

Как ни странно, но телевидение, которое способно переносить нас в любой конец света, опускаться на дно морское, открывать недра земли; которое вводит нас во всевозможные фабрики и заводы, в запрещенные операционные палаты, где мы вместе с хирургом почти что принимаем участие в сложнейших операциях; при помощи которого мы видим народы, которых бы никогда в жизни не увидели; несмотря на весь этот грандиозный диапазон наглядного зрелища, делает нас как никогда ленивыми, апатичными, как бы пресыщенными знанием, безразличными и в итоге итогов развивает в нас невежество.

Поясним нашу мысль.

При чтении в человеке происходит сложный психологический процесс, состоящий, во-первых, из напряжения воли. Чтобы взять книгу и начать ее читать, нужно заставить себя это сделать, тогда как никто не заставляет себя смотреть телевидение. Как бы точно ни описывал автор происходящее, наше воображение всегда параллельно чтению создает свои образы, свой целый мир. По-настоящему мы именно и благодарны автору хорошей книги за то, что он помог нам в этом невидимом творческом усилии.

Наше воображение, эта важная часть нашей души, источник творчества и дерзновения, развивается при чтении книг и делает человека не только полезным для общества, но придает ему жизненность и радость бытия. В телевидении к нашему воображению не обращаются, его даже не нужно. Все готово, все сделано, нам только нужно смотреть и принимать чужим и чисто чуждым нам воображением созданные формы. Это есть психологическое порабощение нашей души, насилие над ней и поражение нашей творческой силы.

Телевидение отучает нас воображать и даже мыслить. Оно делает нас духовно ленивыми, и в частной своей жизни мы становимся людьми без всякого воображения, с потухшим взором вздрагивающими на Божий мир и не видящими, что «на всем видимом написано свидетельство о Невидимом» (Рим. I, 20).

Таким образом, телевидение очень тонко делает нас материалистами, которые смотрят на вещи по естественному животному свойству вообще смотреть, без участия в этом процессе духовного взора, через который смотрит душа. Нас все больше и больше приучают просто смотреть и не видеть, что нас уподобляет тем бездушным истуканам, о которых говорит в своих псалмах венценосный пророк Давид: «есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют... Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них» (Пс. СХІІІ, 13—14, 16). А раз мы смотрим и не видим сущности вещей и связывающих их нитей, то мы воистину невежды.

О развращающем влиянии телевидения было уже много сказано, но мы хотим отметить это еще раз и напомнить о нем.

Ни один отец, ни одна мать никогда не решатся повести свою семью в дома сомнительной репутации. Если друг их предложит им пойти погулять вечером в самые отвратительные кварталы города, где царствуют грех и порок, они сочтут это глупой шуткой, признаком сумасшествия или посчитают, что подобное предложение сделано под действием спиртных паров. Но, отцы и матери хороших православных русских семейств! Зачем вы лицемерите? Вы только что пожимали плечами в ответ на сомнительные предложения посетить аморальные места вашего большого города, а сейчас вы всем своим семейством чинно рассядетесь у себя в гостиной и легким невинным поворотом кнопки телевизора пригласите в свой дом, стены которого осеяны святыми иконами, всех подобнов человеческого общества: всевозможных гангстеров, убийц, психопатов всего света, самых невероятных маньяков, торговцев живым товаром, и будете смотреть на них без малейшего зазрения совести, как будто бы вы ничего плохого не совершаете. А ваши дети, после таких представлений, будут кричать во сне, постепенно делаться нервными и раздражительными и вам же будут грубить в неслышанной недопустимой форме; вы же сами еще долгие часы не будете способны сомкнуть глаз от тяжелой нагрузки — образами всех видов нравственной нечистоты.

Вы оскверняете ваш домашний очаг, который в глубоком понимании Православной Церкви является вашей домашней церковью, о чем неоднократно возвещал апостол Павел, фактически называя христианский дом «домашней церковью» (Рим. XVI, 4; I Кор. XVI, 18; Кол. IV, 15; Фил. I, 2).

Вы оскверняете свои души и души своих детей, ибо через зрение и слух, являющиеся органами человеческой души, в них проникают все эти образы; как фотографии они оседают в области нашего подсознания, оскверняя самые тайники нашей души. Затем они в любой момент нашей жизни, по еще не исследованным законам психики испорченного человека, внезапно вырываются из этих тайников в самые неожиданные моменты нашей жизни, помрачая нашу молитву, портя наши взаимоотношения с людьми и отнимая от нас радость жизни. Недаром Православная Церковь, зная, какой глубокий вред приносит нам созерцание греховных изваяний и картин, 100-м правилом Шестого Вселенского Константинопольского Собора совершенно точно и определенно постановила: «*Очи твои право ди зрят... Больше всего хранимого храни сердце твое, потому что из него источники жизни*» (Притч. IV, 23, 25), — завещает Премудрость, — ибо телесные чувства удобно вносят свои впечатления в душу. Посему изображения на досках или на ином чем представляемые, соблазняющие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенение нечистых удовольствии, не позволяем изображать каким бы то ни было способом. Аще кто сме творити дерзнет: да будет отлучен».

Какая дьявольская насмешка над нами, православными людьми. Зная, что мы никогда не посмеем принять участие в греховных сборищах, он так умело помрачил наш ум, что мы за свои же собственные деньги, тяжелым трудом добытые нами, покупаем себе телевизор и сами вводим в свой дом растление, разврат, убийства и сумасшедший дом, потеряв перед дьяволом всякое самолюбие, которым был так богат святой пророк Давид, многократно и неустанно просящий Господа через всю Псалтырь, чтобы Господь не дал его в посмеяние дьяволу.

Взирая посредством телевидения на все эти ужасы порочной жизни, нужно отметить еще одно происходящее тут очень тонкое погубное явление. Надо сказать, что в обыденной жизни между душой человека и самим грехом есть путь, на котором поставлены предохранительные заставы нравственного, бытового, психологического и социального характера, которые душа по своей лености и косности не решает преодолевать. Реализм телевидения по-

могает зрителям проходить без труда все эти препятствия, подходы к греху делает привычными, как бы уже пройденными, и самый грех, при случае, совершается легко и свободно. Вот почему за последнее время было совершено множество самых невероятных и неожиданных преступлений, о чем свидетельствуют многие социальные деятели, преступлений без малейших предшествующих симптомов, преступлений без предисловий. Так, например, ни в чем не повинный мальчик рано утром убивает своих родителей, школьник надругается над своей учительницей и другие бесчисленные примеры из анналов криминальной полиции, которых мы не хотим приводить на страницах нашего журнала.

Какой же способ борьбы мы можем и должны предложить? Сначала мы должны сказать, что бороться надо. И пастырь и пасомые должны непременно поставить своей задачей борьбу с телевидением. Самый лучший способ и самый простой — продать как можно скорее свой аппарат. К этому акту можно еще сделать маленькую заметку для тех, кто духовно прозрел, — продать и деньги от продажи пожертвовать на церковь или на бедных. Это первое мероприятие по плечу, конечно, праведным душам, избранным Божиим, людям, для которых самая большая цель в жизни — спасение своей души. Блаженнее же последних те, кто еще не покупал этого аппарата и никогда не чувствовал и не чувствует в нем никакой потребности. Однако мы прекрасно понимаем, что в данный момент это наше первое предложение борьбы является очень твердой пищей, которую не может принять масса наших верующих. Уже слишком прочно телевидение связало нас, а наша воля такая слабая и немощная, что на первое мероприятие мало кто откликнется. Но этому не надо удивляться — героев всегда мало, мучеников всегда единицы, праведники всегда одиноки.

Всем нам, рядовым христианам, мы предлагаем снова вспомнить все положительные качества телевидения и в особенности его способность возвращать людей под домашний кров. Все мы, проходя по улицам, неоднократно замечали, как чинно и уютно многие семьи собираются у себя дома и в полумраке телевидения, казалось, так патриархально и дружно проводят свои вечера. Значит, для нас вся задача борьбы с пагубным влиянием телевидения сводится к тому, чтобы, используя его собирательную способность, одновременно пресечь все его развращающее влияние. Для этого должна быть проявлена сила воли и установлена твердая дисциплина в обращении с этим аппаратом, чтобы, под страхом строгого наказания, никто, кроме отца или матери или ответственного в семье человека, не смел бы прикасаться к телевизору, который должен приобрести образ запрещенного плода. Ребенку могут быть показаны только полезные редкие фильмы, но исключительно как награда за его успехи и хорошее поведение.

Очень полезно каждый фильм сопровождать своим объяснением, своими выводами, расширяя его диапазон примерами из истории, из хороших повестей нашей литературы, всегда неизменно в своем мировоззрении опираясь на святоотеческое древнее Православие.

Хочется верить, что тому, кто станет так ревностно бороться с пагубным влиянием телевидения, Господь Сам виушит и иные способы оградить себя от зла.

Во все же посты можно положить себе за правило или совсем выключать этот аппарат из сети, или вовсе на это время убирать его от глаз подальше. Вся ревность в борьбе будет, конечно, зависеть от степени желания своего спасения, от нашего общего благочестия, от нашей преданности Церкви.

ГЕОРГИЙ ВАГНЕР

Дорога к храму

Храм-Вселенная и храм-Земное небо

Искусство священное есть восприятие мира в виде храма, соединяющего в себе все виды искусства, причем храм как произведение зодчества, живописи и гаяния, становится изображением земли, отдающей своим мертвецам, и неба...

Фото НИК ЭЛЛА КУЛЬБАКИНА Н. Ф. ФЕДОРОВ

акон о свободе совести не столько предоставляет право исповедания любой религии (беспасивая в этом смысле вообще не может быть!), сколько делает возможной открытую реализацию этого влечения, начиная с самого простого индивидуального его выражения и кончая восстановлением всех прерогатив церкви. Как известно, потери в церковной области колоссальны и трудновосстановимы, поэтому не удивительно, что этому вопросу сейчас уделяется большое внимание. Между тем уже раздаются голоса тревоги: не происходит ли поощрения религии и не становится ли это своего рода модой!

Конечно, вести какие-либо философско-богословские дискуссии с подобного рода «лысенковцами» от культурологов совершенно бесполезно. Гораздо интереснее поразмышлять над теми древними интуициями, которые заставили, например, Тертуллиана сказать: «Верю, потому что абсурдно». Если действительно проблема абсурдна, то что же заставляет верить? Разумно полагать, что первейшей, главной и серьезнейшей интуицией человека было чувство включенности себя в окружающую пространственно-временную среду на правах какой-то ее частицы. Необходимым условием для этого нужно было бы самое элементарное представление как о форме и сущности этой среды (мира), так и осознание себя ее (его) участником. Как формировалось такое представление?

Человечество с незапамятных времен пытается ответить на этот кардинальный вопрос и, судя по многочисленным данным, довольно рано прониклось идеей порядка, который предстояло еще объяснить: что это за порядок, кем он установлен и как к нему относиться? На первом месте, естественно, продолжала оставаться интуиция, но она все более и более обогащалась опытом. Одновременно она наполнялась и трансцендентным содержанием, поскольку кардинальный вопрос оставался неразрешенным. На почве этой неразрешимости и рождалась религия...

Пропагандируемая «научными атеистами» теория происхождения религии из чувства страха перед смертью представляется мне поверхностной. Древнейшие памятники, выражающие представление о мироздании, позволяют говорить о приоритете «идеи порядка». Я имею в виду так называемые «неолитические обсерватории», к которым условно можно отнести знаменитый Стоунхендж (Англия, 16-й век до н. э.). Ежегодно повторяющийся эффект совпадения точки восхода солнца (в день летнего солнцестояния 21 июня) с положением специального камня в структуре Стоунхенджа должен был вызывать скорее чувство восторга у аборигенов, нежели страх. Страх перед смертью не было даже в античном мире, поскольку люди того времени были убеждены в круговороте времени и всех космических событий...

Осознание порядка в окружающем мире и в правильности происходящих явлений природы явилось величайшим завоеванием человека, хотя у него еще не было знания, что такое Мир и как он устроен. Вполне естественным следствием этого незнания стала поистине неистребимая тяга к хотя бы «проектному» воспроизведению образа Мира.

Еще за несколько тысячелетий до того, как наш замечательный философ Н. Ф. Федоров (1828—1903) скажет: «Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной», человеческое творчество уже сделало немало

шагов в этом направлении. Естественно, речь идет об архитектуре, причем в первую очередь культовой.

О том, что древнейшей идеей здесь была «идея круга», сказано достаточно много. В восточно-славянском мире она дожила до Крещения Руси, доказательством чего служат языческие святилища. Отражение в их круглой форме видимых частей космоса не требует доказательства. Таким образом, мировоззрение языческих славян уже вплотную подошло к «проекту» храма-Вселенной, о чем тоже немало сказано.

Гораздо интереснее и существеннее вопрос: каким образом древнейшая «идея круга» была заменена идеей четырехугольника, господствующей в архитектуре до настоящего времени? Простой ссылкой на технические условия строительства из дерева здесь не отделаешься.

Поиски символики прямоугольника уводят нас в Египет. На саркофаге фараона Сети I (XIV в. до н. э.) Земля изображена в форме прямоугольного ящика. Прямоугольниками в плане строились все египетские храмы. Вероятно, символика такой формы восходит к мифу об Озирисе, спасшемся от потопа в ящике. Числу четыре в египетских, аккадских и ассирийско-вавилонских древностях придавалось мистическое значение. Отсюда оно могло перейти в иудаистическую мифологию (Пятикнижие Моисея), а через античность и в христианство.

Напомним, что Моисей, по голосу Бога на горе Синай, строит скинию в виде прямоугольника в пропорции 1:2 (Исход, 27, 18). Причем в Библии нигде не говорится, что скиния — это образ Мира. Таковым она будет считаться в христианской интерпретации, возможно, не без античного воздействия. В виде прямоугольника строится и знаменитый храм Соломона, но уже в пропорции 1:3 (Третья книга царств, 6, 2), что приближало его к базилике. О воплощении в соломоновом храме образа Мира тоже ничего не говорится. Для столь поэтического, картинного и символично-космологического понимания нужна была... античность.

Если бы христианство выступило на историческую сцену с исключительно ветхозаветной предысторией, то оно, вероятно, ничего не потеряло бы в спиритуализме, но несомненно было бы лишено таких великих интуиций, как тождество идеального и реального, первообраза и образа, без чего невозможна культура средневековья и нового времени. Говоря об античности и христианстве как главных, по словам Томаса Манна, элементах европейской культуры, мне не раз приходилось делать акцент на христианском наследии, просто по одному тому, что после антифилософской вивисекции 1917 и особенно 1922 года оно оказалось дальше всего от момента истины. Но без античности не было бы понимания архитектуры (прежде всего культовой, конечно) как образа Мира (Вселенной) и, наоборот, Вселенной как храма. Такое понимание, естественно, складывалось не сразу.

Основополагающим в античности было представление об Абсолюте как «видимом, слышимом, осязаемом и вообще чувственном космосе» (А. Ф. Лосев). «...Чувственный космос (с его землей и небом, с его подземным царством и морями, с его воздушной атмосферой, метеорологией и астрономией) был самодовлеющим произведением искусства и природы одновременно; везде он выступал как числовая гармония» (он же).

Интерес к числовым отношениям мы видели уже в Пятикнижии Моисея, но это были очень простые целочисленные отношения, не нагруженные каким-либо особым космологическим значением. Не то в античности. Уже у Гомера космос выступает конечным в пространстве. Земля рисуется в виде диска, а небо — в виде сферы. Если к этому добавить гомеровские понятия величины, размерности, симметрии, объемности, то нетрудно понять, насколько все это подготовляло представление о картине Мира. Она дана Гомером в описании знаменитого щита Ахилла. Поскольку центром щита выступала круглая Земля, то остальные кон-

центрические круги можно рассматривать как схему Вселенной. Купольную гробницу Атрея в Микенах следует считать одной из древнейших архитектурных параллелей гомеровского представления о Вселенной.

Гораздо больше для нашей темы дает учение пифагорейцев (VI в. до н. э.) и Пифагорейской школы о числовой гармонии космоса. Оно имеет прямое отношение к архитектуре образа Мира.

Прежде всего существенно то, что пифагорейцы мыслили число не абстрактно, а структурно, даже фигурно. Хотя числовая гармония понималась интуитивно, как соотношение предела и беспредельного, но само это понятие предела очень важно. По учению пифагорейцев существует пять предельных фигур: куб, пирамида, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр. Вселенная имеет форму додекаэдра, а находящаяся в центре Вселенной Земля — форму куба. Это отлично от Гомера и ближе к Платону, который немало усвоил от пифагорейцев.

Существенно также, что пифагорейцы «разрабатывали и проповедовали с неистощимым энтузиазмом» (А. Ф. Лосев) учение о пропорции. Из различных типов пропорции особый интерес представляет геометрическая пропорция, в области которой и родилось знаменитое «золотое деление», признанное божественным. Главная заслуга здесь принадлежит Платону. «Золотое деление» широко применялось в архитектуре. Лучший пример — Парфенон (447—438 гг. до н. э.).

Все эти пифагорейские числовые разработки очень способствовали развитию геометрических представлений о космосе, а также об его образном воплощении в архитектуре. При этом наметились две линии архитектурного творчества: одна исходила из «идеи круга», а другая — из «идеи квадрата».

Разумеется, первая линия уходила в более глубокую древность. Но и пифагорейская гармонизация космоса вела к «благоговению перед окружностями, кругами, шарами и вообще закругленными геометрическими фигурами. Даже злейцы свое единство были склонны представлять шарообразно. Эмпедокл свой бесформенный сферос тоже представлял шарообразным» (А. Ф. Лосев).

Странно, но почему-то в греческой архитектуре циркулярный образ Мира почти не встречается. Иное дело — Рим. Здесь, начиная с круглого периптера в Тиволи («эпоха Августа») и кончая мавзолеем Констанцы (IV в.), «благоговение перед окружностями» было выражено весьма недвусмысленно, дав истории такой поистине храм-космос, как Пантеон (115—126 гг.). Он был посвящен семи планетным богам (Аполлон, Диана, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), поэтому круговая форма Пантеона как бы сама собою разумеалась. Это самым лучшим образом соглазовывалось и с геоцентрической астрономией Птолемея (первая пол. II в.). А в Греции?

Здесь самое место вернуться к упомянутой «идее квадрата». Весьма знаменательно, что даже Платон, очень интересовавшийся учением пифагорейцев, представлял себе Землю в форме куба, в то время как уже Гомеру она рисовалась в виде круга! Неужели Платон все еще находился под влиянием египетской мифологии? По-видимому, мы должны исходить не только из «благоговения» перед числовыми и геометрическими рефлексиями пифагорейцев, но и из более чувственных категорий. Земля ассоциировалась у Платона с формой куба, поскольку куб является наиболее устойчивой из фигур. Устойчивой «не только по своему виду, но и по самой сущности своего устойчивого бытия» (А. Ф. Лосев). Но этого мало. Большую роль в предпочтении «идеи квадрата» играли представления, связанные с так называемым «квадратным стилем». Под этим названием у античных греков подразумевались понятия правильности, упорядоченности, пропорциональной гармоничности, лежащие в основе «канона Поликлета». О каноничности «канона Поликлета» можно было бы спорить, но ведь под категорией «квадратности» были подведены числовые значения, с которыми нельзя не считаться. Я имею в виду не восточную мистику числа четыре, а числовые и геометрические

интуиции тех же пифагорейцев, у которых «идея круга» вовсе не была исключительной. Так, например, Филолай (V в. до н. э.) большое внимание уделял «тетраде» («четвернице»), как принципу возникновения тела. Сочинениями Филолая очень интересовался Платон.

Но «квадратный стиль» надо понимать и в более широком эстетическом смысле. Например, в каноне Поликлета под «квадратностью» понималась не геометрическая квадратность, а, если можно так выразиться, психологическая, то есть «естественная» (для греков того времени) соразмерность высоты и ширины (в плечах) мужской фигуры. Иначе говоря, «квадратность» — это предельная устойчивые формы, что возвращает нас к фигуре Земли по Платону.

Нетрудно заключить, что архитектурным эквивалентом «квадратного стиля» никак не мог стать ни шар, ни круг. Им мог быть и стал (в Греции) параллелепипед — господствующая форма архитектуры античной Греции, известная под названием периптера.

Можно ли греческий периптер, как и римский Пантеон, считать образом упорядоченного космоса?

На первый взгляд, ответ должен быть отрицательным. Но только на первый взгляд. Нельзя забывать, что в представлении античных мыслителей космос — это тело, такое же, как и человеческое тело. «То, что имеется в космосе, имеется и в человеке; а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосм и микрокосм — одно и то же. Одно — универсально, другое — индивидуально. Однако различие между тем и другим, повторяем, по преимуществу чисто количественное. Не существует никакого раскола между космосом и человеком, между ними не существует никакой непроходимой бездны» (А. Ф. Лосев). Но если из «четверницы», по Филолаю, образуется куб, то разница между кубом и додекаэдром-символом космоса тоже чисто количественная! Из этого вытекает, что додекаэдр (или шар) — универсальный образ космоса, а куб (или параллелепипед) — образ индивидуальный. Справедливость такого заключения подтверждается и тем, что греческий периптер был «монументализацией человека» (Н. И. Брунов).

Культовая архитектура древнего мира, взятая в целом, соединяла в себе гигантские усилия человечества по воплощению сложнейших космических интуиций в чувственные формы. Достижения античности здесь были громадные. Можно было бы согласиться с Н. И. Бруновым, писавшим, что «именно греческая архитектура легла в основу всего последующего зодчества Европы, если бы не одно очень важное обстоятельство.

Как уже отмечалось, все античное мировоззрение, культура, искусство пронизаны телесным пониманием космоса. Человек и все человеческое — это тоже не более, как телесные части телесного космоса. «Человеческое в античности есть телесно человеческое, но отнюдь не личностно человеческое. Человек здесь — это отнюдь не свободная духовная индивидуальность» (А. Ф. Лосев). Когда об этом говорится (в силу издательской необходимости) кратко, как, например, в данной статье, то это подчас вызывает негативную реакцию. Мне уже приходилось испытывать это, но что поделаешь! Читайте замечательные многотомные штудии А. Ф. Лосева, и станет вполне ясным, что без учета сказанного объективного понимания античности просто не может быть. И не только античности, но и всей последующей культуры.

Признавая за античным храмом, будь это круговидный Пантеон или прямоугольный Парфенон, функцию образа Мира (универсального или индивидуального), мы должны всегда помнить, что он (храм) оставался именно материально-телесным образом, то есть личностный момент в нем отсутствовал. Эта внеличностность античной культуры, как известно, стала одной из причин ее упадка, а затем и конца...

Если в античности Абсолютом был чувственно-материальный, внеличностный космос, то в христианстве Абсолютом был Дух, иначе говоря, личностный Бог. Это если не совсем переворачивало все представления о Вселенной, то наполняло ее совершенно иным содержанием, с чем было

Этой статьей Георгий Карлович Вагнер, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР продолжает свою рубрику «Держание духа». Предыдущие статьи рубрики читайте в №№ 1 и 3 за 1991 г.

связано и новое архитектурное воплощение образа Мира.

Несоответствие старого новому стало испытываться уже с времен раннего христианства. Личностное понимание Абсолюта привело к наполнению всей Вселенной личностным началом, так что соотношение человека с Вселенной никак не могло вписаться в прежние рамки. Более того. Несмотря на достижения античной философии, в Библии оставались такие интуиции, над перспективностью которых сейчас ломает голову самая новейшая мысль.

Не касаясь сложнейшего догмата триединства (кстати сказать, объясненного Б. В. Раушенбахом с точки зрения формальной логики), всегда надо иметь в виду, что личностное понимание Абсолюта — это не слишком отвлеченный постулат, как думают некоторые наши марксисты, а необходимая предпосылка современной теории создания. Предаварительная, поскольку не локализуясь «под черепной коробкой конкретной человеческой особи» (М. К. Мамардашвили), «живое вещество сознания» требует своего носителя.

Личностное понимание Абсолюта, пусть временно (до открытий XXI, а может быть, и XXII века!), но «человечило Вселенную». Подобно античности, христианство не признает никакой «непродолимой бездны» между космосом и человеком, но не потому, что они одинаково личностны! Ведь Бог воочеловечился через Иисуса Христа, а про человека у Иоанна сказано: «Вы — Боги».

Христианство не могло отвергнуть античного учения о гармонии космоса, но теперь эта гармония приобрела наивысший статус, как гармония божественного Духа, как храм Духа. «Обращаясь к Богу внутренне и внешне, человек или, точнее, сын человеческий делался храмом, жилищем Бога по преимуществу, оружием Его, Бога отцов, воли». Сказав это, Н. Ф. Федоров цитирует Новариса: «Существует один только храм во вселенной: этот храм есть тело человека». И далее Н. Ф. Федоров продолжает: «Создав из себя храм, подобие неба, сыны создают и вне себя храм, подобие неба, наделяемое умершими отцами. И только после долгого застоя перед храмом — пребывания в языке и иудействе — последовало вступление в храм»...

Невозможно даже представить себе, как в таких условиях античная архитектура, будучи образом внеличного космоса, могла бы стать образом Вселенной как храма Духа. В период гонений вообще не могло быть и речи о создании нового образа Вселенной-храма. Неофиты вынуждены были уйти в подземелья, в катакомбы. Существует мнение, что именно христианские катакомбы и были прообразом нового храма — образа Мира. Но это неверно. Образ Мира должен был выглядеть как нечто пространственное, а не пещерное.

В силу неизбежности, история чаще всего пишется людьми, жившими много позднее описываемых событий. Отсюда многие ошибки и потеря аромата, духа истории. Как происходило у христиан архитектурное формирование нового образа Вселенной-храма? Ведь мы можем судить об этом только косвенно, по тем или иным практическим попыткам.

Попытки использовать для богослужения старые языческие базилики мало что могли дать, так как в них слишком сильно было чувственное (внедуховное) начало. Для выражения образа Вселенной-храма не очень подходили и круговидные композиции типа Пантеона. Мало того, что христианские богословы не признавали округлости Земли, сама «идея круга», не имеющего ни начала, ни конца, противоречила новой концепции пространства-времени. Если в античности весь временной цикл сводился к принципу бесконечного круговорота (идея циклизма), не знающего истории, то христианское сознание немыслимо без чувства историзма. Ему чужда «идея круга». Крупнейший христианский мыслитель V века Августин считал, что «по кругу бегают нечестивцы». Не с этим ли связаны народные поверья об ограждении себя кругом от нечистой силы («Вий» Н. В. Гоголя)?

В XII веке, когда после принятия Киевской Русью христианства архитектура понемногу начали появляться хра-

мы с круглым планом, образ Вселенной-храма уже потеряет свое мировоззренчески-конструирующее значение. Конструирующая роль перейдет к эстетике. Но в X—XI веках древнерусская архитектурная мысль была более философской. Конечно, тут не обошлось без византийского воздействия, поэтому на византийском опыте следует остановиться.

Отказ от римской формы круглого храма-космоса, который Н. Ф. Федоров называл «птоломеевской архитектурой», протекал не очень легко. Была испробована восьмьгранная композиция («октаэдр» по Филолаю), но и такая конфигурация не удовлетворяла. В частности, она не удовлетворяла ходу литургии. Выход из положения был найден в сооружении знаменитой Константинопольской Софии (532—537), которую называют «новой моделью мироздания». Остроумно замечено, что композиционно Константинопольская София представляет купол Пантеона, водруженный на базилику Максенция. На античном языке это означало такой образ Мира, в котором универсальное соединилось с индивидуальным. Казалось бы, лучшего нельзя и придумать. Но еще раз приходится напомнить: ни в универсальном, ни в индивидуальном образе космоса не было личностного начала. Не было его или почти не было ни в экстерьере, ни в интерьере Константинопольской Софии. Храм-человек растворился в храме-космосе. Впрочем, о прямоугольности основного объема Константинопольской Софии следует сказать особо.

Если греческий периптер можно было возвести к символике пифагорейской (филолаевской) «четверце», а через нее — к представлению о кубической форме Земли, то в Византии к этому добавились новые «основания». Я имею в виду сочинение Космы Индикоплова «Христианская топография», созданное примерно в те же годы, когда в столице Византии строилась София. В своем сочинении Косма дает наглядное (в рисунке) изображение Вселенной в виде подквадратного «ящика» с полуцилиндрическим сводом, в вершине которого изображен Христос. Прообразом такой Вселенной указывается скиния Моисея, прямо названная «образом мира». Возникает два важных и очень принципиальных вопроса: что Косма Индикоплов имел в виду под словами «образ мира» и почему он не посчитался с античными учениями о сферичности космоса? На последний вопрос византолог отвечает довольно легко: Косма был малограмотен. Но такой ответ неприемлем. Тогда следовало бы заподозрить в малограмотности и Платона, считавшего, что Земля кубовидна. Ответ надо искать глубже.

Из текста книги Исход, где говорится о том, как Бог на горе Синай «диктовал» Моисею форму скинии, никак не вытекает, что под скинией подразумевался образ космоса (Вселенной). «И устроят они (народ израильтянин. — Г. В.) Мне святилище, и буду обитать среди них» (Исход, 25,8). Скиния, следовательно, мыслится как место земной встречи с сынами израильтянами. В последующих строках описывается, как Бог в виде облачного столпа входил в скинию Моисея. Под «образом мира» Косма Индикоплов мог иметь в виду (по ветхозаветной традиции) мир земли Обетованной. Этот образ был настолько силен и желанен, что оказался распространенным и на Вселенную. Но на рисунке, изображающем Вселенную, в сущности говоря, нет никакой Вселенной! Показана Земля в виде горы, вокруг которой ходит солнце; показан окружающий Землю океан и четыре стены со сводом, ограждающие всю эту картину. Нет никакого намека на другие планеты. Конечно, это уже не земля Обетованная, а нечто планетарное, может быть, ВСЯ ЗЕМЛЯ под солнцем, весь земной и небесный Мир. Скиния, скорее всего, и была образом такого земновидного мира, определившего земновидную форму Вселенной.

Все сказанное имеет непосредственное отношение прежде всего к византийской архитектуре — приемнице библейского, античного и раннехристианского наследия. Константинопольская София была в том смысле «новой моделью мироздания», что символизировала собой не Вселенную, а земной и небесный мир, взятые в целом. Нельзя

отрицать того, что прямоугольный план Софии шел от скинии, хотя это требует доказательств. В качестве одного из доказательств можно привести мнение Н. Ф. Федорова, считавшего, что прямоугольная форма храма — это своего рода «жертвенник», а ведь именно прямоугольный жертвенник был в Моисеевой скинии. В этой прямоугольности Н. Ф. Федоров усматривал переход от «птоломеевской архитектуры» к «коперниканской». До времен Коперника было еще очень далеко, но такой переход предполагает весьма длительный процесс. Так что эту интересную мысль отбрасывать не следует.

Что касается купола Софии, то его связь с куполом Пантеона вряд ли подлежит сомнению. Таким образом, композиция Софии представляла мироздание как синтез земного (человеческого) и небесного (божеского), но отнюдь не Вселенную в астрономическом смысле. Этим я выношу корректив в свои прежние суждения.

Не является ли предлагаемое содержание «новой модели мироздания» более бедным по сравнению с храмом-космосом? Так можно думать только оставаясь под впечатлением от абстрактного космологизма античности. Если, конечно, этот абстрактный космологизм кажется более содержательным, нежели богочеловечность христианского храма. В Константинопольской Софии эта богочеловечность выражена еще неполно, храм во многом еще остается храмом-космосом. В его куполе даже не было изображения Христа. Не поэтому ли София легко была превращена в мечеть, когда Константинополь завоевали турки? Не случайно и то, что композиция Софии почти нигде не повторилась, уступив место храмам нового типа, получившим название «храм-Земное небо».

В послеюстиниановское время началась длительная полоса страстных догматических споров, приведшая в конце концов к иконоборческому движению, из которого победителями вышли иконопочитатели. Атеисты, конечно, могут сколько угодно выражать свой скепсис перед поклонением иконам, но поклонение иконам реализовало личностное понимание Абсолюта, без чего человек уже не мог выйти из внеличного языческого существования. Движения назад не могло быть.

Личностное понимание Абсолюта неизбежно привело к переоформлению образа мира. На смену прежним имперско-вселенским концепциям с их геометрическим космизмом приходило понимание храма как образа мысленного и чувственного мира, как образа человека и даже образа души. В таком храме снималось «противоречие между духовным и материальным, небом и землей» (В. В. Бычков), почему за храмами нового типа и закрепилось название «небо на земле».

Ни от «идеи четвероугольника» (жертвенника), ни от «идеи круга» (неба) христианство, конечно, не могло отказать. Но поскольку Вселенная наполнялась личностным началом, то для ее образного воплощения уже не требовались грандиозные, абстрактные сводчатые композиции вроде Пантеона или Константинопольской Софии. Идея «храм-человек» или «человек-храм» вообще не требовала физико-космических ассоциаций, для нее были достаточны ассоциации чисто символические, более духовные. Зачем, например, сооружать грандиозный купол, абсолютно лишенный человеческого начала, когда небольшой свод с изображением Христа говорил человеку о присутствии Бога во Вселенной, в храме и в нем самом гораздо больше. Правда, чтобы перекрыть небольшим куполом сравнительно большое храмовое пространство, потребовались подкупольные столбы, но и они понимались не физически, а личностно, как символы евангелистов. Личностно понимались и главы храма, а если их было пять, то и подавно: Христос и четыре евангелиста! И так — во всех частях храма. Понимание храма как обожествленного человека не требовало даже никакой догматики. Н. Ф. Федоров, например, писал: «А храмы, не были ли они изображением того же

существа в той же вертикальной позе? Куполы и главы не представляют ли подобие чела, обращенного к небу? Не та же ли сила, или стремление, которая действовала в вертикальном положении, подняла и эти здания к небесам?». Мне думается, что ни про Пантеон, ни про Константинопольскую Софию такое трудно было бы сказать.

Излишне говорить о том, какое громадное значение это имело для человека, причем, я сказал бы, не столько для поддержания в нем чувства богоподобия, сколько для утверждения своего «трансцендентного статуса». В условиях полной открытости души и интуиции «храм-земное небо» представлял своего рода переход к иному, высшему искусству: храмы были не только подобием того, что есть, но и проектами того, что должно быть. Иначе говоря, такое храмово-строительство было равнозначно непрерывному интуитивному приближению к познанию тайны Вселенной, гносеологическое значение чего непредсказуемо. Когда мы говорим об умении древнерусских зодчих ориентировать свои храмы на точку восхода солнца в разные времена года (разработки П. А. Раппопорта), или об искусстве пропорционирования в построении объемно-пространственной формы (разработки К. Н. Афанасьева и др.), или о космографических основаниях храмовой архитектуры и т. д., то подчас не учитываем, что все это составляло мощный духовно-интеллектуальный багаж человека того времени, без чего было невозможно и наше собственное «выше чем человеческое» бытие. В переводе со средневекового на современный язык это означает не что иное, как признание «озарений», в которых видимый мир выступает в мыслимом единстве с невидимым, сознательная природа которого после высказываний В. И. Вернадского о «сгущенной мысли» уже не представляется чем-то парадоксальным. Интуиция богословов, разрабатывавших концепцию «храма-неба на земле», работала в этом направлении. Конечно, это не было ни философией, ни наукой, а цельным, далеким от однобокости мировоззрением, к которому мы теперь, кажется, возвращаемся благодаря преодолению разрыва между гуманитарными и естественными областями знания. В таком свете и «дорога к храму» представляется не просто красивыми словами, а нечто гораздо большим в философском смысле. Предпринятое Советской властью почти повсеместное с 1917 года разрушение храмов отбросило ищущую мысль на тысячелетие назад, трагические последствия чего мы сейчас переживаем. К счастью, наиболее глубокие философские умы усматривают в метафорах и символах древности несравненно большее, нежели фантазию, благодаря чему так называемый «антропный принцип» не снимается с повестки дня. Но ведь «дорога к храму» и есть дорога к этой идее или проблеме! Отсюда ее значение. Я прошу только прощения у читателя, что изложил этот вопрос не в увлекательной, а в скучной форме. Каждому дано свое.

Но изложить его все-таки надо было, в том есть насущная потребность дня.

ВОСПОМИНАНИЯ.
ОЧЕРКИ. ПИСЬМА.

Ф. Д. МОРОЗОВ

Привычка
свыше
нам данаИстория неграмотного отца, деда и
прадеда, ставшего русским
предпринимателем

История всех стран с ихними всякими устоями всюду нарушена, на нашей родине совсем разрушена. И много еще лет пройдет в разрушении, а не в созидании. А поэтому мое первое предупреждение сыну — не позволять особо увлекаться и углубляться и не делать еще больших затрат. Без этого можно пока обходиться. Необходимо пользоваться возможностями, пока во всех делах еще есть свобода. Исправлять и видеть ясно, где что надо развивать, а что сократить. Достигать целей, где ближе к доходности, и необходимо быть всегда начеку. Никогда не откладывать нужных дел до последнего дня — авось выкручусь, авось успею.

Проморгали ход уклонов в сторону Ленина, вместо ихнего Учредительного Собрания и земли крестьянам, прогрессивного налога, свободы слова и религий и прочих гуманизмов. А Ленин — сразу выгоду! Проорал на всю

Из книги Ф. Д. Морозова «НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ», изданной его наследниками за границей.

Россию: ВСЕ ВАШЕ! Грабь награбленное, долой буржуев, помещиков! Громи! Долой косматых лодырей — попов! Кончай восвать, идите по домам!

Это и сегодня везде заманчиво, да нигде еще, до сегодняшнего дня, беднота путного взамен ничего не сделала. В погромах рассудок отсутствует.

А когда такое бешеное время наступает, необходимо чудовищное напряжение железной воли, согласие и дисциплина в семье и окружении и быстрое решение.

Бескровная революция сорвалась, и нужно спасение. Не обращал я внимания, что приятели-торгаши еще крупно богатели. Соблазн был велик. Но, к дьяволу, легкие наживы! Мои настоящие друзья прогрессисты-конституционисты: Саша Бебешин, кузен священника отца Ивана Сторожева, Николай Петрович Петров, Н. Н. и Захар Багровы, А. Т. Бочков — все подтвердили. Да, Россия встанет на новый путь без поворота к старому после окончания войны с немцами. Это еще разговор до Ленина. Промышленность и торговля на новых началах. Нам, четверем — Саше, Н. П., Н. Н. Никольским и мне, — не страшен будет прогрессивный налог и всякая разумная свобода. Крестьяне будут собственниками земли, а я — из мужиков, свой. А Толкачевы — рабочие. И вся эта иллюзия гуманная полетела вверх тормашками! И я — со всем торговым делом порываю, чтобы помогать психам всяким, новому демократическому временному правительству и впредь до Учредительного Собрания...

Но появляется Ленин и К°. Попервости никто в его затею не верил, а смотрели как на бунтарско-бешеное явление. Но, к прискорбию России и всех здравомыслящих патриотов, все рухнуло. Россия превратилась в три-сирию — СССР. И моя помощь в тартарары полетела.

Но? Видимо, за что-то Бог меня вознаграждал, и я дотянул до 73 лет, живу сейчас в безопасности. В награду масса радости, даже до правнуков, в придачу, дожиг.

Возможно, кто из детей или внуков и увидят еще родину деда, вновь с названием Православной России! А она, матушка Русь, беспредельна, широка и обильна. А при хорошем порядке, восстановленная без эгоизма, а на доброте и божественно-христианской морали, она тогда не только русским, а всем место даст, да с ней каждому из народов выгодно будет мирно жить и дружить. В русском народе всякие крайности уживаются и злоба изживается быстро. Но особо, кто к русскому запросто и бесхитростно подойдет, тот выгадает и с ним не пропадет.

Это было отступление от лично-семейной истории, но как пример внукам. Чтобы в крайнем случае предвидели, куда больше приемлемо двинуться.

Одно дело, — храбро родить, а другое, — воспитать и сохранить. Да и как детей и на что направить, в какую сторону, в какую среду? К чему их подготовить: к стрельбе, шитью, мытью, к торговле, конторе? Нужно, чтобы через какой-то труд честный имели сытость. И может случиться врасплох, после роскоши и щедрости — ничего. Тогда — ой как трудно, не дай Бог! Тогда особое и нужно проявление семейной любви и полного единства и никаких укоров никому. Одно дело — делать ошибки, а второе, — как их быстро исправлять.

Знайте, внуки: моя, вашего деда, Родина — Центральная Россия и середина Волги. И мы с бабушкой со всеми традициями, имея столетнее имя, промениваем родину на

Федор Дмитриевич и Дарья Николаевна Морозовы. Харбин, 1920 г.

«вонокую» Маньчжурию, на Харбин. В ноябре 1917 года мы уже за границей, раньше всяких других русских эмигрантов.

Я далеко не глубоко верующий, я дожиг до правнуков. Немало надоед своими нравоучениями. Но зато и не чувствую себя до сего дня в тягость, как дармоед. И избави Бог быть инвалидом! И избави Бог от затяжной болезни, чтобы не быть в тягость семье до последнего дня. Приведи Господи продумать неисчислимые грехи и хотя бы отчасти очиститься от них. А как? Кто из моих древних друзей остался? Это только — отец Иван Клярович, кто ж из нас первый? Но ему-то легче. Он по первому классу переселения души к Царю Небесному, ибо он с твердой верою на земле и в загробную жизнь, с твердой верою. А я-то малодушен и всю жизнь как-то придерживаюсь ко второму классу. Это разница от безбожников, ибо настоящая вера в Отца и Сына Спасителя Христа должна быть навсегда с чистым сердцем, в добрых делах и добрых помышлениях.

Обрядность — да показная. Забота о церквях, но без добрых дел. А также тщеславие и эгоизм. Все это — не то, не приближает к Богу. Как ни нарядись, какую свечу ни поставь, основа Христианства — всем и во всем прощать. А прощаем ли мы? Я из первых? Ищем ли и знаем ли, кто в бедности, кто в нужде и кто из-за нужды в темнице, и одинокий в больнице? И чтобы не напоказ, а проявить во имя Христа, оказать помощь страждущему, быстрее облакать и помочь. Это и есть вера! И только молитвы таковых Бог слышит. Сначала прости сам всем, и тебе простится!

Я люблю всюду приходить не опаздывая, и это не однажды спасало меня. Но? Как бы рано я ни пришел в храм, если с переполненным злобой сердцем и разными отвлеченными помыслами, от этого больше греха, чем облегчения. Христос ясно сказал: «Лицемеры, что вы напоказ бьете лбы свои, а сердце-то, сердце где ваше?»

Или на Пасху. В чем главная забота? Пофорсить наря-

дами, а в сердцах нет радости о Воскресении Христа. После страдания и распятия за нас, чтобы указать нам и внушить истинные пути в жизни земной и думая о небесной. Чтобы придерживаться высоких нравственных целей. А не игра: говеть-поститься. День-два, и все это по моде, а не для усмирения всяких страстей.

Понятно, все это известно вам и не ново. А моя цель — лишний раз внушить вам, чтобы оставить в головах прочнее.

Книг вами прочитано разных много и философии разные знаете. Но, к печали моей, читая серьезные и разумные книги, особенно из прошлого, где на фактах поясняется, какими надо быть, а какими не надо, в головах и сердцах этого не задерживаете. Шлифовка каждого зависит только от себя. Работая над собой, избавляются от дурных привычек, даже изменяют характеры в лучшую сторону. Такие люди ценные.

Ну, а дальше, что из моей истории на будущее возьмете? Я не пророк, а прошлое — в памяти, и что в настоящем — одна болтовня о свободах. В прошлом без предрассудков была свобода. В передвижениях — куда угодно. И ищи, и сравнивай, что угодно и где угодно, и начинай, что по способностям. Хотя настоящее у вас солидно и не нуждается вы, все-таки неплохо знать о зачатии дела и через что все пришло. И вот это поясню вам.

Всегда от Волги (Новодевичье), от Безводовки, из Сызрани и Симбирска в Тереньгу и Дворянск двигались обозы по 30-40 и до ста подвод. Сколько от этого народа кормилось!

А что значило село в 100 дворов? Огромная церковь. Прием по несколько вагонов на экспорт яиц, чечевницы, ячменя, мяса для Москвы. На миллионы хлебные покупки. Было у нас несколько банков, и обороты делали такие, что и американские банки позавидовать могут. А они затаили дружбу с коммунистами. Запутались и разбрасывают деньги. Это еще не все. Чем все кончится?

Приобрело знатность торговое дело Ф. Морозова в Тереньге, Дворянске. На 3 губернии имя знатное. Москва, Лодзь, Белосток и другие места нашли Тереньгу и везли от Волги на подводах образцы на любой срок в кредит. Это мало — все фабриканты хотели знать мое мнение. А теперь?

Сколько сортов и предметов в мануфактуре, сколько в бакалее было. Табак, спички, сахар. Винное дело, вино всяких сортов в бочках. Лампадное масло вагонами. Все предметы, названия, цены, сроки — все, все укладывалось как-то в голове. Что и в какое время протолкнуть и как распределить в сроки. Рождество-то и Пасху выдержаты! Но каково, когда свадьбы разыгрываются! А тут — Михаил Архангел, Никола Зимний, Введение Пресвятой Богородицы, престольные праздники, большие базары, и под них наваливались большие платежи, согласно выручке. Дело прогрессирувало.

Караул! Куда летит Россия?! Начало сентября, Ленин лозунг за лозунгом выкидывает, один другого лучше для черни, и доводит ее до безумия. Как всему миру известно — достиг безумия; а преемник — Сталин, еще большего достигает, подходит к финишу. А Трумэн и другие заняты мишурой, пустозвонством. В те месяцы Керенского знатный Владимир Бурцев Россию и весь мир предупреждал о грядущем. Не доходило до сознания особенного передового человечества, которому надо было понимать. Да и по 1953-й год полугнилая Европа не может понять, что ее ожидает. Для них из России грандиозный вывоз всего всегда был, а при Сталине голод и всего не хватает. Гнет и кровь, стахановщина, и каждый на своей родине прикован к месту цепями. И этой свободы теперь нужно ждать везде.

Все обстоятельства, выпавшие на мою жизнь, особенно начиная с 1916 года, изменялись с такой быстротой, как на киноэкране. Выходя на сцену, должен был изображать, наподобие Шалапина, чтобы Борис, Сусанин и Дон Кихот — все вместе. И на масленице с балабайкой. И чтобы все разыгрывалось сходно с натуральным. Связи, друзья и просто знакомые. От Лодзи, Варшавы, Белостока — до Петрограда, Москвы, Астрахани, Самарканда. Центральная Россия, Сибирь и Маньчжурия. И во всех местах, и по всем неисчислимым отраслям — всюду вклинивалось имя, заводились, укреплялись связи и дружба. С помощью Бога! Ни в чем и никогда не доводил до конфуза. И из всех трудностей и безвыходных, казалось на вид, обстоятельств, спасал своевременно и жизнь, и имя.

Спаси Бог! Избави и помилуй! Моего сына и внука, продолжателей торговых дел и имени — из простых, но древнего. От таких и подобных жизненных перемен и пертурбаций. Уповайте на Бога, живите на земле, сохраняйте истину и справедливость! Утешайтесь Господом, и Он исполнит желание ваших сердец! Уклоняйтесь от всего злого, старайтесь людям делать доброе. В этом спасение всего. Не гордитесь, эгоизм приносит вред. И еще предупреждение: не зная броду — не лезьте в воду!

Чтобы начинать и вести дело, особенно в новых странах, необходима широчайшая осведомленность. И прислушиваться нужно не к поверхностным и льстивым, а к тем, кто в совете круче. Во всем необходим совет и с разными мнениями советники. А потом хладнокровно все взвесить и примерить.

Во всех делах необходима близость семьи, ее помощь в деле и, во-вторых, нужны практичные, честные сотрудники, на которых платы нельзя жалеть. По каждому делу помимающие и заботливые, как о своем. Но обязанность хозяина — их обласкивать и нести заботу о них. Это обеспечивает успех дела, а не выгоду в жаловании.

Время капиталистов-частников отошло а предание. Каждый, кто хочет что-то создать или улучшить, или переменить, сначала сам себя во всем должен проверить и себя переменить...

У русских были знаменитые тройки! А почему? Корневик являлся спокойный, сильный, а к нему, чтобы в любую гору подхватывались, пристяжные. А над ними руководитель — могучий кучер, который обязан был знать силу, ловкость и выносливость лошадок.

Дальновидные купцы и фабриканты, пока сыновья в университетах, не гнавшись за выгодой, подбирали заведующих в делах, а особенно умные посылали после университетов сыновей в чужие фирмы на службу.

Пишу все, что пришло на ум, хотя и малограмотно и торопливо, но правдиво. Это пишется только для близких родных, и не надо обижаться. Вроде истории, особенно если бы сохранилось для родины-России.

Восстанавливаю, что осталось в памяти о Японии. Приехали в сентябре 1925 года.

По незнанию языка мне помогали во многом руки, ноги, они всякое выражали, доводя япошей до смеха. А это во всяких делах и обстоятельствах — самое главное. Не только с японцами, но и в торговых и банковских делах. И с американцами в веселом настроении успешнее во всем, чем подходить к ним с гордостью. Ко всему этому необходимо знать характер, к кому как обращаться, в каком настроении он или она. Все это в жизни вырабатывалось и приспособлялось с библейских времен.

Из «Песни песней». Руфь, возвратясь из странствий, узнала, что деверь разбогател. Ей дали совет — хорошо приоденясь, причешись и выжди, когда он кончит молотью и пообедает. Потом приблизься, приласкайся. Понятно, он ей отвалил всего полно...

А у меня — во всякое учреждение, к чиновникам, к директорам, к архиереям и другим. Нужно попасть первым на прием, иначе часто кто-то его уже взволновал.

Повторяю: не забывайте, так и к вам обращаются. До начала разговора на стол, что есть, накрыть, радушие показать, оно располагает к откровению.

Везде: в делах, в собраниях и в семейной жизни — смех и незлое подшучивание всегда только пользу приносит. Сам Христос оправдывал веселость во время трапез и порицал злые споры и выкрики, поясняя: «Сердце злое и помышления злые, а это оскверняет душу, а веселость без зла возвышает дух».

Знатные советники-иностранцы, они появляются около знатных, а мы были — комар с комарихой, только бы не придавили. Без всякой сиятельности и безграмотные.

Особой явилось радостью, когда мать освободилась от забот, от разрушающих здоровье платежей, долгов. Этот праздник был два года. А на третий год Акционерного общества, передохнув, прозрели. Начали появляться недоумения.

Компаньон и с ним хитрец-Факумото, возгоревшись нашей деловитостью и добротой, чтобы еще больше приблизить нас, наметили план сватовства, продемонстрировав кулинарные способности дочки. Хотя дочь и разница от брата, который вскоре появился в деле, но этот толчок ускорило мое решение женить сына на харбинке, чтобы избавиться от зависимости. А на кого пал жребий? Внукам теперь понятно!

А компаньоны тогда иные нажимы наметили всякими способами подобрать к рукам магазин. А мы хотели во что бы то ни стало удержать магазин, как отдушину на будущее.

У вас, детей, много храбрости и бесстрашия за будущее. А я по природе труслив, и девиз у деда и отца — никаких дел никогда не доводить до суда. И русская пословица: от хорошего суда на лапти не выгадаешь!

И с Божией помощью, и с помощью, на этот раз, детей, вновь появилось дело — «Космополитен и К°», но это

Валентин Федорович, Ольга Сергеевна и Валентин Валентинович Морозовы

уже не впотмах и не наощупь, а со знанием и уверенностью. Но и увеличились семейные расходы. Вложенные Ниной Боби 15 000 затратили на улучшение магазина и на сырье. Что получили от общества, ушло на расплату с долгами и улучшение фабрики. Дело завертелось. Но через год — 49 000 долгу. И вновь — беготня за займами, но чтобы солидно и скрытно. Но можно было бы затруднений избежать, уверенность в деле была.

Сын на новом месте в Шанхае. Добавил знание и развитие. А я во время его отсутствия, по-стариковски, с честью, через магазинчик, не только со всеми рассчитался, но покрыл расходы на разъезды и прочее. С добавлением мануфактуры заработал деньги на домик в Ойке, в деревушке в 12 верстах от Кобе, где во время войны нашла спасение семья от воздушных налетов на Кобе, от которых было более 20 000 убитых и которыми на 80% был разрушен город. Все это позади, и воспоминания об этом, как о прошлом сне, без всякой обиды на кого-либо. И завещаю вам, и вы в жизни скорее забывайте всякие злобы, потери и обиды, а вспоминайте доброе.

А я в жизни, грешен, относился к пышным поминкам, с изрядной выпивкой, критически. Приветствовал, чтобы определять эти расходы туда, где есть насущная нужда, в память усопших отсылать. Но в день похорон хлопотущие, а также духовенство должны вознаграждаться. А если после меня будет возможность в этом направлении что сделать — нуждающимся уделите, но, как и в жизни моей, — никаких излишеств, во всем скромность. Положите, по-возможности, рядом с мамой, и малосенький памятник — «Крестьянин — Федор Морозов». Меньше слов и больше дружбы между родными и старыми друзьями.

С истари и до последних дней жизни придерживался я среднего, никогда не гнался за роскошью. Но всегда — не скуп, особенно если кого накормить, пришедшего даже врасплох. Но не забывал вести всему учет и всегда знал, оправдаются ли расходы, и предвидел на будущее. Это тоже усвоила мать и сохраняла до последнего дня жизни.

Около вашего большого дела все — по представлению малоимущих — знатно. В таком положении много будет подвизываться разных дельцов, льстецов и подлецов. Но и у самих вас с легкостью приходит, незаметно для себя, зазнайство, гордость и пренебрежение к прежним друзьям и приятелям. А через это — охлаждение и отход. И что скверно, причины не видны, и особенно при нервных настроениях. А шаптрапа новая — эти всегда без принципа.

Для достижения дружбы и знатности необходимо от себя всегда проявлять теплоту, прямоту (в меру), и всегда почтительность в отношениях. Эластичность, нюх — не переборщить бы. И надо помнить, что у каждого друга есть жены с разными капризами, с этим надо считаться. Нужна и осторожность всегда при оценках мужа или жены и о их характерах и поведении.

Дети, внуки, помогите вам Бог! Без трудностей, без препятствий продолжать жизнь и дружбу, чтобы всякие семейные и торговые дела разрешались бесшумно, гладко, согласованно.

Авось когда-либо, через многие годы, и эта разнообразная моя брехня явится для кого-то интересной для сравнения вашего настоящего с далеким прошедшим моим. Понятно, должно быть снисхождение к некультурности деда, который вбивал в голову что и как.

Душевное, родственное, теплое и истинно радужное отношение и обоюдное участие в радостях и трудностях. Это и есть величайшая ценность, это имеет главное значение в жизни. Особенно свой по крови человек должен во всем быстро откликаться.

Оторванность, закоснелость от всего и всех и потеря связи с родственниками — тяжело и гибельно отражается. История в народах повторяется, и жизнь на одном месте

не останавливается. Чем богаче человек в жизни, чем он грубее и эгоистичнее к ближнему и простому народу, тем жестче его состояние духа, особенно при разорении и падении, т. е. не от кого получить сочувствие и почти каждый от таких уклоняется. А без сочувствия жизнь особенно тяжела на земле. Общение с народом и ласку всегда необходимо иметь.

Но в то же время — строгий разбор в людях. Знать нужно — кто какого происхождения и качества. Роль, порода — это одно. Нужно знать, кто его друзья и каковы дела. Но напередки, сгорая не открывать душу, чтобы не простудить, через резвый к особо с грубостью язык, а также не попасть под влияние обольстительных. Это вредно во всей жизни. Сегодня — друг, а завтра — враг. Люди, друзья и приятели испытываются десятилетиями и при нужде.

Чего только в моей жизни не пришлось наблюдать и переживать? Особо когда обнаруживалась всяческая извращенность в понятиях морали, об обидах, оскорблениях и о доброте. Этому причина — лихолетие. Человек, якобы, выше и благороднее всех животных. А вот практика жизненная и мои наблюдения доказывали иное. Например, собака Рекс и два котика не только уживаются, но из одного блюда кушают, а потом игру затевают. И кто кому боль причинил? Не дрались никогда, и котам от собаки полная защита. Или — курница вывела двух гусей и, отменно охраняя, воспитала. Но отменно орала, когда они начинали нырять. А человек — человеку? Да, хуже чем волк. Волк сразу разрывает. А ближний ближнего — через всякие ухищрения, бахвался культурой, — медленно.

Да и что такое богатство? Есть ли граница удовлетворения? Сколько надо на жизнь супругов и каждого члена семьи, чтобы жизнь протекала во всем счастливо и уравновешенно? Да и у всякого народа и класса людей на все понимание разное и растяжимое.

В какие пертурбации человек или семья попадают, и насколько человек способен спокойно осознавать свои ошибки и грехи, и как скоро находит способы, призывая Бога на помощь, исправлять их. Мои периоды жизни жестоким и крутой ломки, прогресса и падения... С 1903-го года в канун русско-японской войны и в войну 1904—5 годов — огромный прогресс. Стал знаменит не только в округности уезда, Сызрани и Симбирска, но в Москве, Лодзи, Варшаве, Белостоке, Гамбурге. И везде связи, и везде кредиты, самостоятельное управление. Везде почет, веселость, дружба и во всем согласованность.

Война — вместо фронта, чины в тылу и работа патриота, на виду у всех, до призыва. Появляется богатство от запасов товаров и через помощь друзей из Москвы и Ставрополя, снабжающих перед подорожанием и без моих заказов товарами. И это вот — главная моя удача, иметь таких друзей.

Была уверенность, что обеспечена семья неданжностью и страховкой, и вдруг сверхнеожиданность — кругом поворот и крах! Все оставлено, и мы где-то в Харбине, около Нахаловки, в наскоро, из глины и соломы, построенной фанзе.

Эта сырая, из глины, хижина хотя и разрушила у всех здоровье ревматизмами, но жизнь в ней была радостная, веселая, со смехом, сытная и вселяла радужные надежды. Потом появился свой домик в Модягоу, и не только себе на пользу и радость, но и для бесчисленных знакомств и связей. А под рюмку и пироги разным бездомным — ласка и приют, даже и для ночлега. Многим знатностям в прошлом и просто обездоленным.

Богатство и всякая обеспеченность только в недвижимости и в одном месте — не есть верная гарантия. А потеря половины капитала, если здоровье не потеряно и сохранилось широкое доброе знакомство, — не опасно. Иной друг — лучше, чем в сундучке или в чулке мешок золота. Но необходимо имя честного дельца — это высшая ценность. К тому же — спаянная, согласованная семья и

уступчивость в отношениях. Это везде и всегда — главный путь в жизненных делах!

У каждого государства и народа — свои традиции и свои стремления. У каждого народа во всем свои идеи и приемы их достижения. А также у великих держав были и есть руководители и предупредители судеб. В какое русло корабль направить, к какой цели.

Были в России из высшего класса декабристы, с благими намерениями. Но еще не созрело, непонятно было. И прогрессировать начали разного рода социалисты с еще большими требованиями улучшений для масс народных. И всякие прогрессисты преследовали гуманные цели и на пользу для большинства. Достигнув же до представительства народного, какие бы не предписывали рецепты, ничего не оказалось на пользу Руси и населяющему ее большинству. И никакого вразумления правящим.

А я только, как отец, исходил из практической теории, что, по моему разумению, казалось понятно в устройстве жизни семьи и дел торговых и маленьких общественных. Указывал на ошибки и на пути их исправления. А ради чего? Чтобы призвать к воздержанию. Для этого, понятно, требовались авторитет и вера в Отца и Сына Божьего, да и в собственного отца.

В премудрейшей, дальновидной, хитрейшей Англии руководит 85-летний Черчилль. Руководит не только своей страной, но и влияет на другие страны и народы, хотя могущество силы потеряно и страна в зависимости от янки. Но у него — прицел на далекое и мысль, как восстановить страну свою.

Я моложе его на 10 лет. После разных невероятных трудностей и катастроф, благодаря удаче и приобретенному за годы доверию, достиг крупного дела, чтобы не испытывать больше нужду и не видеть сына донельзя измученного. И при богатстве я кряду все три года в напряженном труде и к тому же, по сомнению своему или гордости, успокаивал себя, что имею какие-то заслуги и меня поймут и послушают. Хотя бы даже по мелкому торгашеству, т. е. я-то не знал Морганов и других чудопрогрессистов. Не знаю, через какие они способы и оборудование достигли своего положения. Повторяю, что мелкая натура моя, но знающая и схватывающая. Знал, на какого червячка клюет, знал, как переждать всех конкурентов и отобрать у них всякую инициативу. Особенно теперь, имея такие места! А о крупном и стандартном? Это втягивает дело в большие мертвые затраты. Это не по времени. Проверил и убедился, что это особо губительно и опасно при катастрофе. Моя натура — во всем подвижность. Иметь живую копейку на всякое сырье и на расплаты, а также и себе на скромные расходы. Казалось бы, мне стыдно это задуманное дописывать, когда израсходовал на Веру свыше 25 тысяч и от аванса сэкономил для Корнилыча 2 тысячи. И все время под гнетом совести, т. е. видел, как сыну трудно...

Помоги Бог, чтобы была смелость и быстрота решения. У Ирошки Морозовой, на всю жизнь была удача и счастье. Но вторая внучка — Наташенька Морозова, а это у Морозовых вторая Наташа, первая — осталась на родине. Маленького роста, но высокой культурности и глубочайшей серьезности, начитанности и особенно огромной житейской и торговой практичности, ласковости и приветливости, а потому и широчайшего знакомства. Для внука — Валентина Морозова — мое пожелание. Всегда на глазах у отца школа и обучение по своей отрасли. После окончания школы или университета в чужое дело на практику следует устроиться.

Написал на будущее внукам, кроме Дарьи, т. е. ее более далекого будущего, а оно только Самому Богу известно! Я также думаю и о моих других детях — о Зине и Нине и об их семьях, которых жизнь унесла далеко от меня, но которые знают, что я их люблю.

Во всем мире чудовищные события, междоусобицы. Но безверие. К гибели — это каждому яснее ясного.

Июль 1969 года, мне 90 лет. Жесткие болезни, не в силах писать. Кто пожалеет из потомков?..

В смутное время

Сначала — небольшое отступление. В мемуарной литературе, посвященной периоду 30-х — 40-х годов, часто приходится встречаться с такими выражениями: «Мы не понимали, что происходит», «Мы верили и не могли не верить Сталину, потому что нам казалось, что он представляет советский народ» и т. д. В качестве иллюстраций можно привести свидетельства литераторов, занимавших видное положение в то время (И. Г. Эренбург, К. М. Симонов). или интервью С. В. Михалкова («Огонек», № 12, 1988 г.).

Поскольку здесь важны нюансы, то я позволю себе привести цитату из последнего интервью. «Сталин был для нас человеком с большой буквы. Конечно, нас тревожило, что исчезали люди, что ссылают, но мы думали, что это наверняка за дело (выделено мною. — И. Р.). Разве могли мы не доверять официальной информации». Я позволю себе решительно не согласиться с Сергеем Владимировичем, который, получается, говорит таким образом от имени всего моего поколения или поколения моих родителей.

Для справки сообщу краткие анкетные данные: родился я в 1919 году, отец мой — не имея высшего образования, занимал в 30-х годах инженерные должности в Метрострое, мать — зубной врач. Таким образом, мои родители занимали низшие ступени в иерархии московских интеллигентов. Такое же положение занимали и родители моих друзей, погибших во время войны. Так вот — ни у моих родителей, ни среди моих близких и друзей не было ни малейшего сомнения, что «большие процессы» — это инсценировки. Не было лишь полной ясности в другом вопросе: какими методами большевиков, закаленных в царских тюрьмах и ссылках, заставляли признаваться в невероятных преступлениях — шпионаже или контрреволюции. Впрочем, мой отец развивал «теорию», которая, возможно, была отражением слухов, ходивших по Москве. На процессах будто бы выступали не Бухарин и Зиновьев, а загромированные Качалов и Москвин...

Понимая искусственность «больших процессов», трудно было поверить, что множество знакомых людей исчезло «за дело». Таким образом, по крайней мере, часть московской интеллигенции уже тогда понимала: происходит то, что и получило название «революция сверху».

Но и прозревшие понимали далеко не всё. Конечная цель всей этой «революции» — от коллективизации до репрессий 1937 года — оставалась неясной. Лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны» не давал ни малейшего представления о конечной цели сталинской политики. Поставленная задача построения социализма в одной стране мало проясняла ситуацию из-за неопределенности самого понятия социализма в интерпретации Сталина.

Как всегда, чуткие москвичи начали ощущать нечто определенное по второстепенным, но, быть может, поэтому крайне многозначительным признакам. Одним из них был разгром поставленной в Камерном театре пьесы «Богатыри», написанной весьма известным в довоенные годы поэтом Демьяном Бедным. Признаюсь, пьесу эту не смотрел и не читал. Однако содержание погромных статей в центральных газетах помню хорошо. Главный упрек — автор неуважительно писал о героях русских былин. И тогда казалось, и сейчас я уверен: выбор темы был крайне неуместен. Однако, на мой взгляд, Демьян Бедный никогда не отличался особым вкусом, и поэтому шквал публикаций в органах массовой информации в то время мне показался совершенно неожиданным и неадекватным ответом на глупость конкретного автора. Но ситуация постепенно прояснилась, когда параллельно с критикой Демьяна Бедного начали появляться книги, пьесы и кинофильмы, посвященные апологии сильных русских властителей — Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Первого. Нужно было лишь совместить оба факта. А они рисовали как бы абрис будущего страны под единовластием одного человека — Сталина. Заметим, что едва ли увлечение Сталина личностью Петра было случайностью. Еще в середине 30-х годов Н. А. Бердяев отмечал: «Приемы Петра бы-

ИОСИФ РОЗЕНТАЛЬ

Неврученные Нобелевские премии

Д

оказывать

благодарность деидеологизации науки и искусства нет нужды. Но у этого тезиса есть своя логика, которая заставляет нас задуматься самым серьезным образом о взаимоотношениях идеологии и духовной, интеллектуальной жизни внутри страны. Как должны строиться эти отношения, чтобы свобода мысли получила необходимые ей гарантии? Ответ на этот вопрос нам может отчасти подсказать и наша не столь уж далекая история.

Много уже написано о том, что пришлось претерпеть в сталинское время искусству и общественным наукам, попавшим под пресс тяжких идеологических догматов. Пострадали в тот период и естественные науки, которые, казалось бы, никак нельзя было заподозрить «в политике». И тем не менее одним из этих областей знания вообще суждено было перейти, так сказать, в разряд «врагов народа» (генетика, кибернетика), а другим — развиваться сложным, зигзагообразным путем, терпеть «проработки» и долго нести на себе печать неблагонадежности. Пример тому — непростая история советской физики.

В 1990 г. в журнале были опубликованы статьи И. Розенталя: «Чутко к боли каждого» (№ 5), «Достоенский. Булгаков и современная физика» (№ 12).

ти совершенно большевистские» (см. Н. А. Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма», — М.: Наука, 1990. — С. 12).

Перейдем к основной теме. Насколько можно судить, процент «врагов народа» среди физиков не отличался от среднего — в других слоях интеллигенции. Однако машина репрессий затронула самых лучших физиков молодого поколения: М. П. Бронштейна, Л. Д. Ландау, Ю. Б. Румера, входивших в один круг, о чем, в частности, свидетельствуют их совместные работы.

Хорошо, что мы можем теперь говорить о людях, затянутых шестернями этой машины, можем назвать их имена, почтить их память. Это важно для нас, для общественной морали. Но следует, думаю, сделать и выводы, которые были бы обращены в перспективу, важны для развития науки. Например, необходимо задаться вопросом: как скажутся репрессии на творчестве наших выдающихся физиков?

М. П. Бронштейн, будучи очень широко образованным человеком, увлекался принципиальными вопросами науки. Совместно с Ландау он сделал попытку разрешить известный парадокс Больцмана о неизбежности тепловой «смерти» Вселенной. Наибольшую известность принесла Бронштейну постинте первооткрывательская работа по квантовой теории гравитации. В те далекие 30-е годы казалось, что квантовая механика и теория гравитации не имеют ничего общего. Потребовались десятилетия, чтобы физики поняли: именно в квантовой теории гравитации находятся корни решения основной проблемы физики — построение теории, объединяющей все взаимодействия.

Бронштейн на десятилетия опередил свое время. Хотя и сейчас еще очень далеко до создания последовательной объединенной теории, однако не подлежит сомнению, что ее центральная проблема — построение квантовой теории гравитации. Думаю, что мы были бы к решению этой проблемы ближе, если бы тому не помешал такой факт биографии Бронштейна — в 1938 году он был арестован и вскоре погиб в тюрьме.

Биографию Бронштейна следует дополнить. Этот ученый был мужем Л. К. Чуковской и, по-видимому, ее повесть «Софья Петровна» — отражение личной трагедии, а гибель Бронштейна — причина известного «диссидентства» семьи Чуковских. Бронштейн, несомненно, обладал литературным даром, нашедшим свое отражение в трех научно-популярных книгах, написанных для детей и не потерявших своей свежести в настоящее время. Чтобы подтвердить мою высокую оценку, сошлюсь на авторитет К. И. Чуковского: «...я могу засвидетельствовать, что книги Бронштейна „Солнечное вещество“, „Лучи Икс“ и другие кажутся мне превосходными. Это не просто научно-популярные очерки — это чрезвычайно изящное, художественное, почти поэтическое повествование о величине человеческого гения. Книги написаны с тем заразительным научным энтузиазмом, который в педагогическом отношении представляет собой высокую ценность». (Из архива К. И. Чуковского. Г. Е. Горелик, В. Я. Френкель. М. П. Бронштейн. — М.: Наука, 1990. — С. 216).

По-иному сложилась судьба Л. Д. Ландау. Арестованный в том же 1938 году, он под давлением советской (П. Л. Капица) и международной (Н. Бор) общественности был примерно через год освобожден. Думается, что заключение было трагическим рубежом в его творчестве. Так, если в молодости он позволял себе смелые экскурсы в принципиальные, спорные проблемы науки, то затем Ландау сосредоточил свои усилия лишь на технических проблемах почти во всех областях физики. Будучи (наряду с Р. Фейнманом) величайшим физиком-универсалом XX столетия, Ландау мог без усилий переходить от одной проблемы к другой. Используя шахматную терминологию, я бы назвал его гением эндшпиля. Но «играть в свою игру», по-видимому, физик не смог и после войны, когда, казалось бы, кровавых репрессий 30-х годов ждать не приходилось. Однако ревнители идеологической чистоты не дремали.

В одной из своих ранних работ Ландау вслед за Н. Бором

высказал гипотезу о возможном нарушении закона сохранения энергии. Такая гипотеза не противоречила некоторым экспериментальным данным начала 30-х годов. Потом, когда эти данные были уточнены, надобность в гипотезе отпала и о ней забыли. Забыли, но не совсем. В конце 40-х годов появились в печати заметки с обвинениями Ландау в идеализме. В 1951 году руководство ФИАН* поручило группе физиков, куда был включен и я, рутинное по тем временам задание: написать философское эссе на тему «Масса и энергия». Поначалу казалось, что такое сочинение будет иметь стандартный характер — перевод современного физического языка на лексику, принятую В. И. Лениным в его известном произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Подобное задание было вполне в духе времени и не вызывало особых эмоций.

Однако неожиданно события приняли неприятный и даже опасный оборот. Мы получили приказ: в нашемopusе обязательно отразить «идеализм» Ландау. Схему рассуждений предложили такую: если энергия не сохраняется, то значит, исчезает и масса. А масса — символ материи. Следовательно, Ландау допускал исчезновение материи, а это уже идеализм, то есть покушение на святая святых — диалектический материализм. Публикация такого силлогизма угрожала Ландау непредсказуемыми бедрами. Я был поставлен перед тяжелейшей нравственной альтернативой. Отказаться от задания — в лучшем случае быть полностью отлученным от науки. Соглашаться — навек потерять уважение к себе. Разумеется, было невозможно и обсудить ситуацию со своими коллегами — тогда «групповое» дело было бы нам всем обеспечено.

Выход был найден в своеобразной игре. Одному из участников нашего предприятия давалось задание: написать фрагмент статьи. Когда появлялся этот фрагмент, все остальные в роли критиков с остротением набрасывались на него и его творца. Затем тема поручалась другому соавтору, который, в свою очередь, подвергался уничтожительной критике и т. д. Так выигрывалось время.

Мне трудно судить о ходе мыслей моих коллег, однако мои надежды основывались на непреложном законе системы: кампании имеют конечное время жизни. Я, кстати, не связывал его с конечностью жизни Верховного Властителя. Мне он казался бессмертным. И здесь не было никакой мистики, а трезвая оценка, основанная на весьма смутных слухах, ходивших тогда в Москве. А слухи были таковы: Сталин либо очень болен, либо уже ушел в мир иной, а его роль играет некий двойник. Вследствие моей некоторой политической наивности, эти слухи мне казались вполне правдоподобными, поскольку я был убежден, что система основана на обожествлении одного человека — Вождя, и если его не станет, то обрушится система, а в такой катастрофе погибнут и все соратники правителя. Я полагал, что примерно такие рассуждения были в ходу и «наверху», и поэтому верил в гипотезу «двойника Сталина» и, следовательно, в «бессмертие» Вождя.

Однако жизнь оказалась проще и драматичнее. Сталин действительно умер, и наше так и не оконченное сочинение превратилось в труху. Вероятно, слухи о мышиной возне вокруг псевдоидеализма Ландау доходили до него, и это обстоятельство также не стимулировало его интерес к принципиальным вопросам физики, всегда чреватых непредсказуемыми оценками.

Однако после смерти Сталина ситуация резко изменилась. Идеологический корсет на теле физики резко ослаб. Результат? Л. Д. Ландау совместно с И. Я. Померанчуком публикует прекрасную работу о внутренней противоречивости квантовой электродинамики. В этой работе высказывается замечательная мысль: теория, объединяющая гравитацию и электродинамику, должна разрешить это противоречие. Однако это объединение должно произойти при фантастически больших энергиях. Этот вывод лежит в современном русле идей, на основе которых и пытаются

построить объединенную теорию взаимодействия.

Показательна и судьба Ю. Б. Румера. Арестованный также в 1938 году, он длительное время работал в тюремной «шарашке» над авиационными и ракетными проблемами. Видимо, его полезность в этих вопросах предоставила ему некоторую возможность заниматься и физикой. После выхода из заключения он публикует статьи и книгу на тему: объединение гравитации и электромагнетизма. В своей теории Румер следует идеям Эйнштейна, но вносит новый элемент, а именно квантовую механику. Однако подход Эйнштейна-Румера оказался слишком прямолинейным. Как показало развитие физики, нужно пытаться объединять все взаимодействия, а не только гравитацию и электромагнетизм. Вероятно, поэтому у Румера не оказалось последователей, и он фактически ушел из большой физики, оставив нам несколько превосходных учебников и монографий.

Оценная деятельность Л. Д. Ландау, М. П. Бронштейна и Ю. Б. Румера, можно перефразировать известный афоризм римского поэта Квинта Горация Флакка: «Я сделал все, что мог: пусть другие сделают больше». Наши герои сделали все, что могли. Но они сделали бы гораздо больше, если бы не попали под жернова сталинской репрессивной машины.

Конечно, иногда система прибегала и к «мягкому» вытеснению прекрасных физиков из научного оборота. Так, в 20-х годах у нас физика процветала благодаря усилиям трех всемирно известных школ — С. И. Вавилова, А. Ф. Иоффе и Л. И. Мандельштама. Школа последнего — блестящего физика, теоретика и педагога — доминировала на физическом факультете МГУ. Однако незадолго до войны (насколько я помню, в 1938 году) одного из сподвижников Мандельштама сняли с должности декана физфака, назначив на его место А. С. Предводителева, который и возглавил вытеснение Мандельштама и его учеников из МГУ. Вскоре учитель и его ближайшие ученики И. Е. Тамм, М. А. Леонтович, С. М. Рытов, С. Э. Хайкин и др. — были вынуждены покинуть МГУ. Здесь важно подчеркнуть, что смена деканов на физфаке МГУ произошла одновременно с упомянутым выше резким поворотом в литературе и, вероятно, была сравнительно малым звеном в цепи фактов, которая очерчивала новое государство, созданное Сталиным.

Борьба с космополитизмом

Взаимоотношения России с иностранцами издавна носили противоречивый характер. С одной стороны, иноземцы привлекались, как теперь выразились бы, для увеличения ее научно-технического потенциала, а с другой — засилье иностранцев и их привилегии стимулировали рост националистических настроений. Особенно ярко это противоречие проявилось во время правления кумира Сталина — Петра Первого. И Сталин его своеобразно повторил. Если Петр предоставил, например, иноземцам привилегии в торговле, то Сталин — в покупке дефицита. Появление в сталинскую эпоху торгашин, с одной стороны, привлекало зарубежных инженеров и ученых, но с другой — вызывало к ним смешанное чувство зависти и некоторой неполноценности со стороны коренного населения. После окончания Великой Отечественной войны чаши весов, постоянно колеблющиеся между национализмом и интернационализмом, славянофильством и западничеством, окончательно склонились в сторону национализма. Но повинна в этом, конечно, не проблема дефицита.

Наступила «холодная война». Отношения между Востоком и Западом были фактически прерваны, и не следовало ожидать никакой внешней помощи. Этот факт вызывал тенденцию, на которой не замедлил сыграть Сталин, выбросивший новый лозунг — «уничтожить преклонение перед иностранщиной». Но как это часто бывает в условиях неограниченной диктатуры, правильная тенденция к сох-

ранению национальной самобытности постепенно начала приобретать уродливую шовинистическую окраску, а приведенная выше формула трансформировалась в призыв «вести беспощадную борьбу с «безродными космополитами».

Национализм с шовинистической окраской не возник, конечно, на пустом месте. Можно почти с уверенностью утверждать о существовании корреляции этого явления и взаимоотношений Востока и Запада. Хорошие отношения — мягкий национализм; плохие — он переходит в шовинизм. Разумеется, для системы всегда было выгодно наличие внутреннего врага — нет уже разбитых троцкистов, пусть будут космополиты. Какая разница?

Об уровне дискуссий можно судить по факту, свидетелем которого мне довелось быть. Один из ныне здравствующих известных физиков в одной из книг употребил словосочетание «периодическая система элементов» без упоминания имени Д. И. Менделеева, за что был подвергнут многочисленным разгромным проработкам. Причем на сей раз борьба велась уже на два фронта — с космополитизмом и с идеализмом. Эти обе линии сосуществовали весьма причудливо, иногда переплетаясь, иногда развиваясь самостоятельно, как бы параллельно.

Появился расхожий термин: «реакционное эйнштейнианство». Один способный математик, ушедший вскоре из большой науки, даже написал книгу «Анти-Эйнштейн», но, к счастью, не успел ее опубликовать.

Борьба с космополитизмом тем временем разгоралась. Нужно подчеркнуть, что эта трагическая страница в истории советской науки имела одну особенность по сравнению с борьбой с «врагами народа». Во время борьбы с космополитизмом люди, как правило, не исчезали. Их массами увольняли с работы, что, впрочем, было эквивалентно гражданской казни. Дело в том, что, например, слесарь (по крайней мере, в то время) может сравнительно безболезненно изменить специальность и переквалифицироваться в токаря. Настоящий физик может быть либо физиком, либо никем.

Я ограничусь лишь одним примером. На физическом факультете МГУ числом способных студентов выделялся курс набора 1938 года, давший многочисленную плеяду талантливых физиков, и сейчас занимающих руководящие посты в Академии наук. Однако, еще будучи студентами, даже на этом фоне резко выделялись своими способностями два человека — А. Д. Сахаров и П. Е. Кушин, оба ставшие впоследствии аспирантами И. Е. Тамма. Судьба Сахарова общеизвестна, а Кушин же был вместе с многими другими физиками во время кампании против космополитов уволен из ФИАН и затем ушел из большой физики, а после (насколько мне известно) и из жизни...

Параллельные течения — борьба с космополитизмом и борьба с идеализмом — в 1949—50 годах должны были слиться в единое русло и привести к разгрому физики наподобие того, как это сделал Лысенко с биологией. Но вмешалась сама судьба в лице И. В. Курчатова. Стране жизненно необходимо было совершенное атомное оружие. Я слышал от многих физиков, что И. В. Курчатов сформулировал на самом вершине такую альтернативу — разгром или бомба. Верхние предпочли последнюю. Однако попытки хотя бы частично терроризировать физиков не закончились.

Огонь был сосредоточен на школе Л. И. Мандельштама. Апофеозом этой атаки явился ученый совет в ФИАНе в феврале 1953 года. Этот совет должен был окончательно «узаконить» существование идеализма в трудах Мандельштама и завершить разгром его школы. Однако заседание прошло совсем не так, как замыслили его организаторы. М. А. Леонтович в своей исключительно смелой речи решительно отрицал какую-либо связь физика Мандельштама с идеализмом. В заключение он в прямом смысле хлопнул дверью, повергнув президиум заседания в шоковое состояние. Вероятно, смелая эскапада Леонтовича не прошла бы ему даром, но опять вмешалась судьба, карма, рок... Вскоре наступил день 5 марта 1953 года, и мелкие по сравнению с этим событиями проблемы физиков были забыты.

* Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР.

Идеи и лауреаты

Выше было рассказано о тех зигзагах, которые совершила советская физика в сталинскую пору. Чтобы поставить точку, полезно осветить эволюцию физики, обусловленную этими зигзагами. Нужно сразу же оговориться, что подобная акция крайне сложна и по необходимости несколько субъективна. Относительно просто, например, проследить временную динамику выплавки стали, но уже гораздо сложнее сделать категорические выводы о прогрессе (или регрессе) в выпуске обуви. В соответствии с официальными данными, по числу изготовленных пар (валу) Советский Союз находится на первом месте, что однако совершенно не решает проблему дефицита обуви.

Бесконечно сложнее провести сопоставление по «качеству» наук, в особенности фундаментальных. Здесь почти полностью отсутствуют количественные критерии. «Качество» же работ по физике имеет (по крайней мере, в историческом разрезе) весьма субъективный характер. Существует, по-видимому, единственный путь: сопоставление числа выдающихся работ, оставивших заметный след в науке в довоенную и послевоенную эпохи.

Чтобы свести субъективность такого сопоставления к минимуму, мы будем говорить о работах, которые получили или должны были получить самую престижную международную премию — Нобелевскую. И здесь необходимо сделать одну оговорку. В мире науки существует несколько превратное представление о том, что все Нобелевские лауреаты — это выдающиеся физики, а все выдающиеся физики — всегда Нобелевские лауреаты. Как правило, это утверждение правильно. Однако бывают и исключения. Нобелевский комитет состоит из людей, то есть подвержен внешним влияниям (в том числе и политическим), симпатиям, антипатиям и т. д. Имеется и иная, более прозаическая причина. Нобелевские премии присуждаются ежегодно. А большая физика вовсе не обязана следовать этому циклу. Однако вне сомнения, Нобелевская премия является самым престижным международным признанием работы по физике.

Для решения поставленной задачи разобьем выдающиеся советские физические работы на три класса. К первому отнесем работы, получившие Нобелевскую премию. Ко второму — работы, которые хотя премии не получили, однако их зарубежные аналоги получили; и, наконец, к третьему — те работы, которые заслуживают этой премии по моему личному (а следовательно, и несколько субъективному) убеждению. Разумеется, датировка будет приводиться не по году присуждения премии, а по периоду, когда эта работа была закончена. К первой категории относится открытие свечения Черенкова — работа эта была сделана под руководством С. И. Вавилова в 1934—35 годах и правильно интерпретирована И. Е. Таммом и И. М. Франком в 1937 году. Эта работа была удостоена Нобелевской премии в 1958 году. Отметим, что П. А. Черенков был аспирантом С. И. Вавилова, который первый понял истинность явления и дал его элементарную интерпретацию. Однако Сергею Ивановичу Вавилу даже не приходило в голову объявить себя соавтором открытия. Это особенно показательно на фоне современной практики, когда зав. лабораторией, даже не имеющий прямого отношения к определенной (хорошей) работе, как правило становится ее соавтором.

Ко второй категории следует отнести открытие комбинационного рассеяния света (резонансного рассеяния фотонов на молекулах) Г. С. Ландсбергом и Л. И. Мандельштамом в 1928 году. Аналогичная работа была сделана индийским физиком Раманом, который опубликовал ее на неделю раньше. И хотя всем ясно, что большое экспериментальное исследование нельзя провести за несколько дней, тем не менее Раман получил Нобелевскую премию, а Ландсберг и Мандельштам — нет, что, по мнению многих физиков, было великой несправедливостью. Отмечу, что в последующей истории Нобелевских премий аналогов подобной несправедливости нет.

Наконец, третий класс работ, которые заслуживают, по моему мнению, Нобелевскую премию, но по разным причинам не получили ее. Это работы А. А. Фридмана (теория расширяющейся Вселенной), цикл работ Г. А. Гамова — М. А. Леонтовича — Л. И. Мандельштама по квантовому прохождению элементарных частиц через потенциальные поля, а также интерпретация α -распада на основе такой теории В. А. Фока (создание совершенно новых и весьма плодотворных методов квантово-механических подсчетов, которые используются и до сих пор). Также мне кажется весьма важным открытие в 1940 году К. А. Петряжком и Г. Н. Флеровым спонтанного (самопроизвольного) деления ядер урана.

Итак, подведем итог. До войны за 20 лет было сделано примерно 10 работ высочайшего класса. После войны (более чем за 40 лет) — таких работ было приблизительно вдвое меньше. Следовательно, нужно признать, что по самому важному показателю — числу работ мирового класса — в Советском Союзе наблюдается регресс. А если учесть, что относительное число физиков, работающих в Советском Союзе, за эти годы существенно возросло, то этот регресс становится еще более очевидным. В чем его причина?

Естественно, особенно обратившись к вышеизложенному, сделать вывод о том, что обязано наше отступление «на физическом фронте» (а мы говорим только лишь о нем) установлению в обществе жесткого интеллектуального контроля. Наука, в том числе, разумеется, и физика, для полноценного развития требует интеллектуальной свободы. Сто ученых с самыми блестящими анкетными данными не заменят одного таланта с каким-либо «пятном» в биографии. Я мысленно «переставляю» Фридмана и Кунина. Если бы Фридман был его ровесником и изгнан из науки, например, в эпоху борьбы с космополитами, то, возможно, мы не имели бы современной космологии. С другой стороны, если пофантазировать и допустить, что Кунин родился бы на 30 лет раньше, то, может быть, мы имели бы «расширяющуюся Вселенную Кунина» или какую-нибудь иную новую блестящую работу.

Наука и искусство прогрессируют (или регрессируют) взаимосвязанно, и этот процесс, в значительной степени, определяется степенью интеллектуальной свободы.

Эволюция физики в Советском Союзе, которую я хотел кратко обрисовать, не испытывала те дикие крайности, которые были характерны, например, для биологии. Такое различие имеет простую интерпретацию: физика (а, следовательно, и физики) была необходима для вооруженной индустрии, для создания атомного оружия.

Однако есть классический пример губительного воздействия тоталитаризма на физику. В первой трети XX века Германия была центром физической мысли, Меккой для молодых физиков и математиков. Изуверская политика Гитлера привела к полному разрушению немецкой физики, разгрому, от которого немцы не могут оправиться до сих пор. Впечатляющим уроком является бесспорный факт: шовинист Гитлер, обрушивший море слов во славу немецкого народа, был тем человеком, который более, чем кто-либо другой, способствовал созданию великой американской физики и атомного оружия в США. Метаморфоза имела простую и вместе с тем ужасную подоплеку. Гитлер создал невыносимые условия для свободного развития физики и тем самым стимулировал эмиграцию выдающихся европейских ученых за океан.

Вряд ли мы можем удовлетвориться только лишь сознанием того, что нам «повезло» больше. Нужны серьезные выводы. Один из них очевиден, прост и плодотворен: тоталитаризм и прогресс науки совместить невозможно.

Кое-что из жизни Штирлица

ГИТЛЕР. Кто этот, что
все время бегаёт по
рейхсканцелярии!
ГИММЛЕР. Советский
разведчик Штирлиц. Не-
уловимый.
ГИТЛЕР. П-а-в-чему не-
уловим!
ГИММЛЕР. Да он нико-
му не нужен, мой фюрер.
Анекдот

Рейхсфюрер ошибался. Пришло время, когда Штирлиц понадобился стране-победительнице и чуть не на полтора десятилетия стал одним из самых популярных людей в СССР. Анекдоты про него — это ведь тоже результат популярности, и конечно, апофеозом его славы и карьеры стоит считать те незабвенные дни, когда по сути именно ему, народному герою, было поручено читать по всем программам телевидения биографию другого, тоже народного героя (и тоже полководца). Такого не знали ни Испания, ни США. Подумавшие, памятные Дои-Кихоту и Тому Сомеру! Дави талантам — не более. А тут — сюжет, достойный Данте. Вымышленный герой читает вымысел про своего двойника, но с более блестящей карьерой. Это был поистине перст судьбы.

Но после того случая, как сказал бы небезывестный автор «Левши» Н. С. Лесков, «судьба их начала сильно разниться»: объявленную «бессмертным» творением «Малую землю» стали дружно сдавать в макулатуру, полковника, успевшего влезть в маршалский мундир, который он до того, как и положено оказывается, всю жизнь носил в своем ранце с великим множеством фальшивых орденов, этого самого мундира лишили, хорошую славу поменяли на плохую и стали потихоньку забывать, а вот первый себя забыть не позволил. Штирлиц с достоинством продолжал свои подвиги. И продолжает. Загляните в любой книжный магазин. Там, в разделе договорных цен, он на самом боевом посту. Немножко, конечно, сдал, за арбатскими детьми и ленинградскими интердевочками на короткие дистанции ему не угнаться, но он теперь за стейера себя выдает. Возраст как-никак. Стаж. Да еще он, как истинный разведчик, пританис на довольно расплывчатой грани легкого читаво-детектива, исторической или политической сплетни и фактической канвы. Хорошо пристроился. Литературная критика, та, что посерьезнее, упорно делает вид, что Штирлиц нет в литературе, а просто «на основании фактического материала рассказывается о героическом труде тех, кто охраняет безопасность нашей страны», а историкам спорить с беллетристикой вроде не с руки, ну а что касается тех, кто охраняет, то ведь они охраняют, а не пишут. (Пожалуй, пока генерал Калугин — единственное исключение, но не о нем речь.) Хитрого Штирлица оказался вроде бы вне закона досягаемости, но он допустил серьезный просчет — романы о своих подвигах он (возможно, для вящей убедительности) назвал документальными.

Документ такая штука, что можно и проверить.

Проверить, пожалуй, лучше всего то, что общеизвестно, да и самому Штирлицу это принесло львиную долю лавров — речь, как можно догадаться, пойдет о семнадцатилетнем его мгновении в Берлине весной 1945 года.

Вкратце «легенда». Штадартенфюрер СС Штирлих служит в РСХА, что на Принц-Альбрехт-штрассе, 8, тел. 12-00-40, в отделе Шелленберга (заграничная разведка и контрразведка), живет в Бабельсберге под именем инженера Болзена (тел. 42-75-41), имеет личный автомобиль марки «Хорьх» № ВРР-821. При всем этом он еще и советский резидент «Юстас» (полковник Исаев) с подчиненными ему радистом и шифровальщиком («Эрвин» и «Кэт»), которые проживают в Кёппене (район Берлина). Их группа получила задание выяснить, кто именно из фашистского руководства подталкивает (или провоцирует) западных союзников на отдельные переговоры с Германией.

Штирлиц начинает действовать. Пишет анонимное письмо и отправляет его секретной почтой рейхсхляйтеру Борману, потом звонит ему по телефону правительственной связи (тел. 12-00-54) и договаривается о встрече. Но в это время в результате бомбеж-

ки района Кепеник погибает «Эрвин»; а беременная «Кэт» получает ранение в роддоме «Шарите» рождает ребенка, где и выдает себя тем, что кричит по-русски. Штирлиц вынужден решать помимо основной задачи, на которую он ориентировал пастора Шлага, еще проблемы связи (профессор из «Пергамона» Плейшнер), спасения редистки и самосохранения в поединке с шефом гестапо Мюллером. Штирлиц выполняет основное задание, спасает редистку и с новым заданием возвращается в Берлин 18 марта 1945 года.

Вот, собственно, вся история, квинтэссенция, известная всем читателям документального романа, ставшего без особых изменений сценарием телесериала, который с непостижимой скоростью стал обладателем всех мыслимых премий. Штирлиц стал национальным героем. И вот парадокс. Все герои зстойного времени сдсли, поблекли или объявлены антигероями, а Штирлиц непоколебим. Он вроде бы даже остался за пределами сио-минутной суматохи, но, тем не менее, поре бы взглянуть на него пристальнее.

Шпионы, как правило, попадают на мелочах. И вот оказывается, что в семнадцати его мгновениях, наверное, таких возможностей попасться, по крайней мере, вдвое больше, чем этих самых мгновений. Не будем голо-

«Мелочь» первая. Разведчик (или писатель, который взялся о нем писать) должен знать свои «театр военных действий», быть «как все», что его окружает, и хорошо знать собственную «легенду» проживания. Это элементарно, и доказывать это не надо, потому что Штирлиц, слава Богу, не единственный разведчик, которого знает человечество.

Но одна только машина марки «Хорьх» с номером ВКР-821 способна была погубить героя. Дело в том, что все четыре модификации автомобиля этой марки в Германии 1945 года были «представительскими» машинами высокого класса (не что вроде нашей нынешней «Чайки»), и скромный инженер Бользен, и штандартенфюрер из разведки СС обязаны от нее отказаться, а уж советский разведчик, зная, что машины марки «Хорьх» составляют менее одного процента легковых автомобилей рейха, должен ужаснуться только от одной мысли, что ему придется пользоваться ею при тайных передвижениях. Проще и для СС, и для советской разведки было бы подобрать что-то из пяти приличных модификаций «Опеля» (36,8%) или трех модификаций «ДКВ» (17,9%), «Даймлера» (9,4%), не опускаясь до «Фольксвагена» фирмы «Адлер» (6,9%). С номером злостного «Хорьха» тоже не все в порядке. Штирлиц привинтил себе трехбуквенный номер, когда во всем рейхе были одно- или двухбуквенные. Как исключение, трехбуквенными были только часть дипломатических номеров, бывшие немецкими аббревиатурами названий государств (Англия, Мексика, Чили), а буквы В («дубль-ве») была принадлежностью военных номеров СС; полиция и почта имели свои обозначения, остальные — в зависимости от территориальной принадлежности (в частности, берлинские начинались только 1А). С номером Штирлиц явно оказался не на высоте, и поэтому гестапоцы проявили вполне посто-

вое любопытство, мотаясь за таким монстром по Берлину, но сами оказались не лучше преследуемого — отравились в погони на машине «Вандерер», что и выдало их Штирлицу, потому что марка оказалась такой редкой (4, 4%), что даже советский разведчик, наконец, обратил внимание.

3

Гестаповцы доложили о сумасшедшем Мюллеру, а Штирлиц написал Борману анонимку (на машинке экспедиции РСХА во время налета) и «сунул» в секретную почту. Экипажи обеих экзотических машин опять поставались перешеголять друг друга. Германия — страна с устоявшейся, единообразной системой письменного общения. Обязательно должны были присутствовать все реквизиты: адресат, ведомственная принадлежность его, ранг, степень секретности, дата. Содержание письма должно строго отвечать на вопросы: «что?», «почему?», «сколько?», а его размер должен был быть кратным единицам стандарта — ДИН. Нелишне было бы сказать, что вся переписка НСДАП велась только на готических шрифтах, «латиница» не допускалась. А теперь стоит подумать, возможно ли при таком отношении к простой переписке что-то «сунуть» в секретную? Там, где количество писем должно строго соответствовать реестру? Возможен ли вход в помещение с такой перепиской построннему (даже во время налета)? Равно, как и в комнату правительственной телефонной связи? Думаю, что надо честно ответить отрицательно, хотя о телефонах можно поговорить подробнее, но ниже. А пока придется констатировать, что цидульку-анонимку Борман практически не имеет шансов получить. Не надо быть немцем, чтоб знать, что за подобные отправления кто-то расписывается и кто-то комплектует их к отправке.

Отдадим должное Штирлицу, вполне вероятно, что на стол рейхсleitера анонимку положил он сам. Больше просто некому, но факт есть факт: Борман ее получил, понял, что написавший такое никак не может быть офицером СД (почта ведь пришла оттуда!), и, добавок, обязательно сделал нагоний всем по всей ступени подчиненности — он же был самым главным делопроизводителем нацистской партии, — и забыл.

Однако товарищ Юстас оказался настоящим. Он прокрался в кабину правительственной связи и набрал номер 12-00-54. Не стоило бы так рисковать. Можно было позвонить из любого автомата, потому что по правительственной связи нельзя набрать обычный городской номер абонента. Именно таким был телефон, по которому звонил Штирлиц. Но на этом его заключение не кончилось. Вспомним, как дальше: «— Борман, — услышал он в трубке низкий сильный голос». И тут Штирлиц оплошал. Не спросил имя. Ответил ему действительно Борман, но не заместитель Гитлера по партии, Мартин, а его однофамилец, тоже партайгеноссе, адъютант фюрера от партии (были еще от армии, СС, целых 5 управлений канцелярии), единственный, кто мог откликнуться по телефону 12-00-54 — Альберт Борман.

Советские граждане знать это не обязаны, а вот товарищ Юстас, занимая в гитлеровской иерархии какое-никакое положение, должен был знать, кому звонит, да и как туда надо дозваниваться.

После таких финтов подопечного Мюллер решил присмотреть за штандартенфюрером. А тот после бомбежки в Кепенике возьми да и отвези раненую радистку Кэт в «Шариту». Безродная жена инвалида войны оказывается в самой фешенебельной клинике Берлина «Харите» («СН» по-немецки читается «Х»), где лечение было платным и стоило до 18 рейхсмарок в день. «Харите» — самое мощное медицинское учреждение тогдашнего Берлина — состояло из более чем двух десятков институтов, клиник, поликлиник, но все они были для состоятельных людей, а радисток полагалось возить в окружную больницу Кепеника на Акенбахштрассе, 4 (тел. 64-20-11), потому что годовое пособие ее погибшего мужа было не больше 2,4 тыс. рейхсмарок, что в месяц составляло всего 200 (и это без уплаты налогов, без учета стоимости патента и при военной дороговизне продуктов).

Радистка понимает, что попала не туда и, сбегав, звонит резиденту прямо на дом, в Бабельсберг по телефону 42-75-41. Странно, что она дозванивается, потому что это — явно не тот телефон, номера Потсдама-Бабельсберга все, без исключения для советских разведчиков, начинались на цифру «В». Оттуда они — радистка и резидент — сматываются в Швейцарию на своем «незаметном» «Хорьхе», ориентируясь по дорожным указателям голубого (совсем как сейчас!) цвета. Указательные знаки с принятым в то время желтым полем по чьему-то указанию были сняты. Возможно, тут постарался сам рейхсфюрер, как шеф полиции.

На этом можно закончить адресно-телефонно-автомобильную справку, хотя сюда бы прекрасно вошли музейные похождения героя, например, встреча со школьниками в университетском музее — именно таким являлся музей природоведения, бывший не только музеем, но и одновременно четырьмя институтами: петрографическим, геолого-палеонтологическим, зоологическим, благородных металлов и самоцветов. Туда и штандартенфюрера могли не впустить, поскольку он туда инкогнито отправился, в гражданском, а уж про школьников, да «попыхах» организованных, со «стукачкой»-учительницей — тем более.

Короче говоря, поиск документальности в картинах Германии тех лет по похождениям Штирлица проводить нельзя, потому что ее там просто не существует.

4

Теперь о месте службы штандартенфюрера. Это РСХА, имперское управление безопасности, где Штирлиц в сжатые сроки (с 12.2 по 18.3 1945 г.) «прокручивает» свои головокружительные операции. Читатель, наверное, помнит такую фразу: «Когда Мюллеру доложили, что Штирлиц идет по коридору РСХА, направляясь в свой кабинет, он на мгновение растерялся».

Было отчего! Здание РСХА сгорело при бомбежке 31 января того же года, и хождения по пепелищу полтора месяца спустя после пожара удивило бы любого.

Не было у РСХА и «местных» отделений. Представьте себе, что прогуливаясь по Воронежу или Одессе, вы подходите к зданию, на котором написано: «Местное отделение Верховного Совета СССР». Вы наверняка будете вести себя так же, как немец, узнавший про существование «местных» отделений РСХА вместо обычных подразделений СД.

Все упомянутое и в самом деле мало, свидетельства о незнании не то Штирлицем, не то автором Германии 1945 года. Правда, этих мелочей вполне достаточно, чтоб раз и навсегда забыть о «документальности» «Мгновений».

Но, может быть, разведчик верно информировал Центр о сепаратных переговорах? Это ведь главное, это уже история, где искажения недопустимы. Что же произошло на самом деле, когда на пороге поражения Гитлер попытался расколоть союзников? Привлечение внимания политических кругов к инициативе Германии должна была обеспечить миссия Клейста в Стокгольм, где он вел первый тур переговоров с сионистским функционером Шторхом об освобождении 4300 евреев. Шторх поставил в известность посла США Олсона. Затем круг участников и лиц, осведомленных о переговорах детально, стал быстро увеличиваться: рейхсминистр Риббентроп, граф Бернадотт, Гиммлер, шведский банкир Валленберг, советский посол Коллонтай, Гессе. В частности, Александру Коллонтай детально ознакомил с содержанием переговоров Валленберг. Дальнейший путь информации в штирлицах не нуждался. Но внезапно звонком из рейхсканцелярии (звонил Вальтер Хевель) Риббентропу и Гессе дальнейшие переговоры были воспрещены.

С швейцарскими переговорами еще проще. О факте переговоров с Вольфом советскую сторону официально уведомили союзники, но отказали в участии представителю генштаба Красной Армии под предлогом локальности объекта переговоров (Сев. Италия). Только это вызвало подозрительную реакцию Сталина в упомянутом письме Рузвельту. Кстати, в письме Молотова, «амонтированном» в «Мгновения», содержится почти полный ответ на вопрос участия Штирлица в этом деле. «Подтверждая получение Вашего письма по поводу переговоров в Берне между германским генералом Вольфом и офицерами из штаба фельдмаршала Александра...» — дальше цитировать ни к чему, потому что от «бойца невидимого фронта» ничего не осталось. Может быть, кому-нибудь жалко расставаться с нескоро состряпанной сказочкой о «глубокой достоверности», но это необходимо сделать, потому что читателю нужны не «правдоподобные» версии, а сама правда, зерна, отделенные от плевел. Потому похождения Штирлица должны называться не документальными романами, а так, как они того заслуживают, — чтivism

Майор ПРОНИН, не только литературный герой

НЕО-СИЛЬВЕСТР

Кто совершил злодеяние?!

Внезапная кончина в 1934 году в Риге великого русского певца Леонида Витальевича Собикова вызвала в тогдашней печати многочисленные, но лаконичные сообщения. Никому не приходило в голову искать загадку там, где ее, казалось, не было. Воспоминания, которые публикуются ниже, проливают, однако, новый свет на смерть артиста и придают этому печальному событию неожиданно трагический оттенок. Воспримем их как версию, но весьма правдоподобную. Остается добавить, что воспоминания появились в парижском журнале «Возрождение».

Л. В. Собиков 1926 г.

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

Пушкин

1. Сенсации, поразившие Ригу

12-го октября 1934 года все население латвийской столицы Риги, особенно русское, было потрясено кратким официальным сообщением об убийстве главы православной Церкви в Латвии и члена Сейма — архиепископа Иоанна.

Не успело русское население прийти в себя от этой потрясающей вести, как вечером того же дня по улицам города неслись, как табун степных лошадей, мальчишки-газетчики с оглушительными криками:

«Экстра-телеграмма: подробности загадочного убийства архиепископа и внезапная смерть знаменитого русского певца Собинова».

Люди наперерыв требовали экстратедеграмму: некоторые буквально вырывали из рук газетчиков печатные листки и тут же жадно пробегали глазами напечатанное.

Эта новость поразила и меня: ведь лишь неделю тому назад я, как сотрудник русской газеты, беседовал с архиепископом там, на даче, где он теперь зверски убит.

Но при чем тут почти одновременная смерть Собинова? Архиепископ Иоанн, по происхождению — латыш — Поммерн, из лифляндских крестьян, по окончании Рижской духовной семинарии поступил в Киевскую духовную академию, где и принял монашество. В 1912 г. — он архидьякон, 36 лет, немного позже — архиепископ в г. Пензе. По прибытии в Ригу, он в 1921 г. избирается главой латвийской православной Церкви, а через четыре года он проходит по списку православных и объединенных русских организаций в Латвийский Сейм. Там я, в качестве парламентского корреспондента, впервые увидел его и познакомился с ним. Высокого роста, плечистый, умные, большие глаза с орлиным взглядом, толстые губы, слегка скрываемые большой, окладистой бородой, энергичная и даже величественная походка архиепископа невольно привлекали внимание всех.

Каждое выступление его в сейме было своего рода политическим событием и вызывало в палате депутатов много оживления, так как он был блестящим оратором и природным борцом со злом, особенно с марксистами, в которых видел ярых врагов не только Церкви, но и каждого правового государства. А в Латвии в то время марксисты, главным образом, социал-демократы, имели в сейме из общего числа 100 депутатов — 32 представителя, плюс еще 4 меньшевики и один бундовец, всего 37 человек, весьма влиявших на политику парламента.

«Социалистическая рабочая партия», как официально именовали себя латвийские соц.-демократы, относилась дружелюбно к коммунистам, и последние под их крылышком быстро развили в стране свою преступную деятельность: только благодаря правому крылу сейма во главе с крестьянской партией (Карл Ульманис) большевикам не удалось сразу захватить власть в республике, и им пришлось довольствоваться подпольной работой и шпионажем в пользу восточного соседа, ожидавшего лишь благоприятного времени для прыжка в Прибалтику.

Пробыв несколько лет в России при господстве большевиков, архиепископ Иоанн много претерпел там, а еще больше он видел ужасов и страданий русского народа от коммунистической власти и познал природу большевизма.

Все речи владыки в Сейме носили характер страсти, лишь только они касались марксистов (он всегда так именовал большевиков) и вольных или невольных их пособников. В речах Иоанна открывалась его клокоущая бурным гневом душа, порой, казалось мне, далекая от иносеческого смирения, но всегда правдивая и не терпящая компромиссов с безбожниками, кто бы они ни были.

Свои аргументы архиепископ подтверждал доказательствами, часто с гневом потрясая на кафедре убийственным для марксистов документом, чем вызывал на скамьях их бешеный шум и негодующие крики.

Я невольно восторгался доводами оратора и его замечательной способностью пользоваться тем или иным документом, уничтожающим доводы противников.

— Скажите, пожалуйста, владыка, вы не опасаетесь гнева большевиков, особенно тех, с Юрьевской улицы (сов. полпредство)? — спрашивал я архиепископа в кулуарах сейма.

— А что они сделают мне, ведь я правду говорю, пусть докажут, что я не прав. Ведь я только открываю кое-какие их тайны, помните, в Евангелии от Матфея сказано, что нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано, — улыбулся владыка.

Служил владыка весьма торжественно и благолепно. Величавая осанка в архиерейском облачении, мощный голос с понижением при переходе к смиренной просьбе, наконец, произносимые трогательно и с большим чувством молитвы — все это производило на молящихся неотразимое впечатление, и они проникались глубоким, молитвенным настроением.

Часто в соборе архиепископ обличал атеистов, сеющих безбожие в стране. И эти проповеди, быстро доходившие до ушей его врагов, раздражали их. Недоброжелателей владыка имел немало, даже среди духовенства, так как он был довольно суров по отношению к тем, кто не исполнял своего пастырского долга.

Зато среди русского населения и в Риге и в провинции архиепископа не только любили, но многие его боготворили, в чем я убедился из разговоров с ходоками и членами делегаций, приходивших к владыке как к члену сейма, с разного рода просьбами.

2. В сетях интриг и сплетен

Первую серьезную неудачу потерпел глава православной Церкви в борьбе за здание православного Алексеевского монастыря, которое в силу конкордата латвийского правительства с Ватиканом было передано епископу католической Церкви в Латвии. Дело в том, что католики по тому же соглашению получили, кроме того, лютеранскую церковь св. Якова, когда-то принадлежавшую католикам. Эта церковь находилась против Алексеевского монастыря, почти в центре города, рядом с сеймом.

Дом монастыря против Яковлевской церкви был предложен католическому епископу, товарищу председателя парламента, быв. профессору СПб. Императорский Католической Академии Иосифу Ранцану.

Архиепископ Иоанн незамедлительно повел борьбу за Алексеевский монастырь со свойственной его могучей натуре страстностью и горячностью, но вернуть монастырь не мог. Тогда он в знак протеста отказался жить в предоставленном православной Церкви доме и поселился в подвале православного собора, что находится на центральном месте латвийской столицы — на бульваре Свободы.

Подвал был довольно сырой и вообще непригоден для жилья, тем более для резиденции главы православной Церкви.

Там, к великому неудовольствию латвийского правительства, архиепископ Иоанн принимал и знатных иностранцев. Летней же своей резиденцией он крайне неудачно избрал принадлежащую православному приходу двухэтажную дачу, которая находилась довольно далеко от города на пустынном берегу Киш-Озера, за еврейским кладбищем. Там же владыка часто отдыхал и в зимнее время. Туда неоднократно приезжал и я побеседовать с владыкой по тем или иным вопросам, касающимся русского меньшинства в Латвии (ок. 200 тыс.) и интересующим наших читателей (газ. «Слово»).

Беседовать с иерархом было большое удовольствие:

в нем сочетались русская культура и наблюдательность с латышскими трудоспособностью и упорством, порой переходящим в упрямство. Каждый раз при моем разговоре с ним он, как римский Катон, повторял, как, вероятно, и другим собеседникам, свое предупреждение: «На свою беду сближается Европа с этими безбожниками».

В Риге архиепископ знал положительно всех, не только государственных людей, бывших его «однокашников» в царское время, но и обыкновенных простых горожан.

Между тем его многочисленные враги, главным образом политические, энергично работали, сплетая вокруг него густую сеть интриг и распространяя по городу гнусную клевету, пятнающую его доброе имя не только как пастыря Церкви, но и как человека.

Кто именно занимался этим мерзким делом — трудно сказать: Рига в то время кишела советскими шпионами, международными авантюристами и вообще искателями приключений, готовыми за доллар на любую подлость.

Сначала враги архиепископа пустили по городу в виде пробного шара «слухок» о каких-то якобы любовных утехах Кишозерского пустыльника с одной неуравновешенной девушкой, посещающей его на даче. Затем пошли доносы относительно денежных недочетов в кассе православного собора.

Архиепископ Иоанн, получив такое «донесение», срочно назначил ревизию денежных сумм собора, которая подтвердила правильность доноса. Отсюда ясно было, что враги владыки имели сочувствующих в самом соборе.

Справедливый и требовательный в отношении себя, архиепископ был не менее суров и даже крут к своим подчиненным, особенно к провинившимся духовным лицам. Рассмотрев дело о нехватке сумм в кассе, владыка устранил ключаря собора, священника Зайца, запретив ему совершение треб, а затем, когда недостающая сумма не была в известный срок покрыта, направил дело о растрате церковных денег в прокуратуру.

Ободренный успехом доноса, кто-то из «доброжелателей» прислал владыке полуофициальное донесение на вопиющие неурядицы в кассе Петроавловского братства, где казначеем состоял известный своим прекрасным басом протодьякон.

Ревизия обнаружила недостачу внушительной суммы денег. И его архиепископ лишил сана и предал суду. Число врагов строгого архиепископа уже в самом кафедральном соборе увеличилось. Когда эти и другие, уже не подтвердившиеся, доносы не поколебали доверия и уважения прихожан к архипастырю, тогда тайные враги от сложных интриг перешли к помощи наемных воров и убийц.

За несколько дней до закрытия навсегда сейма (переворот Карла Ульманиса 15 мая 1934 г.) член сейма Янис Поммерн, он же архиепископ всея Латвии, выступал с кафедры сейма, не помню точно, по какому поводу.

Владыка значительно похудел: на лице его появились крупные морщины, а в глазах заметно было какое-то беспокойство. По всему видно было, что эта кампания гнусной травли врагов подточила его здоровье.

Он произнес громовую речь против вожаков крайних левых партий, ведущих, по его словам, Латвию к гибели, разоблачал их в предательской работе на пользу большевиков и снова несколько раз потрясал папкой, указывая, что в ней находятся убийственные документы, изобличающие подлую работу латышских марксистов и их пособников, даже из правого лагеря.

— Настанет день, когда вот эти документы сделаются достоянием гласности, и народ узнает виновников в его бедствиях, и он ужаснется и наполнится гневом...

Разразился небывалый скандал: социал-демократы вскочили с мест, крича «вон, вон», а некоторые из них, потрясая кулаками, грозно бросились к оратору.

Спокойно стоял архиепископ на кафедре, ожидая, когда улягутся страсти на левых скамьях. Когда, наконец,

председатель сейма водворил порядок, оратор продолжал, улыбаясь:

— Этот шум, свист и улюлюканье напомнили мне случай, происшедший со мною очень давно в одной из деревень на юге России. Однажды ночью за мной, тогда еще молодым священником, заехал крестьянин и повез меня к своей умирающей матери. При въезде нашем в одну из деревень на нас напали с яростным лаем и визгом собаки с очевидным желанием наброситься на меня и разорвать на куски. «Не бойся, батя, — сказал мне возница, — это они приветствуют тебя на своем собачьем языке».

Что говорил дальше оратор, разобрать нельзя было вследствие невероятного шума, в котором потонул даже звон председательского колокольчика.

Заседание пришлось закрыть. Эта речь была «лебединой песней» архиепископа в сейме.

3. От клеветы — к действиям

Вскоре после этого инцидента политическая деятельность архиепископа Иоанна окончилась с закрытием сейма «на время» Карлом Ульманисом, который 15 мая 1934 г. принял на себя всю полноту власти. Но таинственные враги иерарха не прекратили своего преследования, наоборот, усилили его.

В тот же год, в августе месяце, в отделе хроники местных газет появилось сообщение о неудавшейся попытке воров проникнуть на дачу архиепископа в Киш-Озере «с целью кражи», — подслеповатый старик вовремя обнаружил воров, пытавшихся перебраться в сад через забор.

Встревоженные этим происшествием прихожане собора предложили любному архипастырю охранять его по очереди, но архиепископ категорически отказался от охраны, указав на Бога как лучшего защитника.

Но не прошло и трех недель после этого покушения «на кражу», как была совершена новая попытка злодеев проникнуть на дачу владыки: на этот раз громадного роста детина влез ночью в окно нижнего этажа дачи, но соскочившая на пол, попал в крепкие объятия самого хозяина, после чего уже сам иди к двери не мог.

— Немного помял я его, наверно он чувствовал себя, как в лапах медведя, — говорил мне, смеясь, владыка во время моего визита на следующий день после этого события.

— Куда же вы отправили этого типа, в полицию?

— Зачем в полицию? Он достаточно наказан, обещал исправиться и второй раз не приходить ко мне...

— Почему же вы не приобретете себе револьвера — ведь вас могут убить?

— Монаху револьвер?! Что вы говорите! На все Господня воля, — сказал, крестясь, владыка.

— И чего ищут у вас воров? — спросил я, стараясь вызвать у собеседника прямой ответ на интересующий меня вопрос.

— У бедного монаха воров хотят найти что-то другое, кроме денег и драгоценностей, ведь они прекрасно знают, что церковные деньги хранятся в более надежном месте, чем здесь на даче, среди леса и на пустынном берегу Киш-Озера... Нет, так называемые «воры» — просвещенные люди и хотят у меня получить воровским способом то, чего они открыто, законным путем достать не могут.

— Так, понмаю. Уж не документы ли так тревожат ваших недоброжелателей? — спросил я осторожно.

— Да, пожалуй, вы правы: эти самые документы марксистам и их пособникам спать не дают, а бороться с этими безбожниками — наш общий долг...

На этом кончилась моя последняя беседа с главой православной Церкви в Латвии. Архиепископ встал, просил передать привет нашей редакции и с доброй улыбкой крепко пожал мне руку, которую я уже на дворе расправлял, думая: «Ну и богатырская же рука у этого современно-

го Пересвета! Вполне понимаю плачевное положение вора, сжатого его могучими руками...» Тут же я заметил, что никого на даоре не было: сам владыка открыл мне двери и сам закрыл их на замок. У сторожа в огороде копались среди грядок две старушки-монахини. Я поклонился им, но они даже не взглянули на меня — и я пошел к выходу мимо церкви св. Иоанна.

4. В отеле «Петроград»

«Неудивительно, что убийцы незаметно проникли на дачу архиепископа и убили его», — подумал я, стоя с экстренной телеграммой в руке.

Ну, а теперь скорее к месту происшествия — на Киш-Озеро, — и я быстро вскочил в вагон трамвая номер 12.

В вагоне, где я занял место ближе к выходу, было полно. Все говорили только о страшном, небывалом для Риги убийстве архиепископа.

— Но какую роль в этом деле играл артист Собинов? Ведь он был найден мертвым в отеле «Петроград» через несколько часов после убийства владыки... странное совпадение, — спросил по-русски популярный на Московском форштадте врач, типичный земец из чеховских персонажей, какого-то урюмого господина с подстриженными усами.

Тут только я вспомнил, что от волнения я не прочел, как следует, вторую часть телеграммы.

«В самом деле, почему Леонид Собинов скончался в такой короткий промежуток времени после убийства владыки?» — спросил я себя, вынимая из кармана помятый листок. Я углубился в чтение. Вот что, приблизительно, было напечатано:

«В ночь на 12 октября с. г. на даче православного архиепископа Иоанна Поммерна, что расположена на глухом берегу Киш-Озера, возник пожар. Вызванные пожарными чины уголовной полиции во втором этаже этой дачи нашли в сенях на верстаке, принесенном, видимо, преступниками из столярной мастерской православного иерарха, на снятой с петель двери обуглившийся труп архиепископа.

Труп почему-то был прикреплен проволокой к этой двери на верстаке. Борода сгорела. Ноги совершенно обуглились. Лицо было обезображено до неузнаваемости. На месте трагического происшествия прибыли начальник уголовной полиции Тифенталь, судебный следователь по особо важным делам и прокурор г. Карчевский. Энергичное следствие по делу загадочного, зверского убийства главы православной Церкви и бывшего члена сейма Иоанна Поммерна продолжается».

Насколько помню, содержание второй телеграммы под крупным заглавием

«ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ТЕНОРА СОБИНОВА»

гласила: «Рига, 12-го октября. Сегодня днем в отеле «Петроград» внезапно скончался в номере отеля известный русский оперный артист Леонид Собинов. Вчера певец прибыл из Германии, где он лечился в Наугейме. Артист направлялся в Москву, у нас же он остановился для свидания с супругой, пребывающей в Риге. Вызванный врач констатировал внезапную смерть, вызванную разрывом сердца. Похороны знаменитого артиста состоятся в Москве, куда тело артиста будет отправлено».

Собинов, Леонид Витальевич! — Знаменитый лирический тенор! Его хорошо знала не только вся Россия, но он был известен и далеко за ее пределами. Билеты на оперные спектакли с его участием брались с бою. Его выступления в дореволюционное время считались крупным художественным событием в том городе, куда он приезжал. Красивая наружность, прекрасный голос, приятные манеры и высокая культура — до своей артистической карьеры он был присяжным поверенным — окончательно покоряли всех, кто только слышал или видел его. Количе-

ство поклонниц и поклонников Собинова соперничало с количеством «шалапинцев», главным образом вследствие обаятельности вечно юного Собинова. Рижанам было известно, что знаменитый тенор ежегодно, проездом в Германию для лечения, останавливался в нашем городе, где жила его жена. Тут же он неизменно поздно вечером или рано утром посещал архиепископа Иоанна. По словам владыки, Леонид Собинов остался глубоко верующим христианином, исполнял свой христианский долг и много молился...

5. В поисках тайны убийства

Мои воспоминания о Собинове были прерваны кондуктором, который спросил:

— Вам, господин, куда билет, наверно, к месту убийства русского бискупа — к Киш-Озеру?

— Правильно, а что?

— Да спешите-то напрасно: вся полусгоревшая дача бискупа оцеплена полицией — там сам прокурор и префект полиции. Доступ на дачу воспрещен даже корреспондентам газет, — сказал кондуктор, вручая мне билет.

— Ну, префект-то меня знает: пропустит...

— Не думаю — даже редактора газет возвращались ни с чем... Ну и разбойники пошли нынче, а ведь часто выдавал я бискупу билеты на проезд, вот как вам, частенько ходил он метровыми шагами в свой глухой, медвежий угол.

Доехали до конца. Я быстро сошел и направился по знакомому пути мимо мрачного еврейского кладбища, а оттуда по пустырю к озеру через редкий лесок. Недалеко от берега стоял полицейский, который убеждал тех, кто шел на дачу архиепископа, идти обратно, так как велено никого не пропускать.

— Позвольте, я корреспондент, — сказал я полицейскому, показывая ему свою профессиональную карточку. Не помогло:

— Приказано никого не подпускать к месту убийства. Делать нечего — пришлось отправиться домой ждать дальнейших официальных сообщений и вместе с тем продолжать свои частные розыски.

На обратном пути, уже в городе, я встретил нашего сотрудника Цветкова, дававшего в газеты новости о происшествиях в столице. Он уже успел рано на рассвете побеседовать почти со всеми прикосновенными к расследованию убийства лицами. Он даже сумел, несмотря на запрещение, издать взглянуть на лежащий на верстаке труп мученика-архиепископа. Недаром Цветкова называли королем латвийских репортеров:

— Ближе не подпустили, но все же я хоть на мигновение взглянул на тело архиепископа и содрогнулся: жуткий вид. Не дай Бог видеть. Но в гостиницу, где лежало тело Собинова, не впустили: там распоряжался какой-то тип из полпредства...

— Все это дело не только кошмарное, но и весьма загадочное, я сказал бы — крайне таинственное, — почти шепотом прибавил Цветков.

— Впрочем, я проголодался: зайдемте к «Робежнеку», там я кое-что расскажу, все равно напечатать нельзя, — сказал он, открывая дверь в излюбленный рижскими журналистами ресторан на Мельничной улице.

Несмотря на сравнительно раннее время, в ресторане было уже много посетителей, главным образом, журналистов.

Нетрудно было догадаться, что головы всех были заняты одной мыслью о Киш-Озерском кровавом событии. Но точного и ясного ответа не находили.

Одни основывались на свидетельских показаниях, достоверность которых некоторыми журналистами оспаривалась, другие — на верных слухах — последние в населении ежечасно множились, — но большинство сходилось

на том, что, судя по обстановке этого страшного преступления, убийцами были большевики и их пособники, среди последних называли политических врагов преосвященного Иоанна, которых он немилосердно разоблачал в сейме.

Другие журналисты находили, что в устранении его были заинтересованы лица, прикосновенные к растратам церковных сумм, отданные архиереем под суд. Третьи уличали в невольном пособничестве внезапно скончавшегося в отеле «Петроград» артиста Собинова: убийцы, говорили они, знали, что набожный артист поздно вечером посещал владыку. В роковой вечер чекисты проследили артиста, и, когда он находился на крыльце киш-озерской дачи в ожидании появления владыки, — последний лично открывал дверь, — злодеи, как только появился хозяин дачи, выскочили из засады, оттолкнули Собинова в сторону и ворвались в дом, где и совершили свое гнусное дело. Некоторые к этой версии добавляли, что часть чекистов прибыла к даче озером на моторной лодке, а часть чекистов будто бы привезла на автомобиле к даче артиста — эта версия была сразу же отброшена как не имеющая солидных свидетелей. Наконец, третьи подтверждали официальное сообщение о том, что Собинов скончался от разрыва сердца в отеле, откуда он по приезде из Германии не выходил. Умер же он внезапно, узнав о страшной смерти любимого им архипастыря.

Хотя достоверность этой версии ослаблялась отказом полпредства судебным властям в просьбе вскрыть тело умершего артиста, она казалась наиболее вероятной.

«Ворвавшись в дом, преступники прежде всего набросились на владыку и после отчаянной борьбы связали свою жертву, переправив ее наверх. Одновременно другие злодеи перерезали все провода и действовали спокойно до рассвета.

Затем они замучили архиерея и подожгли дачу, чтобы замести следы этого злодеяния. И если бы сосед, живущий недалеко от места преступления, случайно заметивший пожар, не сообщил в пожарную команду о пожаре, мы все даже не подозревали бы об ужасном преступлении на архиерейской даче», — закончил Цветков свой рассказ журналистам.

Все были потрясены дьявольским планом преступников. Старый и опытный журналист, редактор близкой к правительству газеты, призывал к сугубой осторожности при даче материала в газеты, так как в данном случае заинтересован «наш великий восточный сосед» и он может причинить нашему правительству большие неприятности. «Вероятно, не сегодня-завтра наши власти выявят свое отношение к информации по этому крайне загадочному делу», — сказал он, прощаясь с нами.

Покинули мы ресторан в подавленном настроении. Цветков и я, не стовариваясь, повернули к набережной Двины. Погода была чудесная. С реки тянул приятный прохладный ветерок. Мы прошли по Замковой площади мимо Петроградской гостиницы в надежде что-нибудь увидеть или узнать о причинах смерти Собинова, потому что мы весьма сомневались в официальной версии кончины выдающегося артиста. Таких, как мы, якобы прогуливающихся, оказалось довольно много, но и полиции, тайно и явной, было немало.

Все попытки Цветкова, лично знакомого с чинами угрозыска, получить новости не дали результатов. Мы видели несколько чинов из полпредства, которые с озабоченными лицами свободно входили в отель. Видели даже, как доставили из похоронного бюро гроб для Собинова, но больше ничего не узнали. Делать нечего: простились друг с другом и пошли по домам.

Утром на следующий день все редакции Латвии получили из Министерства внутренних дел предложение по делу об убийстве архиепископа Иоанна Поммерна печатать лишь официальные данные, исходящие от прокуратуры. Сообщения же эти были приблизительно следующего содержания:

«Следствие по делу об убийстве архиепископа Иоанна энергично продолжается под руководством прокурора. Пока, однако, на следы преступников напасть не удалось».

Через день или два состоялся, по требованию полпреда, перевоз тела Собинова в здание советского полпредства, а оттуда на вокзал для отправки его в Москву. Несмотря на то, что предварительного сообщения об этом в газетах не было опубликовано, а наоборот, в полпредстве день и час перевоза останков певца хранили в строгом секрете, — все улицы, по которым даглась траурная процессия, были запружены народом.

Пошел и я отдать последний долг большому артисту.

И когда траурная колесница с гробом, покрытым цветами, двигалась мимо меня, мне думалось, что смерть владыки оборвала жизнь того, тело которого так поспешно везут в Москву.

Позади колесницы шли вдова, родственники, знакомые и несколько чинов полпредства...

Как только из отеля «Петроград» вывезли тело Собинова и сняли дежурный наряд полиции, туда хлынули корреспонденты газет. И вскоре «из уст в уста» передавали не для печати слух, что полпредство, от имени которого распоряжался какой-то «рыжий товарищ», воспротивилось требованию полицейского врача произвести вскрытие тела для установления причин смерти Собинова: «Дело, мол, ясно — разрыв сердца, таково заключение советского врача». И вскрытия трупа не произошло! Этот отказ в законном требовании полицейского врача еще более усилил в народе слухи «об отравлении» Собинова большевиками. Кроме того, стало известно, что накануне убийства иерарха Собинов имел целый ряд телефонных разговоров с полпредством, что было установлено судебным следователем из телефонной записи отдельной администрации.

Через некоторое время после отправки тела Собинова в Москву, в газетах появилось официальное сообщение об отставке начальника уголовной полиции Тифенталья и о назначении на его место другого (Целенса).

Наконец, через месяц появилось новое правительственное сообщение о временном прекращении следствия по делу об убийстве архиепископа Иоанна за необнаружением преступников.

Это официальное сообщение было вместе с тем и финалом этого жуткого дела.

6. Подробности мученической смерти архиепископа

Взволнованное ужасным убийством владыки, русское население было не менее возмущено распоряжением о прекращении судебного следствия. В народе распространились слухи о жутких подробностях пыток главы православной Церкви. И эти подробности, уточняющие сухое и краткое официальное сообщение об убийстве владыки, большей частью подтвердились: ведь они, в сущности, исходили от тех или иных участников расследования и первых свидетелей — пожарных. Один из агентов розыска, немецкого происхождения, в Германии подтвердил мне большую часть этих слухов.

И прав был покойный владыка, сославшись в разговоре со мною относительно происков его недругов на слова Евангелия:

«Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно» (Матфей, X, 26).

Убийц было, как предполагают, не менее четырех. Обстановка места кровавой драмы, осмотр трупа и данные, полученные после вскрытия тела архиепископа, дали приблизительно точную картину мученической смерти архиепископа.

Сразу же внизу, на крыльце, когда владыка открыл

входную дверь, спрятавшиеся у крыльца бандиты ворвались в переднюю и набросились на хозяина.

Борьба, судя по пятнам крови, разбрызганной по полу и стенам передней, была упорная и страшная с обеих сторон.

Внизу же, в одной из комнат, жертва, видимо, была связана и доставлена в кабинет, где происходили поиски каких-то документов, так как половицы в некоторых местах были сорваны. Всюду на полу валялись в беспорядке разные бумаги, записки, счета, вырезки из газет.

На некоторых верхних бумагах виднелись капли крови: видимо, и здесь истязали архиепископа.

Затем несчастная жертва была доставлена по внутренней лестнице наверх, где в глухом, широком коридоре между столярной мастерской (владыка столярничал) и другими комнатами, видимо, и происходила пытка.

Там, на верстаке, принесенном из столярной, прибывшие в два часа ночи пожарные обнаружили обгоревший труп мученика, привязанного проволокой к снятой с петель двери. Проволокой же на всякий случай была палачами заделана с наружной стороны выходящая на лестницу дверь.

Какие страшные пытки претерпел архиепископ, видно из следующих данных осмотра трупа: обуглившиеся ноги от первой струи воды, пущенной на верстак, отвалились, в то время, как на спине даже не сгорела кожа, а на затылке жертвы остались волосы, хотя борода сгорела.

Это доказывает, что палачи пытали огнем несчастного, вероятно, каменной лампой. В правом паху покойного, как гласит протокол осмотра трупа и вскрытия, было обнаружено пулевое отверстие с выходом пули вверх к позвоночнику, где она и застряла.

Выстрел в архиепископа был произведен, как полвгают, после пыток, когда жертва палачей лежала привязанной к верстаку.

Кроме того, в легких замученного владыки были обнаружены дым и угольки — это значит, по заключению врачей, что архиепископ еще дышал, когда начался пожар.

* * *

Нашли ли убийцы у замученного и убиенного владыки то, что искали, — неизвестно: вероятнее всего — архипастырь унес свою тайну в могилу.

Через несколько дней, в воскресенье, в Риге состоялись торжественные похороны главы православной Церкви в Латвии.

Был хороший и тихий осенний день. В кафедральный собор пропускали только по билетам. После панихиды гроб владыки вынесло из храма на улицу многочисленное духовенство при печальном песнопении и похоронном звоне соборных колоколов.

Весь бульвар Свободы и широкая улица была запружена народом. Все конное и трамвайное движение было прекращено.

Среди коленопреклоненных прихожан собора слышался плач. Последний долг покойному архипастырю пришла отдать, можно сказать, вся Рига. Много делегаций было не только из провинций, но и соседних государств.

Перед воротами на Покровское кладбище получился продолжительный затор: все желающие не могли попасть на кладбище.

Позже над могилой архиепископа Иоанна была воздвигнута красивая в византийском стиле часовня с мозаичной иконой св. Иоанна, как память от паствы о мученике-архипастыре Иоанне, борце за христианство, который, как добрый пастырь, положил мученически душу свою за овец своих.

* * *

Мучительные вопросы, — кто же убийцы и почему при всех переменах режима в Латвии никто из правителей не идет навстречу общественному мнению возобновить по этому страшному делу так неожиданно прерванное след-

ствие или, по крайней мере, опубликовать материалы последнего, — терзали умы многих верующих.

Не прекратились эти вопросы и во время занятия Риги большевиками. Были даже такие наивные люди, почитатели убийственного иерарха, которые намеревались перед советскими властями возбудить вопрос о возобновлении этого дела, но юристы разъяснили им вовремя неуместность и даже опасные последствия подобной попытки при известном всем отрицательном отношении большевиков к духовенству и к религии (тогда весьма осторожно выражались).

В 1941 году в конце июня немцы, в свою очередь, заняли Ригу. Они, между прочим, назначили комиссию для восстановления судебных учреждений, разгромленных большевиками, во главе которой поставили рижского присяжного поверенного Б. Е. фон Нольтейна. К нему обратились некоторые русские юристы с тем же вопросом относительно убийства архиепископа Иоанна.

Этот вопрос особенно волновал их в связи с распространявшейся по городу версией, исходящей от бывших правительственных латвийских кругов, что дело об убийстве архиепископа Иоанна было в свое время направлено на прекращение по двум причинам: первая — из-за обнаружения виновников преступления и вторая — из-за нежелания властей вызвать в сердцах верующих смещение, так как при судебном разбирательстве были бы оглашены неподобающие для духовных лиц поступки некоторых представителей духовенства, интриги и пр.

Едва ли с последней версией можно согласиться, так как большевики в таком случае, наоборот, не преминули бы воспользоваться этим следственным материалом для шумной антирелигиозной пропаганды, даже в мировом масштабе.

Со дня этого страшного преступления прошло почти 20 лет, но оно все еще не вполне раскрыто, как не раскрыты сотни тысяч подобных жутких дел о погибших, замученных или таинственно исчезнувших жертвах Чека, ГПУ, НКВД или как они еще будут именоваться.

Все же я верю, что настанет время, — и оно не за горами, — когда все «сокровенное и тайное будет явным».

Публикация ОЛЕГА МИХАЙЛОВА

Дорогие подписчики «Слова»!

Приносим извинения за то, что апрельский и майский номера журнала поступили к вам с опозданием. Когда в июне писалось это обращение, у нас еще не было твердой уверенности, что и последующие номера выйдут в срок.

Причина — несвоевременная поставка бумаги. Редакция делает все от нее зависящее, чтобы выправить положение. Во всяком случае, мы гарантируем, что все двенадцать номеров «Слова» вы получите в этом году, надеемся видеть вас нашими подписчиками и в 1992-м!

«Краткий курс» с Запада?

В 1989 г. российский читатель был порадован книгой «известного американского историка и политолога» Александра Рабиновича. Она, как уверяют нас, «принадлежит к немногим зарубежным исследованиям, которые дают в основном объективную характеристику Октябрьской революции в России» и выпущена по доступной цене в полтора рубля тиражом в 100 000 экз.

Но не спешите, российский читатель, говорить «спасибо» Рабиновичу и его советским друзьям, например, Г. З. Иоффе, под чьей общей редакцией и с чьим послесловием дошла до нас книга. «Труд» Рабиновича — изложение СХЕМЫ, а не честное добросовестное исследование, причем схемы умника левых взглядов, схемы нам давно известной. Пусть в «Кратком курсе» она изложена примитивно, в достоянии «кирпича» — завырально, у Роя Медведева — просто фантастически, а у Рабиновича — «на основном объективно» — какая разница?

Что главное в книге Рабиновича? Причины победы большевиков. Что же это? Откроем книжку.

«Мир, земля, хлеб», «власть Советам», «человек с ружьем» и «партия нового типа» (стр. 330—331). Полный набор! По Рабиновичу, «Ленин в Октябре» снимать можно.

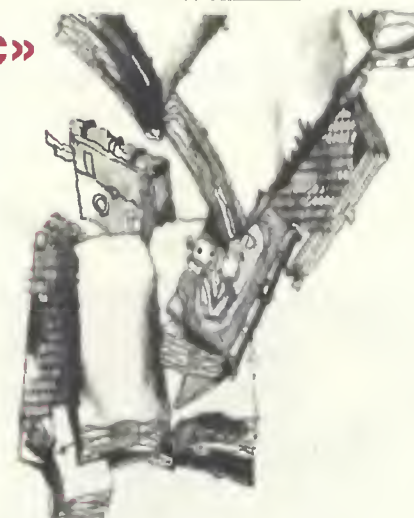
Ничем не лучше и «объяснение» причин Февраля 1917 г. (стр. 14—15). Знакомые байки: переход России на военные рельсы, завершившийся в 1916 г. — это, оказывается, «резкое ухудшение экономического положения»; Брусиловский прорыв и наступление на Турецком фронте — «неудачи». О «бездарности правительства» Николая II рядом с «гениями», пришедшими в Феврале, и говорить-то смешно. А вот же, говорят. И издаются большими тиражами.

Схема есть схема. Для ее обоснования требуется передегировать, умалчивать и выкручиваться — короче говоря, обращаться с фактами так, как этого требуют «прогрессивные убеждения».

Вот Рабинович (стр. 53) демонстрирует изворотливость, заявляя, что провокационные, погромные (антисемитские!) листовки, захваченные правительственными войсками в штабе большевиков в июльские дни 1917 г. (факт слишком известный зарубежным историкам, чтобы его умалчать), оказываются, оставались там... «с царских времен»!

Умеет Рабинович и молчать: всех троцких-зиновьевых он упорно именует псевдонимами, не называя подлинных фамилий. Видимо, он забыл, что в научной литературе подобная конспирация недопустима.

И в заключение я хочу задать вопрос советскому исторiku Г. З. Иоффе: «О маститый редактор! Поведайте нам, поведайте миру, как могло случиться такое, что в своей книге о генерале Корнилове (Г. З. Иоффе. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., Наука, 1989) вы на стр. 7 пишете: «... он (Корнилов. — Л. Д.) закончил Омским ка-

детский корпус и Михайловское артиллерийское училище... поступил в Академию Генштаба и закончил ее с золотой медалью», — а в книге Рабиновича, вышедшей в том же году ПОД ВАШЕЙ ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ И С ВАШИМ ПОСЛЕСЛОВИЕМ, черным по белому: «Корнилов не получил полного военного образования» (стр. 120).

В чем же состояла эта ваша ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ?!

Л. ДУМНОВ

Рабинович А. БОЛЬШЕВИКИ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ПЕТРОГРАДЕ. М. Прогресс, 1989

Спаси и сохрани

Эта книга о том, как на протяжении десятков лет безжалостно уничтожалась русская земля — и о том, как уничтожалась русская душа. Плач по утраченному и тщательно собранные документальные свидетельства зверского истребления святынь народа, да и его самого. Хочется верить в то, что на грядущем Праведном суде над режимом эти свидетельства станут свидетельствами показаниями.

И хотя нет в сборнике ни свидетельств пострадавших в годы репрессий, ни анализа сложных социальных и политических проблем прошлого и настоящего (к этим аспектам авторы и составитель и не стремились), но есть в нем иное, чего так часто не хватает сегодняшним «народным вятиям» — есть живая боль раненой человеческой души, тоскливо мечущейся в казарменной социалистической клетке. Души, взывающей к людям и к Богу, ищущей ответа на главный, может быть, для многих авторов книги вопрос: за что же такая мука смертная, что истинные не вздохнуть нигде русскому человеку, везде его «достанут»...

Сборник открывается «Меморандумом в защиту природы», подписанным такими известными русскими писателями и общественными деятелями, как В. Белов, В. Распутин, М. Леме-

шев и другие. Как тут не вспомнить, что экологическое движение в защиту природы, по существу, и стало первой ласточкой в русском национальном возрождении. Именно эта гигантская задача — спасения земли русской — и объединила впервые не в подполье и эмиграции, а уже вполне легально писателей и ученых, деятелей искусства и будущих политиков. Конечно, не всегда ровно и поступательно развивалось движение, знало и подъемы и спады, но оно стало вполне реальной общественной и политической силой, с которой вынуждены считаться сегодня и всемогущие ведомства, вроде Минводхоза, и институты власти, попавшие ныне в очередной «бесконечный тупик», и ревнители светлого капиталистического будущего.

Россия медленно, но верно встает на ноги. Потому что еще жива, не добита ее душа. Об этом — центральные произведения сборника, повести В. Смирнова-Денисова «Леший», М. Кострова «Жихари Полистовья», Н. Чумакова «Князь Приладожья», рассказы и лирические зарисовки Н. Коняева, В. Кречетова, недавно трагически погибшего В. Перепелки.

Авторы стремятся создать галерею ярких, запоминающихся образов своих героев — русских людей со своими, порой непростыми, противоречивыми характерами и судьбами. Среди них и праведники из народа, подобные Василию Егорычу из повести В. Смирнова-Денисова, и чья-то подобный знаменитому Ивану Африкановичу В. Белова Кляпенюк, с любовью изображенный в «Жихарях Полистовья», и очень характерный крашенин Никифор Ломовой из повести Н. Чумакова, своего рода новый «хозяин земли русской», правда, советской, сталинской формации...

Различно отношение авторов к этим персонажам. Далеко не всегда оно однозначно, да и должно ли таким быть? Время литературы, скроинной по готовым клише, вроде бы прошло. Остается главное — сами эти народные типы, пополняющие, наверное, бесконечный ряд, начатый в незапамятной древности летописцами и народными сказителями.

Но немало было и потерь. Часто невольных, а часто и таких, о которых ныне нельзя не вспомнить без горечи и раскаяния за собственные грехи «Стареющая трезво-безбожная душа томится в неясном ожидании. Ей бы высказаться и возвестить под этот колокольный благовест, вместе с какими-то высокими словами, к истинным высотам духа... Но где они, эти заветные слова? Старые забыты, новые не придуманы», — признается один из авторов сборника И. Виноградов в миниатюре, которая так и названа «Моя молитва».

И все же эти новые слова есть. Так же, как и старые не выпали из народной памяти навеки, и вспоминаются теперь с еще большей ясностью и отчетливостью. Понимание этого, наверное, и объединяет лучшие произведения, вошедшие в книгу «Рощи заповедных», являясь подлинным свидетельством того, что она удалась.

Геннадий МУРИКОВ

РОЩИ ЗАПОВЕДНЫЕ. Сост. А. Е. Стерликов. — Л.: Лениздат, 1990

Вопреки забвению

А. А. Борисов. Архангельск, 1901 г.

За долгий этот век, сделавший забвение нормой жизни, мы потеряли, должно быть, столько, сколько не утратили за все века предыдущей русской истории. Нам предстоит многое сделать по возвращению, прежде всего, национальных исторических, культурных и духовных ценностей. Творчество выдающегося русского художника Александра Алексеевича Борисова, талантливого и любимого ученика И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, к величайшему сожалению, из этого забвения ряда. Когда-то основатель Третьяковской галереи, ценя талант и творчество Борисова, еще при жизни его отдал ему в своей экспозиции целый зал (!), справедливо считая, что картины этого заслуживают. Но уже в советское время, когда было популяризировано наследие Паала Михайловича Третьякова, а музейной экспозиции не осталось ни одной борисовской работы. Почему-то советские искусствоведы (самые «сведущие» искусствоведы в мире) отнесли его к региональным художникам, а потому предоставили северянам самим заботиться о творческом наследии Борисова. Но художник одной темы и региональный художник — суть вещи разные. Никто не называет Айвазовского — черноморским художником, заслуженно оценивая его маринистику. Равно и Борисов, отдав многие годы новоземельской Арктике, не может быть отнесен лишь к живописцам северного края. Как справедливо заметил И. Е. Репин, Борисов — талантливый художник темной арктической воды и белоснежных арктических далей. Он первым из русских живописцев проник в высокие широты и был очарован ликом недоступной земли. Его захватили контрастные новоземельские цвета, особо проникновенная, оглушительная тишина... Он почувствовал, как мало еще знает человек о планете, на которой живет. Именно от этого чувства родилась неизменно таинственная живопись, которая потрясла не только Москву и Петербург, но и Европу, признавшую талант Борисова исключительным. Успех

его передвижных выставок был ошеломляющим. Картины его открыли людям новый, неведомый мир...

Да, конечно, сегодня на Земле недоступных мест нет. Кино и телекамеры открыли нам краски самых уникальных мест. Но эта доступность никак не обесценила живопись Борисова, поскольку она не этнографическая, а художественно-таинственная, в ней есть ощущение присутствия таинственного создателя нашей планеты, космоса и всего реального мира... Это, пожалуй, и есть главное художественное открытие Борисова...

Сегодня мы в большей степени, чем когда-либо, нуждаемся в таких открытиях. Хитроумно вторгаясь в природу, варварски разрушая ее, мы разрушаем гармонию, которую еще целю видел и живописал Борисов. Такое, пожалуй, уж вряд ли повторится. И эти чувства художников, знавших гармонию мира и сумевших запечатлеть ее для нас, — духовный клад, который необходимо постичь каждому жаждущему духовного утоления.

И еще одно отрадное явление в творчестве таких людей, как Борисов. Они были совершенны изнутри, как личности, их таланты удивляют разносторонностью... Борисов оставил нам не только картины, но и книги очерков (к сожалению, не переиздававшиеся в советское время), написанные легким и певучим стилем, язык его первородный, глаз наблюдательный, приметливый, восприятие жизни оптимистичное, участливое...

Александр Алексеевич Борисову исполняется в этом году 125 лет со дня рождения. В Архангельске откроется юбилейная выставка и пройдет научная конференция. Земляки задумали провести юбилейные торжества широко, гостей зовут не только из столиц. Будем надеяться, что событие это обернется для творчества талантливого живописца новым открытием и мировым признанием, чего он вполне заслуживает, без каких-либо скидок.

Арс. КУЗЬМИН

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Вечный странник океана

Крайний Север, с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии.

Родился я в 1868 году в деревне Глубокий Ручей Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, на берегу Северной Двины. Детство провел среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, в неведомые страны на север; я думал: «Вот где простор и раздолье, вот где можно пожить!» Грамоте начал я учиться по псалтыри у крестьянина-соседа, так как школ в то время у нас не было, да и грамотных людей вообще было очень мало.

Лет десяти я был страшно болен, на выздоровление не было никакой надежды, и мои родители дали обещание, если я поправлюсь, послать меня в Соловецкий монастырь работать бесплатно на целый год. Я выздоровел и 15-ти лет был отправлен в Соловки. Там меня определили на рыболовную тоню. Это занятие мне было как нельзя более по душе, и я с величайшим удовольствием, не замечая, как быстро летели дни, скитаясь по неизведанным лесным озерам, ставил сети и ловил рыбу, или еще с большим рвением пускался в море, в лабиринт сосновых островов, и подолгу развешивал там, слушая пение летних пернатых гостей. В юной моей голове роились тысячи прекрасных картин, дивных мечтаний.

Через год я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неудержимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлечения моих юных сверстников. Они, бывало, идут по праздникам в свободное время на гулянья, в хороводы, а я запираю ручей, устраиваю пруд, ставлю туда только что сделанную модель лесопильного завода, виденного мною в Соловках, и пускаю воду. Вода вертит водяные колеса, и весь завод приходит в движение. От восторга прыгаю по зеленой траве — вот мое развлечение. Я и раньше очень любил машины (мельницы, пароходы), а теперь, после Соловок, полюбил еще больше. Сидю, бывало, строя что-нибудь, задумавшись и забуду свои крестьянские работы. Придет отец, все переломает, чтобы положить этому конец. Я долго-долго плачу, соберу остатки своих построек и снова, тайком от отца, где-нибудь в пустой избе начинаю мастерить свою затею. Картин и рисунков я не видал никаких, кроме икон. Случилось, приехали живописцы расписывать Красноборскую церковь. Я пошел к обедне и впервые увидел изображение масляными красками на стене. Это меня страшно поразило; в особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Достал я себе книжку «Родное слово» и со всею страстью юного сердца стал рисовать. Рисовал по ночам при дымной лампе, так как днем надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать редко позволяли: попусту, мол, жгу керосин, да и спать не даю.

Долго боролся я с неотступной мыслью оставить родительский дом. Наконец, 18-ти лет снова решил попасть в Соловки, чтобы там поступить в иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, так как для всякого другого учения нужны были деньги. С этой целью я достал себе тихонько от отца годовой паспорт, благодаря тому, что старшиной в волостном правлении служил мой дядя, и уговорил мать весной пойти в Соловки на недельку — поклониться святыне. Мать, не подозревая того, что у меня есть годовой паспорт, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали в Соловки, я сказал ей, что назад я с ней не пойду, что у меня есть уже и паспорт. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватиевского скита о. Ионафан (ныне архимандрит Ионафан, настоятель Печенегского монастыря) и убедил мать не противиться моему сильному

Глава из книги А. А. Борисова «У самоедов. От Пинеги до Карского моря» СПб., 1907 г. любезно предоставлена нам для публикации Архангельской научной областной библиотекой им. Н. А. Добролюбова.

стремлению. Стал я опять рыбаком в Савватиевской пустыни, а потом был взят в иконописную мастерскую, где и работал дни и ночи.

В 1885 году Соловецкий монастырь посетил Е. И. В. Великий князь Владимир Александрович и обратил внимание на мои шестимесячные успехи. Это дало мне сильный толчок и сыграло в жизни моей огромное значение. В 1886 году приезжал в Соловки добрейший А. А. Боголюбов, который и вывез меня впоследствии в Петербург. В Петербурге я сначала поступил в рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, а затем вольнослушающим в Академию художеств. В 1895 году я сдал экзамен по научным предметам и поступил в число действительных учеников Академии художеств. В 1897 году я окончил Академию и предпринял целый ряд полярных путешествий с художественными целями.

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на север, хотя и до того рассказы и описания полярных путешествий не давали душе моей покоя.

Прошли годы ученья, в течение которых мне удавалось урывками побывать и на родине Соловецком, и в Печенгге, у высокопочтимого игумена Ионафана, и во многих других местностях Мурманского побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружия оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружающие меня картины полярной природы. Много меня ободрил дорогой Илья Ефимович Репин, который написал восторженные статьи в печати о моих картинах, и мой незабвенный учитель И. И. Шишкин, который и поставил меня на твердую дорогу, заставив изучать рисунок с тою настойчивостью и вниманием, какие характеризуют этого великого мастера. Советы второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизонты в смысле колорита, и я еще больше потянулся к тем необычайным краскам, которые только и могут дать летние северные ночи: то грозное, то ласкающее небо и вечные странники Ледовитого океана — могучие полярные льды.

Благодаря стечению обстоятельств и поддержке вечно мною оплакиваемого М. И. Казы, летом 1896 года я попал на Новую Землю.

Те впечатления, которые я переживал наедине с несколькими самодельными, и в смысле художественном, и в смысле скитальца по неизведанным странам, глубоко запали мне в душу, и в моей голове созрела мысль снова посетить далекий север, но уже при таких условиях, которые дали бы мне не только материал для этюдов, но и позволили произвести некоторое географическое исследование восточного побережья Новой Земли и обогнуть, если представится возможность, самую северную оконечность острова — «Мыс Желания». В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подавляющие русское дело: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., и брала досада, что рядом с этими священными для всякого русского имени приходится встречаться на искони русском побережье с именами разных иноземных путешественников, по большей части лично одушевленных корыстными чувствами. Хотелось дополнить хотя бы в слабой степени географические сведения о наиболее для нас интересных местах Новой Земли и привлечь к ней внимание общества.

Но главная задача моя была художественная: мне хотелось написать целую серию картин и показать всему свету те необычайные красоты загадочного полярного мира. Мне хотелось похитить его молчаливую тайну и поделиться ею с другими широкими кругами. До сих пор созерцали этот таинственный волшебный мир только одни путешественники, которые нередко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красиво, иногда увлекательно. Но разве можно передать

пером эту дивную сказку заснувшей или, быть может, навеки умершей природы. Можно плакать, молиться, стоять на коленях перед этим дивным творением Бога, но написать невозможно!..

К счастью, мои начинания встретили могущественную поддержку в лице министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек верил мне; он представил меня Императору... И впоследствии все мои силы направлены были к тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня иногда пробиваться с риском для жизни — голодать, мерзнуть во льдах, но я всегда помнил и всегда неуклонно двигался к цели. В то же время на работы мои обратил внимание человек с именем, известным всей художественной России, безвременно скончавшийся П. М. Третьяков. Удачная продажа ему для его Московской галереи первой серии моих новоземельских этюдов и большой картины, бывшей на конкурсной выставке в Академии художеств 1897 года, вместе с щедрой субсидией Государя Императора, позволили мне приступить к осуществлению давно лелеянного плана, но те же исключительно благоприятные условия возлагали на меня и большую ответственность — хотелось сделать все, что от меня ожидают и что я сам себе предначертал. Пожалуй, это не сбывается, но, по крайней мере, совесть моя будет спокойна, что я сделал все, что было в моих силах и в моем умении.

«Верные, как зеркало, картинки»

Из переписки
А. А. Борисова
и П. М. Третьякова

Художник-пейзажист Александр Алексеевич Борисов (1866—1934), ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, вошел в русское искусство в конце XIX века, с 1896 г. он активно участвует в академических выставках, а в 900-е годы с персональными выставками он посетил все европейские центры искусства — Вена (1905), Прага (1905), Мюнхен (1905), Берлин (1906), Гамбург (1906), Кальм (1906), Париж (1906), Лондон (1907)... Петербург (1914). Печать того времени (немецкая, чешская, французская, английская, русская) пестрила рецензиями и откликами на эти выставки.

Из отечественных критиков о нем писали С. Н. Дурьилин, В. А. Гиляровский, В. В. Розанов, Н. И. Кравченко...

А. А. Борисов занял прочное место в отечественном искусстве рубежа XIX и XX веков как художник Крайнего Севера, как пионер и новатор в области живописного освоения полярной темы. Его интерес к изображению природы Крайнего Севера не был эпизодом, как, скажем, для В. А. Серова и К. А. Коровина, посетивших Мурман два месяца позднее Борисова, — он прошел через всю творческую жизнь художника, начиная с академической юности и до конца дней. Наиболее известные работы этого цикла: «В области вечного льда. Лето» 1897 (ГТГ), «Весенняя полярная ночь»

1897 (ГТГ), «Весенняя ночь на Мурмане» 1896 (ГТГ)...

На осенней академической выставке 1896 года Павел Михайлович Третьяков приобрел почти все этюды Борисова, тогда еще ученика Академии. По этому поводу в письме М. В. Нестерова от 29 ноября 1896 года к Е. М. Хруслову (1861—1913, художник) говорится: «Третьяков купил у молодого академика Борисова 56 этюдов «Полярная страна» (Новая Земля), из них до 20 действительно интересных».

В 1897 году Третьяков снова приехал в Петербург и 10 сентября побывал в мастерской А. Борисова (см. А. П. Боткина «П. М. Третьяков», М., «Искусство», 1960, стр. 292) и опять купил несколько работ художника.

Когда же Борисов собрался в «испытательную экскурсию» (декабрь 1897 г.) — так он называл свою поездку в Большеземельскую тундру и на остров Вайгач, — то Павел Михайлович, узнав об этом от самого художника, сказал, чтобы он никому не показывал своих новых работ и вез их прямо к нему, — купит.

После такого успеха у Третьякова многие молодые художники пережили чувство обиды и, прямо скажем, зависти к Борисову. Зависть сопровождала Борисова многие годы. Об этом он писал и сам: «Я умру, уляжется ко мне зависть...»

П. М. Третьяков купил у А. Борисова 65 работ, образовавших специальный полярный зал № XXII.

Начавшаяся в 1896 году переписка Борисова с Третьяковым продолжалась до кончины Павла Михайловича в конце 1898 года.

В рукописном отделе ГТГ хранятся девять писем Борисова к Третьякову.

Первое письмо здесь цитируется по черновiku, хранящемуся в отделе рукописей ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), ф. 676 оп. 1 № 34.

27 ноября 1896 г.

Добрый Павел Михайлович!

Письмо Ваше я получил еще 24 ноября, а выставка наша закрылась только вчера 26 ноября.

Отвечать из проданных ранее этюдов удалось только один с Оленем № 35, а два других я не мог, так как владельцы их ни за что не соглашались уступить; один, тот, который купил этюд Полярной ночи № 25, говорит, что он купил по поручению из Москвы и что он уже об этом известил в Москву и описал сюжет, а потому он не может согласиться на предложенные условия написать ему повторение или картину, хоть бы и в большем виде.

...Что касается этюдов, Вами приобретенных, то Вы, Павел Михайлович, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет приведено в полный порядок и сделано все превосходно. На «Птичьем базаре» напишу птиц.

Остаюсь с глубоким почтением к Вам

А. Борисова.

Из контекста видно, что Третьяков, отбрав этюды для галереи, сделал ряд замечаний и хотел, чтобы художник довел их до того уровня совершенства, какой был необходим ему, покупателю.

С.-Петербург 1896 9 декабря

Добрейший Павел Михайлович!

Простите меня, что я так долго не отвечал Вам, но дело в том, что я до сих пор не мог узнать адреса того господина, для которого куплен мой этюд, об котором Вы просили узнать, так как некто Траншель (по-видимому, Гентих Генрихович, ученик академии. — Н. Б.), с которым я вел переговоры по поводу уступки этюда, выехал в Москву, и мне удалось только после долгих трудов и ожиданий узнать, для кого в Москву куплен этюд. Вот его адрес: Москва, Покровка, угол Яковлевского и Лямина переулка или второй — Кузнецкий Мост, контора чайного магазина Попова — Алексей Николаевич Изгарышев.

Почти все дела идут к концу, и я думаю, что скоро буду в состоянии отвезти этюды, за исключением некоторых, о которых мы говорили Сергею Сергеевичу Боткину (зять Третьякова. — Н. Б.). В настоящее время делаю повторение для господина Быкова (видимо, сын петербургского собирателя Николая Дмитриевича Быкова (1812—1884), коллекционер. — Н. Б.), который оригинал уступил для Вас.

Все этюды моих товарищей, которые Вы изволили приобрести, уже у меня.

Остаюсь с глубочайшим почтением к Вам

А. Борисова.

В письме речь идет об этюде картины «Весенняя полярная ночь» (ГТГ), который А. Н. Изгарышев подарил галерею в 1897 году.

А под этюдами моих товарищей подразумеваются этюды Н. К. Рериха «Гонец. Восстал род на род» (ГТГ) и Ф. Э. Рушце «Ранняя весна» (ГТГ).

С.-Петербург 1897 февраля 8

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Простите меня, что я задержал Вам ответ на Ваше письмо, в котором Вы просили сообщить название этюда, бывшего у Изгарышева,

но дело в том, что я на несколько дней уезжал из Петербурга...

Этот этюд я бы назвал «Весенняя полярная ночь», хотя там уже есть такое название, но это ничего не значит.

Про мои этюды с Севера очень лестно написал И. Е. Репин в одной газете, издаваемой в Тифлисе, «Кавказ».

К выставке приготовил две картины, и когда Вы, Павел Михайлович, будете на выставке, то прошу обратить Ваше внимание.

Остаюсь с искренним к Вам вниманием

А. Борисова.

Действительно, в январе 1897 года в газете «Кавказ» И. Е. Репин писал: «Прошлую весну, лето и зиму один из учеников академии, уроженец вологодского края А. А. Борисов предпринял давно желанную им экскурсию на Север, который он любит и понимает. Норвегия, Мурманский берег и особенно Новая Земля, на Ледовитом океане, привлекли его воображение. И там, несмотря на все невзгоды, лишения, холод, голод и темноту, при всех неудобствах, он сделал около 150 этюдов этого ужасного края. Это все превосходные и верные, как зеркало, картинные, строго нарисованные и необыкновенно правдиво написанные. В них ярко выразилась любовь этого русского Нансена к черной воде океана, с белыми льдинами, свежесть и глубина северных тонов, то мрачных, то озаренных резким светом низкого Солнца. Горы, наполовину покрытые снегом во время самого жаркого лета, берега, дали, лодки, самоеды в оленьих шкурах и проч. предметы, все это дышит у него особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой правды. Коллекцию его приобрел П. М. Третьяков для Московской галереи.

Нельзя не приветствовать такой своеобразной силы в стенах академии художеств, где столько лет попадавшие сюда юнши нивелировались устарелыми традициями посредственной коллегии руководителей».

Цитируется по книге «Воспоминания, статьи и письма из заграничных И. Е. Репина» С.-Петербург, 1901, стр. 252.

Упоминаемые в письме две картины — это «В области вечного льда. Лето» и «На моржах», первая находится в ГТГ, а местонахождение второй — неизвестно.

С.-Петербург 6 марта 1897

Добрый Павел Михайлович!

Напрасно Вы беспокоитесь относительно той акварели работы Александра Николаевича Бенуа. Я в тот же день, когда Вы сказали, говорил Альберту Николаевичу (Бенуа) об этом и просил заведующего на выставке продажей отметить, что акварель № такой-то при-

обретена Вами. Она стоит 100 рублей.

С истинным почтением преданнейший Вам

А. Борисов.

С.-Петербург 1897 апреля 25

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович!

Академическая выставка картин закрывается в воскресенье 27 апреля, и я сейчас же по закрытии ее пойду к господину Фельтену (петербургский комиссионер Ю. М. Фельтен. — Н. Б.), как мы и условились, и скажу ему, чтобы он взял картину мою, приобретенную Вами, и отправил ее в Москву.

Получили ли Вы четыре этюда, которые я еще до праздника Св. Пасхи оставил у Сергея Сергеевича для того, чтобы он переслал бы Вам. Интересно, понравился ли Вам мой этюд, взятый Вами в последний раз бывши у меня и решили ли Вы его оставить у себя? Деньги за картину Вы опять, будьте так добры, перешлите на имя Сергея Сергеевича для передачи мне.

С глубочайшим почтением к Вам

А. Борисов.

О какой картине и каких конкретно этюдах идет речь, сказать трудно.

С.-Петербург 1897 23 ноября

Добрейший Павел Михайлович!

На днях в мастерской у меня был И. Е. Репин. Мы, между прочим, говорили относительно моей большой картины, свободна ли она? Я ему сказал, что мы с Вами еще пока не сошлись, тогда он мне сказал, чтобы я написал Вам письмо, что я уступил бы картину за 3 000 рублей.

Глубокоуважаемый Павел Михайлович, если Вам будет угодно приобрести картину мою за 3 000 р., то я готов Вам уступить ее за эту цену. В ином случае я стану ее считать свободной и буду ждать покупки Академией в конце выставки.

С искренним почтением, Ваш покорнейший слуга

А. Борисов

С.-Петербург, Тучковская набережная 10 кв. 42.

В письме речь идет о большой картине «В области вечного льда. Лето», которую Третьяков купил чуть позднее, она и ныне находится в Третьяковской галерее.

27 ноября 1897

Глубокоуважаемый и добрейший
Павел Михайлович!

Академия давала мне поездку (заграничную. — Н. Б.) и брала картину бесплатно. Здесь, во-первых, нравственное удовлетворение и, наконец, я вполне мог рассчитывать на продление пансионерства еще хоть, по крайней мере, на год, и таким образом, я получил бы 4 000 р. и громадное нравственное удовлетворение.

Павел Михайлович, будьте снисходительны, и поймите мое положение, ведь надо мной будет смеяться академия, да и товарищи, это отчасти и теперь уже заметно. Если Вы будете так добры и дадите 2 500 р., то тогда не буду казаться смешным, и Вы, таким образом, снимете это пятно: бог его знает, послали бы еще на второй год, но я получил бы 2 500 р. и не обязан отдавать отчета, вот какой был бы предлог в мое оправдание.

Вы были ко мне все время так добры и оказывали мне большую нравственную поддержку, и Вам, а не Академии, обязан я.

Прошу и теперь Вас не оставить меня.

Преданный Вам
А. Борисов.

После этого торга Третьяков купил картину «В области вечного льда. Лето», но это было уже в 1898 году на 17-й Периодической выставке. Так в его галерее образовался зал № 22 — зал полярной живописи, в котором было развешено 65 полотен А. Борисова.

Зато ныне не только не существует подобного зала в ГТГ, но нет и ни одной работы Борисова в экспозиции!

Архангельск 98 12/1

Многоуважаемый
Павел Михайлович!

Возвращаю Вам с большой благодарностью сто рублей и поздравляю Вас с Новым Годом, и от всей души желаю, чтобы Новый Год принес множество счастья!

Павел Михайлович, как Ваша Периодическая выставка, что говорят вообще и, в частности, про мою картину? Вот если бы Вы были так добры, прислали мне газетные рецензии, я бы Вам был бесконечно благодарен. Пришлите мне все худое и хорошее, не бойтесь, Павел Михайлович, меня теперь, что называется, пушкой не прошибешь!

Вчера приехал в Архангельск и, бог мой, как здесь скучно! Все занесено снегом, все обезображено страшными вьюгами... Теперь уже перебрался из шубы в малицу и прекрасно себя чувствую. Мороз в Архангельске 30° с лишним.

Готовый к Вашим услугам
А. Борисов.

Упоминается 17-я Периодическая выставка картин Общества любителей художеств 1897/98 года, на которой экспонировалось две картины А. Борисова: «На моржа» и «В области вечного льда. Лето».

В Архангельск А. Борисов приехал в конце декабря 1897 года, готовясь к поездке в Большеземельскую тундру и на Вайгач. Устроив необходимые дела и формальности, он на лошади, по зимней дороге, поехал к себе в г. Красноборск (на Северной Двине) для окончательного сбора в дальнюю дорогу. Из Красноборска его путь в Пустозерск проходил по Северной Двине, реке Пинеге — деревня Труфановская и по пинежской, мезенской и печорской тайболом в Усть-Цильму. Несколько дней отдыха в Усть-Цильме и далее — дорога на Пустозерск. Следующее письмо Третьякову уже из Пустозерска.

Пустозерск 98 31/III

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович!

Письмо Ваше, последнее, догнало меня в Пустозерске. Оно где-то долго странствовало. Бесконечно благодарю Вас за сведения по Периодической выставке и № (вырезку) газеты Р (усские) В (ведомости).

...Послезавтра, 2 апреля, отправляюсь из Пустозерска в Югорский Шар. Тундрой пройдем при всех благополучиях недель 6—7. Прожив некоторое время, я поеду по острову Вайгачу и познакомлюсь с его жизнью.

Остаюсь с почтением к Вам
Александр Борисов.

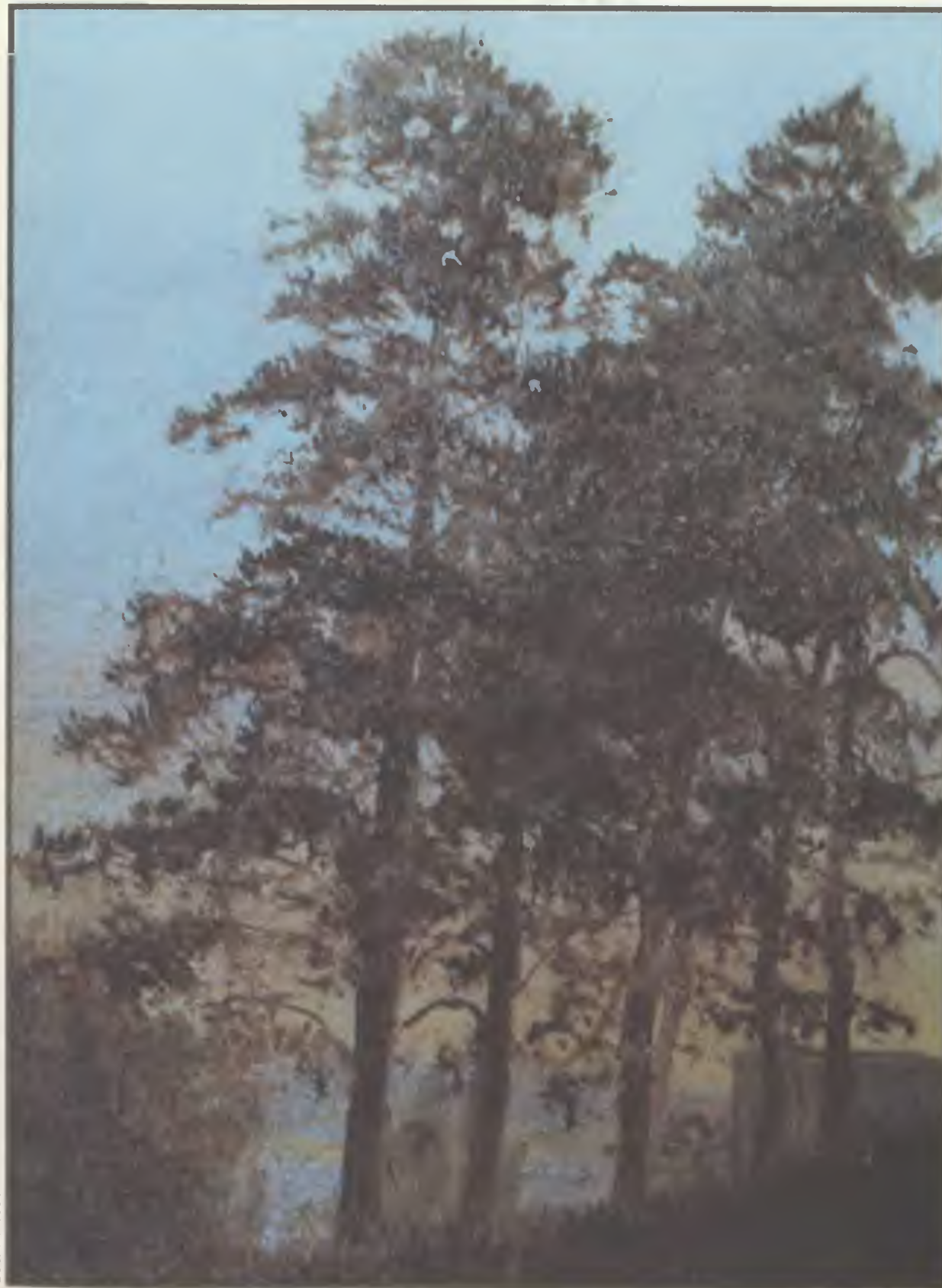
Адрес: Господину Вице-Губернатору Дмитрию Николаевичу Островскому в Архангельск, для передачи в Югорский Шар А. Борисову.

В письме упоминаются «Русские ведомости» от 21 янв. 1898 г. с рецензией на выставку.

Переписка свидетельствует, с каким отеческим вниманием и заботой относился к Борисову и его творчеству Павел Михайлович.

Письма А. А. Борисова к П. М. Третьякову любезно предоставлены нам Архангельским музеем изобразительных искусств с согласия племянника художника Н. П. Борисова и с его комментарием.

Цветные репродукции картин А. А. Борисова выполнил фотохудожник Виктор Коноплеа. Мы публикуем их с любезного разрешения дирекции Архангельского музея изобразительных искусств, поскольку эти работы художника находятся в экспозиции музея и его запасниках.

Этюд с избушками. 1898

Судно во льдах. 1899

Этюд «Восточная башня Соловецкого монастыря». 1912

Залив Чекина. Новая Земля. 1901

Лес зимой. 1913

Изображенное «дышит
у него (Борисова. — Ред.)
особенной красотой
Ледовитого моря и
производит впечатление
живой природы».

И. Е. Репин

Купальни на берегу. 1890

Борисов нашел
«новый ручей, никем не
затоптанный, на дне которого
ничьих тюбиков красочных
не валяется».

Н. К. Рерих

СВЯТОЕ ТАИНСТВО БРАКА

Брак есть таинство, в котором при свободном (пред священником и Церковью) обещании женихом и невестой взаимной верности друг другу благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единодушия и для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

Брак установлен Самим Богом еще в раю. По сотворении Адама и Евы «благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28).

Иисус Христос освятил брак Своим присутствием на браке в Кане Галилейской и подтвердил его божественное установление: «Сотворивший (Бог) вначале мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью (Быт. 2, 24), так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матф. 19, 4—6). Муж не должен самовольно оставлять жену, а жена — мужа (см. Римл. 7, 1—3). Единственная достоящая причина для развода — прелюбодеяние; но и в этом случае муж и жена разводятся не иначе, как властью самой Церкви через ее законных пастырей, т. е. тою властью, которая сочетала их: кто привязал жену мужу или мужа жене, тот только может и развязать их, ибо только апостолам и их преемникам Спаситель дал власть связывать и разрешать людей (Матф. 18, 18).

ЗАКОНЪ БОЖІИ

Фоторепортаж
ПАВЛА КРИВЦОВА

Православные праздники Дни светлой памяти

АВГУСТ

- 1 августа** — День памяти Серафима Саровского.
- 6 августа** — День памяти благоверных князей Бориса и Глеба.
- 12 августа** — День памяти преподобного Германа Соловецкого.
- 16 августа** — День памяти преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца.
- 19 августа** — ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ.
- 21 августа** — День памяти преподобного Григория, иконописца Печерского.
- 22 августа** — День памяти апостола Матфия.
- 26 августа** — День памяти святителя Тихона Воронежского.
- 27 августа** — День памяти преподобного Феодосия Печерского.
- 28 августа** — УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.
- 30 августа** — День памяти преподобного Алипия, иконописца Печерского.

Раздел первый

Изъяснение обрядов при бракосочетании

I. Возлюбленные новобрачные! Священное таинство, совершившееся ныне над вами, св. Церковь сопровождает такими обрядами и молитвами, которые должны служить для вас назиданием на всю жизнь. Поэтому, вместо всяких слов и рассуждений, достаточно указать на эти обряды, для того, чтобы понять важность священного таинства и обязанности, какие оно налагает на вас.

II. 1. Итак, эти перстни, которые надеты на вас, суть символы вечности, чистоты и драгоценности вашего союза. Вечно оставаясь на ваших руках, они беспрестанно должны напоминать вам о ваших взаимных обязанностях.

2. Эти венцы, которые были на вас возложены, указывают на величайшее достоинство брачного союза. Возлагая на главы ваши этот исключитель-

ный знак царского достоинства, св. Церковь желает этим возбудить в вас уважение, которое должно быть и побуждением, и ручательством к доброй нравственности. Вы слышали слова апостола Павла, который союз мужа и жены уподобляет соединению Христа с Церковью. Итак, ежели брачный союз так важен, что он возводит вас на степень почти царского достоинства и олицетворяет соединение Христа с Церковью, то захотите ли вы чем бы то ни было унижить этот высокий союз?

3. Далее, вы пили из одной чаши вино. Это значит, что с этой минуты вы должны всегда разделять между собой и радость, и горе, которое может случиться с вами на вашем жизненном пути.

4. Вы троекратно обходили с соединенными руками вокруг сего аналая, на котором вы видите крест и Евангелие. Это научает вас, что с этой минуты вы должны согласно и единодушно нести на себе крест Христов, разделять между собой все огорчения, несчастья и жить в законе Божием.

5. Наконец, во все продолжение совершения сего таинства вы много раз слышали имена Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Рахили и других патриархов, этих бессмертных образцов семейной жизни. Их представляет вам Церковь как пример для подражания. Вспомните, что отличительные черты их жизни — это величавое спокойствие,

Продолжение. Начало в №№ 1—6, 1991.

непоколебимое взаимное уважение всех членов семейства и воспитание детей в духе благочестия — должны принадлежать и всякому христианскому семейству.

III. Итак, принося вам душевное поздравление во исполнение ваших желаний, прошу Бога, чтобы жизнь ваша была именно такова, каковою она должна быть по духу святой Православной Церкви. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ пред благословением образом жениха и невесты

I. Возлюбленные во Христе жених и невеста! Вы находитесь в преддверии семейной жизни и просите Божьего благословения и благословения родителей вступить в законный брак. И то, и другое благословение будет вам дано. Цените их и живите достойно сих благословений. Я, как пастырь Церкви, призванный от лица Церкви преподавать вам Божие благословение, нахожу благовременным преподавать вам несколько наставлений, которые имеют целью оградить семейную жизнь от губительного влияния на нее ложных мнений и обычаев.

II. Жизнь семейная на глазах наших падает, семейное счастье рушится, и самая возможность этого счастья подвергается сомнениям. Заключение супружеских союзов становится страшным по множеству несчастных браков; счастливый выбор жениха и невесты сравнивается с случайным выигрышем по жребию; незаконные сожития, как легко расторгимые, предпочитают законным супружествам, заключаемым с обетами вечной верности. Положение печальное. Если семейство есть основание силы и благосостояния народов и государств (чего никто не может оспаривать), то разложение семьи должно быть началом падения государств и народов. Если правильная семейная жизнь есть источник дарований и благосостояния молодых поколений, то с разрушением семьи надо ожидать упадка народных сил и доблестей.

Надобно принимать меры и ставить преграды разлагающемуся злу, если мы хотим спасти от упадка и истощения наш народ и от разложения наше великое государство.

Искать этих спасительных мер нам нигде кроме Божественного откровения и Церкви. Призовем на помощь их спасительные наставления для ограждения наших семейств от тлетворного влияния ложных воззрений и вредных обычаев нашего времени.

I. Главное заблуждение относительно семейной жизни ныне состоит в том, что все ищут и ждут от семейной жизни счастья, как чего-то готового, что непременно они должны найти без трудов и усилий. Но такого готового счастья ни в каком роде и нигде нет на нашей земле: все здесь трудом добывается. В изречении бытописателя о жизни в раю наших прародителей есть знаменательная черта, которую мы можем взять в руководство при нашем размышлении о семейном счастье. Земной рай, изображенный в Библии, всеми признается за первообраз земного благополучия. Красота местности, первобытная сила растительности, готовые плоды для пищи, отсутствие опасностей и болезней, мир и чистая радость сердца, созерцание Создателя и беседа с Ним — все это возносит наше воображение в иной вожданный мир, который превышает все наши обычные

понятия о земном счастье. Но не для праздных наслаждений поселил Бог первозданных людей в рай сладости, а дал им упражнение для первого развития их сил, повелев им «возделывать рай и хранить его». Итак, если и самый рай, для полноты счастья его невинных обитателей, имел нужду в возделывании и охранении, то какое земное состояние и какое место на земле может быть всегда готовым для нашего благополучия без возделывания и охранения?

Ныне два условия признаются прочным обеспечением семейного счастья: счастливый выбор жениха и невесты и предварительно установившаяся крепкая взаимная склонность, обещающая нерасторжимый союз в будущем. Никто не отрицает великой важности этих условий, но никто из людей, знакомых с опытом, не решится сказать, что счастливый выбор и взаимной склонностью все будущее счастье супругов обеспечено. Это рай, который надобно еще возделывать и хранить. Прежде всего под это доброе начинание нужно подвести основание, на котором зиждется истинное, т. е. разумное, сознательное, духовное счастье человека. Все увлечения нашего сердца проходят вместе с переменами, неизбежно происходящими в предметах, к которым они направлены, и в нас самих. Красота телесная вянет, к богатству привыкают, вкус к удовольствиям по времени притупляется; не изменяются и не слабеют только связи, составляемые на общем направлении супругов к разумно-нравственным целям. Апостол Павел говорит, что невеста «свободна выйди, за кого хочешь» — как и жених волен жениться, на ком хочет — «только в Господе» (I Кор. 7, 39). Что это значит? Значит, чтобы при заключении брачных союзов не были опускаемы из виду цели, указанные для супружества Господом: *взаимное попечение супругов друг о друге во всех отношениях, но преимущественно в нравственном; умножение, согласно с Божиим благословением, рода человеческого людьми, способными силою дарований, познаний и деятельности господствовать над природою, а не смотреть на нее тупым взглядом и не жить в ней без сознания подобно существам неразумным* (Быт. 1, 28); *наконец, воспоение человеческих обществ членами, способными служить благу человечества и славе Божией*. Только при согласии супругов во взглядах на эти главнейшие их обязанности и при дружном их исполнении получают настоящее значение и красота, и образованность, и достаток, и взаимная любовь как средства достижения цели или как утешения в трудах. Без этого единства убеждений является у супругов разлагающая разность во вкусах и взглядах, направление склонностей в разные стороны, а главное — бессодержательность и пустота семейной жизни, которой нельзя наполнить никакими чувственными удовольствиями. Если эта пустота и отсутствие высших целей и благородных трудов, предлагаемых супругам, обнимает обе половины, то семейное счастье сгибло, и дом становится жилищем праздности, ссор и пороков как в родителех, так и в детях; если же эта неспособность к труду семейной жизни является в одной половине, то эта половина становится бременем для другой, и ее участь — иногда затаенное, но всегда неизбежное охлаждение и даже пренебрежение от другой стороны, как к мертвой силе, задерживающей общее дело и вредящей ему. Таково чувство, сопровождающее печальный взгляд разумного мужа на жену, бросающую без призора детей для светских удовольствий; таковы мысли жены о муже праздном и

ленивом или разоряющем дом расточительностью и другими пороками. Когда равно пусты и рассеяны и муж, и жена, то их неизбежно постигает и другая заслуженная кара — потеря уважения и любви со стороны детей их.

Воображая, что счастливый выбор партии обеспечивает навсегда семейное счастье и что оно упрочивается первою склонностью, многие супруги ныне опускают из виду и то, что в первое время супружества они еще не знают ни друг друга, как должно, ни даже самих себя в новом своем положении. Только стоя близко друг к другу, как стоят супруги, и только по времени они могут изучить образ мыслей, вкусы, склонности, привычки друг друга, причем, к удивлению многих, в избранных сердцах, вместе с достоинствами, привлекавшими любовь, открываются и значительные недостатки. Обнаружение недостатков, неожиданные мысли, желания и требования поражают иногда обоих супругов, как нечто необычайное, для счастья опасное и доказывающее ошибку, сделанную в выборе. При дальнейшем обнаружении недостатков эта мысль подтверждается, и умножающиеся столкновения, споры и размолвки, при недостатке наблюдения за собой и снисходительности друг к другу, принимаются за доказательство, что счастье улетает, что брак не удался, что вместе жить невозможно, что нужно разойтись.

Между тем правила христианской жизни требовали от обоих супругов, при благодарности к Богу за найденные друг в друге достоинства, быть настоящим и ждать обнаружения недостатков, как неизбежной принадлежности каждого человека, изучить их, отнестись к ним со всею снисходительностью, какой требует взаимная любовь, и приниматься с кротостью и терпением за исправление друг друга. Это укрепляет любовь, так как имеющий недостаток старается утешить снисходительного друга другими лучшими свойствами своей души. Внимание к слабости и недостатку такого близкого человека, как муж или жена, возбуждает жалость к нему и утверждает в терпении, которое само по себе есть добродетель; в этой добродетели человек, имеющий христианские убеждения, и для собственного усовершенствования обязан упражняться с ревностью и постоянством. Он не может бросить того, с кем сжился сначала первою, живою и ясною любовью, потом любовью, по слову апостола, «милосердующей», потом любовью «долготерпящей», наконец — любовью «верующей» в плоды терпения и в возможность исправления человека, которое иногда бывает и сверх ожидания, при особой помощи благодати Божией (I Кор. 13, 4—8). По этим воззрениям истинно, честно любящие друг друга супруги не могут бросить друг друга за недостатки (если они не обращаются в преступления), иначе для них потеряется главная цель супружеской жизни — любить друг друга не с увлечением для одних наслаждений, а с самоотвержением для общего блага, временного и вечного. В этом случае полезно вспомнить наставление св. Иоанна Златоуста: «В супружестве надо всем жертвовать и все терпеть для сохранения взаимной любви; если она утрачена — все пропало».

2. Немало вредят в наше время семейному счастью разные обычаи и предрассудки, не согласные с христианскими понятиями о супружеской жизни. Сюда мы относим: позднюю женитьбу мужчин, особенностями воспитания женщин, стремление к уличной жизни и крайнюю свободу супругов в отношении к чужим лицам другого пола.

2.1. Продолжительная холостая жизнь развивает в мужчинах не только крайнюю разборчивость в выборе себе жены, по их избалованному, а иногда и испорченному вкусу и по излишним требованиям, но и разные эгоистические привычки, не соответствующие основному закону семейной жизни, по которому супруги обязаны заботиться больше об угодении друг другу, чем личным склонностям. Муж, привыкший до брака проводить свободное время в веселых собраниях, делает издержки из своего состояния только для себя, располагает время по своему, — с трудом мирится со строем жизни семейной, где он обязан больше тратить для жены и детей, чем для самого себя, посвящать им свое свободное время и заботиться больше о благоустройстве своего дома, чем о своих личных удовольствиях. Все это для избалованного свободного человека становится стеснительным; он рвется из дому вон и тем дает семье испытывать оскорбительное чувство, что она для него бремя, и переносит одиночество и как бы сиротство при живом муже и отце.

2.2. В современном воспитании девиц много крайностей, вредящих целости и сосредоточенности семейной жизни. Ныне каждая образованная девица, забывая свое главное назначение быть женою и матерью, непременно задается какою-нибудь особою возвышенною целью, для достижения которой не только отдает все свои силы, но и изиурет себя: быть общественною деятельницею и служилым человеком, врачом, литератором, художником, поступить на сцену — вот любимые мечты современных молодых девиц. Выходя замуж, как они часто любят говорить, вопреки своему призванию, они бредят этим призванием до старости и убивают время на бесполезное для их семейных обязанностей чтение и другие занятия, без которых не только можно бы, но и должно обойтись.

2.3. Под именем привычки к уличной жизни мы разумеем обычаи нашего времени, порождаемые новым учением о необходимости всеми средствами развивать жизнь общественную, разумея под этим не совокупные труды для блага общества, а главным образом, общественные удовольствия. Сколько ныне выездов, собраний, вечеров, гуляний и тому подобных отлучек из семьи, отрывающих супругов друг от друга и от детей, которые можно бы оставить без ущерба общественному и государственному благу. Мы много на эту мысль встретим возражений со стороны требований благотворительности, просвещения искусств, общественных приличий и т. п. Но все эти благодеяния просвещения окажутся легковесными сравнительно с великими благами, которые приобрели бы семейства, если бы муж и жена все свободное от истинно обязательных выездов время сидели дома и занимались своим делом. И всякая полезная общественная деятельность теряет и душу, и силу, и истинный смысл при упадке семейных добродетелей.

2.4. Но едва ли не самый опасный враг семейного счастья — это крайняя свобода, позволяемая ныне в отношениях супругов к сторонним лицам другого пола. Стеснять мужа и жену в этом отношении почитается ныне и неблагоприятным, и несоответствующим истинным понятиям об уважении к человеческой личности, и признаком грубой ревности, и обидным недостатком взаимного доверия и проч., и проч. Но между всеми этими правами на свободу мужа и жены от взаимного надзора недостает самого законного — и не только права, но и обязанности

мужа и жены — заботиться о нравственной безопасности друг друга. Христианское учение о человеческой слабости и о силе соблазна не теряет своего значения при всех здравых понятиях об уважении и доверии друг к другу. При нынешних героях и героинях, починающих для себя честию победы известного рода и искусство соблазнять супругов и расторгать наилучшие супружеские отношения; при современном учении о свободе чувства; при разнообразии раздражающих чувствительность общественных удовольствий, — со стороны супругов оставлять друг друга на произвол случая, — без молчаливого, кроткого и любовного попечения и взаимного охранения от соблазнов — и несправедливо, и жестоко. Точно так же неблагоприятно и допускать в свой дом в слишком близкие отношения к семье друзей под предлогом свободы и полнейшего доверия мужа к жене — и обратно. У многих таких простодушных супругов была выкрадываема этими мнимыми друзьями супружеская любовь, а все мы беспрестанно видим расторжения некогда счастливых браков, подготовленные этими дружескими отношениями.

2.5. Но общая причина современных несчастий в жизни семейной (как и во многих других случаях) есть уклонение от уставов и правил, предлагаемых нам для сохранения семейного счастья нашею руководительницею — Православною Церковью.

Молодые люди, воспитанные под руководством Церкви при наступлении поры супружества в глубине сердца молятся Богу об устроении их будущности и веруют судьбу свою всеблагому Промыслу Божию.

Соблюдение священных времен и уставов Церкви относительно бдения над собою спасает их от развития страстей, ведущих к разрушению взаимной верности. На детей они смотрят, как на дар Божий. Дни церковных праздников и у них в доме составляют праздники, восполюющие духовной радостью семейную любовь и доступные по состоянию удовольствия. Питомцы такой семьи от детства до старости помнят любовь и слезы родителей, их благословения и молитвы, с каким они отпускали их в школы или в службу, и тем оставляли в сердцах их сколько благодарности к родителям за любовь их, столько же и поучительную память об их благочестии. В таких семьях двойной союз — родственник и духовник — связует мужей и жен, детей и родителей двойною силою и ограждает их от всяких вредных влияний и соблазнов, приражающихся со стороны. Такое семейство и называется у св. апостола Павла *домашнею Церковью* (Рим. 16, 4), в той мысли, что и христианской семье, как самой Церкви, Глава и покровитель — Господь; что и она, как Церковь, живет под осенением благодати Св. Духа.

III. Благодарение Господу, еще есть у нас такие семейства во всех сословиях, есть и память о благочестии предков даже в семействах, сбившихся с прямого пути; но что думать о тех очень многочисленных семьях, которые отвергли все эти предания, как бесполезную старину? Они сами от того страдают, они возбуждают и в нас жалость и сострадание; об них мы должны молиться, но должны и думать, крепко думать о пресечении зла путем воспитания, наблюдения за проповедниками ложных учений и за новыми обычаями и удовольствиями, развращающими и убивающими нашу нравственную жизнь.

Раздел второй

Конспект ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА

ГЛАВА XII

Другие эмоции. Развитие
альтруистических чувств
в детские годы.
Христианская надежда.
Упокоение сердца в Боге
и ожидание
будущего блаженства

Эстетическое чувство, рассмотренное нами в предыдущей главе, является одной из эмоций человеческого сердца. Но, разумеется, не меньше, а еще больше значения имеют для христианина многие другие эмоции — напр., чувства симпатии и антипатии, привязанности семейные, дружеские и национальные, чувство милосердия и жалости и т. д. И, конечно, все эти возвышенные чувства должны быть развиваемы в сердце христианина — по возможности, с самых юных лет.

Увы — этого как раз обычно и не бывает! К сожалению, во многих иногда очень и очень хороших христианских семьях жизнь поставлена так, что родители сознательно отстраняют от своих детей картины человеческой нужды, печали, тяжелых бедствий и испытаний. Такое чрезмерное оберегание детей от суровой действительности — конечно, приносит только отрицательные результаты. Дети, выросшие в тепличной, оторванной от жизни обстановке, вырастают изнеженными, избалованными эгоистами, привыкшими только требовать и получать и не умеющими уступать, служить, быть полезным другим. Но жизнь жестоко ломает и иногда невыносимо больно наказывает таких людей, и иногда уже — с юных лет, со школьного возраста. И поэтому-то, любя детей, нужно уже с детства закалять их. А главное: и пред глазами родителей, и пред глазами у их детей — должна быть всегда одна определенная христианская цель — чтобы дети, вырастая и развиваясь телесно, развивались и духовно: становились лучше, добрее, благочестивее, отзывчивее... А для этого нужно ставить пред детьми картины людской нужды и горя — и давать им возможность помочь. И тогда дети сами потянутся к добру и правде, ибо все чистое, доброе и светлое в особенности близко и родственно неиспорченной детской душе.

Те эмоции, о которых говорили мы до сих пор, включая высшие из них — жалость и сострадание, — встречаются у всех людей. Переходя теперь к чувствам уже чисто-христианского типа, мы остановимся на чувстве христианской надежды. Христианскую надежду можно определить как сердечное жизнеисполнение памятование христианина о Боге, неразрывно связанное с уверенностью в Его Отеческой любви и помощи. Человек, имеющий в сердце такую надежду, везде и всегда чувствует себя под кровом Отчим, подобно тому, как везде и всегда в физи-

ческом мире над собою видит необъятный небесный свод. И поэтому христианин, имеющий надежду на Бога — никогда не придет в отчаяние, никогда не почувствует себя безнадежно одиноким. «Безвыходным» положение может казаться только неверующему; верующий же и надеющийся на Бога — знает Его близость к скорбящему человеческому сердцу, и у Него найдет и утешение, и ободрение, и помощь. Но, конечно, венец и вершина христианской надежды — в будущем. Мы, христиане, знаем, что наш Символ веры, в котором собраны все основные истины христианства, оканчивается словами: «чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь». (Слово «чаю» означает — ожидаю, и не только ожидаю, но и надеюсь, и желаю всем сердцем, чтобы это пришло поскорее.) Итак, полное осуществление христианской светлой надежды — будет уже тогда, когда жизнь окончательно восторжествует над смертью и Правда Божия над мирскою неправдою. Тогда «все минется, одна правда останется», говорит русская поговорка. Тогда покрыто будет всякое горе страдальцев, ибо «отрет Господь всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее — прошло» (Апокал. XXI, 4). «И радость вечная будет над головою их» (Исая XXXV, 10). Вот — вершина, венец и полное осуществление христианской надежды, и торжество тех, кто в земной жизни был гоним и притесняем и изгоняем — за правду Христову...

ГЛАВА XIII

Развитие воли:
I. Упражнение.
Самодисциплина.
Добрые привычки.
II. Значение принципов
в деле выработки воли.
Религия как источник
этих принципов

Остается нам теперь разобраться в вопросе о воспитании и развитии воли человека. От направления и силы воли более всего зависит нравственный характер и нравственная ценность личности человека. И, конечно, всякому понятно, что для христианина важно, во 1-х, иметь волю сильную и решительную, а во 2-х, иметь волю, твердо направленную ко благу ближнего в сторону добра, а не зла.

Как же приобрести сильную волю? Ответ прост: прежде всего — чрез упражнения ее. А для этого — опять-таки аналогично телесным упражнениям — нужно начинать с небольшого, с небольшого. Но — начавши упражнять свою волю в чем-либо (напр., в постоянной борьбе с какой-либо своей греховной привычкой или прихотью) — уже не оставлять этой работы над собой. При этом, с самого начала, христианин, желающий укрепить свою волю, свой характер — должен избегать всякой разбросанности, беспорядочности и непостоянства в поведении. Иначе он будет человеком бесхарактерным, не представляющим из себя ничего определенного. На такого человека не могут положиться ни другие люди, ни он сам. А в Свящ. Писании такой человек называется тростью, ветром колеблемой.

Для каждого из нас нужна дисциплина. Она имеет

настолько важное значение, что без нее невозможен правильный, нормальный порядок и успех работы — напр., в школьной или в военной жизни. Еще важнее это в жизни каждого отдельного человека, причем место внешней школьной или военной дисциплины здесь занимает внутренняя самодисциплина. Человек должен сам поставить себя в известные рамки, создав определенные условия и порядок жизни — и от этого уже не отступать.

Заметим еще вот что: в деле укрепления воли большое значение имеют привычки человека. Мы уже видели, что привычки дурные, греховные — большая помеха для христианской, нравственной жизни. Зато добрые привычки — ценное приобретение для души, а поэтому ко многому хорошему человек должен себя именно приучать, чтобы это хорошее сделалось для него своим — привычным. В особенности важно это в молодые годы, когда еще формируется, складывается человеческий характер. Недаром говорят, что вторая половина земной жизни человека складывается из привычек, накопленных за первую половину этой жизни (срав. поговорку: «привычка — вторая натура»).

Против того, что сильная воля нужна человеку — вероятно, никто спорить не будет. В жизни мы встречаем людей с разной силой воли. И часто бывает так, что человек очень одаренный, талантливый, с сильным умом и глубоким, добрым сердцем — оказывается слабовольным и не может провести в жизнь свои планы, как бы хороши и ценны они ни были. И обратно — бывает так, что человек менее талантливый и одаренный, но более волевой, сильный характером, успевает в жизни и, как говорят, свою линию проводит до конца.

Но еще более важным качеством человеческой воли является ее доброе направление — в сторону добра, а не зла. Если хороший, но слабовольный человек может в жизни оказаться мало полезным членом общества, то человек с сильной, но злой — разрушительной — волей является уже опасным; и он тем опаснее, чем сильнее его злая воля. Отсюда ясно, что крайне важными являются те принципы, те основные начала и правила, которыми руководится воля человека. Беспринципный человек — нравственное ничтожество, не имеющее никаких нравственных устоев и опасное для окружающих.

Откуда же воля человека может взять для себя эти принципы — дабы действовать по ним? Для неверующего человека ответ здесь крайне труден да, в сущности, и невозможен, неразрешим. Брать их из науки? Но наука, во 1-х, по преимуществу, интересуется вопросами знания, а не морали, а во 2-х, она сама не представляет из себя чего-то твердого и принципиально-постоянного, ибо все время расширяется, углубляется и во многом изменяется. Из философии? Но философия сама твердит нам об относительности и отнюдь не безусловной достоверности своих истин. Из жизни практической? Еще менее. Эта жизнь сама нуждается в положительных принципах, которые могли бы упорядочить и устранить из нее разнузданную беспринципность.

Но если так труден ответ на поставленный вопрос для неверующих, то для верующего человека, в особенности — для верующего христианина ответ прост и ясен. Источник добрых принципов — Божия воля. Она открывается нам в учении Спасителя, в Его Святом Евангелии. Только она имеет в этой области безусловный, незыблемый авторитет; и только она научила нас самопожертвованию и христианской любви ко всем — даже и к врагам; только она да-

ла людям возвышеннейшие понятия о христианской свободе, христианском равенстве и братстве (понятия, украденные у нас социалистами, коммунистами и др. врагами веры). И об истинных христианах Сам Господь сказал: «Не всякий, говорящий мне: Господи, Господи — войдет в царствие Небесное, — но исполняющий волю Отца Моего Небесного...» (Матф. VII, 21—23).

Глава XIV

Труд и его необходимость для христианина. Развлечения и самособранность духа. Молитвы, обеты и зарок как средства преодоления дурных навыков

Необходимым условием всякой деятельности человека, укрепляющего его волю, является труд. Он был заповедан Богом согрешившему человеку еще в раю: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой». Поэтому трудиться должен каждый из нас.

В 1-м послании к Солуньям ап. Павел о необходимости труда писал так: «Умоляем вас, братие, делать свое дело и работать собственными руками, как мы заповедали вам». А во 2-м послании он резко отзывается о тех, которые поступают бесчинно и «суетятся» — и точно формулирует свой призыв к труду: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (эти слова также украдены коммунистами, выдающими их за продукт собственного творчества). При этом необходимо отметить еще то, что христианство никогда не разделяет труда на работу «белую» и «черную». Такое разделение часто принималось до последних лет в совр. обществе, причем к «черной» работе (по преимуществу — физическому труду) относились пренебрежительно. Христианство же требует от человека только того, чтобы труд его был честен и приносил соответствующую пользу. И с этой христианской точки зрения, человек, занимающий высокий и ответственный пост и небрежно относящийся к своим обязанностям, — гораздо ниже самого незначительного из своих подчиненных, если последний исполняет свои обязанности по-христиански — добросовестно. При этом всякий знает на личном опыте, какое отрадное удовлетворение чувствует тот, кто честно и усердно работает и какой скверный осадок остается на душе после времени, проведенного пусто и бессмысленно...

В наши дни среди молодежи очень распространен ложный и греховный взгляд на труд и на развлечения. На труд смотрят, как на что-то в высшей степени неприятное, как на тяжкое подневольное иго, и забываются о том, чтобы поскорее от него отделаться — «свалить с плеч». И все свои стремления и усилия направлять к тому, чтобы как можно скорее «отдохнуть» (от чего?!), и развлечься. Есть поговорка — «делу время, потехе час». Многие хотели бы, чтобы было наоборот... Но, во 1-х, это грешно и совсем не по-христиански, а во 2-х, и самый отдых и развлечения только тогда бывают приятны и радостны, когда они заслужены предшествующим трудом. А для того, чтобы в душе не было той пустоты и рассеянности, которые так обычны теперь — в наше нервное, беспокойное, суетное время, — христианин должен приучать себя к самособранности. Нужно следить за собою во всех

отношениях и ясно отдавать себе отчет в своем настроении и стремлениях, а также представлять себе точно — что мне нужно сделать в данный момент и к какой цели направлять все свои усилия.

Говоря об укреплении воли, необходимо еще упомянуть о тех случаях, когда человек чувствует волю свою бессильной для того, чтобы устоять против какого-либо соблазна или укоренившейся греховной привычки. Здесь он должен помнить то, что первое и основное средство в таких случаях — молитва, смиренная молитва веры и упования. О молитве речь будет ниже; пока же только еще раз вспомним то, что даже такой могучий духовно человек, как ап. Павел, говорил о бессилии бороться с грехом и творить добро: «не еже хочу доброе — сие творю, а еще не хочу — злое сие содеваю» (доброе, которого хочу, — не делаю, а злое, которого не хочу, — делаю). Тем более, так бывает постоянно с нами — немощными и слабыми. А молитва — может нам помочь, т. к. она на помощь нашему бессилию привлекает Божию всемогущую силу.

Помимо молитвы, большое значение для укрепления воли в борьбе с грехом имеют еще так наз. обеты и зарок. Обетом называется обещание человека сделать какое-либо доброе, благоугодное дело — напр., помочь бедняку, построить храм или богадельню, взять на воспитание сироту (или — как часто делали наши благочестивые предки — сходить куда-либо в св. места — на богополье) и т. д. Применительно к нашим условиям, такие обеты могут состоять в следующем: если человек замечает за собой несправность в каком-либо отношении — мало помогает другим, ленив трудиться, мало заботится о семье и т. д., — он должен выбрать себе в этой области определенное постоянное доброе дело и исполнять его неуклонно, как свою обязанность. Зарок — это те же обеты, только отрицательного характера. В этих зарках человек дает обещание не делать того или иного греха, бороться самым решительным образом с той или иной греховной привычкой (напр., пить, курить, сквернословить и т. д.). Часто эти зарок даются торжественно, пред св. крестом и Евангелием.

Конечно, самый лучший взгляд зарок бывает тогда, когда человек дает его на всю жизнь. Однако допускаются, и часто бывают, случаи, когда зарок дается на 1—2—3 года. Само собой разумеется, что обеты или зарок человек должен давать, взвесив свои силы, с решимостью во что бы то ни стало выполнить их — с помощью Божией. От неосторожных, необдуманных и непосильных обетов Спаситель предостерегает нас притчею о неразумном строителе башни, над которым смеялись окружающие, говоря: «Этот человек начал строить и не мог кончить...» Соответственно этому, русская пословица говорит: «Руби дерево себе по плечу», а другая добавляет: «Не спрайся броду, не суйся в воду...» Но зато — если обет уже дан — то исполняй его непременно, призвавши помощь Божию, «не давши слова — крепись, а давши — держись»...

Продолжение в следующем номере.

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Слова, поучения, беседы и речи пастыря церкви на разные случаи. Составил по лучшим проповедническим образцам священник магистр Григорий Дьяченко. М., 1898; Троицкий листок. Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990; раздел второй — Изумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харьков, 1936.

Публикацию подготовил писатель
Евгений Чернов.

СТИХИ. РОМАН. ЭССЕ

В. В. РОЗАНОВ

СНЫ ЗОЛОТЫЕ

«Час смерти Лермонтова — сиротство России» — такими словами закончил свою последнюю статью о великом русском поэте («О Лермонтове» «Новое время», 1916, 18 июля) великий русский мыслитель Василий Васильевич Розанов. Восторженная оценка творчества поэта, глубокий к нему интерес — были неизменными для Розанова в течение всей его писательской деятельности. 27 июля нынешнего года исполняется 150 лет со дня трагической гибели М. Ю. Лермонтова, и тем любопытней, неожиданней предстает с высоты наших дней угол зрения другой розановской статьи о нем. Конечно, написанная в «Демоне» отголосков восточных языческих культов — весьма спорный вопрос, конечно, языческие симпатии Розанова могут разделяться далеко не всеми. Тем не менее, мы считаем, что этот очерк [как и большинство сочинений Василия Васильевича], благодаря остроте, порой парадоксальной постановке важнейших проблем религии и культуры, представляет богатейшую пищу для ума всякого человека, неравнодушного к данным проблемам. А это не так уж мало...

Статья «Демон Лермонтова и его древние сородичи» печатается по первой (и единственной) публикации: «Русский вестник», 1902, № 9.

Лермонтов чувствует природу человека-духовно, человек-образно. И не то, чтобы он употреблял метафоры, сравнения, украшения — нет! Но он прозревал в природе точно какое-то человекообразное существо. Возьмите его «Три пальмы». Караван срубает три дерева в оазисе — самый простой факт. Его не украшает Лермонтов, он не ищет канвы, рамки, совсем другое. Он передает факт с внутренним одушевлением, одушевлением, из самой темы идущим: и пальмы ожили, и с пальмами плачем мы; тут есть рок, Провидение, начинается Бог. Это все тоже

Когда волнуется желтеющая нива.

но уже переданное фигурно, образно, в драматической сцене, а не отвлеченно. Помню, как еще до поступления в гимназию и не зная, что такое «поэт» и «поэт Лермонтов», я придумал к поразившему меня стихотворению напев и, бывало, уединившись в лес или сад, пел эту песню («Три пальмы»), всегда с невыразимой грустью, как о живых и родных мне пальмах. Лермонтов роднит нас с природой. Это гораздо больше, чем сказать, что он дружит нас с нею. И это достигается особенным способом. Он собственно везде открывает в природе человека — другого, огромного; открывает макрокосмос человека, маленькая фотография которого дана во мне.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана:

Не остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

Это совсем просто. Ничего нет придуманного. Явление существует именно так, как его передал Лермонтов. Но это уже не камень, о котором мне нечего плакать, но человек-гора или гора-человек, о которой или с которой я плачу. В «Рустаме и Зорабе» есть Горный Дух, которому на время Рустам передает часть своей силы и потом берет у него ее обратно, чтобы победить сына; вот такими-то «горными духами», большими, чем самые горы, древними «Виями», одного из коих показал нам Гоголь, полна поэзия Лермонтова. Возьмите «Дары Терека».

Но, склонясь на мягкий берег,
Касный стихнул, будто спит.
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит...

Это совершенно человекообразно. Это — сказка, не хуже народных, и с такою же, как у народа, прочною,

но уже не наивно верю, что природа шевелится, слушает, ласкается, любит, ненавидит. Все, что есть в моем сердце, есть в сердце того огромного духа ли, чудовища ли, во всяком случае, огромного какого-то древнего, вечного существа, которое обросло лесами, сморщилось в горы, гонит по небу тучи. Таким образом, во всех стихотворениях Лермонтова есть уже начало «демона» недоразованный, «демон» многообразный. То слышим вздох его, то видим черту его «лика». Каспий принимает воли Терека только с казачьей молодью: вот уже сюжет «Демона» в его подробностях: «дубовый листочек» молот о любви у подножия красивой чинары: опять любовь человека-образная, человеко-духовная, между растениями: три пальмы в кого-то влюблены, кого-то ждут; караван они встречают, как брачный поезд:

Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеной ручей...

это — оживление, это раскрытие объятия невест, так жестоко обманувшихся... Тема «Демона» неуемна у Лермонтова, вечно скажется у него каким-нибудь штрихом, строкою, невольным, непреднамеренно. Что же это, однако, за тема?

Любовь духа к земной девушке: духа небесного ли, или какого еще, злого или доброго, — этого сразу нельзя решить. Все в зависимости от того, как взглянем мы на любовь и рождение, увидим ли в них начальную точку греха или начало потоков правды. Здесь и перекрещиваются религиозные реки. А интерес «Демона», исторический и метафизический, и заключается в том, что он стал в пункт пересечения этих рек и снова задумчиво поставил вопрос о начале зла и начале добра, не в моральном и узеньком, а в трансцендентном и обширном смысле.

Средневековые легенды полны сказаниями о таких духах, всегда называемых «демонами», всегда обольстительных. Обольстительные девушки являются подвижникам, обольстительные юноши соблазняют подвижниц. Пушкин в легком очерке

За озером в тени дубравы
Спасался некогда монах...

нарисовал легкую и выразительную картину подобных искушений. Никогда не было исследовано: почему именно возможная страсть, страсть напряженная раздвигается, однако, в представление цельного человеческого образа, в галлюцинацию необыкновенно живую, до полной веры в ее действительность и объективность. Почему страсть не остается в рамках физиологических, а переходит в художество, в рисунок, в лепку форм, физиологически весьма мало нужных? Ведь голодный просто представляет себе кусок хлеба, миску щей, едва ли сервируя стол и задаваясь вопросом, серебряной или оловянной ложкой он ел бы такой померещившийся суп. Но у отшельников является какой-то аскаризм, роскошествование, изыскание в представлениях: в галлюцинациях вдруг встают древние «боги», навсегда покоренные, — и, как описал Пушкин, иногда эти «боги» побеждают всяческие заклятия. Как для настоящих «духов», для них не существует замков, запоров, стен. Не понимаю, для чего спиритам потребовались их исключительные «духи», к тому же с такою коротенькою психологиею, когда настоящие могущественные «духи» оставили такой реальный след по себе в стольких «житиях»?!

Начало жизни — грех. — вот философия наших времен. И что влечет к началу жизни, названо было в средние века «демоническим» и «демоном». «Это демоны соблазняют нас, чистых дев и чистых старцев, приобщиться к жизни, которую мы прокляли, выйдя из ее кругооборотов...»

В томительных сценах искушения, увя, не ведется никаких теологических споров: «демон» никогда и ничего не доказывает, ничего и никогда не опровергает; не поддерживает ни одной ереси, не колеблет никакого догмата. В житиях, ни в одном, ничего подобного не записано: он сияет, манит и влечет. Он только прекрасен и он только

тело, живое, блистающее, гармоничное, весеннее; одухотворенное, но без всякого перевеса «духа над материей»; без речей, или с речами не умнее спиритических. Что же это за «икс»? Он не относится ни к какому частному, видовому, второстепенному утверждению нашей эры: он относится к коренному ее утверждению — гробу, маня перейти от него к акту, лежащему на противоположном полюсе смерти. «Демон телесной красоты и пристрастия» борется с богом, и уже по тому одному, что в середине века он был назван «демоном», можно заключить, что в эти века сущность святости определялась, как бестелесность, аителесность, как некоторая акосмичность, если употребить слово «космос» в древне-пифагорейском смысле «красоты», «благоустройства».

Но то, что стало «демоном» в нашей эре, до нашей эры называлось «богом». Вспомним в некоторые подробности. Все древние религии романтичные: вместе с тем все они — реальные. От холодного, острого Рима до знойной Сирии, везде солнце религии составляло жертвоприношение. Через кровь жертвы человек соединялся с Богом. Что такое кровь? Бегущая жизнь, живое, творческое, безмолвное и созидующее. Все органы тела творятся из материала крови, и кровь животного (сумма ее) есть как бы пар его образа, его же фигура, прозрачная, душеобразная. Избрать между Богом и собою посредником, вестником кровь — уже значит самого Бога представлять и чувствовать не отвлеченно, но живо, конкретно, а следовательно родственно человеку. Если я пишу письмо, то посылаю его грамотному, и если в религию входит жертва, то непременно человек молится не понимаемому Богу, но существующему Богу, тому, который «есть», который скажет о Себе: «Я — есть», и даже в этом, на первый взгляд странном определении, выразит свою главную сущность. «Я была, есмь и буду» — стояло, по словам Платона, на статуе Нейт в Саисе (египетский город). С наших, уже бескровных, логических точек зрения, «я есмь» как бы выражает отрицание сомнения в бытии: «не сомневайся — я есмь», «не ищите меня, не пугайтесь видимым отсутствием, — я есмь, существую». Между тем для народов, имевших жертвоприношения, ударение в этой формуле стояло не так: «существо я есмь». «Сый я есмь», «вечно суший, живой — как жива кровь, через которую ты ко мне относишься, и живой именно в крови, вечно гонящий кровь, струящий жизнь мира, нерв мира». Живого нельзя не бояться; это не просто сумма мнений теологов. Все древние народы, жертвоприносившие, трепетали Бога реально, невольно, неудержимо, как и любили его сыновне, реально же, и верили ему реально, как сын не может не верить в бытие отца своего, хотя бы никогда его не видел. Где были жертвы. — теизм был реалии и неуемим. Теперь второе наблюдение. От Греции до Вавилона, до Египта звезды были разделены на группы, обведены фигурами — животными: вот подлинники боги древности, эти небесные животные! — и дева, и козерог, и близнецы, медведица, лев, дракон. У Геродота записано, что в каждом египетском городе почиталось свое животное, так что в сумме египетских городов почиталась вся сумма известных египтянам животных. Они же приносятся в жертву, они же были брошены на небо — уже в каком-то ином смысле. Животное — предмет почтения в храме, животное — под ножом жреца, животное — обведенное вокруг звезд на небе, было взято вовсе не в одном смысле, но в трех разных, однако, относившихся к одной метафизической загадке. «Животное, жизнь — непостижимо, тут — и земля, тут — и небо; и персть, красная глина, — и дыхание Божие; его плоть я вкушаю, но пар его, но дух его улетает в небеса, — и вот отчего я тоже и молюсь ему.» В одном атласе научной экспедиции в Египте я рассматривал рисунок красками неба: темно-голубой фон — это лазурь, твердь; среди его желтые лучистые звезды — того цвета, как они видны; но каждая звезда имеет красную каплю внутри, каплю — крови! Древние представляли небеса живыми, кровавыми, туманно-животными, паробразно-духовными. Иначе невозможно истолковать, для чего на

рисунке центр звезды представлен пурпуро-красным, когда таких звезд не видит наш глаз, ничего подобного не видит! В астрономических атласах и до сих пор вся древняя религия.

Но ведь для этого есть основание, ибо звезды в самом деле романтичны, а любовники все и до сих пор великие звездочеты, звездомыслители, звездочувственники. Пусть кто-нибудь объяснит, отчего влюбленные пристращаются к звездам, любят смотреть на них и начинают иногда слагать им песни, торжественные, серьезные.

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит... —

как написал наш романтический поэт, которому мерцала любовь и в дубовом листке, и в утесе, мерцала при жизни и за гробом. Отчего, в самом деле, полководцы и солдаты, накануне битвы, накануне возможного смертного часа, не взглядывают на звезды? Звезды — кровавы, как рисовали им египтяне, а

В крови горит огонь желаний.

Между животными глубинами нашего «я», откуда как бы там ни было, во всяком случае, распускается цветок любви, и между звездами есть какое-то родство, близость, теплотическая связь, незримая и, однако, действительная. И потому, влюбляясь в юншу, девушка параллельно чуть-чуть влюбляется в звезды, кидая из четырех взглядов три — на него, в четвертый — на них, но тоже влюбляющийся, но тоже влюбленный. «Ты загляни в мое сердце, звездочка, и что там увидишь — скажи влюбленному, шепни в ночи или нарисуй мой полный образ ему в сновидении.» Никогда ведь не было разгадано и явление сомнамбулизма (лунатизма): луна что-то показывает спящему (не в буквальном смысле, ибо глаза сомнамбулиста бывают открыты), чего никто не видит, и он следует указанию, идет, не оступается, забыв, не чувствуя весь реальный мир. А когда просыпается — ничего не помнит. То есть лунный мир и здешний, лунные образы и здешние не имеют общего между собою ничего, не имеют моста между собою. Именно луну древние и называли «астартой», в то же время изображая ее в виде прекрасной девственницы. И до сих пор эта «астарта» является как девственница отшельникам, и как луна — водит за собою сомнамбулистов, посылая им небесные усыпляющие пассы через столько миллионов верст. Ведь если она на душу действует, внушая ей сны, давая образы, усыпляя, — то она действует, как гипнотизер, т. е. не только как человек, но как человек еще хитрый и могущественный. Древние дети и восклицали: «Это — бог! это небесная девственница». Диана (в Греции), Астарта (в Финикии), Милитта (в Вавилоне), Изиды (в Египте). Бог знает, в подробностях, что они думали: мы перебрасываем мостик от заметного и нам в явно бывшему там.

Религии были тогда реальные, романтические, кроваво-жизненные, звездные. Они были метафизические, в противоположность только моральной, какую знаем мы. Зодиак находится во всех древних храмах; а до чего скептицизм не смел подступить к ним, видно из того, что молитвою «всем богам и богиням» Демосфеи начинал политические речи, а Платон окончил некоторые из своих диалогов. Представить себе речь Чамберлена, начинающуюся словом «Бог», или Спенсера, посвящающего заключительную главу трактата молитве благодарственной об окончании труда! Мы религиозно несравненно холоднее древних. Но если метафизика бытия составляла сущность их теизма, и святое они начинали с колыбели, то понятно, отчего храмы их были как бы пригласительные к любви. Египетский храм есть имитация ночи и рожи, он полон распускающихся лилий, не в виде поддерживающих потолок колонн, но лилии — наполняющих храм, стоящих посреди его, составляющих органическую и почти главную его часть. Человек, входя в храм, входил из жаркого полудня, из рациональной суеты дня — в мистицизм ночи, в тайну сумерек, в средоточие тех пальм, в которых нашему

Лермонтову померещились невесты.

...живая махровой главою,

Приветствуют пальмы нежданных гостей...

Так, вероятно, входя под необъятные своды своих роскошных храмов, чувствовали и египтяне, ответно улыбаясь невестам-растениям, сочувствуя их любви, готовые сами любить, пришедшие сюда, чтобы любить. Стены храмов исписаны сценами материнства: везде — младенец, лица улыбающиеся, таинственные, как будто они прозрели в какую-то тайну и обрадовались этой тайне. Во всей необъятной египетской живописи нет ни одного унылого лица: а уныние ведь есть печать удаления от Бога, по заключению всех времен. В вечном и никогда в человеке не умирающем чувстве любви они нашли путь к Богу, второй и параллельный жертвам. Ведь любовь — заря крови, отсвет крови, цветок из ее глубин. Мы наблюдаем в истории, что везде, где были жертвы, чтились и звезды, а любовь считалась священным состоянием, несколько как бы вдохновенным, несколько как бы пророческим. Поразительное чувство веселости и облегченности души в древнем мире, как можно думать, и происходило от того, что они, купаясь в волнах самых теплых и приятных чувств, были убеждены, что океан этих волн уже независимо от их воли катит их к Богу, к вечному «Сый», к тому, что «было, есть и останется». Здесь объясняется и древнее обрезание, общее евреям, финикийцам, халдеям, египтянам. Когда Пифагор пришел в Гелиополис и стал жрецов просить посвятить его в их тайны, они сказали, что это невозможно, пока он не примет обрезания, т. е. оно у них было началом священной науки, как у Израиля началом священных судеб. Обрезание — это вариант жертвы, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушьте жертв, вариант звезд: «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потро

ния, чувство неба, свяшенно-трепетная семья и брак, и стал медленно и упорно угасать, погашаться любовь к детям (метафизика возникновения детоубийства). Старость, дряхлость, а еще лучше — раны, а еще того хуже — гроб вызвали поток совершенно нового умиления, и образовалось другое небо, полное другими небожителями. Не только у евреев, но в Греции и в древней Италии, человек, прикоснувшись к покойнику, считался нечистым или «оскверненным» до конца дня: ибо в нем — жало смерти, гниение, хвостовство и самоупоеание дьявола. Но все это прошло. Какой критерий перемены — этот труп! Перед ним стали воскурять фимиам, возжигать свечи, стали ему немножко поклоняться, — этого нельзя скрыть! Ибо кто уже не романтичен, — то это труп! Туманные образы юношей и дев, навешиваемые «луною» ли «астартой», или «звездами — воинством небесным» (выражение о звездах Библии), в объятия которых в древности радостно шли, теперь стали пугать, названы были «соблазителями». Ведь они уведут от смерти, коренной святости, в жизнь, главный грех. Но вот что замечательно: в новой зре их столько же яляется. И в средние века не менее было сожжено девушек на кострах за сношение с «духами» («колдуньи», «succubi» и «incubi»), сколько в древности было прославлено храмами и мифами, на Кипре, в Сирии, в Месопотамии, на Ниле. Ничего не умерло, переменялись только эпитеты «злой», «доброй».

Лермонтов в «Демоне» в сущности написал один из таких мифов. Все равно, если он ничего не знал о них, — это атакизм древности. В древности его стихотворение стало бы священною сагою, распеваемою орфиками, представляемою в Элевзинских таинствах. Место свиданий, сей

монастырь уединенный,

куда отвезли Тамару родители, стал бы почитаемым местом, и самый «Демон» не остался бы с общим родовым именем, но обозначился бы иновым, собственным, около Адониса, Таммуза, Бэла, Зевса и других.

До какой степени это так, можно подтвердить одним подробным рассказом Иосифа Флавия о случае, имевшем место в Риме, во времена кесаря Тиверия. Вот этот рассказ. «В Риме жила одна знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она вела образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулину нельзя было купить подарками, то Деций возгорелся еще большим желанием обладать ею и обещал, наконец, за одно дозволенное сношение с нею заплатить 200 000 аттических драхм (на наши деньги 50 000 рублей). Однако он был отвергнут, и тогда, не будучи далее в силах переносить муки отверженной любви, решил покончить с собою и умереть голодной смертью. Он не откладывал в долгий ящик этого намерения и сейчас же приступил к его исполнению. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, что юноша чахнет, и озабоченная его решением, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения, доставит ему возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм. Получив от Мунда эту сумму, она пошла иною дорогою, чем он, ибо знала, что Паулину за деньги не купишь. Зная, как ревностно относится Паулина к культу Изиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем и остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побеждаемые громадною суммой,

обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у нее разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Аиубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Аиубиса и сообщила своему мужу, что бог Аиубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни и спрятанный в храм Муид вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем вошли жрецы, не зная об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Аиубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумляясь необычайности события, но и не могли не верить Паулине, зная ее порядочность. На третий день после этого она встретилась с Мундом, который сказал ей: «Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдать мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь насладиться, а потому я прикрылся именем Аиубиса». Сказав это, юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разодрала на себе одежды, рассказала мужу о всей гнусности и просила помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее сообщил обо всем императору («Древности иудейские», кн. XVIII, гл. III, 4). Жрецы и служанка были распяты, храм разрушен, Мунд отправлен в ссылку».

Наказание — страшное, оттого и цена была велика. Что же это такое? Миф в действии, миф с подлогом. Было злоупотребление. Но чтобы злоупотребить чужим, нужно иметь то, чем злоупотребляешь. Подделка фальшивую ассигнацию можно только тогда, когда есть настоящие и когда настоящие внушают веру, имеют ход. Миф древний есть то же, что сказание о «соблазнении» а житиях, и как под вторыми есть обширная философия, была она и под первым. Что же это за философия? Да то, что Достоевский и выразил формулою: «Боги сходили на землю и роднились с людьми». Паулина — редкая из римлянок, особенно того испорченного армени. Но ни ее, ни ее мужа не оскорбляет требование в храм. «Наша любовь с тобою, Паулина, — не уличная любовь, не нравы этих Мессалин. Мы возвысились в ее строгости, в ее ощущении, в верности друг другу не только физическое. но и мыслимой, и наконец в миловидной грации, — до звезд, до Зодиака. Вот одно из зодиакальных животных, сам Аиубис (он изображался в виде шакала, это — «созвездие Пса») спускается к нам и хочет соучаствовать нашему браку, сделать тебя небожительницею. Спешите же, спешите и радуйтесь! Не это, но что-то в этом роде мелькало у древних.

Поищем аналогий, не поступаем ли иногда так же и мы. Мы уже не умеем любить, мы уже любим, как кухарки и извозчики. Но мы мыслим, как боги (наука). И вот, эту возвышенную мысль, которая нам удалась, мы без трепета переносим в мир, возносим к Богу, не страшась что-нибудь замарать ею: «Мир мудр», — говорим мы и не оскорбляем этим ни мира, ни нашего разума. «Небесный ум», — говорим мы о Ньютоме. Но почему наша жизнь, бытие, родники бытия и, в частности, рождение ниже мысли? Неужели рождающийся ребенок не лучше всякой книги, заключающей в себе живую и трепещущую мудрость, яркую и поразительную красоту, глубину неисчислимых возможностей? Почему же бытие свое, нерв свой, роман свой тоже переносим в мир, не сказать: «Мир мудр и жив, мир романтичен, нервен, богат нервами, но не нашими, а утонченнейшими, сокровеннейшими, невидимыми, но имеющими кое-что общее и аналогичное с нашими нервами, и чрезвычайно могущественными». Ведь ум же сам по себе бессильен, песчинки не созидает, а перед нами — бытие, золотой

песок звезд в тверди небесной! Мышление нашего ума, открыв конические сечения, открыло в них вместе и крути вращения светил небесных. И в небесах геометрия! «Но также и в небесах любовь, как у Паулины и Сатурнина, но еще лучшая, еще возвышеннейшая, еще глубочайшая. Кто знает, не небесные ли конические сечения родили в человеке отражение свое — мысль о конических сечениях, и не романтизм ли небес рождает нашу малую любовь? Если так, построим храм чудесному чувству, поидем туда, чтобы удивляться, благодарить и счастливствовать».

Геродот в Вавилоне видел подобный храм. «Уцелел он до моего времени, — рассказывает отец истории. — Посредине его стоит массивная башня. Над этой башней другая — уже, и так далее до восьми. Подъем идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины, находишь там место для отдыха со скамейками. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое, богато убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумира, однако, в храме нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, за исключением одной только туземки, которую выбирает себе божество из всех женщин. Так рассказывали мне халдеи.» Почти можно иллюстрировать строфами из «Демона»:

Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Сны золотые навешать..

«Халдеи же говорят, чему, однако, я не верю. будто божество само посещает храм и поживает на ложе. Нечто подобное таким же способом совершается в египетских Фивах, по словам египтян; и там будто бы ложится спать женщина в храм Зевса Фивского, как здесь, в храм Зевса-Бела, причем и вавилонянка, и фивянка не имеют, говорят, вовсе сношений с мужчинами. Подобно этому в Лидии в Патрах прорицательница, если только она бывает, потому что оракул там не постоянный, запирается по ночам в храм» («История», кн. I, гл. 181).

Вот как это было всемирно в религиях порядка «сый», «я есмь»; но ведь и в самом деле, если геометрия есть в небе, почему не быть там какой-то далекой аналогии земных, физиологических, метафизических влечений? А если там есть далекая аналогия романа, то оно может не только бросать сюда на землю и зажигать в нас любовь, но и внушать поэтам мифы, песни, стихи — подобного же сюжета. «Все, что есть в моем сердце, — есть и в небе, но огромнейшее, чудеснейшее, святейшее.» Оттого философы зовут человека микрокосмом, «малым, но целым миром». А более дорогое слово нам говорит, что мы «образ и подобие», т. е. земной и тусклый, не проявленный дагерротип Того, Кто «есть, был и будет» вечен и не причастен смерти. Вот отчего, когда сотворился человек, то и оказалось, что «мужчиною и женщиною сотворился он», т. е. сотворился романтичным. Этого и понять нельзя без романтизма в том, с коим сделан был дагерротип.

Публикация С. М. СЕРГЕЕВА

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

В сумерках просвещения

Наше время, как и всякое иное, рождает свои словесные устойчивые выражения, быстро окаменевающие, становящиеся штампами и, следовательно, теряющие даже ту новизну, что вначале убеждала своей свежестью — даже если доля истины в них была невелика. А нынешняя эпоха летит такой сверхскоростной лавиной, что в кратчайший срок нам становятся очевидны пустоты и беспочвенность большинства подобных клише, еще вчера приятственных нам своим «лица необобщим выраженьем». Вот одно из таких наших невольных (верней, недомыслием рожденных) и действительно вчерашних заблуждений, которое высказывалось чаще всего так: дескать, какое счастье — к нам возвращаются золотые имена творцов русской духовности, долгое время бывшие в забвении и под запретом; к нам возвращаются бесценные кладовые отечественной подлинной культуры. И так далее... К нам возвращаются...

Эффектно — и нелепо, неверно по самой нравственно-исторической логике. Кто к кому возвращается — блудный сын к отцу или наоборот? Согласно новейшим клише — второе. А ведь это мы возвращаемся в святоотеческий храм веры и красоты, из которого были изгнаны либо сами себя изгнали. Это мы приходим к истинности российской, к своему Глаголу, это мы, заблудшие дети, идем на свет зажженный творцами нашей словесности и философии, идем сквозь застоявшиеся потемки обскурантизма и чуждества — и поражаемся: какие ясные и точные ответы находим мы при этом свете, рожденном многими десятилетиями, а то и веками назад. Ответы на те болезненные вопросы, что рождены нашим часом, и мы поражаемся тому, как пламя старинных свеч духовных убивает и разгоняет соблазнительные химеры и призраки, восходящие из испарений нашей сиюминутности, из сытых уст новейших «столпов», «архитекторов» и прочих вождей «прогрессизма»... И, читая созданное страстотерпцами и подвижниками Русской Думы в давние дни, мы не перестаем повторять: сказано — как сегодня. Не потому ли теперь почти не встретишь не то что литературно-философской статьи или просто рецензии, но даже и описи на хозяйственно-экономическую тему, где в том или ином контексте автор не ссылался бы то на Н. Федорова, то на В. Соловьева, то на отца С. Булгакова... Есть в этом, конечно, и дань моде, и желание блеснуть свежеприобретенной эрудицией, и всякая прочая суета, которую можно назвать «издержками времени», — и все-таки здесь надо видеть прежде всего доброе знание времени, а не его издержки. Ведь и впрямь божественное удивление охватывает при чтении страниц вновь открываемого извешего наследия: даже, казалось бы, сугубо спиритуальные и теософские откровения «без промаха» высвечивают еще не ясные для нас черты в рельефе нашей действительности.

Но даже и в космосе этого провидчества есть звезда, свет которой исполнен особо разительными прорицаниями — такими, что временная условность, дистанция меж временами их рождения и меж нашими днями начисто сжимаются, не существуют. Слова писателя-визионера в самом буквальном смысле «накладываются» на плоть часа идущего, вращают в нее словно кровеносные сосуды. Речь идет о творчестве Василия Розанова (1856—1919).

Читаешь — поистине: хоть плачь, хоть смейся, о быте ли говорит Василий Васильевич, о литературе или об истории. Любое положение и сегодня может вызвать гнев у одних, ярое одобрение — у других. Берем наугад из «Опавших листьев»:

«Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер...»

Вот и еще кое-что о нынешнем климате:

«Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде. У, как везде холодно!»

Или — о том же, но более определенно:

«В революции нет радости. И не будет. Радость — слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея».

Ну, ладно, с таким-то мнением, хотя и без особого востор-

га, ныне согласятся и прежние ортодоксы «великих потрясений», и новообращенные «радикалы»: приверженцем братоубийственных кровопролитий и террора не хочется выглядеть в глазах людей даже тем, кто в глубине души своей не прочь был бы поиграть с динамитом или, по крайней мере, кто танет-ся к «жестким методам». Но вот утверждение, которое, прозвучав одно сегодня из уст писателя или общественного деятеля, тут же навлекло бы на него гнев «интернационалистов» и сторонников «всеземного сознания»; автора мгновенно заклеймили бы как «черкесотенца», «шоениста» и... (прочие ярлыки нам хорошо знакомы). Но В. В. Розанов осмелился высказать его в годы, когда само понятие «любовь в России» становилось синонимом реакционности среди «свободомыслящего общества»:

«Счастливая и великую родину любить не велика вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, даже порочна. Именно, именно, когда наша мать пьяна, лжет и ася запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...»

Жестокие в своей правдивости слова, — и мы сегодня хорошо себе можем представить, почему в годы меж двумя русскими революциями подобные взгляды В. Розанова вызывали не просто отчаянную критику и неприятие даже со стороны наиболее прозорливых («Грядущего Хама» предававших) его друзей и коллег-единомышленников — почему состоялось подлинное «отлучение» этого удивительного писателя от цеха изящной российской словесности... К слову сказать, и до этого печально-позорного события репутация критика в литературном мире была, как нынче принято выражаться, весьма неоднозначной; как только не называли его и «справца», и «слева», каких только ярлыков не клеили: и литературный ёрник, и «русский индше», и лукавый любитель парадоксов, и беспринципный реакционер, и еретик, и... стоит ли продолжать, он действительно пришелся «не ко двору» всем тогдашним «лагерям» и «течениям». Ибо как, пожалуй, никто из творцов отечественной общественно-философской мысли того времени, он, во-первых, хотел, во-вторых, мог, а в-третьих, был самим собой. Иной образ бытия в слове и в жизни был для В. Розанова немыслим. Подобное, будем откровенны, ни в каком обществе не приветствуется и понимания не встречает. Сегодняшнее — тому явное подтверждение...

Вот и ныне любитель усгравать «поминок по советской литературе» (а попросту говоря — замазывать детям все последние духовности, созданное у нас за семь последних десятилетий) Виктор Ерофеев не может удержаться — в своем предисловии к книге В. В. Розанова «Несовместимые контрасты бытия», вышедшей недавно в «Искусстве», — от новых ярлыков, хотя и употребляет их в «позитивном смысле». Автор этой книги, по его мнению, был и «тонким и удачным провокаторм», и проповедником «следственного эсгибиционизма», и, наконец, писателем, предавшим проклятию все русское вообще, Россию и ее народ — ибо они, якобы, проявили свое несоответствие «мифу», им, Розановым, созданному. Словом, духовидец и один из столпов патристической гуманитарности зачисляется теоретиком нашего доморожденного «авангардизма» в свои «предтечи», в отрицатели чувств отечественности... Конечно, в нашей стране посмертная судьба правдолюбца и прорицателя редко бывает легче прижизненной, но когда действительно сверхсамобытностью и оригинальностью сп о с о б а выражать себя мыслить становится и выше, и — еще точнее — «вне» всяческих флангов политизированной действительности, вне так называемой «партийности», даже если она эстетическими полотнощами драпируется, — тогда... тогда и через десятилетия наследко будет его душе от различных «толкователей» его наследия. Не одно обрубят в нем, так другое, не другое постараются замолчать, так третье. Если ерофеевы и иже с ними «поустят», работая с розановскими текстами, вот такое, например, утверждение: «Во все не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни, то их единомышленникам-публицистам (особенно из «парламентских сфер») очень не по нутру придутся «антилиберальные» высказывания писателя, вроде: «...«прогресс» и «либерализм» есть английский чмодан, в котором «все положено» и «все удобно»... Либерал красивее издст «Войну и Мир». Но либерал никогда не являлся «Войны и Мира»: и здесь его граница». Но — сколько же у Розанова есть страниц, от коих в артистическом отращении скрываются наши пышнобородые свежеспеченные неофиты славянофильства (из вчерашних комсомольских функционеров), новообращенные приверженцы православия, смертным

грехом почитающие любую скептическую ноту в отношении Церкви и ее служителей...

Очень трудно Василию Розанову в наши дни: сегодня его необычность стала еще более очевидной, его провиденциальность в глазах нынешних читателей играет всеми оттенками «злости дня», жаждущие коммерческого успеха (и справедли-во жаждущие) книгоиздатели выпускают одну за другой его книги, и происходит это самое, печальное «кусекование» его философии, разрывание его наследия на части различными комментаторами согласно своим вкусам и политическим убеждениям. Надо признать: ни К. Леонтьева, ни В. Соловьева, ни С. Франка, ни одного из славных творцов отечественной духовности прошлого и нашего века, к которым мы возращаемся, такая судьба не постигает, восприятие творений неждого из них становится — продолжает быть — целостным. Но и то сказать: создатель «опавших листьев» «Уединенного» сам в том повинен, сам дал все предпосылки для такой своей судьбы, и прижизненной, и посмертной.

Ибо действительно — ни в чем и ничего не стеснялся. Ибо — и апрямя, еринчеством, озорством, удалством, даже ухарством, как соком солнечным, пронизаны многие его страницы, и блистательными кобщими местами наыворот, и россипьями всяких «сумасшедшинок», где отвлеченно-философские положения перемежаются с «герберно»-физиологическими положениями (к которым и мы лишь недавно поневоле стали привыкать). Вызывающие, оскорбляющие «приличный» вкус и «утонченный» слух дерзости...

И — самый главный парадокс: н и ч е г о этого нет у Розанова. Верней, есть только тогда, когда мы подходим к нему, как в известной притче спелцы к слону: каждый трогае наощупь какую-то отдельную часть — и слышатся ярлыки, ныне, как прежде. А Василий Васильевич Розанов был уникально целостным явлением жизни, явленной в Слово.

Он был... конечно, многим он был: литературным критиком, эссеистом, публицистом, историком, философом. Но прежде всего — У ч и т е л е м.

Учителем — и в первоначально-изначально, библиейско-антическом смысле этого слова, и в буквализме, профессионализме: лучшие годы жизни были отданы преподавательской работе в провинции (в частности, в той Елецкой гимназии, где учениками тогда были И. Бунин и М. Пришвин) и в Москве. Но прежде всего сущность жизнедеятельности В. В. Розанова следовало бы обозначить так: Просветитель. Ведь это и по кормовой, и по бытийной сути понятие гораздо более родственное своему исходному — Просвещению, — нежели нынешнее ведомственно-вульгарное «просвещенец» (как тут не вспомнить солиженицынский термин «образованец»). Просвещение. Просветительство. Вот то, что было и поприщем писателя Василия Розанова, и самим духовным космосом его творческого бытия. Системой — и в этой системе крупные звезды живут воедино и со спящими метеоритами и со звездной пылью: нет ничего случайного и лишнего. Да, не монолит, но — пространство с мирнадами лучей, где основа света — невероятная, невыносимая боль, рожденная тревожными пророческими предчувствиями, страхом за угасание русской духовности. Сумерки просвещения...

Нет, не только тревогу за возможную грядущую гибель отечественности вложил В. В. Розанов в название одного из своих важнейших многочастных сочинений — «Сумерки просвещения», название, ставшее заглавием книги его работ, которая недавно выпущена издательством «Педагогика» (и которая побудила меня обратиться к этим заметкам). Это труд, конкретно и детально касающийся собственно педагогики, проблем народного образования в России начале XX века — проблем, действительно мучавших писателя как профессионала — как просветителя. Возьму на себя смелость сказать, что именно из этих тяжких раздумий, из мыслей над тем, как о б р а з о в а т ь русского человека — и как образовать его именно русским — выростала главная дума Розанова-философа, Розанова-психолога. Конечно, этой своеобразнейшей философии не было бы ни без К. Леонтьева, который явился подлинным духовным наставником писателя, ни — что, может быть, не менее важно, без работ великого русского филолога Ф. И. Буслаева — прежде всего, без того анализа, который был дан этим поборником отечественной культуры «Повести о Горе и Злосчастии...», невадолго до того открытому памятнику-шедевару старорусской словесности. Здесь необходимо привести одно из важнейших и наиболее определяющих (для «генетики» розановского творчества) положений, которое дано в послесловии к книге «Сумерки просвещения» ее составителем, современным литературоведом и прозаиком В. Н. Щербаковым. Он пишет, касаясь работы Ф. И. Буслаева: «Ученый обнаружил, что общим философским направлением всей русской литературы является преимущественно направление учительно-просветительского характера. Именно к

этому направлению позже, т. е. спустя двадцать пять лет, и примкнет только что появившийся на свет Божий Розанов».

На первый взгляд, ничего особенного, ничего сакраментального нет в этом определении: но тут тот самый случай, когда чем более просто звучит истина, чем естественнее она — тем труднее воплощается она в явь, тем больше копий вокруг нее ломается (да и головы летят нередко). В. Розанов увидел, что мгла грозит затмить свет в образовании духовном, поглотить просвещение, ибо в государственной системе воспитания нет системы человеческой и национально-означенной культуры. Из нее исключена собственно душа русского человека. Этот педагог и литератор был одним из первых, кто обратил внимание нового общества России на изначальный смысл понятия «культура» (от латинского корня — «возделывать», «развивать», «обрабатывать», а затем уже «читать», поклоняться тому, что возделано). Это вовсе не отвлеченная семантика: острота вопроса, поднятая в «Сумерках просвещения», ныне стала для нас стократно более ощутимой. Вспомним розановское восклицание о холоде от безлюбия: «культура начинается там, где начинается любовь», пишет он в своем педагогическом труде. Раньше, чем ряд западных мыслителей, он разделил современное ему образование на три «этажа», три сферы: высшую — мудрость (собственно культуру), затем — знание и наконец низшую — информацию. Система просвещения сведена до уровня получения людьми информации: вот исток духовной мглы, по мнению Розанова. Вместо философии духовного воспитания — «учебно-воспитательный процесс». Боже, как все это нам знакомо...

«Кого не поразит, что, так много учась, так тщательно учась, при столь усовершенствованных дидактике, методике и педагогике, мы имеем плод всего этого (новый человек) скорее отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философия воспитания; не приняты во внимание, так сказать, геологические пласты, кои поверхностную пленку «назема» мы безуспешно пашаем», — говорит автор «Сумерек просвещения». И нельзя не согласиться с автором послесловия: «Написано это было в 1899 г. 21 января. Однако и до сих пор наша современная педагогическая наука во многом еще продолжает безуспешно «пахать» пока лишь поверхностный слой почвы среднего и высшего образования...»

И со всеми свойственными его натуре язвительностью, скепсисом, юмором и иронией обрушивается Розанов на современных ему изготовителей «информации», на тех, кто своими словами и действиями стремится подменить почву российской духовности «наземом», кто поверхностной «цивилизацией» и «прогрессизмом» уводит новые поколения от подлинной, от родной, от тысячелетней культуры. Эту, все растущую пропасть в бытии общества и народа он ощущал поистине с физической болью, выплескивавшейся на многие страницы его творений, и журналистских, и философских. «Все реально ст ь — в одном! Все и де о л о г и я — в другом! Непредоляимое расхождение! До отращения, до крови!» — восклицает он в «путевом» эссе «Русский Нил». Вот истинная почва нынешней актуальности розановских сочинений: все то же расхождение (в жизни страны нашей, в бытии россияна) между прежними и новоявленными «идеологиями» — и между естественными законами и уставами отечественной культуры и действительности... Первые не ведут никуда, кроме как к духовному разложению, к «великим потрясениям», говоря словами другого великого россиянина.

Мои размышления — не рецензия на новую книгу, включающую в себя еще одну часть наследия В. В. Розанова: оно действительно громадно, писатель отличался невероятной работоспособностью и плодотворностью, и, вероятно, лишь некое многотомное избранное даст исследователям и читателям возможность усвоить о р г а н и ч н о с т ь философии этого подвижника, внутреннее единство множества ее ликов, граней и ипостасей — столь противоречащих, на первый взгляд, друг другу, что и люди, жившие с ним в одно время, звали его то «самым интересным человеком современности», то «Иудушкой Розановым», и наши нынешние комментаторы «разрывают» его наследие на части. Но из всех изданных в недавние годы книг Розанова «Сумерки просвещения» тем отличается в самую добрую сторону, что и содержанием, «внутренним сюжетом», и тонким, «понимательным» (термин Розанова) анализом, данным в послесловии, этот сборник впервые дает своего рода к л ю ч к целостному и органичному восприятию одного из христианнейших русских писателей. И — ключ к пониманию как истоков его оригинальности, так и — его трагедии, прижизненной и посмертной. Читая книгу, мы впервые сможем ощутить и то, почему поборники и служители православия звали творчество ее автора «дьяволиадой» и всерьез готовили его отлучение от Церкви. И уж, разумеется, ощутим трагизм его финала — не просто физическую смерть от голода в 1919 году, в Сергиевом Посаде, — но удушение человека

теми ядовитыми джунглями революционного варварства, что и взросли на «наземе» — убийстве русской души, которое он столь остро предчувствовал. И тут я не могу не обратиться к едва ли не самым «сверхактуальным» страницам книги, на которых выплеснуты эти предчувствия — к очерку «О картине И. Е. Репина „17-е октября“». Размышляя у полотна великого передвижника, где изображен один из трагичнейших (в своей обманности, в посеянных зернах грядущих обманов и потрясений) дней нашей истории, Розанов создает поистине политико-философскую поэму — донельзя пророческую по отношению к нашим дням, к «митинговой перестроечности», — я приведу лишь самые красноречивые и знаменательные ее штрихи. «Жидовство, сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек — вот что сплело нашу революцию, понесшую красивые знамена по Неваскому... — так комментирует дело И. Е. Репина в выставленной им большой картине „17 октября 1905 года“...» — так начинается свой очерк Розанов. А далее — даются описания «движущих сил» грядущего разрушения: «вожде», одержимый «бесовщиной» мальчик, переживающий звездный час своей античеловеческой жизни, ошалевшие от своей «раскрепощенности» (ведь ни классов, ни скучных лекций!) гимназисты и студенты, «закруживающиеся» от сознания своей юности курсистка-провинциалка. А дальше...

«Впервые из картины Репина, столь разительно истинной по зарисованным лицам, я увидел, что «евреи в революции», в сущности, не ведут, а именно идут за сумасшедшими мальчиками, но подбавляют к их энтузиазму хитрую технику, ловкую конспирацию и миммо-научную печатную литературу. В революции, как и везде, евреи не творцы. Творит, выдумывает и рвется вперед арийская кровь. Это она бурлит и крутит воду. А евреи «починщики часов», как и везде, с мелкоскопом в глазу, и рассматривают, и копируют подробности... и «организацию» забастовки...» Под пером писателя оживают другие герои репинского полотна, например, чиновник, бесмысленно просидевший десятилетия в конторе и «выход» находивший в чтении «либеральной» литературы — и вот ему кажется, что сбываются его лучшие мечты. Но! — подчеркивает Розанов, — но: «еврею есть дело до «сегодняшнего дня» и нет дела до России. Чиновник — русский идеалист-патриот; это тот патриот, который ждал и не дождался реформ»...

Не знаю, кому как, но мне, повидавшему за последние года полтора целый ряд демонстраций и митингов, организованных нашими «демократами» и «прорабами перестройки», показалось: не о картине Репина говорит Розанов — он живописует эти нынешние «акции». Все и все отражены писателем, что нелицезвует в бузящей, безумствующей «улице» наших дней: и «быдло» революции, ее «пушечное мясо», обманутые трудовые люди, готовые и на голодовку, и на жертвы, и террористы, и даже — вот еще одно из удивительных «сближений» в пространстве русской истории — даже «общественный деятель», «человек 60-х годов...» Знакомые все лица...

«Его картины, — пишет художник слова о художнике кисти, — и великопепная опера, и «тайное следствие» о том, что было и что есть на Руси». И — что будет, можно с полным правом добавить сегодня, то есть — что происходит в наши драматические дни. Это — и судьба творений Василия Розанова...

И не потому ли — заметим в скобках — не потому ли во времена нашей своеобразной «гласности» гениальное полотно Репина до сих пор скрывается от народа, не потому ли его прячут бог весть в каких «подвалах» наши «архитекторы либеральных перемен», что, увидев эту картину, люди нынешние, как в зеркале, увидели бы и свою трагедию часа идущего. И — опасность того, куда может привести нынешний «революционный энтузиазм».

Нет, не для осуждения «улицы» привел я в финале своих заметок строки из провидческого произведения В. В. Розанова. И не для того нам сегодня надо возвращаться к его творчеству, чтобы порицать тех или иных своих соотечественников. Сказал же он сам: «Может быть, народ наш и плох, но он — наш наш народ, и это решает все».

И в этих словах — тоже ключ к пониманию трагедии Розанова. Той трагедии, которую он предупреждает нас сегодня, заставляет прежде всего задуматься о самих себе, о своем духовном спасении, и отартить себя от возможной и уже наступающей Смуты...

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

Осенние песни о весне

III

Ответа из Дубоссар не было, хотя после моего письма прошло уже больше недели. Домашние заметили, что я каждый день придирчиво спрашиваю, нет ли писем, и успокаивали: никуда он не денется, твой Николай, не для того объявлялся. Любопытство, что ли, разбирает? Так вряд ли будет что-то любопытное: тоже, наверное, постарел, посивел, о пенсии думает, если еще не вышел...

Да, если все время оставался в армии, то календарные двадцать пять давно прошли. Но мог ведь и не остаться. В конце пятидесятых Хрущев проводил сокращение армии на один миллион двести тысяч человек, и Николай мог уйти из одной только гордости: вы хотите заменить нас ракетами? — счастливо оставаться!

Если не ушел, интересно, куда распределила его судьба: в строевые командиры, в политсостав или в военврачи?

Медицина привыкала его, как нашу Люду, с детства, но детские мечты редко сбываются, хотя медучилище он окончил блестяще, и младшего лейтенанта аттестовался тоже как военфельдшер, дальше ступеньки прямо в медицинскую академию. Встал ли он на эти ступеньки? В пятьдесят пятом году он писал мне а совхоз, а через год рассказывал лично, что зовут на политработу, но он сильно колеблется: не лежит душа, не в его характере. В строй еще, при крайней необходимости, можно, а «помпой», ты знаешь, нет...

Я знал честолюбивую натуру Николая, знал, что не может он быть вторым человеком, — только первым. Пусть лишь в своем батальоне, в роте, во взводе, в одном своем отделении, наконец. Но только первым.

В редакции тоже заметили, что временами я отключаюсь — за письменным ли столом, во время ли летучки, общего собрания или даже при малолюдной беседе.

— Ты где? — спросит внимательный приятель с улыбкой.

И я не сразу пойму его, а когда наконец дойдет, тоже улыбнусь:

— Да вот, понимаешь, опять служу в армии...

— А-а, значит, помолодел после юбилея.

— Помолодел. Еще один юбилей, и почувствую себя в начальной школе, если не в детсадыке.

И все же что-то такое было. Вместе с открыткой Николая пришли во всей наивной восторженности и чистоте армейские годы, как живые встали рядом сослуживцы, и штабные, и строевики. А сколько вспомнилось солдат! И самые дорогие, конечно же, солдаты нашей батареи, где я был старшиной. Но это уж во вторую половину службы, а первый год тянул как бы дае лямки: военную и гражданскую — учился в заочной школе.

Эта школа выматывала из меня все силы, почти не оставляла времени для отдыха. После отбоя, когда вырубали свет, я пробирался в ленкомнату или шел на пост дневального, а утром вскакивал невыспавшийся, с пудовой головой. И в выходные не отдыхал — все увольнения уходило на консультационный пункт. До города на попутной машине — час, да обратно столько же, включая

время ожидания. Половины увольнительной, считай, нет. В оставшиеся два-три часа я никогда не укладывался и обратно пробирался городом как вор, чтобы не нарваться на патрули. Часто удавалось, но, бывало, и попадался. Тогда никакие уговоры не помогали — сразу гарнизонная «губа», звонок в такую часть, обычно вечером, и на другой день тебя заберут свои. Если успеют. Всех задержанных обычно отправляли за город грузить камень у берега Ингула, где минеры его добывали. Взрывчаткой, разумеется.

От своей гауптвахты, по возвращении из города, меня спасал подполковник Леонов, хотя каждый раз выговаривал: «Ты у меня доучишься до штрафбата, мазурики!» — «Их уж нет, товарищ подполковник». — «Ну дисциплинарные батальоны есть, какая тебе разница». Но каждый месяц спрашивал, все ли контрольные я сдал, нет ли «хвостов», нужна ли помощь.

В своем воинском звании он сильно засиделся, и когда был не в духе, ворчал:

«Товарищ подполковник, товарищ подполковник! Я уж десять лет как подполковник!»

Было ему около сорока лет — по тогдашним моим понятиям, старик, — до войны он успел окончить художественное училище и несколько курсов института, немного поработал художником-оформителем, а потом фронт, ранение, госпиталь, офицерские курсы после госпиталя и стремительный взлет по службе. В один год он с первой офицерской ступеньки вбежал до подполковничьей, но дальше ступеньки для него кончились — нет военного образования. Трехмесячные курсы младших лейтенантов не в счет. Учиться бы, да теперь поздно, а сразу после войны помешала семья.

Женился он на однополчанке-связистке, лет на пятнадцать моложе его, сразу пошли дети, не до училищ, и время, по возрасту уже предельное, оказалось упущенным.

Я бывал у него на квартире, знал миловидную его жену и веселых прелестных детей, помнится, девочек шести и четырех лет. Они так радостно его встречали, с таким обожанием — как оставишь родных малышей для какой-то учебы!

В самом конце апреля полк подняли по боевой тревоге, вывели в район сосредоточения, где были другие части нашего соединения, и объявили, что «противник» находится в районе железнодорожной станции Голта — это город Первомайск, Николаевской области, и мы направляемся на сближение с ним. Передислокация использовалась очень разумно и экономно как тактическое учение.

И опять я невольно подивился скорости и слаженности эвакуации по тревоге: прошло каких-то два часа, а все подразделения части, со своими пушками, САУ, минометами, тягачами, с личным оружием и запасами боепитания, с дымящимися походными кухнями, со всем вещевым и продуктовым имуществом, со штабным и тыловым хозяйством, погрузились в эшелон и — прощай, любимый город...

Уже на платформе я встревожился: а как же моя школа? Правда, все контрольные работы я успел сдать, но через две недели экзамены, а меня там не будет, туда не отпустят.

«Отпустите, товарищ подполковник?»

Леонов отмахнулся:

«И не мечтай! Весенняя поверка на иосу, штабные и тактические учения, а тут еще передислокация! Неизвестно, что там, в том Первомайске, не к тебе на блины едем. И офицерские семьи вот остались пока здесь. Когда за ними выберемся?..»

В Первомайск приехали в тот же день, выгрузились.

Городок небольшой, тихий, спрятался, как в блюде, в широкой долине двух рек — Южного Буга и Синюхи. Как раз в середине города, под мостом, реки сливаются, и во все стороны от них карабкаются из долины по косогорам белые хаты и одноэтажные особняки под красной черепицей, все в цветущих садах, больше — вишневых.

На общем построении новый командир части подполковник Сорокин, как-то незаметно сменивший прежнего командира, горластого полковника Бабака перед новым 1952 годом, сказал, что размещаемся мы капитально и все лето, наверное, проведем здесь. Летних лагерей пока нет, обещано только место где-то в районе береговой части Южного Буга, за городом, у села Грушевка, — хорошее, говорят, место, живописное. Вот закончим весеннюю поверку и тогда будем уделять время лагерным работам.

Подполковник Сорокин был чуть ниже среднего роста, плотный, рябоватый, очень спокойный. За три года службы я не слышал, чтобы он повышал голос на кого-то, и до сих пор не знаю, умел он кричать или нет: он всегда говорил вполголоса, кратко, мало, но так дельно и винушительно, что его было слышно в любом собрании. Всегда взвешенное его слово было продуманным и лишненным внешней эффектности. Может, потому этот надежный человек иногда казался скучноватым. Бабак был как майский минутный ливень — шум, плеск, гром, молния, опять гром и через полчаса сухо. Сорокина можно сравнить в этом ряду с летним спорным дождем на несколько часов подряд, причем без электрических эффектов и грохота, но землю напоит досыта.

Тогда я отослал в Николаев горестное письмо о потере школы, но они меня вскоре утешили: на основании контрольных работ и устных опросов на консультпункте в течение учебного года я переводился в девятый класс без экзаменов. Соответствующая справка с печатью прилагалась.

«Вот видишь, как тебе везет, отличнику, — сказал Николай, прочитав письмо и справку. — Осенью давай жми в местную гарнизонную школу, и к семье с аттестатом зрелости приедешь.»

«С офицерами не разрешат.»

«Попробуем. На днях я тут говорил с одним: его капитанша будет в той школе завучем и химию вести — обещал замолвить за тебя ласковое слово.»

Вечером позвонили с междугородной.

— Пап! Пап! — закричала Люда. — Тебя Дубоссары! Скорей!

Я взял трубку, отозвался, а в ответ услышал недоверчивое:

— Толя, ты? — голос незнакомый, сиплый, прокурены.

Странно. У Николая чистый и сильный был голос, это у меня хриплый — тридцать с лишним лет куренья все-таки, а у него откуда?

— Коля, неужто ты?

Да я, кто же еще! Никак тебя не признаю — совсем другой голос. У тебя же сильный был голос, молодой!

— Я и сам был не старый, Коля.

— Да, разумеется, ты прав, но так непривычно. Ну как ты там, куришь?

— Да нет, уже бросил. А ты как? Голос что-то не командирский...

— Командирство мое давно в прошлом. Спасибо за письмо — много у тебя изменений, много...

— Да какие изменения, Коля, — все в заданном направлении.

Вот и я о том: направление выдерживаешь, не сворачиваешь... А о себе я напишу завтра. По телефону много ли скажешь. Про все напишу. Слышишь?

Но тут возник совсем чужой голос:

— Кончайте трепаться, в наш разговор влезли!

— Мы влезли?! — возмутился Николай. — Откуда такой взялся? Сам влез и командует. А ну — брысь!

— Разъединяю, — сказала телефонистка, и пошли частые гудки.

Я огорченно положил трубку и встретил разочарованный взгляд Люды: «И это — все? — безмолвно спрашивала она. — Ждали, ждали, и вот такой коротенький разговор ни о чем?»

Я развел руками:

— Он письмо скоро пришлет, дочка, и про все там напишет. Про все, про все!

— Он еще служит, пап?

— Нет, он, кажется, на пенсии.

— Да? А тебе почему на пенсию через десять лет? Вы же с ним ровесники.

— Военная служба, дочка, труднее, и вот через двадцать пять лет их уже списывают на волю.

— А когда тебя спишут, ты сколько лет проработаешь?

— Сорок пять.

— Ого-го! Что бы тебе остаться в армии, пап? Отдыхал бы теперь по-ветерански, в школу бы к нам ходил рассказывать о походах... Не догадался, да?

— Догадаться-то догадался, дочка, да как-то не решился. Не о пенсии я тогда думал, не об армии тревожился. В армии в то время было неплохо. Очень даже неплохо...

Да, в армии было хорошо. Если в совхозе я жил от поллучки до получки, то здесь, оказалось, не надо заботиться ни о чем: еда, одежда, обувь, жилье... — всем обеспечен. В кино хочешь сходить — пожалуйста, тоже бесплатно. В баню — тоже без копейки, и с паром, с веничком. Спортом заняться — любую секцию: легкой и тяжелой атлетики, бокса, борьбы, футбола, плавания, бега... Ах, ты любишь читать! — вот тебе библиотеки: полковая, бригадная, гарнизонная, в городскую можешь записаться.

Я уже прочитал полное собрание сочинений и писем любимого Чехова, одолел всего Горького, не говоря уже о Пушкине, Лермонтове, Толстом... Не добрался вот до таинственного Достоевского, но с ним успеется, Ленин называл его архискеверным писателем.

Николай, на меня глядя, тоже приохотился к чтению. Прежде он читал в основном серьезную научную и специальную литературу по медицине, а теперь оценил и художественную. Первый раз я соблазнил его «Лексиконом прописных истин» Флобера, затем подсунил роллановского «Кола Брюньона», а потом Николай, не терпевший ничьей опеки, вышел к океану мировой литературы и стал читать больше меня: его не отвлекали, как меня, занятия в заочной школе, он сам распоряжался служебным временем.

Да, хорошо было в армии. Воли только мало. На каждую отлучку, на каждый шаг спрашивай разрешения. Но разве дома ее больше было, воли-то? Дома тоже маитул ты не только с восьми утра до пяти вечера, но плюс к тому еще два-три часа до совхозной работы, да столько же после — как все жители деревни. У тебя ведь свое хозяйство, скотина, приусадебный участок, без них ты на нищенскую зарплату не проживешь, тем более с семьей. Здесь младшему офицеру платят тоже немного, но все же вдвое больше, чем в совхозе, плюс за звание, плюс квартирные, плюс обмундирование — обойдешься. Если семья небольшая. Ну, а когда вырастет большой, ты ведь тоже вырастешь в старшие офицеры, звезды на погонах станут крупнее, денежное содержание — гуще...

Разговор этот завел майор Клименко, замполит. Он прибыл в часть недавно, прямиком из Военно-политической академии имени Ленина, ему полагался освобожденный помощник по комсомолу, вот он и предложил мне аттестоваться. Должность офицерская, через два года окончишь школу, получишь к тому времени еще одну звездочку на погоны, а там через пару-тройку лет можно и в академию. На худой конец — лет через пять.

Майор Клименко был темноволосый красавец, высоколобый, начитанный. Он сказал, что ему импонирует моя любовь к книге и детская мечта путешествовать, моя открытость и доверительность. Для комсомольского работника — самое то.

С удовольствием вспоминаю я тот жаркий августовский день, прохладный кабинет замполита в штабном домике, его, добастого, за столом, и себя, то есть младшего сержанта Ланина, сидящего напротив. Это уж не увальнероводок, а подтянутый, спортивный военнослужащий,

■ отглаженных галифе и гимнастерке с белоснежным подворотничком, в надраенных до блеска кирзовых сапогах (обмотки давно забыты), в красной звездой пилотке, лихо сдвинутой на ухо. А начищенные пуговицы гимнастерки светятся как золотые. Надо же! И глядит дерзко, улыбочиво, отвечает твердо:

«Спасибо за предложение, товарищ майор, но кадровым военным быть не хочу.»

Сказал и сразу пожалел, увидев огорченное лицо замполита, большие его глаза, в которых будто выключили свет.

«Жаль, Ланин. А мне казалось, вы любите армию.»

«Люблю, товарищ майор. Но больше армии я люблю свободу, волю.»

Майор улыбнулся:

«Все-таки не торопитесь. подумайте. До понедельника. Надеюсь на положительный ответ.»

«Я подумаю. Разрешите идти?»

«Идите.»

Думал младший сержант Ланин, естественно, с Николаем Пахомовым, уже сержантом. Правда, первым о разговоре с замполитом узнал старший сержант Александров, но с ним Ланин не стал распространяться, и Александров обиделся:

«Чего ты, Ланин, все время с Пахомовым и с Пахомовым? Ты же со мной вместе служишь, а не с ним — вот и пусть сидит в своей санчасти!»

«Ему одному скучно, — сказал Ланин. — А с тобой я и так целый день вместе. Отдохни.»

«Ну и дурак.»

На другой день было воскресенье, и Ланин с Пахомовым, взяв увольнительные, пошли на Южный Буг купаться. Ребята говорили, что минутах в двадцати ходьбы от военного городка, ниже улиц Свердлова и Урицкого есть не то чтобы пляж, а вполне приличное место для купанья. Громадные валуны из красного гранита на берегу, мелкие камни в прибрежной воде, белая пена вокруг них, а дальше голубоватые речные воды.

На немощеных улицах было пыльно, жарко и безлюдно, за калитками палисадов лениво гавкали на прохожих собаки.

Ланин, покуривая на воле, передал другу разговор с замполитом. Пахомов слушал внимательно, а в конце засмеялся:

«Какую свободу и волю ты хочешь?»

«Привет! — обиделся Ланин. — Ты уже забыл, какой бывает свобода?»

«Не надо детского сада. Материалисты считают свободу осознанной необходимостью, и они правы. Ленини говорил, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Разве не так? Свобода анархиста тебя, кажется, привлекать не должна. Или привлекает?»

«Давай, Коля, без политики, ладно! Давай просто: солдатский возраст — самое время любви. Надо ли такой весенний возраст ставить в строй, загонять на ночь в казармы, огораживать те казармы забором, оставлять в том заборе один вход-выход — КПП? Зачем стеснять жестким режимом майскую жизнь, если она хочет воли, простора, света — естественно же, правда?»

«Неправда, — возразил Николай спокойно. — Если ты говоришь о естественности, давай обратимся к природе, и ты сразу увидишь, что она довольно жестко регламентирует жизнь всех своих форм. Например, растительных. Все тут поставлено в зависимость от климата, почвы, сроков вегетации и так далее. А все это у нас нестабильно: то засушливое лето и морозная зима, то наоборот — теплая снежная зима и непроглядно-дождливое лето, то зарядят долгие степные ветры, взвоят бури, ударят градобои — и все это, дорогой мой, на малую травинку, на цветочек полевой ромашки, на белостебельную березку, открытую любой непогоде. В такой-то вот агрессивной среде каждое растение в определенные сроки растет, цветет и плодоносит. Смекаешь? Природа не создает им особых условий для каждой жизненной стадии, жизненного цик-

ла. Весны бывают ранние и поздние, случаются майские и июньские заморозки — терпи, травинка, цветы, ромашка, держись, березка, за землю, ничего другого у тебя нет.

А птицы, звери, животные? Условия жизни у них тоже суровы, особенно зимой, но сроки любовного спаривания и выращивания потомства им не отменяются. Так ведь? А знаешь ли ты, что у растений и животных никогда не прекращается и межвидовая борьба, что живут они сообществами, что каждая популяция стойко борется за свое существование?.. Зайди в лес, оглянься: рядом с высокими соснами или елями тоже стройны и высоки березы, липы и осины, они тянутся друг за другом, растут наперелоки, чтобы не оказаться в тени соседа, не потерять свой кусочек солнечного неба. А теперь выйдем на открытую поляну или на опушку леса — там деревья стоят на просторе, им вволю земли, неба и солнца, но именно эти деревья оказываются избыточно ветвистыми, присадилистыми, с кривыми стволами. Смекаешь? Ну вот. Нестроевой лес, дрова. И это на желанной твоей свободе, на воле!»

Озадаченный Ланин бросился в атаку:

«Твои биологические параллели я не принимаю. Мир не прямолинейен, а человек — существо социальное!»

«Биосоциальное. — поправил Пахомов. — И не горячись. Признайся лучше: ты из-за семьи отказался?»

«Не только. Деревья у нас обезлюдела, земля.»

«Один ты деревню все равно не поднимешь, а семья здесь сыта будет, на офицерских-то харчах.»

«У меня две семьи, Коля. Отцовская — а два раза больше.»

«А заработок в совхозе в два раза меньше. Отсюда бы помог.»

«А деревне кто поможет? Осиротеет вместе с родными.»

«Так уж и осиротеет! Я за свою Красную Поляну как-то не беспокоюсь.»

«У тебя там отец, братья...»

«Тоже верно...»

Пляж оказался живописней, чем рассказывали сослуживцы, потому что на самом большом гранитном валуне сидела, свесив длинные ноги, мокрая и оттого сверкающая на солнце красавица, в зеркальных очках и в красном купальнике. Неподалеку на мелкой воде плескалась, ползая на четвереньках, толстая пожилая женщина, как потом выяснилось, мать красавицы, выставив из воды широкий зад.

«Это она тебя, женатика, завлекает, — сказал Пахомов. — Гляди не зевай!»

«А то отобьешь?» — сквнтался Ланин.

Они весело переглянулись и стали живо раздеваться. Красавица наблюдала за ними, откинувшись на вытянутые руки и выставив солнцу литые белые груди и сверкающие очки.

В реку они побежали, как жеребята, с радостным плеском, вскидывая ноги на мелководье и чему-то смеясь. — солнцу ли, которое толкало их в спину и жарко сверкало из реки прямо в глаза, желанной ли прохладе или взгляду красавицы с камня, ощущаемому обоими.

Пахомов тоже плавал уверенно, и они пустились наперегонки, лихо отмахивая саженки и стараясь без плеска, красиво, с изящным хлопком класть на воду ставшие ластами ладони.

Течение оказалось быстрым. Ланин, оглянувшись, увидел, что красавица вместе со своим красным камнем не просто осталась позади, но отъехала далеко в сторону. Крикнув Пахомову, что их сносит, он повернул с середины реки обратно. Плывть почти против течения стало трудно, вода не такая уж теплая внизу, и когда они подгребли наконец к зовущему камню, то заметно устали и первое возбуждение прошло.

Красавица оценила их умение и смелость, сняла зеркальные очки и наградила широкой белозубой улыбкой.

«Какие вы молодцы, мальчики! — сказала она кокетливо, склонив пышноволосую темную голову набок и взглядывая то на одного, то на другого. Будто выбирала. —

Но вы же могли утонуть! Здесь такое сумасшедшее течение, нельзя так далеко плавать!»

«Хотели отличиться перед вами», — сказал Ланин, влезая на широкий и почти горячий от солнца гранитный ее пьедестал.

Пахомов влез за ним следом и с наслаждением лег животом на камень, как на печку. Ланин малость подвинулся.

Вблизи красавица в красном купальнике показалась необыкновенной: темные брови выбиты (или выщипаны?) до узких стрелок, разлетающихся от переносья в противоположные стороны, большие синие глаза завлекательно и мило щурились и к вискам бежали трещинки первых морщинок, особенно явных на бронзово-загорелом лице. Нос был прямой, красивый, с четко вырезанными широкими и тонкими ноздрями, рот тоже чувственный, с чуть-чуть вывернутыми губами, но непривычно для сельских ребят накрашенный, зато лоб открытый, безупречно гладкий, темные роскошные волосы крупными волнами спадали на загорелые узкие плечи с проступающими от них ключицами, а все остальное трудно описать, это надо видеть: как дышит, будто в волнении, поднимаясь и опускаясь, дивная высокая грудь, туго натянутая узкий красивый лифчик, как изгибается узкая талия, когда красавица откидывается назад или наклоняется, чтобы тонкой изящной рукой с гибкими пальцами и красными ноготками погладить лодыжку длинной, стройной ноги, тоже с крашеными, аккуратно подстриженными ногтями.

Она умело, профессионально, как модельерша, показывала себя в пляжном наряде, откровенно зычно улыбаясь, а потом сказала с кокетливой распевностью:

«Осмотр, кажется, закончен, мальчики. Если вы остались довольны, давайте знакомиться. Меня зовут Леной.»

Смелая городская красавица. И зрелая, лет на двадцать пять, наверное. О таких они знали только из книг.

Первым откликнулся Пахомов — глухо, скрывая волнение, назвал свое имя. Она кивнула, дажением головы отбросила за спину волосы, повторила кокетливо: «Николай. Коля.»

Ланин еще глядел на нее, полукоткрыв рот, еще любовался. Она поощрительно улыбнулась и ему, вопросительно приподняла узкие длинные бровки. Дождавшись ответа, тоже повторила его: «Анатолий. Толя. Можно и Толик, правда?»

Ланин молча кивнул.

«Ну вот и познакомились. Я живу здесь неподалеку, а учусь во Львове, в медицинском. Уже на последнем курсе, без пяти минут врач...»

«А Николай у нас и. о. полкового врача», — сказал Ланин с гордостью.

«Да-а? — удивилась Лена. — Значит, мы коллеги, очень приятно, очены!»

«Фельдшер я», — сказал Пахомов.

«Все равно коллеги, — сказала Лена. — Вам, Коля, вероятно, не очень сложно работать: контингент молодой, здоровый, в городе есть госпиталь...»

Лена уверенно повела разговор, и скоро они освободились от застенчивости, стали рассказывать о службе, упоминали веселые анекдоты к случаю, пытались даже острить. Беседу прервала толстая пожилая женщина, лежавшая на другом камне, — они как-то успели забыть о ней.

«Леночка! Пора обедать!» — позвала она требовательно. «Это моя мама, Вера Дмитриевна, — сказала Лена. — Идемте, я вас познакомлю.»

Они оба, как по команде, прыгнули с камня, галантно подали руки Лене и отвели ее к маме, которая уже была на берегу и натягивала легкое платье на сильно избыточное рыхлае тело, с синими венозными расширениями на ногах. Лена помогла ей, потом познакомилась с ребятами, они оделись и вместе пошли в город.

Дом Лены был рядом, на улице Урицкого — белая уютная хата под камышовой крышей, длинная, двухквартирная.

«Вечером жду в гости», — пригласила Лена, подав лодоч-

кой узкую ладошку сперва Пахомову, потом Ланину.

Они горячо поблагодарили, переглянулись и пошли в расположение части. Ланин был возбужден, Пахомов стал задумчивым.

После обеда они разошлись по своим местам — Ланин в палатку, Пахомов в санчасть — почитать, отдохнуть по случаю воскресенья, и встретились в столовой на ужине.

«Пойдем к Лене?» — спросил Ланин.

«Не развращай, — сказал Пахомов. — Тебе, может, и пора иметь любовницу, а я еще неженатый, меня невеста ждет. Иди один.»

Ланин ушел.

И возвратился ночью, потрясенный, счастливый и еле живой. Лена оказалась такой смелой и прекрасной любовницей, такой неутомимой и изобретательной, что у него подкашивались ноги от слабости, и он едва добрался до санчасти, чтобы не будить ребят в своей палатке и не попасться на глаза дежурному. Да и с другом надо было поделиться, посоветоваться — слишком уж необычно все то, что происходила с ним прекрасная Елена.

Николай спал в пустом изоляторе санчасти — там у него стояла двухъярусная железная койка.

«Полезай на второй этаж», — сказал он, зевая.

Ланин смутился:

«Я не влезу сейчас, Коля». — И, присев рядом с ним, рассказал о своих любовных трудах и открытиях, не тая удивления и даже смущения.

«А ты разве этого не знал? — тоном многоопытного донжуана спросил Пахомов. — Эх ты, женатик! Сразу детей кинулся делать... Ладно, ложись на мое место. — Встал, разобрал наверху постель, легко забросил туда себя, подтянувшись на руках, и заключил: — А твоя Лена, видать, бессовестная, если носит зеркальные очки, ведьма. Это чтобы взгляд свой спрятать, не иначе. Никогда не видел таких очков.»

Ланин с трудом разделся и лег, впервые подумав о целомудренности Пахомова и его верности далекой своей Зое. Вот это любовь так любовь — настоящая! А тут и детей уже двое, а побегал, как кобель, за первой же...

Пройдет полгода, и где-то в феврале пятьдесят третьего Пахомов, не получавший от Зои писем уже два месяца, явится в казарму к Ланину и смущению сунет ему в руку сложенный вчетверо листок.

«Почитай, Толя. И дай мне, пожалуйста, папироску.» Неумело закурит, закашляется и выйдет.

Письмо окажется от его любимой Зои, последнее, прощальное письмо. В нем она объясняла свое долгое молчание неожиданной для нее самой и нечаянной изменой Николаю.

Был новгородный студенческий вечер в общежитии, веселый, дурашливый, с выпивкой, разумеется. Рядом с Зоей за столом сидел и смешил всех ее однокурсник, ухаживал за ней и ее подружкой, подливал им вина, а поздно ночью, перед утром уже, запяная, утомленная, она оказалась одна с ним в комнате. Сопротивляться не могла, и тут случилось все непонятное, отступать теперь некуда, ожидается ребенок... Прости меня, если можешь, любимый мой, единственный. Себя я за это не прощаю и не прошу никогда...

Вернувшись из курилки, Пахомов взял письмо, спрятал в карман гимнастерки и ушел. Вечером они сидели вдвоем в санчасти, пили водку и молчали. О любви молчали. О верности. О мужьях и женах. О любовниках. И еще о детях, которые заводятся от всякой любви.

У Ланина летом прошлого года родился второй сын. Домой он написал, чтобы назвали Николаем — в память отца, в честь армейского своего друга. А у Зои в этом году родился ребенок. Не Пахомова ребенок — чужой. Неужели вправду не его, а чужой?...

— Папаша, тебе письмо из Молдавии, — сказала Надя, подав конверт. — Кажется, от твоего друга.

— Спасибо, дочка.

И вот передо мной знакомый уже красивый почерк (ко-

гда он научился так писать, в армии, что ли?), знакомые слова и интонации даже:

«Здравствуй, дорогой Толя!

Прости меня, ради Бога, за то, что отвечаю на два твоих письма — одним, да еще с опозданием. Оправдаюсь при встрече.

Очень рад, как-то по-особому счастлив тем, что мы ишлись, объявились. Теперь расскажу по порядку.

О себе. В образовании, к сожалению, не вырос. Остался на среднем уровне. Причин много. Первая причина — личная расхлябанность*. Служил на Украине, в Молдавии, в Германии. В инженерно-саперных войсках. Командовал взводом, ротой, батальоном. В 1976 году уволился в запас по возрасту, в чине подполковника. Квартира была в Молдавии — сюда и вернулся. С 1977 года нахожусь на гражданской службе — зав. дорожным отделом райисполкома с массой общественных комитетов. Здоровье — в пределах возрастной нормы.

О семье. Прожили все эти годы с Зоей, той Зоей, о которой ты знаешь по годам нашей молодости. Нажли мы дочь и осенью прошлого года выдали замуж со второго курса Куйбышевского авиационного института Муж тоже студент. Живут в Куйбышеве (теперь Самаре). Сын — офицер**. Служит в Белоруссии, женат, имеет 4-летнюю дочь, а я, соответственно, внуку.

О родных. Отца не стало в 1966 году. Мать живет в родном селе Красная Поляна, Барышского района. Одна. Моя сестра живет в Барыше, недалеко от Ульяновска, два брата — в Самаре***. Оба работают на авиационном заводе. Так что Самара стала для нас родным городом, где я бываю ежегодно уже двадцать лет.

О Молдавии. Вся она а долинах и холмах, в садах и виноградниках, с мягким климатом и трудолюбивым народом. Дубоссары — районный город (27 тысяч жителей). Стоит на Днестре, выглядит провинциально, без особых претензий на будущее. Народ смешанный, добрая половина русских и украинцев. Квартира моя — в общем доме старой постройки, особых восторгов не вызывает, но жить можно.

И о другом. Можно сказать, что проживание вдали от родных мест становится большим испытанием. Если в дни молодости это чувство не было главным, то теперь становится болезнью. Все больше и больше ощущаю сложность моего пребывания здесь. Поэтому на ближайшие год-полтора поставил себе задачу возвратиться в Россию****.

Подумай о своем заезде ко мне из санатория. До мая осталось два месяца, Трускавец не так далеко. Будем безмерно рады. Денек-другой тебя не обеднит, а для меня будет большим праздником. Подумай.

Апрель у нас теплый, а при ранней весне — цветущий. Телефонный разговор с тобой все еще слышу. А вот голоса твоего не узнал: стерло время, пригасило звучание окующего Толиного голоса. Короткий наш разговор всколыхнул многое, поднял все ушедшие непростые годы.

Напиши мне, как зовут твою супругу (Валей?*****) и девочку. Видишься ли со своими сыновьями от первого брака?

Пожалуйста, не болей, хватит тебе и того, что перенес. Будем за тебя молиться, если наши грехи пропустят мольбу к Богу.

Поклон твоим близким. Извини за протокольность письма.

До свиданья. Обнимаю — твой Николай.

25 февраля 1981 года».

* Тут он слишком суров к себе. Причины, как выяснится, были иные.

** Значит, тот, первенец Зои. И значит, не чужой, если идет по следу отца.

*** Вот и Красная Поляна осиротела.

**** Исполнение этого намерения растянулось на целое десятилетие.

***** Удивительно точное попадание.

Значит, не отдал Пахомов свою любовь, отвоевал у того несчастного случая с Зоей. И отвоевал, и сладил со своей бедой и обидой. А ты, Ланин, вот не смог, хотя и нарожал куда больше детей. Но разве твои дети родились не от любви? Разве они появились от несчастных любовных случаев, от случайных встреч?

И опять всплыл ноябрь пятьдесят четвертого, возвращение из армии, верхняя полка плацкартного вагона, где он улегся после прощанья с друзьями, с Тamarой. Лежал аниз лицом, покачивался, как в люльке, вместе с вагоном, и видел тревожные глаза Тамары, спутанные ветром черные пряди волос над гладким лбом, высокую смуглую шею, наполовину закрытую спущенным белым платком, и две полоски блестящих слез от глаз до подбородка. Он видел ее так живо, что тоска подступила вплотную, душа запросилась назад, готовая вырваться из него и улечься туда, где осталась Тамара с Николаем и Сашей. Они, наверное, уже проводили ее до дома и вернулись в расположение части, и она сейчас сидит или вот так же лежит вниз лицом на кровати, а тетя Поля, ее мать, говорит ей что-нибудь сочувственное, успокаивает.

Да, наверное, утешает, как утешала в детстве, когда кто-нибудь девочку обижал, или в раннем трудном отрочестве, когда пришла война и из донецкого Макеевки они шли пешком по оккупированной уже земле в родной Первомайск. Тамаре не было еще и десяти лет, она уставала, и помочь ей мать ничем уже не могла — она везла тяжелые санки с домашним скarbом и ей самой требовалась помощь. А стояла зима, было холодно и голодно, их нередко останавливали немцы, проверяли документы и отпускали: выручала фамилия — Шелар. Немецкая, что ли? Ни мать, ни дочь не знали этого.

Тамара рассказывала, что ее дедушка и бабушка были здешние украинцы, а кем уж считались их предки — неизвестно, дальше этого колена в родословную никто не заглядывал.

В год женитьбы дедушке было семнадцать лет, а бабушке пятнадцать, всего имущества у них было, кроме повседневной одежды, дедушкина сантка да бабушкин пустой сундук — мол, поживете и добра наживете сами.

Они взяли а аренду землю, работали оба, как лошади, не выпрягаясь, и со временем разжились, оперились, построили дом, развели скотину. Но это уж накануне коллективизации, во время которой их раскулачили и дом конфисковали, а деда посадили. Потом, после долгих хлопот, разобрались, дом возвратили, деда из тюрьмы выпустили, и он пошел работать на станцию сцепщиком вагонов, где потом станет работать и его дочь Поля — мать Тамары.

В Макеевке они оказались незадолго до войны, поехали к брату Тamarного отца, а потом отец умер и война пригнала их домой, в Первомайск.

Тетка Поля всегда встречала Ланна приветливо, хотя и с ревнивой настороженностью: может, считала, что ее красивая дочь могла бы иметь а друзьях по крайней мере офицера, а тут ходит солдат с желтыми лычками поперек красных погон, веселый, правда, солдат, добрый, увлекающийся, но забывчивый, Тамара всегда напоминает ему, чтобы не просрочил увольнительную и не опоздал в часть. Тамара каждый выходной ждет солдата, всегда рада его приходу, и тетя Поля, видя это, успокоилась: лишь бы дочери было хорошо, а солдат или офицер — Бог с ними. От судьбы, говорят, не уйдешь.

Ланину нравилась тетя Поля, маленькая, худенькая и молчаливо-приветливая хозяйка, неутомимая железнодорожница, работавшая осмотрщицей вагонов на станции. По вечерам она хлопотала в саду или по дому, точнее — по хате, потому что жили они именно в хате, невысокой, белой, типично украинской, окруженной садом за штакетной оградой, которую можно было легко перелезть, если бы не сплошные кусты за ней.

Продолжение в следующем номере.

В. КАТАНЯН

Последние дни

Владимир Маяковский. 1930 г.

Тем читателям, что интересуются Владимиром Маяковским, — а он всегда вызывал и продолжает вызывать интерес и споры, — знакомо имя Василия Абгаровича Катаняна (1902—1980). Исследователь творчества поэта, он оставил нам летопись его жизни, где — в последнем, дополненном издании — прослеживается едва ли не каждый день жизни Маяковского. Познакомившись с ним в 1923 году, он начал издавать его в Тифлисе и до конца своих дней редактировал, писал критические статьи, составлял сборники. Василий Катанян — автор документальных рассказов и сценариев о поэте, в Ленинградском академическом театре драмы им. Пушкина шла его пьеса «Они знали Маяковского» с Николаем Черкасовым в главной роли.

В. Катанян оставил интереснейшие воспоминания о Маяковском и его окружении, о тех годах, когда они вместе работали и дружили, о друзьях и врагах поэта, о литературной, да и не только о литературной, борьбе тех лет. Воспоминания, коллажированные дневниковыми записями, статьями и документами, долгие годы были достоянием лишь архивов в силу целого ряда причин, которые сегодня нам кажутся совершенно нелепыми.

...Чем дальше отодвигаются события, о которых пишут мемуаристы, тем они интереснее и для истории, и для читателя — это аксиома. Данная публикация не исключение: последний путь поэта, о котором рассказывал свидетель всех тех печальных дней, раскрывает нам факты, доселе неизвестные. Но те, кто думают найти в воспоминаниях какие-то сенсационные версии относительно смерти поэта (которым сегодня несть числа), будут разочарованы. Автор мемуаров пишет именно о самоубийстве.

К дню рождения Маяковского редакция публикует отрывок из мемуаров В. А. Катаняна «Не только воспоминания», ибо нам представляются интересными и убедительными документ и факты, приведенные очевидцем на страницах этих записок.

Когда я вбежал в то черное утро в его комнату, он лежал на полу, раскинув руки и ноги, с пятном запекшейся крови на сорочке, и маузер 7,65 — тот самый, что он приобрел в двадцать шестом году в «Динамо», — взведенный! — лежал слева. Взведенный, это значит, что последний патрон расстрелян, — иными словами, восьмизарядный пистолет был приготовлен для одного выстрела.

И он грянул...

— Как это долго — умирать всю жизнь! — говорит Арагон в романе «Le roman inachevé» («Гибель всерьез»).

И как это недолго в нетерпении и в отчаянии, а может быть, «с отрядной точки зрения» протянуть руку и поставить пулей точку...

За столом у окна сидел человек и писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

...Запрокинутое лицо внизу у моих ног. Глаза прикрыты. Большой рот спокоен.

В оцепенении холодного отчаяния смотрел я на неузнаваемое сверху лицо. Говорила вся фигура, в беспомощности распростертая на ковре. Понятно? И все-таки ничего не понятно! Что тут произошло??

Помню, что дней через десять, уже после похорон, встре-

чи в Негорелом, после всех этих дней, целиком заполненных происшедшим, я шел ярким весенним днем по веселой Петровке, и вдруг шемящее осознание остановило в перебое сердце.

— Так ведь умер! Умер! Его нет! Его больше не будет... И пришла строчка, когда-то отвергнутая им за полную серьезность, за отсутствие иронии:

Вы ушли бесповоротно
в мир в иной...

Да, вот именно! Со всей беспощадной серьезностью — бесповоротно.

Человек у окна писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

Я дал ему свою ручку и вышел.

В передней толпились незнакомые люди, уходили, приходили. Дверь на лестницу настежь. Из соседней квартиры — тоже. Репортеры допачивают на лестничной площадке какую-то женщину: «Он ночевал сегодня дома? Вообще здесь не ночует? А утром вы его видели?.. Кто приходил? Книгоноша? Принес Большую энциклопедию...» Они, репортеры, не знают, что днем во все редакции придет распоряжение — «Под ответственность редактора. По указанию соответствующих органов все материалы о смерти т. Маяковского давать только в редакции РОСТА». Одна, кажется, ленинградская вечерняя «Красная газета» успела выйти до получения этого распоряжения...

Появился Асеев. Приоткрыл дверь, взглянул и закрыл. Непонимающими прозрачными глазами он смотрел по сторонам. Ему принесли стул, он сел, прислонился к каким-то сундукам и застыл.

Потом я видел, как бегом, через две-три ступеньки бежал наверх Агранов.

— Жив? — крикнул он на ходу.

Судорога крепко держала меня за горло.

Агранов вошел в комнату, у дверей которой уже возник милиционер. Через некоторое время он вышел оттуда, сделал знак Асееву и мне, мы прошли через площадку в соседнюю квартиру, где какая-то женщина открыла нам свою комнату.

Там за большим обеденным столом Агранов прочел нам последнее письмо Маяковского, адресованное «всем»...

Потом, вечером, а редакцию «Правды» я читал и перечитывал его в тассовских ротаторных листах. На завтра оно было напечатано во всех газетах.

— Нам нужно решить, — сказал Агранов, — как быть дальше. Как сообщить Лиле? Где она? Володю надо перевезти отсюда в Гендриков. Здесь нельзя оставаться... Письмо я отнесу в ЦК.

Асеев молча прослушал письмо, молча согласился с Аграновым.

Когда мы спустились во двор, в ворота въезжал большой неуклюжий лимузин, из которого вышли Сережа Третьяков, потом Кольцов, Кушнер и еще какие-то люди из «Правды».

По дороге на Таганку мы на аграновской машине завезли его в ЦК. Когда мы остались одни, Асеев впервые нарушил молчанье.

— Я всегда думал, — сказал он, — что умру раньше Володи. С моим туберкулезом... Думал еще — какую хорошую речь он скажет на моих похоронах...

В Гендриковом какие-то чужие люди на аграновской машине завезли его в ЦК. Когда мы остались одни, Асеев впервые нарушил молчанье.

На лестнице плакал Лева Гринкруг.

И вот Маяковский лежит на своей тахте, прикрытый простыней, безучастно отвернув голову к стене.

«Бедный Маяковский! — писала Маринна Цветаева своему другу в Прагу, получив эту весть. — Ч и с т а я смерть. Все, все, все дело — в чистоте.»

...В столовой толпились люди, больше и больше. Беспорядочно звонил телефон. Время от времени кто-нибудь снимал трубку, говорил: «Да, да... Верно...» И телефон снова звонил.

Ворвался Сема, не останавливаясь пробежал через столовую взглянуть на лежащего и убежал на кухню плакать.

Плакал Пастернак, ходил из угла в угол, из комнаты в комнату. Он описал потом эту обстановку, себя и окружающих в «Охранной грамоте». При нем приехали Александра Алексеевна и сестры; порывалась читать стихи, ломала руки и падала в обморок Ольга.

Приехал Кушнер и увез Асеева и меня в «Правду». Там — Кольцов, Беспалов, Костров, С. М. Третьяков, Виктория, жена Кострова. Говорят о том, как и что писать завтра.

— Надо, — сказал Кольцов, — избежать пошлых нравов, учений, не читать мораль мертвому... И так ясно, что мы не одобряем этого поступка. Но пусть нам не будет стыдно перед поэтом за недостойные трианальности, от которых мы не сумели удержаться.

Все согласился с ним, с готовностью согласился. Прочитав сегодня то, что было напечатано в «Правде» 15 апреля, вижу, что не так просто было этого избежать. И в редакционной статье «Поэт революции», и даже в заметке-письме за всеми нашими подписями «Памяти друга».

И статья, и письмо наполовину написаны, читаются вслух, предлагаются какие-то поправки. Сергей Михайлович садится за стол Кушнера записывать. Секретарша относит листки на машинку, они возвращаются и идут прямо в типографию.

Потом поздно вечером я снова был в редакции, смотрел все материалы в сверстанной странице. Когда мы выходили из редакции, аннузу в дверях столкнулись с запыхавшимся Ермиловым и Селивановским.

— Осталось только перепечатать...

— Что перепечатать? — угрюмо спросил Кушнер.

— Обращение Секретарнаты РАПП.

— Поздно уже...

— Очень важно, — наставляли они. — Это — официальный документ.

— Ладно. Оставьте у дежурной. Завтра посмотрю.

Этот «Официальный документ» не был напечатан в «Правде» ни завтра, ни послезавтра, ни вообще. Рапповцы жаловались потом самому высокому начальству на «Правду» и на Ольхового, который тоже не напечатал это обращение в специальном номере «Литгазеты», посвященном Маяковскому.

Мелким шрифтом. 26 апреля в пространным письме на пяти страницах Авербах, Ермилов, Кириш, Либеднинский, Селивановский, Сутирин и Фадеев сообщали товарищу Сталину о товарищах, коммунистах и беспартийных, которые в связи со смертью Маяковского «выражали такие мысли, которые способствовали росту нездоровых настроений».

«Ошибка родилась из того, — писали они, — что некоторые коммунисты от имени группы «близких друзей Маяковского» выступили вместе с «лефовцами» со статьями в «Правде» (№ 104) и тем самым стерли черту между партийной оценкой Маяковского и апологетически-спекулятивной позицией его бывших литературных соратников. Этот «единый фронт» особенно наглядно и ярко проявился на странице специального номера «Литературной газеты». В ней некоторые коммунисты наиболее рьяно соперничали с «лефовцами» в стремлении изобразить Маяковского идеальным типом пролетарского писателя, образцом революционного бойца и т. д. Достаточно привести такие заглавия: «Это и есть пролетарский поэт» (заголовок статьи «лефовцев» Незнамова и Катаняна)...

Совсем мелким шрифтом. Разумеется, это вовсе не было похоже на упрек, с которыми обратился некогда председатель Цензурного комитета к литератору Краевскому:

— Что это за черная рамка вокруг известия о кончине Пушкина, человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии»! Помните, за что такая честь?

В самом деле — что общего? Там начальник разносил

подчиненного литератора, а тут свободные литераторы делают сообщение по начальству...

Цитатами из статей и выступлений М. Гельфанда, А. Зонина, А. Луначарского, М. Кольцова, Ник. Никитина, Б. Соловьева (!) рапповцы доказывали, что эти товарищи «смазывают отрицательное отношение большевиков к самоубийству», что вследствие этого «инициатива объяснения самоубийства Маяковского переходит в руки врагов», что ряд товарищей «использовал самоубийство Маяковского для того, чтобы под видом оценки творческого метода Маяковского возбудить поход против рапповского руководства».

Заключительный абзац: «Мы считаем необходимым вмешательство Центрального Комитета в деятельность тех коммунистов, которые не только не исправляют своей ошибочной линии в связи с самоубийством Маяковского, но стремятся вести ее дальше».

Имело ли это письмо какие-либо результаты-последствия? Здесь не место вдаваться в подробности сложных и разветвленных рапповских интриг. Да и разве знаем мы все, что тут происходило? Но в общем их точка зрения взяла верх. Или, может быть, лучше сказать, взял верх крепкий комплот администраторов от литературы, полных сил демагогов.

Через два года они были распущены, лишены чинов и привилегий, но выработанная ими инерция холодной бюрократической антипатии к Маяковскому была молчаливо воспринята преемниками Авербаха-Фадеева. И уж, конечно, не Горькому было менять что-нибудь в установившихся здесь ограничениях и отталкиваниях. Он мог бы еще и от себя прибавить...

Смерть Маяковского, что и говорить, надела хлопот, но в то же время должна была принести рапповцам некоторое чувство облегчения. Разве нужен им такой член организации? Что они будут с ним делать? И что он будет делать с ними? Инцидент с Ермиловым ничего хорошего на будущее не обещал.

Самоубийство Маяковского давало им, казалось бы, все возможности, осудив его поступок, настаивать на том, что он был и остался попутчиком, а не пролетарским поэтом.

Ни один из руководителей РАПП, великолепной семерки, подписавшей это письмо, не симпатизировал Маяковскому, ни дружески, ни творчески, а как «администраторы и распределители кредитов», они просто побановались его.

Нет, не по душе он был им. Да и не по зубам!

Удивительно траурное объявление, которым отметила РАПП смерть Маяковского. Разумеется, традиционное «С прискорбием извещают...» еще не говорит об испытываемых чувствах. Но на фоне многочисленных траурных объявлений всевозможных организаций, до буккистов Китайгородской стены включительно, извещавших «с чувством глубокой скорби... с большой горечью... с глубокой печалью... глубоко взволнованные... выражающие свою скорбь... потрясенные безвременной трагической смертью... и т. д.», в том же духе, рядом со всем этим объявление РАПП выглядело невозмутимым и сухим, как приказ об увольняемом в отпуск сотруднике: «Правление Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) извещает о смерти члена РАПП Владимира Владимировича Маяковского» («Правда», 15 апреля).

И действительно — одним членом РАПП стало меньше. Только и всего!

В истории советской литературы этому примечательному объявлению предшествовало достойное место рядом с извещением о смерти члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака.

Мы приехали в клуб за полночь.

В конференц-зале на сдвинутых столах стоял гроб.

Цветы.

Первые караулы.

Без разговоров, просто постояли у гроба товарищи. Асеев, Каменский, Кирсанов, Мих. Кольцов, Феликс Кон, Третьяков, Агранов, Кушнер, Олеша, Джон Левин, Эль-

берт, Татлин, Лавинский...

Рапповцев не было. Киреев (директор клуба) сказал мне, что они целый день заседали, у себя, в Доме Герцена. Может быть, говорит, и сейчас заседают...

...Ночью, а три часа я ехал домой поперек всей Москвы. Темная, притаившаяся, холодная, грустная Москва. Та самая, белокаменная и камнекрасная, та самая, которая «приносит любовь» и слезам не верит, которая «на пиках встает» и по чужим бедам не плачет, Москва, в которой так много старого и так мало нового.

В переулках поздние апрельские кошки перебежали нам дорогу. Черные в том числе.

Извозчик ругался и норовил достать их кнутом.

— Плохая примета!

Но самое плохое ведь уже случилось.

Утром 15-го.

Возвращение от ночных кошмаров к кошмару действительности.

И весь этот день, начавшийся слезами, прошедший в суете и масте, замирал и прерывался всхлипами или беззвучными каплями, которые бесстыдно и неудержимо бежали и бежали из глаз.

Плачет девушка в кожаной куртке на скамейке у Дома Герцена. Дрожит подбородок Ольховского, когда он читает строчки:

Не будь, товарищ,
слепым и глухим!
Держи, товарищ,
порох сухим!

— встает и выходит из комнаты. Будто сейчас только стало доходить до сознания случившееся.

...Разговор по телефону с Аграновым. Звонила из Берлина Лилия, они сегодня выезжают. Просит встретить на границе, отложить похороны до четверга. Поезжайте в Госиздат, говорит Агранов, там сейчас заседает комиссия. Надо предупредить...

В Госиздате в кабинете Халатова заседает комиссия. Там уже все знают. Похороны будут в четверг 17-го...

В клубе во дворе толпа. Бухарин... После полудня переносим гроб в Большой зал и ставим на помост под черное крыло. Он одет в темный костюм, лежит под цветами... Ночью было вскрытие. Снайперский выстрел левой рукой — пуля прошла сердце насквозь сверху вниз...

Люди проходят через зал по диагонали и выходят через маленькую дверь на улицу Герцена. Оркестр, полуспрятанный на сцене, негромко выматывает жилы. Потом его сменяет оркестр восточных инструментов (дудуки) со своим пронзительно-печальными мелодиями. И снова — Шопен...

Кто поедет навстречу Лиле? Сначала думали Эльберт... Денисовский? Потом отпал и Денисовский. Вероятно, поеду я. Собираем деньги...

Появился Агранов. С ним Горожанин, приехавший сегодня из Харькова. Вчера, когда он узнал о смерти Маяковского, грохнулся в обморок.

Агранов говорит:

— Да, лучше всего ехать вам. Я позволю, через час будет готово разрешение на въезд в пограничную зону. Подъезд № 1. И броня на билет...

В Доме Герцена у Ольхового работают все наши младорефовцы, помогают делать специальный номер «Литгазеты».

На квартире у Семы в Тишинском переулке Клава с температурой в кровати. В столовой на диване лежит в изнеможении Николай Николаевич. Они сочиняют статью-заметку в «Литгазету». А мы с Петей Незнамовым уговорились написать отдельно. В клубе заперлись с ним в кабинете директора, потом поехали в редакцию.

И наконец, вокзал. Галя с чемоданчиком. Поезд в десять — десять. Холодно. Белье есть, но вместо одеяла летнее покрывало. Поверх покрывала пиджак, поверх пиджака пальто. Зубы стучат, голова разламывается.

Страшный день, страшная ночь...

Утром в Минске я вышел на площадь незнакомого города. Ни души знакомых, никаких дел. Я неожиданно оказался выключен из действия. В трагедии, которая длилась и собирала к себе тысячи и десятки тысяч, для меня наступил глухой антракт. И в пустом номере гостиницы, и в бесцельном шатании по незнакомым улицам мне некуда было приткнуться. Можно было перебирать в памяти и возвращаться к подробностям вокруг да около, тщетно пытаюсь не вспоминать распластанную на полу фигуру, отвернутое от людей лицо на фоне мексиканского пончо, сложенные в гробу руки...

...«Представьте: входит красавица в зал, в меха и бусы оправленная...»

Я знал об этом эпизоде не больше того, что сказано в стихотворении.

Поднимает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжку.

В Париже так же, как в Москве и как везде... Стихи эти были напечатаны в «Молодой гвардии» в январе прошлого года. А месяца через десять я стал случайным свидетелем развязки этой истории в столовой на Гендриковом.

Летом в раскрытое окно этой комнаты влетела молния и ударила в телефон. Все сидящие за столом замерли. Кто-то крикнул: «Не двигайтесь!»

Теперь это было письмо с французскими марками, которое прислала Аннушка и положила на стол перед Лилей Юрьевной. Письмо от Эльзы. Лиля распечатала и прочла его вслух (об этом подробно есть в ее воспоминаниях).

Эльза писала, что Татьяна Яковлева выходит замуж за какого-то виконта (за «мужа Марьи Ивановны?») и боится, как бы Володя не узнал, не приехал и не расстроил брак. Поэтому — не говори ему ничего...

Но письмо уже прочитано. Все замерли... Не двигайтесь!..

Маяковский ждал машину, он должен ехать в Ленинград, взял чемодан, попрощался и ушел.

Но ведь это было в самый разгар другого его романа! И все же!

О романе с В. В. Полонской все окружающие, конечно, знали — но это не был предмет для разговоров. Ни с ним, ни с кем из друзей левовцев. Этого у них (у нас) не было в заводе. Он не делал из таких вещей секрета, но и говорить незачем. Он это действительно «ужасно не любил»...

Накануне рокового четырнадцатого он был вечером у Катаева. Вместе с Нурой Полонской, Яншиным, Олешей, артистом Художественного театра Ливановым, художником Роскиным, журналистом В. Регининым... Вот этот последний мне рассказал вчера... Маяковский был мрачный, Ливанов его задира, Вл. Вл. писал Норе записки, потом выходил из-за стола, шагал по коридору... Катаев сказал — не бойтесь, Вертеров больше нет, не повесится... Остряков было много. Мог он это слышать? Не знаю. Шумно было... Пили... Он пил только шампанское... Разошлись поздно...

Катаев не бывал у Маяковского и Брнков. Это было другое общество, пьющее, богемное, жмущееся к Художественному театру. Что общего?

Только раз видел я Катаева и Олешу на Гендриковом. Летом двадцать девятого года, в отсутствие Лили и Осипа Максимовича. Сидели долго. Крымского и кахетинского было выпито много. Возвращались под утро по еще не проснувшейся Воронцовской. Олешу вело и шптало в разные стороны.

— Очень мило... — твердил он. — Очень... И завтра пойдем. А то придет Лиля и нас разгонит...

— И верно, — думаю я сегодня над этими словами, — разогнала бы... Они были противоположены друг другу. «Чуткий и прямой в отношении всякой фальши чело-

век», как писал о ней Асеев, Лиля Юрьевна непримиримо отталкивалась от этих людей. Они — неглупые, талантливые, тонкие, острые, — тем хуже! За богемски засасывающим острословием она чуяла холодное дно цинизма...

Потом уже, через несколько лет после смерти Маяковского, нашел я документальное подтверждение этой антипатии (в бумагах Маяковского). Это было письмо Лили к Вл. Вл. в Крым от того же 29-го года (31.7). «Очень прошу тебя не встречаться с Катаевым. Я встретила его в Модлике, он едет в Крым и спрашивал твой адрес...»

Словно знала она, что последнюю ночь на этой земле ему суждено будет провести именно в этом обществе...

В 6 часов я был на вокзале.

На перроне стоял пустой состав. На вагонах таблички «Владивосток — Негорелое». У дверей пограничники.

Я предъявляю разрешение на въезд в пограничную зону «для встречи семьи умершего гр. Маяковского» и еду, вероятно, одним-единственным пассажиром в целом составе.

В окне какие-то канавы или окопы, мотки колючей проволоки, нежилая природа близкой границы, которая проходила тогда всего в двух десятках километрах от столицы Белоруссии.

На горизонте — белое.

Снега
и Негорелое.

Дважды с тех пор сходил снег, да и подъезжаю я с другой стороны...

Деревянное здание вокзала выходит на две платформы — с одной — наши поезда, с другой — европейская колея, прибывают поезда из Польши.

У меня оставалось немного времени, чтобы, согласно инструкции, напечатанной на обороте разрешения, отметить свое прибытие в пограничную полосу, а заодно и отбытие.

Тихо подползает польский поезд, и в окне одного из немногочисленных вагонов заплаканное лицо Лили Юрьевны и очки Осипа Максимовича.

Они ровно ничего не знали, кроме коротких телеграмм в немецких газетах, никаких подробностей. Письмо? Нет, не читали, не видели. Да и где могли видеть? В Польше советских газет не продают... Я шарю по карманам и не нахожу. Как глупо! Правда, я знаю это письмо наизусть...

И вот мы уже на той стороне вокзала, в советском вагоне, поезд трогается, и мы едем в Москву. В Минске на вокзале купили вчерашнюю «Правду»...

...В Москве нас встречает много разного народа. С вокзала прямо на улицу Воровского. В клубе останавливают непрерывное шествие пришедших проститься и освобождают зал от посторонних.

Появление Лили вызывает новую вспышку отчаяния у Ольги Владимировны. Она бросается на колени посредине зала и выкрикивает:

— Сегодня к новым ногам ляте!
Тебя пою,
накрашенную,
рыжую...

Хватает и целует руки, плачет и обнимает Лилу Юрьевну. Александра Алексеевна держится спокойнее. Повторяет несколько раз:

— При вас этого не случилось бы...

Но вот они, Лили и Ося, подходят к гробу.

Я за их спиной в ужасе — как горько он изменился за эти полтора дня. Смерть не пожалела его. Выключила свет из глаз — мрак придавил их, смерть тронула нос, губ, оставила в волосах следы снятых масок, мертвой синевой подчеркнула серые губы...

Лиля стояла перед гробом и горько плакала.

— Что он с собой сделал! Какое идиотство!!! Какое тусклое идиотство!!!

— При вас этого не случилось бы...

Снова начали пускать народ. Люди идут и идут. Сменяются караулы — красноармейские и гражданские — писателей, художников, артистов.

Рапповцы, которых раньше почти не видно было, теперь довольно густо функционируют в зале и вокруг.

Командует всем, или, лучше сказать, пытается командовать, управделами Федерации Осипов, маленький бестолковый человек. Он дал мне какой-то пропуск, с которым будто можно протиснуться всюду. Но не было тех людей, которым нужно было предъявлять этот пропуск. Он вручил мне, кроме того, регламент церемоний, — последних семи караулов, список товарищей, которые понесут гроб, и т. д.

Последние почетные караулы предусмотрены двойные — близкие товарищи и друзья, а при них по рапповцу. Скажем, Асеев и рядом Авербах, Брик и Фадеев, в ногах — Кирсанов и Ермилов, Третьяков — Селвановский. И так далее... Написать все это и даже размножить было легче, чем осуществить. Когда назначенные лица подняли гроб, кого-то не оказалось на месте, подошел непредусмотренный Пильняк Б. А. и подставил плечо. Около него засуетился Осипов, да было поздно...

Председатель комиссии по похоронам Халатов — тот самый, который несколько дней назад приказал вырезать портрет Маяковского из «Печати и революции». Черная каракулевая борода и такая же курчавая шапка, которую он не снимал никогда. Вот и сейчас стоит у окна в шапке...

Ко мне конфиденциально наклоняется высокий Алелеков (из рефовского кружка):

— Поручите мне сбить с него шапку, — он показывает на Халатова. — За неуважение и по совокупности...

— Нет, я вам это не поручаю.

Приносят газеты — специальные номера «Комсомольской правды» и «Литературной газеты».

Сбоку несколько рядов кресел. Лили Юрьевна сидела там рядом с Александрой Алексеевной. Время от времени она подзывала Луэзлу: «Лушеничка, подойди, поцелуй Володю». Потом сама подходила...

2 часа дня. Должен начаться траурный митинг. «Слова «панихида» нет в словаре Маяковского», — сказал Третьяков. Гроб выносят и ставят во дворе. То, что говорят ораторы с балкона, не разобрать. Луначарский, Авербах, Федин, Феликс Кон, потом Сема Кирсанов читает «Во весь голос».

За оградой ждет катафалк-помост, на котором повезут гроб. Это — грузовик, который студенты ВХУТЕМАСа задрапировали обшитыми железными листами. Никаких венков, никаких цветов. Один железный венок из молотов, маховиков и винтов с надписью «Железному поэту — железный венок».

Меня потом (много лет спустя) спрашивали — правда ли, что этот грузовик с гробом Маяковского вел Михаил Кольцов? Не знаю. Я помню М. Е. в тот день в пешем строю за гробом, а недавно мне попала фотография, где перед бронированным грузовиком ясно различимый Кольцов чинно выступает в обществе Халатова и Авербаха.

Правда, в 1979 году я нашел новое фото — гроб устанавливают на грузовике и из кабины выглядывает М. Кольцов. Видимо, он вырубил машину во дворе Дома Герцена, может быть, вел ее часть пути, а часть пути до крематория шел пешком.

Здесь примечательно то, что Михаил Ефимович все дни был рядом с покойным поэтом. Я его видел постоянно.

Но это могло быть только в самом начале, на первых шагах похоронного шествия. Дальше все смешалось. Стоящие на улице по тротуарам впереди сжимали и спрессовывали движущуюся толпу. Скопление народа было так непредусмотренно велико, люди так настойчиво и плотно нарастали с каждым кварталом, густо подваливали с переулков, что отдельные конные милиционеры были бессильны и сами оказались в окружении. С заборов и балконов

нависали фотографы и кинооператоры.

— Если бы он это видел...

Эта мысль пришла мне в голову и не оставляла.

— Если бы он это видел...

Это было такое убедительное и масштабное признание, непридуманное и неказенное, такое яркое свидетельство любви, близости, родства со своим читателем, того, чего ему всегда не хватало, всегда казалось мало. Он так много предлагал, так долго шел навстречу... И вот немыслимая аудитория, длиной в Поварскую, с переулками и с Арбатской площадью априорно...

— Если бы он видел...

Я заблудился в толпе и отстал. Меня несло среди чужих. Лилу Юрьевну и Осипа Максимовича я потерял еще во время митинга. И насколько хватал глаз, я не видел близких, до которых мог бы добраться вплавь.

...Сердце сжав

у теснин Арбата,

растяирая дома,

ползет Москва,

бронированным гробом его горбата.

Уже на Донской улице, недалеко от крематория, я добрался до серой «реношки», но Лили Юрьевны и Осипа Максимовича в ней не было, и Гамазны ничего о них не знал. Остаток пути я шел, держась за ее крыло, и был втолкнув вместе с машиной в ворота крематория.

Внутри здания вижу сидящую на подоконнике беременную Наташу Брюханенко, плачущую с горю и со страху — едва не задавили...

Лили Юрьевна и Осип Максимович проделали весь путь пешком с Луэзлой. Она потом вспоминала: «Мы оказались далеко от крематория, но нам удалось как-то проникнуть во двор. Там было просторнее, чем на улице, но тоже полно народу. У входа в крематорий была конная милиция. Мы сели на скамеечку, и Лиличка сказала, что у нее нет сил дальше пробираться... Александра Алексеевна и сестры Владимира Владимировича, приехав на машине, сразу прошли в крематорий. Вдруг конный милиционер кричит: «Брик! Где Брик? Требуют Брик...» Оказывается, Александра Алексеевна не хотела проститься с сыном и допустить кремацию без Лили Юрьевны. Ося и Лили прошли в крематорий...»

Все стояли вокруг помоста и потом, по чьему-то знаку, стали подходить прощаться. Ионов подтолкнул меня, я наклонился и прикоснулся к холодной руке.

«Интернационал»...

Гроб качнулся и начал проваливаться. Маяковский тихо, со сложенными руками, уходил в глубь. И ушел. И закрылись створки...

Все кончено.

Нет, не все... Кольцов отводит нас — Асеева и меня — в сторону и предлагает спуститься вниз, там есть глазок, через который можно видеть огонь... можно видеть все... Асеев испуганно смотрит на него...

И я тоже отказываюсь, как отказался два дня назад от предложения оператора из Института мозга присутствовать при экстирпации мозга Маяковского...

Нет! Нет!

Пусть черный дым, валивший из труб крематория, когда мы к нему приближались, останется в памяти только мрачной абстракцией...

А лицо, прекрасное лицо гладиатора, о котором Марина Цветаева писала — «вглядитесь в лобные выступы, взгляните в глазницы, взгляните в скулы, взгляните в челюсти», — пусть оно сохранится незабываемо живым без натуралистических ужасов анатомического киньоля.

Я видел орден запекшейся крови на его голубой рубашке. Этого ужаса довольно...

Публикация В. В. КАТАНЯНА

«Глазами пророка взирает на мир»

Голгофа

Где-то рядом Мезень, где-то рядом Печора,
И Онега, совсем-то она недалёко...
К милым северным пожням, к их травам, к их пчелам
Прикоснулось мое просветленное око.

К диву белому, к белым ночам прикоснулась
Неутихающая грусть василькового лета.
Не чужая — моя возвращается юность,
Потому-то так дивно все, все-то так лепо.

Катят воды свои величавые реки,
Много-много воды утекло, укатилось!
По лесам белогазо взирают орехи
На небесную, шумно сошедшую милость.

Дождь пролился! Резвился на радость сорокам,
По Мезени скакал, по ее глухотам.
Припадая к оленьим размытым дорогам,
Близорук плутал в непроглядном тумане.

К диву белому, к белым ночам прикасался,
Освежал, омывал эти белые ночи...
Буду помнить до самого смертного часа,
Как земля посюдам свой высоко возносит.

Возвышает себя молодой подорожник,
Колокольчик — и тот приподнялся высоко.
Василькового лета зеленые пожни
Кажут небу свое просветленное око.

Озерцо невеликое кажет урёма
И не кажет небесные дивные страсти.

Снами белыми, белою-белою дремой
Усыпают себя соловьиные старцы.

Значит, ведают старцы, что случилось, случилось
Со саятою обителью в некую зиму.
Показала свой норов нечистая сила,
Повалила стоящую смиренную осину.

Все-то, все повалила. Осталась Голгофа.
На Голгофе белеют мужицкие кости,
Да заветные камушки вроде гороха
Долго-долго хранят беломорские гости.

Блукаю — по собственной прихоти, —
Брожу по чащобе рудой.
Тут все-то озера — как пригоршни,
Прозрачной темнеют водой.

Тут все-то озера — как блюдечки
На самобранном столе.
И никакой тебе удочки,
Лишь мох на сосновом стволе.

На валунах крутолобых
Серебряный видится мох...
На радость дорожной колдобе
Я дрему свою перебог.

Освободился от сумрака
Давнишних наязчивых дум.
Вздыхая, глаголет без умолка
Лесного Олонца ведун.

Трубит он про Белую Индию,
Про горечь тягчайших обид.
А Белое море — как индеев,
Как ранней зимою слепит.

Короткое лето холодит,
Мое остужает тепло.
К ненастью, должно, к непогоде
Тревожится брэнная плоть.

Душа заскучала о доме,
Тоскует, горюет она, —
Чем море темней, тем бездонней,
Безмолвней его глубина.

Никем не узанный, до Кеми
Свой день, свои глаза тяну...
Крутой волны тяжелый лемех
Морскую пашет целину.

И дождичек уже боронит
Легко идет по борозде,
Гарцуют взмыленные кони,
Танцуют в золотой узде.

Ах, море, море! Что-то будет,
Когда я в Кемь приволочусь.
Плывущие со мною люди
Восторженных не скроют чувств.

Ненастные воспрянут лики,
Вдруг станут солнечней, светлей.
Зовущие услышат клики
Взлетающих в небо журавлей.

У всякого свое влечение,
У жураала, у воробья...
Из длительного заточенья
Я возвращаю сам себя.

Никем не узанный, до Кеми
Свой день, свои глаза тяну, —
Крутой волны тяжелый лемех
Морскую пашет целину.

Секирная гора

Здесь осины светлы, как березы,
А березы не так уж светлы.
Сгибших узников жгучие слезы
Обожгли всем березам стволы.

Не смогу рассказать, не смогу,
Не сумею правдиво поведать,
Как на белом блескучем снегу
Не моя ль коченела Победа?

Не моя ль присмирела война,
В неглубоком укрылась овраге?...
Вся страна, вся страна, вся страна
Обратилась в зловещий концлагерь.

Мой окопный товарищ, позволь
Прикоснуться к открывшейся ране,
Незажившую давнюю боль
Ни в каком не укроешь тумане.

День и ночь она кровоточит,
Омраченной тоскует зарею.
А взшедшего солнца лучи
Над секирной темнеют горою.

Я и сам каменею лицом,
На великом вздыхаю погосте.
Знаю я — под каким колесом
Неповинные хрустнули кости.

Под какую секирой сложил
Эти кости мой друг, мой ровесник.
Потому-то так долго кружил
Лиха черного пасмурный вестник...

Плач олонецкого ведуна

Темнеет вода от нахлынувших дум,
Мрачнеет ее оловянное око.
Рыдает Олонца лесного ведун
Слезам Иереми-пророка.

Известный — да всей-то
России — поэт
Изводит себя нензбывной кручиной.
Успокоения прежнего нет,
Угрюмо глядит бородастый мужчина.

Блестает слезой,
что светло пролилась,
На зорю рассветную пала.
«Неужто и вправду советская власть
Осталась без власти, без права?»

Сам сатана все захапал, все взял,
Над всей-то страной верховодит.
Уразуметь бы... Да нету, нельзя,
Случилось затмение вроде.

На Соловки вся страна подалась,
Уныло бредет под конвоем.
Советская власть...

Да какая тут власть?!
Тут пахнет всесветным разбоем.

О мужике неусыпно скорблю,
О голубиной печалуюсь стае,
Слезам кричу... Никакой лизоблюд
Утихнуть меня не заставит!

Взойду на костер,
как всходил Аввакум
В опальном своем Пустозерске.
Освобождаю свой пасмурный ум
От книг, от стихов богомерзких.

К «Поморским ответам» уходит душа.
К Онежским былинам уходит,
В них шорох, в них шепот,
а в них шум камыша.
Должно быть, к грозе, к непогоде.

Уже непогодит, уже моросит,
Робеет осина, береза...
По всеям по всеям
да по всей по Русн
Народ не желает колхоза.

Не принимает, идет супротив,
Народ-то все ведаёт, знает, —
Не усыпить никакой коллектив
Медовыми сладкими снами.

Тогда-то и показала себя,
Нечистая грянула сила,
Не пощадила она воробья,
Она никого не щадила.

Не пожалеет она и мою
Волшебную дивную флейту.
Молю я, о Господи, слезно молю:
Придвинь мою грусть к бересклету.

К калине, рябине скорее приблизь
Мои потаенные слезы.
Скорбящей души половеющий лист
Утешат утиные плесы.

Освободят от нахлынувших дум,
От зорко смотрящего ока».

Рыдает Олонца лесного ведун
Слезам Иереми-пророка.

Глазами пророка взирает на мир,
На ту логовину взирает,
Где серого волка так долго кормил
На Соловах замордованный заяц.

Федор Григорьевич СУХОВ родился в 1923 году в селе Красный Оселок Лысковского района Нижегородской области. Прямо со школьной скамьи ушел на фронт, командовал противотанковым взводом. За боевые заслуги награжден орденами и медалями. Первые его стихи появились в 1944 году во фронтовых и армейских газетах. После демобилизации вернулся в родное село, работал в колхозе. В 1949 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького СП СССР, после его окончания работал в сталинградских газетах. Автор более двадцати книг стихотворений и поэм. Живет в Нижнем Новгороде. В предисловии к одной из своих книг поэт писал: «Я всегда говорю: все, что есть во мне хорошего, все это из моего родного села Красного Оселка, от той земли, без которой я не представляю себя как поэта». Публикуемые стихи написаны в 1989 году на Соловах.

КНИГИ ФЕДОРА СУХОВА

ПЕСНЯ ЛЕТА. Стихи. — М.: Сов. писатель, 1978.
ЯСЕНЬ. Стихи. — М.: Мол. гвардия, 1979.
ЗЕМЛЯНИКА НА СНЕГУ. Стихотворения и поэма. — М.: Современник, 1979. — (Б-ка поэзии «Россия»);
ОВЕСЕНЬ. Книга стихов. — М.: Современник, 1984.
КРАСНЫЙ ОСЕЛОК. Стихотворения и поэма. — М.: Сов. Россия, 1984.
ПОДЗИМЬ. Избранное. — М.: Мол. гвардия, 1985.
ЛЕШЕВА ДУДКА. — М.: Сов. писатель, 1987.
МАТЬ-И-МАЧЕХА. — М.: Современник, 1989.

ГРИГОРИЙ КЛИМОВ

Князь мира сего

На этом следователь по делам нечистой силы поставил точку. После загадочной научно-исследовательской работы он защитил свою диссертацию. Когда Борис, частью из вежливости, частью из любопытства, выразил желание пойти послушать эту процедуру, Максим отрицательно покачал головой:

— Нельзя. Это спецпроект и защита закрытая.

Для кандидатской диссертации обычно полагается триста страниц. Вместо этого Максим представил три толстых тома, где одна библиография источников занимала более пятидесяти страниц. И вместо кандидата наук, — в порядке редкого исключения, что делается только в случае каких-либо необычайных заслуг, — сразу получил высшую ученую степень доктора социальных наук и философии.

Для больших открытий, как правило, необходимы два условия. Первое — чрезвычайная, сверхчеловеческая концентрация на данном предмете. И второе — способность найти за частностями закономерность и сделать из этого практический вывод.

Смерть любимого человека так подействовала на Максима, дала ему такой толчок, так сконцентрировала его на какой-то, только ему одному известной, цели, что ради этого он забыл обо всем остальном на свете. В поисках ответа он перебрал все частности, перерыл всю историю человеческой цивилизации от первобытных тунгусов с их шаманами до бранных останков утонченной аристократии — и он нашел какую-то закономерность. Причем что-то важное. Иначе ему не дали бы так сразу диплом доктора.

Мельком Максим заметил, что его работой заинтересовался сам Сталин. Какой практический вывод сделал для советской власти доктор социологии Руднев из своего увлечения средневековой алхимией — научился он делать золото из свинца? Нашел философский камень мудрецов? Или открыл секрет материализации духов? Ведь в газетах как-то писали, что и Адольф Гитлер тоже субсидировал подобные странные начинания, где ученые занимались телепатией, спиритизмом и парапсихологией.

— Макс, что ты изобрел? — спросил Борис.

— Формулу дьявола, — ответил тот и даже не улыбнулся.

Так или иначе, с этого момента доктор Руднев стал делать головокружительную карьеру, о которой он раньше и мечтать не мог. Вместе с докторским дипломом он получил чин полковника НКВД. Вскоре у него на груди появился первый орден, и не какой-нибудь так себе, а сразу орден Ленина — высшая награда Советского Союза. В «Правде» стояло коротко: «...за выполнение специальных заданий партии и правительства». Теперь Максим шагал вверх семимильными шагами. Но поразительнее всего было то, что ко всем этим почестям он относился с абсолютным безразличием.

В качестве профессора социологии Максим руководил каким-то чрезвычайно засекреченным Научно-исследовательским институтом НКВД, где у всех научных сотрудников из-под белых халатов, как хвост у черта, выглядывали малиновые петлицы НКВД. Одновременно Максим был начальником какого-то оперативного отдела НКВД, где теоретическая работа его института находила свое практическое применение.

— Что это у тебя за отдел? — полюбопытствовал Борис.

— Тринадцатый, — ответил Максим.

— Это по каким делам?

— По делам нечистой силы. Потому он и тринадцатый.

— Э-э, врешь ты все.

Максим вынул из стола служебный бланк. Там, действительно, стояло «13-й Отдел Главного управления НКВД СССР». Борис пренебрежительно махнул рукой и пошел заниматься своими делами. Все равно от Максима ничего путного не добьешься.

Потом... Потом доктор, профессор и полковник НКВД вдруг запил горькую. Хотя раньше он никогда не злоупотреблял алкоголем, теперь он пил, как самый последний алкоголик — в одиночку. Он заперся у себя в комнате, напивался до одурения, затем начинал разговаривать сам с собой. Или, может быть, он беседовал с привидениями, про которые он начался в своих средневековых трактатах о нечистой силе.

Занявшись алхимией, Максим попутно коллекционировал соответствующие этому ремеслу предметы. Так он приобрел где-то оригинальный кубок немецкой работы тех времен, когда а Германцы охотились за ведьмами, из тонкого, раскрашенного от руки матового фарфора. Это была мастерская имитация человеческого черепа. Немецкий мастер так постарался и достиг такого сходства с оригиналом, что это произведение искусства было даже неприятно брать в руки. Максим же сидел и пил из этого кубка водку.

Как-то, проходя в свою комнату, Борис укоризненно сказал:

— Макс, зачем ты пьешь?

— Зачем? — полковник медленно поднял голову и посмотрел на брата мутными глазами. — Так, поговорить надо...

— С кем?

— С тем, чего не могут вернуть даже боги... С собственным прошлым... Которому я обязан своим настоящим...

— Зачем тебе это?

— Зачем?... Душу облегчить... Впрочем, ты, безбожник, в этом ничего не понимаешь...

— Пойдем лучше в воскресенье рыбу ловить, — предложил безбожник.

— Воскресение... Это ренкация души... Перевосхождение души страданием, как говорил Достоевский, — в углах рта Максима скользнула нехорошая усмешка. — Нет, теперь я другую рыбку вылавливаю...

— Что, людей мордуешь? Эх ты...

В голове младшего звучала неприязнь. Старший нахмурился:

— Ничего ты не понимаешь... И не поймешь...

— И так все ясно. Потому ты и запил.

— Это только кажется, что это люди... А на самом деле это не люди!..

— А кто же это?

— Ты, Бобка, меня лучше не спрашивай, — полковник поморщился, как от тошноты. — А если я тебе даже и скажу... так ты этому не верь... и смотри, никому это не рассказывай...

— Да ты все равно ничего умного и не скажешь, — согласился младший.

Старший качался на стуле и бормотал себе под нос:

— Да-с, правильно... Ты, Бобка, счастливое животное, мелкопитающееся, homo sapiens... мезоморфического типа... А ведь, собственно говоря, хотя ты ничего не понимаешь... ведь это тебя нужно благодарить.

— За что?

— За это! — Максим ткнул себя пальцем в грудь, где у него поблескивал орден Ленина. — Да, за это самое... Вот видишь, я тебе говорю, а ты ничего не понимаешь...

Он тяжело оперся локтями о стол и отхлебнул водки из своего мерзопакостного кубка:

— Ладно, так и быть, открою тебе тайну... Хочешь?

— Ты лучше меньше пей, а то нос красный будет.

— Я тебе серьезно говорю... А ты, дурак, смеешься... Это больша-ая тайна... Госуда-арственная тайна...

Полковник понизил голос, словно опасаясь, что кто-нибудь подслушает его тайну:

— Так слушай... Вот ты, безбожник, думаешь, что чертей нет... А я вот тебе скажу, что черти есть!

— Так все пьяницы говорят. Когда перепьются до чертиков.

— Болван, — беззлобно сказал полковник госбезопасности. — Черти есть... И оборотни есть, и лешие... А ведь мы и ведьмаки так на каждом шагу... Ведь я каждый день с ними дело имею...

— Понятно, если ты каждый день пьешь, — скептически заметил младший.

— Не веришь? — старший, пошатываясь, встал, взял с полки какую-то толстую книжку, утыканную разноцветными закладками, по этим закладкам нашел нужное место и стал медленно и торжественно читать:

«...Ведьмы и ведьмаки — это порождение зла, социальная зараза и паразиты, поклонники отвратных и непристойных убеждений, приверженцы яда, шантажа и других ползучих преступлений... Ведьмы и ведьмаки поднимают ссоры, ревность, споры, сердечные разногласия... Их пагубная деятельность простирается от семейных неприятностей и столкновений, в отдельности, может быть, и незначительных, но в целом чрезвычайно неприятных и мучительных, до самых серьезных преступлений... — гнбели имущества, внезапной болезни и гложущей смерти, и, наконец,»

Здесь полковник НКВД, специализировавшийся на нечистой силе, многозначительно поднял палец:

— Обрати внимание... «и, наконец, до столкновения нации, анархии и красной революции, поскольку ведовство всегда было и будет политическим фактором... В результате ведьмы и ведьмаки являются постоянной опасностью для всякого упорядоченного общества». Знаешь, кто это сказал?

— Кто?

— Это сказал сам папа Иннокентий 8-й! — с глубоким уважением произнес советский доктор социологии, как ученик, говорящий о своем наставнике. — Это написано в его знаменитой булле от 1484 года! И я подпишусь под каждым его словом!

— Мало ли какие глупости пишут, — возразил Борис. — Бумага все терпит.

— Нет, это вовсе не глупости, — Максим любовно погладил рукой переплет книги. — Это «История ведовства и демонологии» Монтегю Саммерса... Из сугубо научной серии «История цивилизации»... Саммерс — ученый-теолог, а книга эта издана в Лондоне в 1926 году... Так что это вещь серьезная и современная. Надо только понимать, что за этим под-разумевается...

— Эх, ты, мракобес, — сказал Борис. — И за что тебе доктора дали.

— Вот за это самое... Но с точки зрения диалектического материализма...

— Значит, квалификационная комиссия тоже пьяная была?

— Никакой комиссии не было, — ученик папы Иннокентия 8-го поставил книгу на место. — Мне доктора дал собственноручно сам Сталин!

— Врешь ты, — сказал младший.

Старший сделал большой глоток из своего отвратного кубка-черепа, он туло устоялся в кубок, словно рассматривая что-то на дне человеческого черепа:

— Все очень просто... Я разб-бил свою диссертацию на несколько независимых частей — по истории, по антропологии, по псих-хологии и еще некоторым специальным предметам... Каждая часть была аннотирована лучшими специалистами Советского Союза в данной об-

ласти... Каждая часть в отдельности, сама по себе, ничего особенного не говорит... Но когда сложить все части вместе, то получается то, что говорил папа Иннокентий — нечистая сила как политический фактор... Все апробировано и подписано академиками, но как это сложить — это знаю только я... Да еще товарищ сатана...

— Ну и что толку, что ты знаешь?

— Как это? Эти черти есть социальная зараза, паразиты... Опасность для всякого упорядоченного общества... А раз так, то это уже по линии НКВД...

Полковник государственной безопасности оживился и заерзал на стуле так, будто он сидел верхом на сатане:

— Я Сталину говорю: «Смотрите, Иосиф Виссарионович, это источник анархии и рев-волюции...» Он не верит. Тогда я беру мои материалы, складываю как нужно — и на основании документальных фактов, подтвержденных академками, доказываю, как эта нечистая сила сначала способствовала анархии в царское время, а потом участвовала в Октябрьской социалистической революции... Все в точности, с именами, с фамилиями...

— И с адресами? — насмешливо вставил Борис.

— Конечно, — увлекшись, продолжал ученик папы Иннокентия. — Сталин сначала обозлился, а я ему говорю: «Минуточку, Иосиф Виссарионович... Все дело в одном слове... Это опасность для вся-ко-го упорядоченного общества... Понимаете, вся-ко-го? Так что, если вы считаете советскую власть уп-порядоченным обществом, то теперь эта же самая нечистая сила будет заниматься революцией против вас, то есть контрреволюцией...» И вот тут-то он призадумался...

Максим приложился к своему сосуду с водкой и икнул:

— После этого Сталин назначил меня... и-ка... особополномоченным по делам нечистой силы... и-к-... в составе Народного Комиссарата Внутренних Дел... и-к-... по всему Союзу Советских Социалистических Республик... Понял?

Сидя верхом на стуле, он погрозил пальцем:

— Только ты, Бобка, смотри... Никому это не говори... Это государственная тайна... А теперь, знаешь что... Я что-то со стула встать не могу... Положи-ка меня в постель и снимй сапоги...

— И не подумаю.

— Поч-чему?

— Раз ты напился до чертиков, так пусть они тебе и сапоги снимают.

Про себя Борис решил, что брат все-таки помешался. Однако умопомешательство Максима, казалось, помогало его карьере. Вскоре он получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, что соответствовало чину генерал-майора НКВД. Но его самого этонисколько не радовало, словно в обмен на карьеру он, как доктор Фауст, променял свою душу дьяволу. В точности, как это описывалось в средневековых книжках, которые он так тщательно штудировал.

Глава 4

Князь и комиссар

Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Лука 10; 24

Вскоре после того, как доктор социальных наук Максим Руднев стал особополномоченным Сталина по делам нечистой силы, в Ленинграде произошло убийство Кирова, второго после Сталина человека в партии. Убил его молодой коммунист Николаев.

Было холодное зимнее утро. По радио непрерывно передавали траурные марши Шопена. Максим сидел за своим столом, вместо утреннего чая пил водку, листал личное де-

ло Николаева и бормотал:

— Ага-а, у него лошадиная стопа... Как у Байрона... Знаем мы эти байроновские тпы... Герои нашего времени... Тамерлан, Талейран, вожь меньшевников Мартов, Роза Люксембург, батяка Махно, Геккель... Все эти хромоножки и хромые учителя у Достоевского...

Борис сидел в соседней комнате и учил историю партии, потом приоткрыл дверь и спросил:

— Эй ты, чернокожничок, что там такое?

— Что... Что... — бормотал Максим. — Кроме того, у него эпилепсия... И жена у него гораздо старше его... Но даже и она его бросила... Типичный легионер!

Стол у Максима был старенький и простенький. Но теперь на этом облесом столе стояло три телефона: белый — для простых разговоров, красный — прямой провод в Кремль и черный — специальный провод в 13-й Отдел НКВД.

— Та-ак, дело ясное, — он потянулся к черному телефону. — Потому и говорят — хромоу чер-р-рт... Или косой черт...

Прихлебывая водку, доктор социальных наук стал диктовать в трубку приказ о взятии на спецучет 13-го Отдела НКВД всех хромых и косых в Советском Союзе. В первую очередь тех, кто члены компартии. Но только хромых и косых от рождения.

Убийство Кирова послужило как бы сигналом, после которого началась Великая Чистка. Сначала со стен исчезли портреты знаменитых людей — героев революций, старых большевиков, вчерашних руководителей партии и правительства. Потом их имена появлялись в газетах — а качестве врагов народа, предателей, вредителей и иностранных шпионов. Затем бывших героев отправляли на конвейер смерти в подвалы НКВД.

Комиссар госбезопасности Руднев стал на стахановскую вахту: он работал в две смены, по шестнадцать часов в сутки, и часто оставался ночевать на службе. А если приходил домой, то от него всегда несло водкой. За ужином он сидел молча, глядя по сторонам.

Просматривая «Известия» с отчетом об очередном процессе врагов народа, отец Руднев недовольно ворчал:

— Это черт знает что...

— Да, черт знает свое дело, — кивнул комиссар госбезопасности, не поднимая глаз от тарелки. — Есть такая старая сказка: черт обещает власть и славу, но нужно подписать с ним контракт... Так вот, теперь черт требует уплаты по векселям... А я подвожу бухгалтерию.

— Но ведь эти революционеры боролись за лучшее будущее, — сказал отец.

— История уже много раз показала, что тот рай, который обещают революционеры — это потерянный рай, — сказал комиссар. — А красивые обещания выложена дорога в ад. И первыми туда попадают сами революционеры.

— Но ведь процессы-то эти дутые!

— Как сказать... Ведь это они затеяли братоубийственную гражданскую войну... Ведь это они напустили на Россию разруху, голод и мор... А знаешь ли ты, что это стоило России больше человеческих жизней, чем вся Мировая война... Ну вот, теперь пришло время за все это расплачиваться.

Тем временем чистка принимала все более фантастические формы. На показательном процессе, в присутствии международной прессы, кремлевские врачи во главе с доктором Левиным публично и со всеми подробностями признавались, как они потихоньку отравляли своих кремлевских пациентов. Подбывал их на это верховный охранник Кремля — сам начальник НКВД Ягода. А идеологическое руководство отравлениями принадлежало тихоням — идеалистам из ленинской гвардии, прославленным свободолубам и человеколюбам. Прямо из зала суда бывших героев революции отправляли на живодерню НКВД. Казалось, что над Москвой повисло какое-то кровавое безумие.

Вечером отец недоверчиво читал вслух газету:

«Отравления производились при помощи распыления через пульверизатор медленно действующих ядов, преимущественно солей ртути. Ими опрыскивали ковры, занавеси, мягкую мебель. Через легкие эти яды попадали в кровь и постепенно разрушали организм жертвы в самом слабом месте, вызывая смерть как будто от естественных причин...»

Комиссар госбезопасности хлебал суп и бормотал в тарелку:

— Я Сталину открыл книжечку и показываю: «Видите, те же методы, что и в шестнадцатом веке. Ренессанс-анс-с!»

Он поболтал ложкой в супе и протянул руку к солонке:

— Между прочим, вот этой самой рукой я пристрелил сегодня царевичу Белобородова...

— Послушай, Максим, — сказал отец, — неужели же ближайšie сотрудники Ленина были иностранными шпионами? Ведь этому нельзя поверить!

— Что же тут такого особенного? — угрюмо уставился в тарелку Максим. — Ведь сам Ленин был немецким шпионом. Ведь немцы прислали его в Россию а запломбированном вагоне. А каков поп, таков и приход.

Отец читал заключительные слова государственного обвинителя Вышинского:

«Всех этих врагов народа нужно расстрелять, как бешеных собак!»

— Глупая риторика прокурора, — сказал отец.

— Это не риторика, а правда, — буркнул Максим. — Эти люди куда хуже, чем бешеные собаки. Тех сразу видно, а этих не сразу.

— Но неужели эти заслуженные революционеры, — тихо сказала мать, — одновременно были осведомителями царской охранки?

— Конечно, — кивнул Максим. — При обысках в архивах оппозиции нашли даже доносы в охранку, написанные рукой самого дражайшего товарища Сталина. Оппозиция хранила это в своем арсенале как последнее оружие. Но этих воспоминаний молодости я Иосифу Виссарионовичу не показывал.

— Боже мой! — вздохнула мать. — Какой ужас.

— Революционеры после революции — это пауки в банке, — сказал доктор социальных наук. — И они будут грызться за власть, пока не пережрут друг друга. Ведь, если почитать архивы охранки, то ясно видно, что в подготовке революции самыми активными были эсеры. А после революции они первые же попали под расстрел. А потом большевики сожрали меньшевиков. А теперь большевики ликвидировали друг друга. То же самое было с якобинцами и жирондистами. А кто привел к власти Гитлера? Штурмовики. А где эти штурмовики сейчас? Гитлер их всех перестрелял. В результате всегда остается один большой паук — Наполеон, Гитлер или Сталин. Это историческая закономерность. И чем это скорее закончится, тем лучше.

Покончив с ужином, Максим налил себе чайный стакан водки, отпил половину и устало откинулся на стуле. Отец свернул газету и вздохнул:

— А я все-таки этим обвинениям не верю.

— Да, правды там только частичка, — криво усмехнулся Максим. — А если я скажу тебе всю правду, то ты поверишь мне меньше. В свое время Ленин требовал, чтобы его партия была «партией профессиональных революционеров». Но весь секрет в том, что настоящие революционеры, профессиональные революционеры — это простые люди. Это специальные люди.

— Какне-такне специальные?

— Такне... Это совершенно специфическая категория людей... С такими особыми комплексами...

— Странно. Что ж это за комплексы?

Доктор социальных наук допил свой стакан с водкой и поучительно поднял палец:

— Вот тут-то оно и начинается... Это то самое, что когда-то называли бесами. Если в человеке появляется этот комплекс, то этот человек сам превращается в беса...

или в черта... и начинает заниматься черт знает чем... Понимаешь?

Видя, что Максим перепил и опять начал бредить про нечистую силу, отец осторожно сказал:

— Хм, этому действительно трудно поверить.

— Да, но это так... Когда этих чертей арестовывают, я пропускаю их через строжайшие медицинские экспертизы... ана-а-аллизы...

— Какие анализы?

— Всекие... В том числе и внутренней секреции... И почти у всех та же самая история. То самое, что раньше называлось бесовской одержимостью. А одно из самых опасных проявлений этой одержимости — это неужемая, болезненная жажда власти. Это специальный комплекс власти. То, что создает так называемых «природных вождей». Потому одержимые этим комплексом люди ради власти идут на все... на любое преступление.

Советский доктор Фауст щелкнул по бутылке с водкой: — Для настоящих, прирощенных революционеров революция — это борьба за власть. А все остальное — только средство к цели. И никто не ненавидит друг друга так, как эти комплексные бесы, грызущиеся за власть — или видимость власти. Ведь Ленин занимался фракционной борьбой больше, чем борьбой с царизмом. Потому эти черти и стукал друг на друга а охранку. И наперебой сотрудничали с иностранными разведками.

Максим постучал кулаком по столу:

— Потому в Библии и сказано, что их хозяин — дьявол — всегда стремится к власти.

На следующий вечер, читая новые покаянные речи врагов народа, отец опять качал головой и ворчал:

— Но ведь это ж старые большевики. Прошли все царские тюрьмы и ссылки и никогда не раскаивались. А теперь такие невероятные самообвинения!?

— Говорят, им делают какие-то одуряющие впрыскивания, — заметила мать.

— Не одуряющие, а наоборот — проясняющие, — возразил комиссар госбезопасности. — Я впрыскиваю им такие штучки, которые изгоняют то, что раньше называлось бесами. Тогда они временно становятся обычными людьми, осознают свои грехи — и признаются. А для публичных процессов я впрыскиваю им штучки посылней. Тогда их даже тянет к покаянию — и они занимают самоубийством.

Доктор социальных наук потянулся к своему стакану с водкой.

— Впрочем, все это полностью соответствует основному закону диалектического материализма — насчет единства а борьбы противоположностей как двигателей исторического процесса. Борьба, ты этот закон знаешь?

— Знаю.

— Но ведь это абсолютно противоречит закону о классовой борьбе как основном двигателе истории. Где же в классовой борьбе единство?

— Не знаю.

— Вот в том-то и дело. Это противоречие не объяснит ни один профессор марксизма-ленинизма. А если объяснит, его расстреляют.

— Почему?

— Да потому, что это марксистское единство и борьба противоположностей... Ха-а!... Да ведь Маркс просто перефразировал старую формулу средневековых чертопоклонников... Но меня не проведешь... Я-то все это знаю.

— Что же это за формула? — заинтересовался Борис.

— In daemone deus, — процедил сквозь зубы комиссар госбезопасности. — В дьяволе бог... Вот вам и весь секрет этого единства и борьбы противоположностей.

— Да, но что это такое?

— Это философская загадка, философский камень, о который ломали себе голову лучшие умы человечества. Некоторые даже свихнулись. Потому что эта загадка неразрешима.

— Ну а ты эту загадку разгадал? — подмигнул Борис.

— Конечно, — уверенно сказал ученик папы Иннокен-

тия. — Бог есть Бог, а дьявол есть дьявол!

— Послушай, Максим, — отец снял пенсне и со смущенным видом принялся протирать его носовым платком. — Вот ты сам говоришь, что кое-кто свихнулся над этими проблемами. А ты знаешь, что есть еще такое религиозное помешательство... Может быть, а тебя слухом подействовали эти твои книги про нечистую силу... Если хочешь, у меня есть один знакомый психиатр?

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

— Если к кому применима поговорка «Врачу — исцелися сам!», то в первую очередь это относится к психиатрам. Ведь многие психиатры становятся психиатрами, чтобы быть поближе к собственной среде. Но мы это тоже знаем.

Отец сделал вид, что полирует свое пенсне. А Максим самоуверенно усмехнулся:

— Ты лучше пошли этого психиатра ко мне. Я скорее найду у него что-нибудь такое, ненормальное.

Пока старший брат был на службе, Борис обнаружил на его столе книгу Макиавелли «Князь», на которую обычно ссылаются, как на образец политического цинизма. Эта книга была написана в Италии времен Цезаря Борджиа, когда там шла ожесточенная борьба между удельными князьями, которые пускали в ход все — убийства, отравления, предательство и подлоги. А Макиавелли полностью оправдывал все преступления князей и составил как бы философскую рецептуру политического вероломства и беспринципности, всех видов подлости и коварства.

Книга, лежавшая на столе Максима, была выпущена в Москве незадолго до убийства Кирова. Прекрасное издание «Академии». Старинные гравюры. И даже новый перевод. Но самое удивительное было то, что предисловие к «Князю» было написано Каменевым. Это был культурный и мягкий человек, типичный тихоня-идеалист из ленинской гвардии. Но в предисловии он восхищался философией Макиавелли и всячески рекомендовал ее как практическое руководство в политике.

Вскоре Каменев был арестован по делу «Троцкистско-зиновьевского террористического центра» и сам попал под ту рецептуру, которую он так усердно расхваливал. Вслед за этим был арестован и «Князь» Макиавелли — его запретили и изъяли из обращения.

На заглавном листе рукой Максима была приписка:

«Характерно, что философия Макиавелли подразделяется на 13 принципов. Это, конечно, не случайно, а нарочно. Проверить его «Мандрагору». Растет под виселицами».

Когда Борис поступил в Индустриальный институт, на форме работников госбезопасности появилась новая эмблема НКВД: змея, поднявшаяся на хвост и пронзенная мечом. Увидев на рукаве Максима эту овальную, штную золотом и серебром эмблему, Борис спросил:

— А что это за змеюка?

— Это гидра р-революции, — ответил Максим.

Поймав недоверчивый взгляд младшего брата, он полез в стол и достал папку фотографий, подшитых в специальную папку НКВД. Это была обширная коллекция значков, гербов, флажков и символов всяких революционных, террористических и тайных обществ, начиная от египетских пирамид и кончая Великой Октябрьской революцией. На многих фотографиях была изображена точно такая же поднявшаяся на хвост змея, которую пронзал меч на рукаве комиссара госбезопасности.

Продолжение в следующем номере.

Работы этого художника, представленные на многочисленных выставках — в провинции ли, в столице, — всегда привлекают внимание. По ним не скользят равнодушным взглядом. Они особенно выделяются среди современных «поисков» и «новаций» своей традиционностью, каким-то старомодным, но милым обликом. Немногим они кажутся излишне детализированными, слишком тщательными прорисованными. Что ж, а не такова ли наша жизнь, с ее множеством деталей, природа, умеющая оценить и оберечь самое малое? В ней есть место и былинке, и цветку, и крошечному насекомому. Нет мелочей, «проходных» деталей и в работе этого мастера.

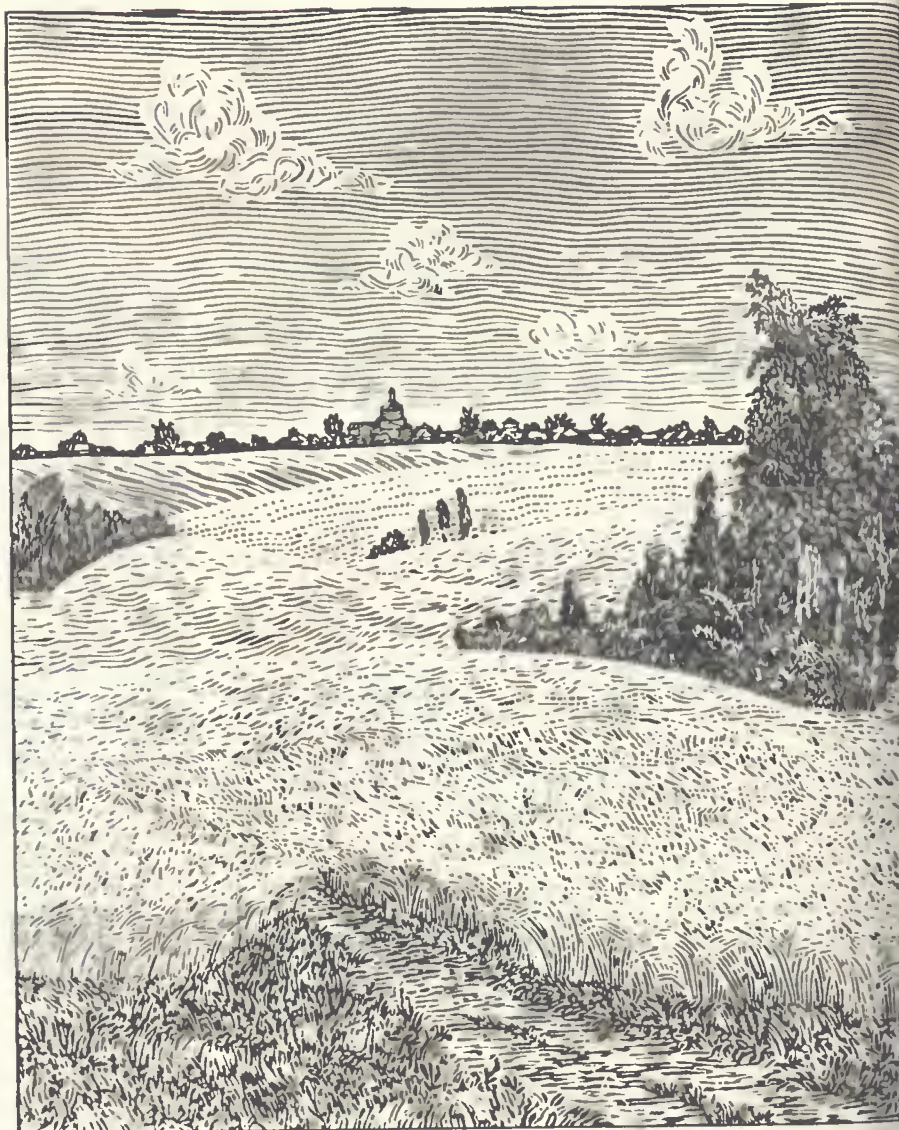
Пора назвать его имя. Станислав Епифанов. Художнику 46 лет, он окончил Московский полиграфический институт, учился у именитого графика А. Д. Гончарова. Мастер передал многое своему ученику, но, пожалуй, пристальный и добрый взгляд на мир — это особый, природный дар Епифанова. Художник, словно странник очарованный, путешествует по родному краю. Глядит — и наглядеться не может на прекрасные сельские виды, на родные, любимые с детства места. Не малую родину Сергея Есенина, творчеством которого он пленен. И слово Есенина — путеводная нить странствий художника, больших — в Азербайджан в Мардакян, где поэт создавал свои «Персидские мотивы», и малых — в Константиново, Спас-Клепики, везде, повсюду на Рязанской земле, где родился, жил, бывал Есенин.

Всего лишь два цвета — черный и белый, но художник, стремясь постичь магические свойства графики великого Фаворского, пытается добиться этого особого серебристого свечения, прекрасных переливов линий — тончайших, нежных, но точных штрихов. Резец-шпатель в его руках обретает легкость пера, ведущего рисунок черной тушью, снайперскую точность и твердость лазерного луча. Одна из наиболее интересных гравюр, ранних работ, которую художник сам считает этапной в своем творчестве, называется «Серебряный ветер». Красноречное название.

Можно было бы, пожалуй, здесь поставить точку. В задачи этой рубрики не входит многословный рассказ о художниках. Их работы, посвященные родной земле, воспевают ее красоту и говорят особым языком сами за себя, подразумевая, что зритель обязательно разделит с художником его радость, его доброе восприятие мира. Но Станислав Епифанов — автор, чье творчество связано с поэзией Есенина, с миром Есенина-лирика, беззавдатно преданного родной земле. Сюда, на «милую родину», всегда возвращаясь поэт. Сюда, в Константиново, вновь и вновь стремится художник, чтобы по-своему осмыслить и передать то, что было дорогим поэту, что давало силы жить и творить. Неслучайно лучшие работы Епифанова, несомненно, есенинские. Гравюры и офорты из его есенинских путешествий, неустанно, день за днем, пишут летопись Рязанской земли, ее прошлого, тысячу нитей связанного с днем минувшим. И современное Константиново живет Есениным, и на мемориальной улице — навечно двадцатье годы да-

Русь моя, милая Родина...

Гравюры
Станислава Епифанова
см. также на 2-й и 3-й
стр. обложки

Полевая дорога в селе Константинове.

На веранде.

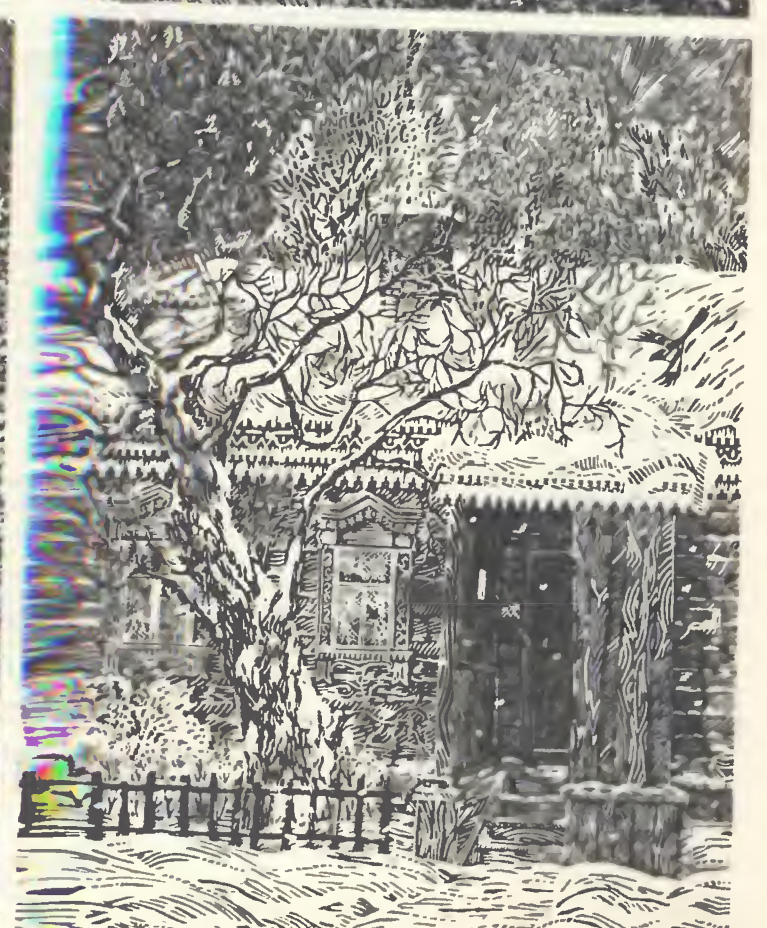
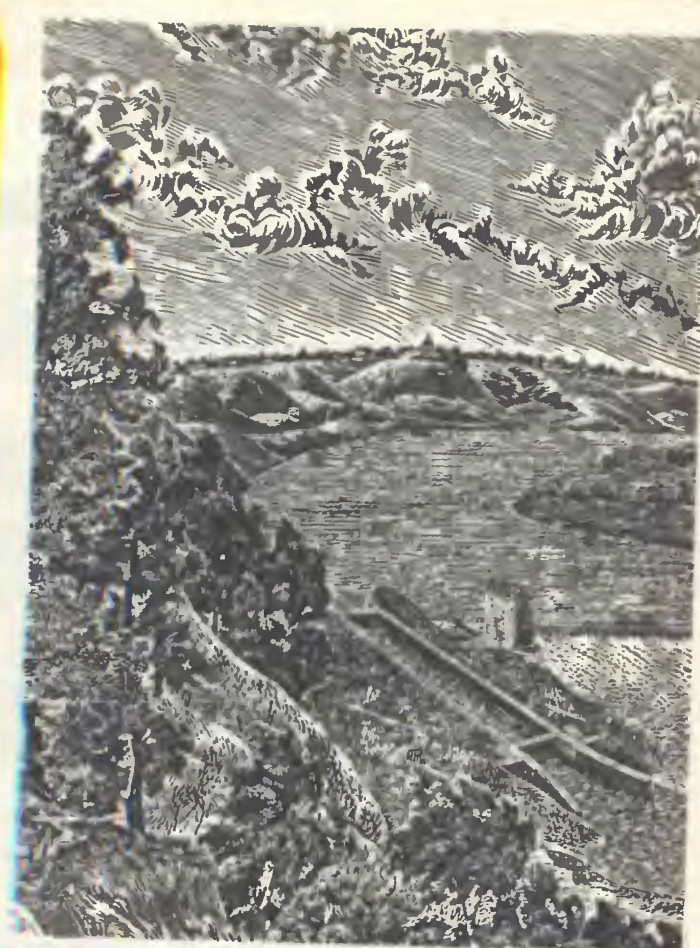
Амбар и рига в усадьбе Есениных
Кузьминская ТЭС
Дом-музей Есенина

дцатого столетия... И снег такой же легкий, серебристый, что и в былые годы, и сияет день морозный, и вечером ласково светят окна знаменитой на весь мир избы...

Тем, кто не бывал в Константинове, удастся, благодаря Станиславу Епифанову, совершить это лирическое путешествие. Художник, конечно, создает особый, романтически приподнятый

мир Есенина. Воспевает его, преподносит нам бережно, любовно. «Край любимый» залит солнцем, а «Ветер над Вожей» навевает тепло, покой, которого нам, порой, так не хватает сейчас... Они просты, безыскусны, эти произведения. Но почему от них так тихо, так радостно на душе!

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Работы этого художника, представленные на многочисленных выставках — в провинции и в столице, — всегда привлекают внимание. По ним не скользят равнодушным взглядом. Они особенно выделяются среди современных «поисков» и «новаций» своей традиционностью, каким-то старомодным, но милым обликом. Некоторым они кажутся излишне детализированными, слишком тщательно прорисованными. Что ж, а не такова ли наша жизнь, с ее множеством деталей, природа, умеющая оценить и оберечь самое малое? В ней есть место и былинке, и цветку, и крошечному насекомому. Нет мелочей, «проходных» деталей и в работе этого мастера.

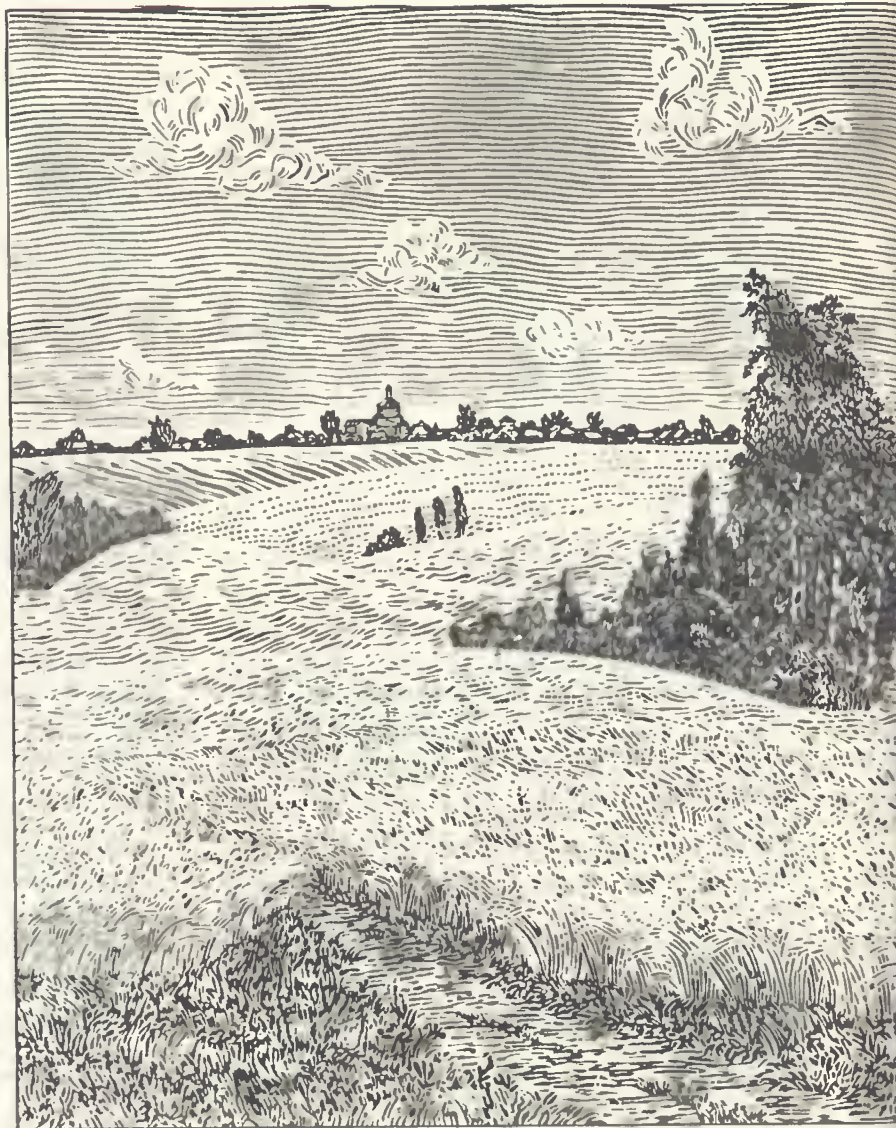
Пора назвать его имя. Станислав Епифанов. Художнику 46 лет, он окончил Московский полиграфический институт, учился у именитого графика А. Д. Гончарова. Мастер передал многое своему ученику, но, пожалуй, пристальный и добрый взгляд на мир — это особый, природный дар Епифанова. Художник, словно странник очарованный, путешествует по родному краю. Глядит — и наглядеться не может на прекрасные сельские виды, на родные, любимые с детства места. На малую родину Сергея Есенина, творчеством которого он пленен. И слово Есенина — путеводная нить странствий художника, больших — в Азербайджан в Мардакян, где поэт создавал свои «Персидские мотивы», и малых — в Константиново, Спас-Клепики, везде, повсюду на Рязанской земле, где родился, жил, бывал Есенин.

Всего лишь два цвета — черный и белый, но художник, стремясь постичь магические свойства графики великого Фаворского, пытается добиться этого особого серебристого свечения, прекрасных переливов линий — тончайших, нежных, но точных штрихов. Резец-шпатель в его руках обретает легкость пера, ведущего рисунок черной тушью, сивиперскую точность и твердость лазерного луча. Одна из наиболее интересных гравюр, ранних работ, которую художник сам считает этапной в своем творчестве, называется «Серебряный ветер». Красночерное название.

Можно было бы, пожалуй, здесь поставить точку. В задачи этой рубрики не входит многословный рассказ о художниках. Их работы, посвященные родной земле, воспевают ее красоту и говорят особым языком сами за себя, подразумевая, что зритель обязательно разделит с художником его радость, его доброе восприятие мира. Но Станислав Епифанов — автор, чье творчество связано с поэзией Есенина, с миром Есенина-лирика, беззаветно преданного родной земле. Сюда, на «милую родину», всегда возвращался поэт. Сюда, в Константиново, вновь и вновь стремится художник, чтобы по-своему осмыслить и передать то, что было дорогим поэту, что давало силы жить и творить. Неслучайно лучшие работы Епифанова, несомненно, есенинские. Гравюры и офорты из его есенинских путешествий, неустанно, день за днем, пишутся лютыми Рязанской земли, ее прошлого, тысячу нитей связанного с днем минувшим. И современное Константиново живет Есениным, и на мемориальной улице — навечно двадцатье годы два-

Русь моя, милая Родина...

Гравюры
Станислава Епифанова
см. также на 2-й и 3-й
стр. обложки

Полевая дорога в селе Константиново.

На веранде.

Амбар и рига в усадьбе Есениных
Кузьминская ТЭС
Дом-музей Есенина

дцатого столетия... И снег такой же легкий, серебристый, что и в былые годы, и сияет день морозный, и вечером ласково светят окна знаменитой на весь мир избы...

Тем, кто не бывал в Константиново, удастся, благодаря Станиславу Епифанову, совершить это лирическое путешествие. Художник, конечно, создает особый, романтически приподнятый

мир Есенина. Воспевает его, преподносит нам бережно, любовно. «Край любимый» залит солнцем, в «Ветер над Вожей» издает тепло, покой, которого нам, порой, так не хватает сейчас... Они простые, безыскусные, эти произведения. Но почему от них так тихо, так радостно на душе!

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Шабаш

Лишь только показалось вдали розовое зарево, возвещающее Москву, как компания села на землю в поле. Выскочили, разобрали ухваты, Клодина села на борова, а шоферы, поставив машины, выскочили из сидений. Первый «линкольн» устремился в чистое поле, хлопая дверцами, запрыгал по буеракам, наконец, влетел в овраг, перевернулся и загорелся, а второй полетел по шоссе и слышно было, как он врезался в какую-то встречную машину. Блеснули тревожно огни, затем смешались, что-то вспыхнуло и долетели волни. Грач и козлоногий долго хохотали, катаясь на траве, а затем компания устремилась ввысь и, невидимая, влетела в пылающий светом город. Высадились на крыше громадного дома на Садовой улице и один за другим погрузились в трубу. Маргарита с ужасом и весельем спускалась по трубе, глотая горький запах сажи. Чем ниже, тем яснее до нее доносились звуки оркестра, а когда она оказалась в пустом камине и выскочила в комнату без единого пятна на теле, ее оглушил гром труб и ослепил свет.

Хохот, радостные приветствия огласили комнату. Пошли объятия и поцелун. Слово «Маргарита!» загремело в воздухе. Из-под земли вырос старый знакомый Фиелло и, почтительно сняв поварской колпак, осведомился у Маргариты, хорошо ли долетела госпожа. Откуда-то у кого-то появилась в руках бокал с шампанским, и Маргарита жадно выпила холодную жидкость. В ту же минуту кровь ее вскипела пузырьками и ей стало весело. Кто-то во фраке представился и поцеловал руку, вылетела рыженькая обольстительная девочка лет семнадцати и повисла на шее у Маргариты и прижалась так, что у той захватило дух. Кто-то поручал себя покровительству, кто-то слово просил замолвить.

Маргарита хохотала, целовалась, что-то обещала, пила еще шампанское и, опьянев, повалилась на диван и осмот-

релась. Она сразу поняла, что вокруг нее непринужденное веселье и кроме того общество смешанное и толчея ужасающая.

В комнате — бывшем кабинете Берлиоза — все было аверх дном. На каминной полке сидела сова. Груды льда лежали в серебряных лоханях, а между сверкающими глыбам торчали горлышки бутылок. Письменный стол исчез, вместо него была навалена гора подушек, и на подушках, раскинувшись, лежал голый кудрявый мальчик, а на нем сидела верхом, нежилась ведьма с болтающимися в ушах серьгами и забавлялась тем, что, наклонив семисвечье, капала мальчику стеарином на живот. Тот вскрикивал и шипал ведьму, оба хохотали, как неступленные. У горящего каминного что-то шипело и щелкало — Фиелло жарил миндаль и двое в багровом столбе пламени пили водку. Один был в безукоризненном фрачном одеянии, а другой в одних подштаниках и в носках.

Через минуту к пьющим присоединился боров, но голая девочка украла у него из-под мышки портфель, и боров, не допив стопки, взревев, кинулся отнимать.

В раскрытые двери виднелись скачущие в яростной полке пары. Там полыхало светом, как на пожаре. Горели люстры, на стенах пылали кенкеты со свечами, кроме того столбам ходил красный свет из каминного. От грохота труб тряслись стекла за шторами.

Гроздь винограду появился перед Маргаритой на столке, и она расхохоталась — ножкой вазы служил золотой фаллос. Хохоча, Маргарита тронула его, и он ожил в ее руке. Заливаясь хохотом и отплеиваясь, Маргарита отдернула руку. Тут подсели с двух сторон. Один мохнатый, с горящими глазами, прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой — фразник — привалился к правому боку и стал нежно обнимать за талию. Девочка уселась на корточки перед Маргаритой, начала целовать ее колени.

— Ах, весело! Ах, весело! — кричала Маргарита, — и все забудешь. Молчите, болван! — говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то же время сама подставляла ухо.

Но тут вдруг на каминных часах прозвенел один удар — половина двенадцатого, — и разом смолкла музыка в зале и остановились пары. И тотчас меж расступившихся прошел Фагот-Коровьев, все а том же кургузом пиджачишке и своих поганых гетрах.

Но несмотря на его неприглядный вид, толпа расступалась, и Коровьева подошел к Маргарите, по обыкновению слегка валяя дурака.

Пригласовал, выкинул какую-то штучку палыцами, взял под руку и повел через зал. Но тон Коровьева, когда он, наклонившись к уху Маргариты зашептал гнусаво, был чрезвычайно серьезен.

— Поцелуйте руку, назовите его «мессир», отвечайте только на вопросы и сами вопросов не задавайте.

После бальных огней Маргарите показалось, что темноватая пещера глянула на нее. Некто а фиолетовом наряде откинул алебарду и пропустил в кабинет.

В камине тлели угольки, на столике горели семь восковых свечей в золотом семисвечнике, и в теплом их свете Маргарита рассмотрела гигантскую кровать на золотых ногах, тяжелые медвежьи шкуры на полу и шахматную доску. Пахло острыми лекарствами, густым розовым маслом. На постели на шелковых скомканных простынях сидел тот самый, что в час заката вышел на Патриаршие Пруды. На нем был зеленый засаленный и с заплатой на локте халат, из-под которого виднелась грязная ночная сорочка, на голых ногах истоптанные ночные туфли с изъеденной меховой оторочкой, на пальцах тяжелые перстни. Ночной горшок помещался у кровати. Одну ногу сидящий откинул, и голая ведьма, покраснев от натуги, натирала колено черной мазью, от которой по всей комнате распространился удушливый запах серы.

За спиной Маргарита чувствовала, как толпа гостей бесшумно вваливается в кабинет, размещается. Настало молчание.

Сидящий в этот момент стукнул золотой фигуркой по доске и молвил:

— Играешь, Бегемот, безобразно.

— Я, мессир, — почтительно отозвался здоровяк черной котище сконфуженно, — просчитался. На меня здешний климат неблагоприятно действует.

— Климат здесь ни при чем, — сказал сидящий, — просто ты шахматный сапожник.

Кот хихикнул лстыиво и наклонил своего короля.

Тут сидящий поднял взор на Маргариту, и та замерла. Нестерпимо колючий левый глаз глядел на нее, и свечные огни горели а нем, а правый был мертв. Ведьма отскочила а сторону со своим черным варевом.

— Мессир, — тонко заговорил Коровьева у плеча Маргариты, — разрешите представить вам Маргариту.

— А, достали? Хорошо, — ответил сидящий, — подойдите.

Маргарита почувствовала, как Коровьев предостерегающе толкнул ее а бок, и сделала шаг вперед. Сидящий протянул ей руку. Маргарита, вдруг догадавшись, кто такой перед нею, побледнела и, наклонившись, поцеловала холодные кольца на пальцах.

Глаз опять впился в нее, и Маргарита опустила веки, не в силах будучи вынести его.

— Вы меня извините, господа, за то, что я принимаю вас а таком виде, — и сидящий махнул рукой на голую свою натертую ногу, на горшок и шахматы, — нездоров. Отвратительный климат в вашем городе, то солнышко, то сырость, холод... А?

— Честь, честь, — тревожно шепнул в ухо Коровьев.

— Это... — начала Маргарита глухо.

— Великая, — свистнул Коровьев.

— Это великая честь для меня, — выговорила Маргарита и вдохновенно добавила, — государь мой.

— О, —

головой, слепой и неуверенной походкой, он подошел к ложу.

— Узнаешь меня, Иванушка? — спросил сидящий.

Иванушка Бездомный повернул слепую голову на голос. — Узнаю, — слабо ответил он и поник головой. — И веришь ли, что я говорил с Понтием Пилатом? — Верую. — Что же хочешь ты, Иванушка? — спросил сидящий. — Хочу увидеть Иешуа Ганоцри, — ответил мертвый, — ты открой мне глаза.

— В иных землях, в иных царствах будешь ходить по полям слепым и прислушиваться. Тысячу раз услышишь, как молчание сменяется шумом половодья, как весной кричат птицы и воспоешь их, слепенький, в стихах, а на тысячу первый раз, а субботнюю ночь, я открою тебе глаза. Тогда увидишь его. Уйди в свои поля.

И слепой стал прозрачен, потом и вовсе исчез.

Маргарита, прижавшись щекой к холодному колону, не отрываясь, смотрела.

Над столом стужился туман, а когда он рассеялся, на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом от левого виска через нос на правую щеку и с кольцом лохматым в запекшейся крови на шее.

ответил бывший администратор.

— Да-с, а курьершу все-таки грызть не следовало, — назидательно ответил хозяин.

— Виноват, — сказал Внучата.

— В уважение к вашему административному опыту, я назначаю вас центурионом вампиров.

Внучата стал на одно колено и руку Воланда сочно поцеловал, после чего, отступая задом, вmeshался а толпу придворных.

— Ну-с, кажется, и все московские покойники? Завтра об эту пору их будет гораздо больше, я подозреваю.

— Виноват, мессир, — доложил Коровьев, изгибаясь, — а городе имеется один человек, который, надо полагать, стремится стать покойником аие очереди.

— Кто такой?

— Некий гражданин по фамилии Фон-Майзен. Называет он себя бывшим бароном.

— Почему бывшим?

— Титул обременял его, — докладывал Коровьев, — и в настоящее время барон чувствует себя без него свободнее.

— Ага.

— Он звонил сегодня по телефону к вам и выражал восторг по поводу вашего вчерашнего выступления в театре, и когда узнал, что у вас сегодня вечер, выразил весьма умильно желание присутствовать на нем.

— Воистину это верх безрассудства, — философски заметил хозяин.

— Я того же мнения, — отозвался Коровьев и загадочно хихикнул.

Такое же хихиканье послышалось в толпе придворных. — Когда он будет?

— Он будет сию минуту, мессир, я слышу, как он топает лакированными туфлями а подъезде.

— Потрудитесь приготовить все, я приму его, — распорядился хозяин.

Коровьев щелкнул палыцами, и тотчас кровать исчезла и комната преяратилась в гостиную. Сам хозяин оказался сидящим в кресле, а Маргарита увидела, что она уже в открытом платье, и сидит она на диванчике, и пианино заиграло что-то сладенькое в соседней комнате, а гости оказались и в смокингах и во фраках, и на парадном ходе раздался короткий, как будто предсмертный, звонок.

Через мгновение бывший барон, улыбаясь, раскланивался направо и налево, показывая большой опыт в этом деле. Чистенький смокинг сидел на бароне очень хорошо и, как верно угадал музыкальный Коровьев, он поскрипывал лакированными туфлями.

Барон приложился к руке той самой рыжей, которая в голом виде встречала буфетчика, а сейчас была в платье, шаркнул ногой одному, другому и долго жал руку хозяину квартиры. Тут он повернулся, ниша, с кем бы еще поздороваться, и тут необыкновенные глазки барона, вечно полу-

прикрытые серыми веками, встретили Маргариту.

Коровьев вывернулся из-за спины барона и пискнул:

— Позвольте вас познакомиться...

— О, мы знакомы! — воскликнул барон, апнувшись глазами к Маргарите.

И точно: барон Маргарите был известен; она видела его раза три в Большом Театре на балете. Даже, помнится, разговаривала с ним в курилке.

Маргарита почувствовала поцелуй а руку, а душа ее наполнилась тревожным любопытством. Ей показалось, что что-то сейчас произойдет, и очень страшное.

Барон же уселся и завертел головой направо и налево, готовый разговаривать с полным непринуждением. И, однако, одного внимательного взгляда достаточно было, чтобы убедиться, что барон чувствует величайшее изумление.

И поразили его две вещи: во-первых, резкий запах жженой серы в гостиной, а главным образом, вид Коровьева. В самом деле! Среди лиц во фраках и смокингах и приличных хотя бы по первому взгляду дам поместился тип, который мог кого угодно сбить с панталыку. Одни гетры при кургузом пиджаке и пятне на животе чего стоили! Как ни гасил мышинный блеск своих бегающих глаз барон, он не мог скрыть того, что мучительно старается понять, кто такой Коровьев и как он попал к иностранцу.

А Коровьев именно и завел дружескую беседу с напросившимся гостем, и первым долгом осведомился о погоде. Барона погода удовлетворяла, но Коровьев поражал все больше, и диковато поглядывал из-под опущенных век барона на расколотое пенсне.

Кроме того, барона привело к смущению молчанье самого хозяина. Барон похвалил вчерашний спектакль, а хозяин хоть бы звук в ответ. Но вместо этого Коровьев затруднил гостя вопросом о том, как здоровье деток, а то время как деток никогда у барона не было. Смущение разлилось по лицу барона и даже начинало граничить с тревогой. Лица, находящиеся в комнате, все более казались барону странными. Так, рядом уселась декольтированная дама, но на шее у этой дамы была рваная громадная и только что, по-видимому, зажившая рана, которая заставила чувствительного барона содрогнуться. Дальше хуже: повернувшись, барон увидел, что рядом с ним уселся законченный фразник, на котором не хватало только одного, но самого, пожалуй, существенного — сапог. Фразник был бос. Тут уж барон просто вытаращил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось.

— Вас, барон, как я вижу, — вдруг произнес хозяин, — удивляют мои гости? Да, не скрою и не стану отрицать, они оригиналы, но, поверьте, вы изумляете их не меньше, чем они вас. Итак, милый барон, скажите... Внутри Маргариты оборвалось что-то, но ужаса она не испытала, а скорее чувство жутковатого веселья. Впервые при ней с таким искусством и хладнокровием зарезали человека.

Труп барона поехал вбок, но его подхватили ловкие руки, и кровь из горла хлынула в подсталенную золотую чашу. И тут же в комнате начала бить полночь, и еще раз все преобра.

— Верни мне моего любовника, государь, — попросила Маргарита.

Воланд вопросительно повернул голову к Коровьеву. Тот что-то пошептал на ухо Воланду. Еще несколько секунд не сводил тяжелых глаз Воланд с Маргариты, а потом сказал:

— Сейчас будет сделано.

Вскрикнув от радости, Маргарита припала к тяжелым сапогам со звездными шпорами и стала целовать черную кожу и отвороты, задыхаясь, не будучи в состоянии произнести слова.

— Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истинная любовь, — сказал хозяин. — А за...

— Он написал книгу о Иешуа Ганоэри, — ответила Маргарита.

Великий интерес выразился в глазах Воланда, и опять что-то зашептал ему на ухо Коровьев.

— Нет, право, это черед сюрпризов, — заметил хозяин, но слов своих не объяснил.

— Да, да, верните его, — умильно попросила Коровьева Маргарита.

— Нет, это не по его части, — отозвался хозяин дома, — это дело Фиелло.

И Фиелло получил приказ, но разобрать его Маргарита не могла, так как он был отдан шепотом.

Тут Фие... гостей хозяина.

Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги.

Весь в грязи, руки изранены, лицо заросло рыжевато-щетиной. Человек, щурясь от яркого света люстр, вздрагивал, озирался, глаза его светились тревожно и страдальчески.

Маргарита, узнав хорошо знакомый, рыжевато-зеленоватые эти глаза, приподнялась и с воплем повисла на шее у приехавшего. Тот сморщился, но подавил в себе волнение, не заплакал, механически обнимая за плечи Маргариту.

В комнате наступило молчанье, которое было прервано словами хозяина дома, обращенными к Фиелло:

— Надеюсь, вы никого не застрелили?

— Обращайтесь к коту, мессир, — отозвался Фиелло.

Хозяин перевел взгляд на кота. Тот раздулся от важности и похлопал по кобуре лапой.

— Ах, Бегемот, — сказал хозяин, — и зачем тебя учили стрелять? Ты слишком скор на руку.

— Ну, не я один, сир, — ответил кот.

Затем хозяин обратил свой взор на прибывшего. Тот снял руки с плеч Маргариты.

— Вы знаете, кто я? — спросил его хозяин.

— Я, — ответил привезенный, — догадываюсь, но это так странно, так непонятно, что я боюсь сойти с ума.

Голос привезенного был грубоват и хрипл.

— О, только не это. Ум берегите пуще всего, — ответил хозяин, — и, повернувшись к Маргарите, сказал:

— Ну что ж... Благодарю вас за то, что посетили меня. Я не хочу вас задерживать. Уезжайте с ним. Я одобряю ваш выбор. Мне нравится этот непокорный вихор, а также зеленые глаза. Благодарю вас.

— Но куда же, куда я денусь с ним? — робко и жалобно спросила Маргарита.

С обеих сторон зашептали в уши хозяину — слева Фиелло, справа — Коровьев.

— Да выбросьте вы его к чертовой матери, — сказал хозяин, — так, чтобы и духом его не пахло, вместе с его вещами... а впрочем, дайте его мне сюда.

И тотчас неизвестный человек свалился как бы с потолка в залу. Был он в одних подштанниках и рубашке, явно поднятый с теплой постели, почему-то с кепкой на голове и с чемоданом в руках. Человек а ужасе озирался, и было видно, что он близок к умопомешательству.

— Понковский? — спросил хозяин.

— Понковский, так точно, — ответил, трясаясь, человек.

— Это вы, молодой человек, — заговорил хозяин, — написали, что он, — хозяин кивнул на вихор и зеленые глаза, — сочиняет роман?

— Я-с, — ответил человек с чемоданом, мертвец.

— А теперь в квартире его проживаете? — прищурясь, спросил хозяин.

— Да-с, — плаксиво ответил человек.

— Это что же за хамство такое? — сурово спросил хозяин, а затем добавил рассеянно, — пошел вон!

И тотчас Понковский исчез бесследно.

— Квартира ваша таперича свободна, — ласково заговорил Коровьев, — гражданин Понковский уехали во Владивосток.

Тут качнулся светло-рыжий вихор, глаза тревожно обрелись к хозяину.

— Я, — заговорил поэт, покачнулся от слабости, ухватился за плечо Маргариты, — я предупреждаю, что у меня нет паспорта, что меня схватят сейчас же... Все это безумие... Что будет с нею?

Сидящий внимательно поглядывал на поэта и приказал: — Дайте гостю водки, он ослабел, тревожен, болен. Руки протянулись к поэту со всех сторон, и он отпил из стакана. Его заросшее лицо порозовело.

— Паспорт, — повторил он упрямо и безумно.

— Бедняга, — сочувственно произнес хозяин и показал головой, — ну, дайте ему паспорт, если уж он так хочет.

Коровьев, все также сладко улыбаясь, протянул поэту маленькую книжечку, и тот, тревожно косясь в пол, спрятал ее под кацавейкой.

Маргарита тихонько плакала, утирая глаза большим рукавом.

— Что с нами будет? — спросил поэт, — мы погнем!

— Как-нибудь обойдется, — сквозь зубы сказал хозяин.

Зыбка исходила от толстомордых лягушек, которые, подвесив кусочки свечей, гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли на дудочках. В стороне горел костер. Неподдалеку от него стояли две открытые машины марки «Линкольн», и на шоферском месте первым сидел здоровенный грач в клеенчатой фуражке. Знакомый боров, сдвинув кепку на затылок, пристроился к плетению с провизией и упивался бутербродом с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим портфелем не расставался.

Багровые отсветы танцевали на живых голых ветвях, гнилушки освещали раздутые морды лягушек, от реки доносились последние всплески запоздавших.

Маргарита, неся щетку, подошла в тот момент, когда грач рассказывал борову о том, как ловко он угнал от «Метрополя» две машины. Грач показывал, как швейцар метался и кричал: «На помощь!».

Появление Маргариты произвело большое впечатление. Танец прекратился, и ведьмы стали всматриваться... Наконец, та самая Клодиночка подошла к Маргарите и спросила ее, откуда она и кто такая?

— Я — Маргарита, — ответила Маргарита и воткнула щетку в землю.

Эти слова произвели необыкновенный эффект. Грач взял под козырек, боров снял кепку, а ведьмы зашептали, стали обнимать Маргариту, лягушки сыграли пискливый туш.

— Вот она! Вот она! А мы-то интересовались уже, где же вы? Мы думали, что вы купаетесь на другой реке. Маргариту стали угощать. Боров предложил бутерброд с семгой, который он только что надкусил, за что Клодиночка ударила его по морде. Высунилось из кустов какое-то рыло с коровьими рогами и тоже выпятилось на Маргариту.

Тут все вдруг заспешили, стали из-под рук смотреть на месяц, закричали: Пора! В Москву!

Лягушки прекратили музыку. Решение было всем, чтобы не было скучно и не разбивать компанию — лететь в столицу в двух машинах. Боров в особенности хлопотал об этом. С хохотом и визгом набились две машины, погру-

ин и приказал Маргарите, — подойдите ко мне.

Маргарита опустилась у ног Воланда на колени, а он вынул из-под подушки два кольца и одно из них надел на палец Маргарите. Та притянула за руку поэта к себе и второе кольцо надела на палец безмятежному поэту.

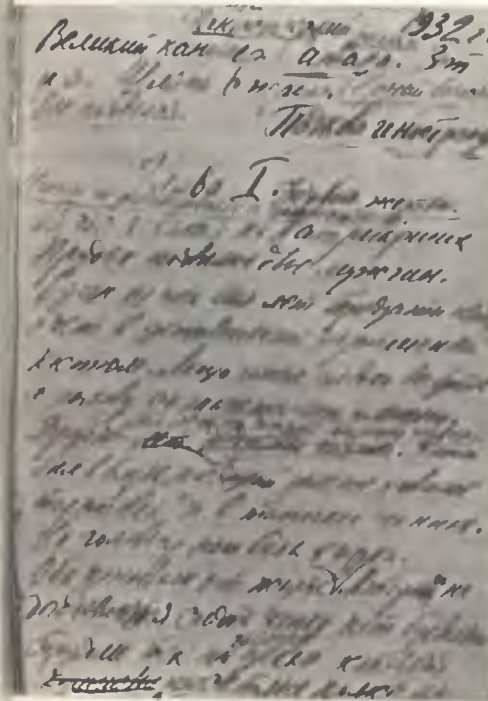
— Вы станете не любовницей его, а женой, — строго и в полной тишине проговорил Воланд, — впрочем, не берусь загадывать. Во всяком случае, — он повернулся к поэту, — примите от меня этот подарок, — и тут он протянул поэту маленький черный револьвер с золотой насечкой.

Поэт, все так же мутно и угрюмо глядя исподлобья, взял револьвер и спрятал его в глубоком кармане под кацавейкой.

— Вечер наш окончен, — объявил Воланд, — светает, я хочу отдохнуть. Все свободны.

При этих словах свет в люстрах стал убывать, толпа гостей растаяла в полумраке, и Маргарита почувствовала, что ее бережно ведут под руки по лестнице.

Продолжение в следующем номере

КОММЕНТАРИИ

Шабаш

С. 68. Лишь только показалось вдали розовое зарево, возмещающее Москву... — Предшествующая глава под названием «Губная помада и крем» заканчивалась так:

«Обсохнув, Маргарита на щетке перелетела на противоположный плоский берег.

В/Х/33.

Тут зудящая музыка послышалась ясно. На лужайке под группой дубков шло веселье, но видимо уже к концу, и компания была разнообразная. Под дубками весело плясали после купания четыре ведьмы и один козлоногий, вроде того толстяка. Зудящая му-

зыка исходила от толстомордых лягушек, которые, подвесив кусочки свечей, гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли на дудочках. В стороне горел костер. Неподдалеку от него стояли две открытые машины марки «Линкольн», и на шоферском месте первым сидел здоровенный грач в клеенчатой фуражке. Знакомый боров, сдвинув кепку на затылок, пристроился к плетению с провизией и упивался бутербродом с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим портфелем не расставался.

Багровые отсветы танцевали на живых голых ветвях, гнилушки освещали раздутые морды лягушек, от реки доносились последние всплески запоздавших.

Маргарита, неся щетку, подошла в тот момент, когда грач рассказывал борову о том, как ловко он угнал от «Метрополя» две машины. Грач показывал, как швейцар метался и кричал: «На помощь!».

Появление Маргариты произвело большое впечатление. Танец прекратился, и ведьмы стали всматриваться... Наконец, та самая Клодиночка подошла к Маргарите и спросила ее, откуда она и кто такая?

— Я — Маргарита, — ответила Маргарита и воткнула щетку в землю.

Эти слова произвели необыкновенный эффект. Грач взял под козырек, боров снял кепку, а ведьмы зашептали, стали обнимать Маргариту, лягушки сыграли пискливый туш.

— Вот она! Вот она! А мы-то интересовались уже, где же вы? Мы думали, что вы купаетесь на другой реке. Маргариту стали угощать. Боров предложил бутерброд с семгой, который он только что надкусил, за что Клодиночка ударила его по морде. Высунилось из кустов какое-то рыло с коровьими рогами и тоже выпятилось на Маргариту.

Тут все вдруг заспешили, стали из-под рук смотреть на месяц, закричали: Пора! В Москву!

мир — мы не знаем. И был ли Иванушка первым — тоже не известно. Но совершенно очевидно, что Булгаков вырывал и уничтожал наиболее острые места в тексте. Приводим небольшой отрывок текста из следующей полной рукописной редакции:

«— Ни в каком случае, месьир! — ясным и тихим голосом ответила Маргарита и, улыбувшись, добавила, — я умоляю вас не прерывать партии. Я полагаю, что шахматные журналы бешеные деньги заплатили бы за то, чтобы ее напечатать у себя.

Азazelло тихо, но восторженно крикнул.

Воланд поглядел внимательно на Маргариту и затем сказал как бы про себя:

— Кровь! Кровь всегда скажется... Он протянул руку, Маргарита подошла. Тогда Воланд наложил ей горячую, как огонь, руку, на плечо, дернул Маргариту к себе и с размаху посадил на кровать рядом с собой.

— Если бы так очаровательно любезны, — заговорил он, — а я другого ничего и не ожидал, так будем же без церемоний. Простота — наш девиз! Простота!

— Великий девиз, месьир, — чувствуя себя просто и спокойно, ничуть не дрожа больше, ответила Маргарита.

— Именно, — подтвердил Воланд...»

...на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом... и с колыцом лохматым в запекшейся крови на шее... — Далее несколько листов вырвано и вновь, очевидно, с редким по остроте содержанием. Елена Сергеевна фиксировала иногда в дневнике факты уничтожения Булгаковым части рукописи. Так, 12 октября 1933 г. она записала: «Утром звонок Оли (Божованской). — В. Л.): арестованы Николай Эрдман и Макс. Говорят, что за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился... Ночью М. А. сжег часть своего романа».

Ниже приводится фрагмент из следующей полной рукописной редакции, по объему значительно уступающий уничтоженному.

«Тотчас перед группой Воланда появился слуга с блюдом, и на этом блюде Маргарита увидела отрезанную голову человека в засохших и замытых потеках крови, с приоткрытым ртом, с выбитыми передними зубами. Тишина продолжала стоять полнейшая, и ее прервал только где-то далеко послышавшийся звонок, как бывает с парадного хода.

— Александр Александрович, — громко сказал Воланд — и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, согнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза.

— Вот все и сбылось, — продолжал Воланд, глядя в глаза голове, — и голова отрезана женщиной, не состоялось заседание, и живу я в вашей квартире. Самая упрямая в мире вещь есть факт. Но теперь и вас интересует дальнейшее, а не этот уже совершившийся факт. Вы были горячим проповедником той теории, что по отрезанию головы жизнь в человеке прекращается, он уходит в темное небытие, в золу. Мне приятно сообщить вам в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем дру-

гой теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна. Во всяком случае, одна теория, как говорится, стоит другой. Есть и такая, согласно которой каждому дано будет по его вере. Да сбудется! Вы уходите в небытие, и мне радостно сообщить вам, что из нас, в которую вы превращаетесь, в выпью за бытие! Итак, чашу!»

...сказал Внучата. — Он же Варениуха.

...в городе имеется один человек, который... стремится стать покойником вне очереди... Некий гражданин по фамилии фон-Майзен. — Трудно поверить в неоспоримый факт: Булгаков 30 декабря 1933 года, накануне Нового года, как бы предрешил судьбу известного в то время в театральных кругах человека, «зарезав» его на одной из страниц своего романа о дьяволе. Бывший барон фон-Майзен (в последней редакции — фон-Майгель) в романе — это бывший барон Борис Сергеевич Штейгер — в жизни. Он состоял на службе в коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним связям и подчинялся непосредственно А. С. Енукидзе, видному в то время государственному и партийному деятелю, члену этой коллегии. Бывший барон прекрасно знал иностранные языки и принимал участие в обслуживании дипломатического корпуса и иностранных гостей.

Вероятно, Булгаков был хорошо осведомлен о деликатной деятельности барона в качестве «служащего комиссии по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями столицы», поскольку был вынужден очень часто соприкасаться с Авелем Сафроновым — Енукидзе, возглавлявшим правительственную комиссию по руководству Художественным и Большим театрами и решавшим многие театральные дела, в том числе касавшиеся драматурга (разрешение или запрещение булгаковских пьес, рассмотрение заявлений писателя на выезд за границу и т. д.). Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что писатель едва ли стал бы выносить столь суровый приговор человеку, которого не знал или плохо знал. Заметим попутно, что Булгаков мог знать Штейгера еще по Киеву, где бывший барон одно время проживал.

«Казнив» барона в романе, Булгаков затем часто встречался с ним на приемах в американском посольстве, в ресторанах, кафе. Это видно из дневниковых записей Е. С. Булгаковой. Приведем лишь некоторые из них. 23 апреля 1935 г.: «С нами в машину сел (при отъезде из американского посольства. — В. Л.) не знакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывший среди иностранцев — кажется, Штейгер. Он — с шофером, мы — сзади. Очевидно, этот текст Елена Сергеевна записывала под диктовку мужа (так было очень часто), ибо здесь чувствуется саркастический юмор писателя, подчеркивающего невозможность общения с человеком-покойником. 3 мая: «У Уайли (сотрудника американского посольства. — В. Л.) было человек тридцать, среди них турецкий посол, какой-то французский писатель... и, конечно, Штейгер». Запись того же дня: «Вчера днем заходил Жуховицкий (журналист, также за-

нимавшийся обслуживанием иностранцев. — В. Л.)... Очень плохо отзывался о Штейгере, сказал, что ни за что не хотел бы с ним встретиться у нас». 18 октября: «Позвонили из американского посольства, зовут на... прием у Буллит... Пришли... Посол необыкновенно приветлив. Мы поздоровались. Миша отошел к роялю. Буллит подошел к нему и очень долго с ним разговаривал... К ним подходил Афиногенов. Только двое и было русских. Впрочем, еще Штейгер. Тот проявлял величайшее беспокойство, но околанивался адали...» 7 января 1936 г.: «После театра... поехали в шашлычную... Там были американцы и, конечно, неизбежный барон Штейгер...»

О реальной смерти барона Булгаков узнал 16 декабря 1937 года. В этот день в прессе был опубликован приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу об измене родины и шпионаже в пользу одного из иностранных государств. Обвинялись — А. С. Енукидзе, Л. М. Карахан, другие высокопоставленные лица и... Б. С. Штейгер. Все были приговорены к расстрелу. Сообщалось, что приговор приведен в исполнение.

Итак, барон Б. С. Штейгер, «приговоренный» писателем к смертной казни 30 декабря 1933 года, был расстрелян 16 декабря 1937 года.

О реакции Булгакова на это сообщение мы ничего не знаем. В дневнике Е. С. Булгаковой это событие не зафиксировано, хотя все предыдущие и последующие подобные сообщения находили отражение в ее записях.

Но после столь трагической развязки у писателя была возможность изменить свое суровое решение, ибо основная работа над романом была еще впереди. Однако Булгаков свой «приговор» оставил в силе, изменив лишь способ смертной казни: вместо ножа барон получил пулю. Нож писатель припас для Иуды.

С. 70. ...в то время как деток у барона никогда не было. — Еще одна деталь, указывающая на прекрасную осведомленность Булгакова о Б. С. Штейгере.

...Итак, милый барон, скажите... — Далее Булгаков поставил многоточие, видимо, не желая фиксировать на бумаге подробности казни (глава и без того пестрит обрывками текста).

...и еще раз все преобра... — В этом месте вырван лист. Очередное «преображение» свидетельствует о том, что Булгаков все более склонялся к изображению не «шабаша», а «великого бала у сатаны».

— А за... — Вырвано несколько листов.

...Тут Фил... — Вновь обрыв текста.

...Солдатские штаны, грубые высокие сапоги... — По описанию внешности героя и его одежды видно, что доставлен к Воланду он не из лечебницы, а из много учреждения.

Публикация глав романа и комментарии Виктора Лосева

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Так жить совершенно нельзя»

Продолжая начатую в № 4 «Слова» рубрику «Письма в Кремль», переносим читателя из бурного периода «красногвардейской атаки на капитал» в не менее «славную» эпоху «военного коммунизма». Автор публикуемого ниже письма, также адресованного управделами Совнаркома Бонч-Бруевичу, — крестьянин Тульской губернии Михаил Петрович Новиков (1870—1939). О жизни и судьбе этого самобытного народного мыслителя уже рассказывалось в печати (см. журнал «Горизонт», 1989, № 1, с. 22—23). Это письмо-раздумье, датированное октябрём 1920 г., вне сомнения, отражает не только личные мысли автора, но и мировоззрение всего русского крестьянства, не принимавшего «навязанный грубым насилием социализм».

Социализм, навязываемый грубым насилием русскому народу, привел хозяйственную жизнь этого народа в такой тупик и застой, что грозит в недалеком будущем ужасным голодом.

И вот тому причины:

1) Т. н. капиталистический строй в хозяйственной жизни опирался на хозяйский интерес и заботу, на конкуренцию и соревнование, и двигался на принципе собственности. Социалистический строй, основывающийся все на обобществлении, уничтожил хозяина и его интерес, уничтожил личную инициативу и право работника и производителя на его труд и предприимчивость и не только отбил, но и в корне уничтожил стремление крестьянина хорошо и много работать, чтобы догнать и обогнать соседа, лучше его живущего, и у крестьян опустились руки.

2) Социалистический строй ввел монополизацию продуктов и предметов потребления и устанавливает их равномерное распределение, что раняет способного и неспособного, трудолюбивого и лентяя в их потреблении и, с одной стороны, также отбивает охоту трудолюбивого работать и прилагать на черный день, а с другой, еще больше увеличивает лентяя и дармоедов, надеющихся на государственный паек. Правительство этого строя еще больше принуждено для этих лентяев и неспособных выдумывать совершенно ни на что не нужных должностей и мест и содержать их как паразитов.

3) Этот строй лишил землю хозяина и его любви к ней, и она стала плохо обрабатываться и плохо родить, и чтобы поправить дело, нужно или вернуть хозяину мелкую земель-

ную собственность в размерах трудовой нормы, или переделывать психологию человека, чего без изменения религиозных устоев сделать невозможно, а религию социализм отвергает.

4) Социализм лишил крестьянина интереса к материальному развитию и приобретению, и они теперь совершенно не знают, чем им жить и чем интересоваться. Интересы же обобществления в труде и жизни им незнакомы и не могут быть ими усвоены, т. к. тому нет наглядных примеров.

5) Нарушив хозяйский интерес и трудолюбие, социалистический строй принужден был в разных формах установить трудовые повинности, или попросту крепостное право, которое хуже прежнего тем, что не имеет еще такой определенности и мучает крестьян, выдвигая все новые и новые неожиданные требования.

6) Новый строй потребовал с крестьян так много натуральных повинностей, что на выполнение разверстки, жалобы и споры из-за них мы тратим так много времени, что ни одного дня не бываем спокойны. Почти каждый день собрания и сходы, так что некогда и работать. По рассказам стариков старые крепостные порядки куда были лучше, т. к. приспособившись к оброку, или двум дням барщины, в остальном можно было быть себе и своему имуществу хозяином и, как говорится в сказках, жить да поживать, и добра наживать. Теперь все мы лишены собственности и у нас отбирают насильно и хлеб, и скотину, и инвентарь, и гоняют на разные принудительные работы, так что горя, нужды, злобы друг на друга, и, главное, злобы против так называемого советского правительства стало в 10 раз больше, чем было раньше, при монархическом строе. О прежней жизни крестьяне мечтают для будущего как о светлом рае. Мечтают, разумеется, не о царстве и губернаторах, а о том порядке, когда можно было иметь право на собственную землю и труд и свободно распоряжаться своим имуществом, о свободной торговле и хозяйской жизни промышленности, о денежных оброках вместо натуральных, о свободе распоряжаться своим временем и т. п.

Что стало со введением социализма?

1) На место одного старшины и писаря в волости 5 заведующих разными отделами, 15 служащих и 5 разного рода уполномоченных и контролеров, понуждающих крестьян с вооруженными отрядами исполнять их законные требования крепостнического характера.

2) Земля стала плохо и меньше размером обрабатываться, много остается пустующей земли, бывшей помещичьей, которая раньше даже исполно или арендно обрабатывалась крестьянами же.

3) К моменту нового урожая ни у кого не остается запасов старого, все взято отрядами, так что в случае неурожая, прежде чем хлеб привезут из Сибири или Америки, люди умрут с голоду.

4) Истребляются хищнически леса, т. к. сразу оказалось, что всем крестьянам нужно по 2 избы и новые сараи, амбары, ради этого делятся отец с сыном, брат с братом, лишь бы только иметь возможность получить дарового леса для стройки. Страшно подумать, что будет дальше от этого ненужного истребления лесов.

5) По легкости разводов и браков люди потеряли стыд и, как магометане, разводятся с одной и женятся на другой, третьей жене, оставляя и жен и детей на произвол судьбы

и возбуждая тем суды, озлобление и месть.

6) Те негодные элементы деревни и города, которые прежде не умели или не хотели работать и занимались или воровством или хождением по миру, т. е. кормились подаянием, теперь все или у власти, или а разного рода «отрядах» и уж не просят, не воруют тайно, а «по закону» отнимают среди дня у людей все, что им нужно, и, таким образом, имущество граждан законом не оберегается.

7) Говоря правдиво, все новшества и блага социалистического строя, для нас, крестьян, и выразились в этих вооруженных отрядах, через которые новое начальство и разговаривает с нами. Отряды по так называемой трудовой и гужевой повинности, гоняющие нас на принудительные работы по возке дров, рытью окопов, очистке линий, пилке дров и т. п., отряды продовольственные, отнимающие насильно из наших домов и амбаров наш хлеб, зерно и другие продукты, которые крестьяне добывают тяжелым трудом для своих семей, отряды карательные, огнем и пулеметами завоевывающие те деревни и волости, где крестьяне выходят из себя и, по инстинкту самосохранения, отказываются повиноваться всем жестоким требованиям из социалистического строя; отряды по ловле так называемых дезертиров, гоняющие как зайцев по лесам и по полям молодых людей, еще мальчишек, принуждая их идти на войну со всеми врагами советской власти, т. е. со всем миром; отряды заградительные, отнимающие на дорогах и станциях у всех проезжающих и проходящих тот пуд хлеба или ковригу хлеба, которую каждый добыл с трудом для своих родственников, или для семьи. О, какие тут бывают душераздирающие сцены, передать этого пером невозможно!

Теперь будут еще отряды посевкомные, которые должны будут насильно заставлять нас обрабатывать так называемые фондовые, т. е. чужие для нас земли на униженно-рабских условиях. Так, что людей, занимающихся производительным трудом, все уменьшается и труд этот становится немилым, нерадостным, а людей, отнимающих и поседающих еще небольшие запасы и остатки все более и более и все так называемые завоевания революции, с социалистическим строем во главе, сводятся к тому, что наступит страшный и неизбежный голод и полная смута и застой в производительном труде, и тогда слепому станет ясно то разрушительное и бедственное для жизни народа дело, которое принес нам социализм, выкраиваемый насильем из наших спин и труда потерявшими честь и совесть «вождями социализма».

Теперь как мы живем:
(т. е. крестьяне)

Хлеба ржаного досья нет ни у кого, потому что так называемые излишки отобраны отрядами, а впереди неурожай от засухи. Добрая половина ест хлеб из овсянки. Картофель есть тоже не у всех, тоже отобран. Имеется очень понемногу овсяной крупы. Нет ни сахара, ни чаю, ни мыла, ни керосина, у многих нет даже соли. Национализированная промышленность не дает ничего (в год на человека не дали соли по фунту), все у спекулянтов, а покупать по 1000 руб. фунт соли у них, или фунт мыла, не многие в состоянии, тем более сахар по 2,5 тысячи. За отобранные у крестьян 10—15 пуд. хлеба платят 500—600 руб., и на них покупается только 1 аршин колесному или катушка ниток. Теперь ввели яичную повинность и грозят не давать соли, пока ее не выполнят, за 30—40 яиц обещают фунт соли. Нет кос, гвоздей, дегтю; нет досок, тесу, но главное, нет свободы в личном труде и права распоряжаться произведениями его по своему усмотрению. Такова жизнь в социалистическом строе. Дорого заплатил бы каждый крестьянин, чтобы вернуть прежний порядок в хозяйстве, а так жить совершенно нельзя.

Крестьянин Михаил Новиков.

Ф. 369, карт. 396, ед. хр. 12

Публикация А. А. ФЕДУЛИНА и Ю. А. ДЕНИСОВА.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

Призраки прошлого

Минуло уже более пяти лет, как в нашей стране начал разгораться фонарь исторической гласности, призванный высветить наиболее затемненные и искаженные стороны отечественной истории. Однако свет этого фонаря, несмотря на его порой слепящую яркость, так и не затронул некоторые исторические темы, которые по каким-то негласным, никем не сформулированным правилам принято считать запретными. Думается, настала пора снимать застарелые табу со всех «скользких» исторических тем, только делать это нужно крайне осторожно и взвешенно.

Пожалуй, наиболее запретный характер среди «закрытых» исторических тем продолжают сохранять ныне те грани минувшего, которые связаны с различными аспектами так называемого еврейского вопроса в истории России, и в частности, проблемами антисемитизма и еврейских погромов. Щекотливость этой темы, имеющей определенное современное звучание, понятна, однако серьезная разработка ее давно назрела, и определенным шагом в этом направлении могло бы стать первоочередное рассмотрение того периода нашей истории, когда данная тема звучала особенно остро и тревожно, а именно — гражданской войны.

Решая сегодня такую исследовательскую задачу, нам не обойтись без помощи талантливого русского историка Сергея Петровича Мельгунова (1879—1956), переживающего ныне на своей Родине как бы второе рождение после долгих лет забвения. Ему суждено было пройти тем крестным путем страданий и испытаний, который годы революционного лихолетья начертали многим русским интеллигентам. На этом пути историка ждали пять арестов, полтора года заключения в чекистских тюрьмах, громкий политический процесс, угроза расстрела и высылка за границу. В эмиграции всю оставшуюся жизнь Мельгунов посвятил воссозданию в своих исторических трудах основных вех развивавшейся на его глазах смуты. Благодаря этому он выдвинулся вскоре в самый первый ряд историков Русского Зарубежья. Его наследие огромно, и знакомство с ним еще ждет советского читателя*. Мы же обратимся сейчас лишь к одной теме, привлекавшей внимание историка и наиболее полно раскрытой им в статье

* В дореволюционные годы из-под пера С. П. Мельгунова вышло более 10 книг и брошюр, посвященных, главным образом, вопросам истории русской церкви. После высылки историка за границу в октябре 1922 г. им были написаны и изданы, не считая десятков статей, следующие труды: Дела и люди александровского времени. Берлин, 1923; Красный террор в России. 1918—1923. Берлин, 1923—1924; Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Материалы для истории русской общественности. Париж, 1929; Гражданская война в освещении П. Н. Милюкова. Критико-библиографический очерк. Париж, 1929; Трагедия адмирала Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири (ч. I—III). Белград, 1930—1931; На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931; «Русская контрреволюция». Методы и выводы генерала Головина. Париж, 1938; Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1939; Золотой немецкий ключ к большевистской революции. Париж, 1940; Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951; Легенда о сепаратном мире. Канун революции. Париж, 1957; Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961; Воспоминания и дневники (т. 1—2). Париж, 1964. Последние три книги увидели свет уже после смерти историка в Париже в 1956 году.

«Антисемитизм и погромы», напечатанной в Париже в пятом выпуске журнала «Голос минувшего на чужой стороне» (с. 231—246), который издавал сам С. П. Мельгунов. Данная статья вызывает особый интерес, прежде всего потому, что она затрагивает совершенно неразработанную в советской исторической науке и незнакомую нашим читателям тему еврейских погромов на Украине и шире — антисемитизма в годы гражданской войны.

Сегодня в нашей стране вздорная идея вековой приверженности русского народа к антисемитизму ренессансируется с небывалой настойчивостью, вплоть до использования в этих целях весьма очевидных провокационных действий (о них следует говорить особо). И как скожи рассуждения многих нынешних «глашатаев гласности» с постыдными откровениями на этот счет... «великого пролетарского писателя» М. Горького, который в послесловии к книге С. Гусева-Оренбургского «Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Петроград — Берлин, 1921, с. 171—172) писал о «грязных подвигах христолобивого русского народа», о «разительном обилии садической жестокости, присущей русскому народу, очевидно, по натуре его, — натуре раба, который сам способен бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго... Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду «великих исторических деяний русского народа», и для меня ясно, что страсть к этой деятельности все возрастает у нас». Размышления о «зверстве», «безумии» русского народа довели писателя до жуткого по своей откровенности, особенно в свете всего пережитого этим народом, вывода, что «он заслужил все свои страдания в настоящем, заслуживает их в будущем». Иначе говоря, по Горькому, все выстраданное народом России в эпоху революционного взрыва есть не что иное, как суровая месть ему за еврейские погромы.

Остаем на совести «титана пролетарской литературы» его откровения и согласимся с выводом Мельгунова, что еврейские погромы в годы гражданской войны были вызваны, главным образом, разнузданностью в стране стихии и анархии, «отсутствием власти», «твердого государственного порядка». «Политическим катаклизмом соответствовали и погромные события», — писал он. Такого же мнения придерживался еврейский публицист И. М. Бикерман, оспаривавший утверждения, что в годы «братоубийственной» войны «евреям истребляли особую». «Допустим, что дело происходило так... Но в общем смысле разгромлена вся Россия... Если тут был погром, то — всеобщий; одних истребляли под одним видом, других — под другим» (Бикерман И. М. Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924, с. 58—59).

В статье Мельгунов оспаривает и чрезвычайно упрощенные представления о злостном антисемитизме всех властей, правивших на Украине до утверждения там большевиков (эти представления послужили, в частности, поводом для убийства еврейским националистом Ш. Шварцбардом в Париже в 1926 г. С. В. Петлюры). Автор справедливо пишет, что «и правительство Центральной Рады, и правительство Скоропадского, и правительство Директории бесспорно и активно боролись с еврейскими погромами. Если все эти власти были бессильны бороться с эксцессами, то причины лежат в стихийности последних». Немаловажны также приводимые Мельгуновым факты (их можно значительно дополнить), свидетельствующие о поддержке еврейскими партиями и организациями «украинских самостийников». Среди этих организаций были и сионисты, как всегда пытавшиеся разыгрывать свою опасную игру. Д. С. Пасманник писал по этому поводу в сборнике «Россия и евреи»: «Те же сионисты и вообще еврейские националисты... поддерживали долгое время сумбурное правительство Петлюры-Виняченко даже и тогда, когда на Украине происходили ожесточенные антиеврейские погромы. Когда-нибудь мы расскажем подробнее эту печальную страницу в истории русского еврейства» (Указ. соч., с. 211—212).

Типичная ситуация: верхи еврейских националистических кругов как бы не замечают или даже в какой-то степени подталкивают эксцессы против евреев, жертвуя а угоду своим политическим целям интересами еврейской массы.

Затрагивая в статье вопрос о еврейских погромах, совершенных на Украине Добровольческой армией, Мельгунов сожалел, что в печати еще не появился продолжавший работу И. Черикова «Антисемитизм и погромы на Украине. 1917—1919 гг.» второй том, готовившийся к изданию «Редакционной коллегией по сборанию материалов о погромах на Украине», которая действовала с начала 1919 г. и после переезда в 1920 г. за границу получила в Берлине официальное наименование «Ostjudisches Historisches Archiv». Этот том был издан в столице Германии лишь в 1932 году, принадлежал перу И. Б. Шехтмана и назывался «Погромы Добровольческой армии на Украине. К истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 гг.». Можно с уверенностью утверждать, что знакомство с этой книгой не изменило бы оценок Мельгунова (его мнение на этот счет нам пока неизвестно), ибо и ее отличает та же тенденциозность, что и другие подобные издания (см., например, Штиф Н. И. Погромы на Украине. Период Добровольческой армии. Берлин, 1922).

Шехтман пришел к своей работе к заключению, что погромы при добровольцах не были «неизбежным эпизодом гражданской войны», а представляли собой факт «форменного крестового похода именно против еврейского населения в целом» (Указ. соч., с. 255, 259). По его мнению, «официальный антисемитизм» Добровольческой армии санкционировался сверху (Н. И. Штиф вообще заявлял, что в этом вопросе не было никакой разницы между белыми генералами и самими «громилами»), хотя автор предисловия к книге Шехтмана И. Чериков и вынужден был признавать, что погромов при Колчаке «не произошло... Не произошло потому, что Колчак их не хотел... Не хотел погромов и Врангель в Крыму — и их не было...» (с. 22). Выходит — погромов «хотел» не кто иной, как сам А. И. Деникин. Так ли это?

Мельгунов такую «тенденциозную ложь» отрицает, также как и утверждение о якобы «официальном антисемитизме» белой армии вообще. «...Погромы и в местах, где появлялись отряды Добровольческой армии, были также исключительно явлением стихийного характера», — писал он. В поддержку оценки историка можно привести множество дополнительных фактов, свидетельствующих о борьбе командования Добровольческой армии против погромных настроений и действий (многие говорят хотя бы факты военно-полевых судов над погромщиками или установление в августе 1919 г. генералом В. З. Май-Маевским другого генерала — Хазова, командира 2-й Терской пластуноской бригады, за учиненный его частью погром в Смеле). Приведем лишь два приказа Главнокомандующего вооруженными силами Юга России. Первый был адресован 8 октября 1919 г. командующему войсками Киевской области и гласил: «Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным». Второй адресовался всем вооруженным силам Юга России и был издан 23 января 1920 г.: «Недавно мы были у Орла, но ряд тяжких ошибок привел нас вновь на Кубань. Теперь, когда мы накануне решительного наступления, нам нужна победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фронта и развала тыла были насилие и грабежи... Если начальники не возьмутся сразу за искоренение зла, то новое наступление будет бесполезно. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали».

В своих «Очерках русской смуты» Деникин ничуть не лукавил, когда писал, что «если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобряет только относится к погромам, то судьба еврейства была бы гораздо несравненно трагичнее». (Берлин,

б. г., т. V, с. 146). И не случайно в этой связи в белой армии имели хождение слухи, что Деникин якобы «продался жидам». В одной из бесед Главнокомандующего с еврейскими делегациями в августе 1919 г. он откровенно признавался: «...Я старался и стараюсь возможно ослабить его (еврейского вопроса) остроту. Но устроить его совершенно я не в состоянии». Деникин называл следующие основные причины погромов, весьма далекие от упрощенных интерпретаций многих еврейских публицистов: «звериные инстинкты, поднятые войной и революцией», «всеобщая распущенность, развал, утрата нравственного критерия и обесценивание человеческой крови и жизни», «резко враждебное отношение к нам еврейства на всей территории вооруженных сил Юга России», «явное, бывшее в глаза засилье евреев во всех областях советского управления» (т. V, с. 147—148, 150).

На последнюю причину обращал особое внимание и Мельгунов, считая ее одной из основных в ряду факторов распространения антисемитизма. Он подчеркивал, что погромы «так часто питались именно молвой о сочувствии евреев большевикам» и что в рядовой психологии происходило отождествление «большевизма с еврейством и во всяком случае еврейской психологии с интернациональной».

Серьезное исследование сформулированной Мельгуновым проблемы о «склонности к революционному максимализму еврейской интеллигенции и полунинтеллигенции» и о «непомерном участии» евреев в большевистской власти еще впереди. Мы же лишь напомним, что лица еврейской национальности составляли значительную часть, а то и подавляющее большинство членов руководящих органов почти всех левых партий — большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов, анархистов и др. В этой связи любопытно постановление сионистского съезда в Петрограде в 1917 г., согласно которому кандидаты в члены Учредительного собрания от еврейства должны были проходить, где это возможно, исключительно по еврейскому списку, а там, где этого сделать было нельзя, сионисты обязаны были поддерживать русские социалистические партии не правее партий народных социалистов. Какая трогательная приверженность к социальной идее!

В. Жаботинский, один из лидеров мирового сионизма, в статье «Еврейская революция» (так он называл Февральскую революцию) объяснял наличие в России значительного числа «евреев-революционеров», или, как он выражался, «преизобилие евреев в рядах крамолы», особым «национальным настроением» боровшегося за «равноправие» еврейского народа, таким настроением, благодаря которому из этого народа «должен был выделиться известный процент революционеров». Чтобы получить права, нужна была революция, но, как писал Жаботинский, «революции не было. Надо было вызвать ее. И эту роль взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России». Евреи, таким образом, выступили, согласно Жаботинскому, «застрелщиками великого дела», «разбудили политическое сознание в 130-миллионном народе», «подняли красное знамя... так высоко, чтобы увидали и Тамбова, и Саратов, и Кострома, — чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за ним...» Знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома несомненно увидела» (Владимир (Зеев) Жаботинский. Избранное. «Библиотека-Алия» (Israël), 1989, с. 183—184, 186—187).

После победы Великого Октября среди руководящих лиц новой власти оказалось весьма значительное число выходцев из еврейской среды. Существуют различные подсчеты на этот счет. Согласно одному из них, например, среди 22-х членов Совета Народных Комиссаров РСФСР в середине 1918 г. 17 человек были евреями. По этому поводу уже цитировавшийся ранее Д. С. Пасманик замечал: «Но нельзя же отрицать, что значительное количество евреев участвовало во всех большевистских безобразиях и содействовало кристаллизации Советской власти. Очень правильно было отмечено: само появление боль-

шевизма было результатом особенностей русской истории, русского «национального» духа, но организационность большевизма была создана отчасти деятельностью еврейских комиссаров... Ответственно ли еврейство за Троцкий? Несомненно» (Россия и евреи, с. 212).

Близкую к этому оценку событий дал не кто иной, как М. И. Калинин, заявивший в ноябре 1926 г.: «Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полунинтеллигентская городская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент, еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления» (Первый Всесоюзный Съезд ОЗЕТ в Москве. Стенографический отчет. М., 1927, с. 65). Через десять лет В. М. Молотов отмечал, что «еврейский народ... дал много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитизму и к антисемитским зверствам, где бы они не происходили» (Правда, 1936, 30 ноября).

После подобных высказываний понятными становятся те особенно жестокие преследования, которым подвергались в Советской России проявления антисемитизма. Первый декрет на эту тему был издан уже 26 октября 1917 г. Вторым съездом Советов вместе с Декретами о мире и земле. Своё развитие он получил в изданном 27 июля 1918 г. постановлении СНК о борьбе с антисемитизмом. «Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев, — говорилось в нем, — гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудящийся народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом».

Соавтором предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона» (Известия, 1918, 27 июля). По свидетельству А. В. Луначарского, последний абзац, придавший постановлению характер специального уголовного закона, приписал «красными чернилами своею собственной рукой» В. И. Ленин, когда ему для подписки декрет принес Я. М. Свердлов (Луначарский А. В. Об антисемитизме. М.—Л., 1929, с. 38).

Пройдет 12 с половиной лет, и в январе 1931 г. Сталин заявит в ответ на вопрос, поставленный Еврейским телеграфным агентством: «В СССР строжайше преследуется антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» (Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952, с. 100). А своих слов, как известно, Сталин на ветер обычно не бросал. (Своеобразный «кульбит» истории: многие нынешние «антисталлисты» горячо ратуют за принятие особого уголовного закона о борьбе с антисемитизмом, наподобие того, который действовал с 1918 года).

В первые годы Советской власти дело усугублялось еще и тем, что пресечение антисемитизма возлагалось на органы ВЧК, где засилье еврейского элемента особенно сильно бросалось в глаза. Свидетельства тому множество. В. Г. Короленко, которого никто не заподозрит в подыгрывании антисемитизму, переживая в Полтаве смутные годы, был прекрасно знаком с деятельностью большевиков и, в частности, чекистов. В своем дневнике он оставил в 1919 г. следующие записи: «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуве-

ренность, которая кидается в глаза и раздражает». «Большевизм на Украине уже изжил себя... Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) развивает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты» (В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. Вермонт (США), 1985, с. 162, 165).

С. П. Мельгунов издал в 1924 г. в Берлине воспоминания некоего В. Фишера «Записки из местечка», в которых содержится очень интересное свидетельство. Однажды Фишер разговорился с одним коммунистом, заявившим, что евреи в партии «играют главную роль» и «в общем портят дело», проявляя излишнюю жестокость. «То, что говорил коммунист о евреях, было показательно, — писал Фишер. — Я сам уже от многих слышал жалобы, что многие дела в ЧК не кончались бы так трагически, если бы не вмешательство чекистов-евреев: русский чекист, говорил, уже смягчился, но вмешивались еврей, — и дело кончалось скверно... И вот антисемитизм на моих глазах проник в красную армию, были целые отряды, охваченные страстной ненавистью к евреям. Мнение, что большевизм — еврейское дело, сложилось в населении быстро и было вполне понятно: у нас, по крайней мере, большинство являвшихся большевиками деятелей были евреи» (На чужой стороне, Берлин, 1924, т. VII, с. 120).

Другой источник по интересующей нас теме Мельгунов издал в девятом томе сборника «На чужой стороне» (Берлин, 1925). Это были показания в октябре 1919 г. Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, учрежденной Деникиным, бывшего следователя Киевской губчека М. И. Болеросова. Коснувшись вопроса о национальном составе чекистского органа, последний утверждал, что «по национальностям можно смело говорить о преимуществе над всеми другими евреями. Ввиду того, что число сотрудников «чека» колебалось от 150—300, то и точные цифры привести здесь нельзя. Я не ошибусь, если скажу, что процентное отношение евреев к остальным сотрудникам «чека» равнялось 75:25, а командные должности находились почти исключительно в их руках». Далее следовала подробная характеристика руководящих лиц Киевской губчека и уясных методов их «очистительной» революционной работы. Из 21 упомянутого Болеросовым имени 17 человек были евреями.

Любопытная деталь! Как сообщал бывший следователь, «1-го мая (1919 г.) раздался по «чека» клич: в целях агитационных требуются расстрелы евреев. Немедленно представить соответствующие дела. Кроме того, на видные должности в «чека» не назначать евреев, и вот, в результате этого, идет перестройка...» (Указ. соч., с. 117—121, 132, 137). Причиной этих аnezапных действий стала секретная директива из центра, нацеленная на смягчение чрезмерного представительства в чекистских органах лиц еврейского происхождения и показательное включение таких лиц в число подвергающихся репрессивным мерам. Однако, как показал Болеросов, позже выяснилось, что почти все руководители, покинувшие Киевскую губчека после неожиданного перестроения, оказались во главе Всекрымской чека, где им предоставилась возможность еще сильнее обогатить свой карательный опыт.

В Москве не могли не замечать того ущерба, который наносила авторитету власти «еврейская проблема». Обратимся к свидетельству Л. Д. Троцкого. В своей речи на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 26 октября 1923 г. он оценивал свое еврейское происхождение как серьезный «политический момент». «Я прекрасно помню, — продолжал Троцкий, — как 25 октября, лежа на полу в Смольном, Владимир Ильич говорил: «Т. Троцкий! Мы вас сделаем наркомвнуделом. Вы будете давать буржуазии и дворянство». Я возражал. Я говорил, что, по моему мнению, нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам, я считал, что будет гораздо лучше, если в первом революционном Советском правительстве не будет ни одного еврея. Владимир Ильич говорил: «Ерунда. Все это пустяки». Но, несмотря на это его отношение, все же, видимо,

мои доводы на него отчасти подействовали. Во всяком случае, я избежал назначения на пост наркомвнудела и был назначен руководителем нашей иностранной политики. Когда встала необходимость организовать наши военные силы, остановились на мне; должен сказать, что против назначения на пост наркомвоенна моя оппозиция была еще более решительна. И... после всей работы, проделанной мною в этой области, я с полной уверенностью могу сказать, что я был прав. Я не говорю о прямых результатах своей работы... но... я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Помните, как сильно мешало в острые моменты, во время наступления Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей. Это мешало сильно... И в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредсоваркома (единоличным замом) и я решительно отказывался из тех же соображений, чтоб не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правят еврей, Владимир Ильич был почти согласен со мной. Внешне он, правда, этого не показывал и, как раньше, говорил: «Ерунда, пустяки», — но я чувствовал, что он это не так говорит, как раньше, что он соглашается со мной в душе» (Вопросы истории КПСС, 1990, № 5, с. 36—37).

В этих словах много рисовки, но Троцкий правильно улавливал воздействие своей фигуры на разжигание в стране антисемитских настроений, хотя сам он и любил называть себя не евреем, а интернационалистом, да еще таким, у которого национальный момент вызывает «брезгливость и даже нравственную тошноту». И. М. Чериковер запечатлел эту роль Председателя Реввоенсовета следующим образом: «Исключительно опасным возбудителем была при этом личность Троцкого. Почти в каждом погроме повторялось одно и то же: «Это вам за Троцкого». Троцкий персонализировал собой всю Советскую власть; никаких других большевистских имен для Добровольческой армии не существовало. Почти нет ни одного антисемитского воззвания, ни одной статьи, где не повторялось бы это имя» (Шехтман И. Б. Указ. соч., с. 15—16).

Любому вдумчивому человеку должно быть ясно, что еврейская национальность многих представителей большевистской гвардии не могла не накладывать определенный отпечаток на их настроения, взгляды и политические действия, тем более, что занимали они зачастую именно «командные посты». Многие объясняют хотя бы слова Мельгунова: «Бесправный, сделавшийся привилегированным, всегда мстит, подчас даже бессознательно, за прошлые унижения». После них понятнее становится, скажем, заявление председателя Кунгурской ЧК Гольдина: «...Для расстрела нам не нужно ни доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все!» (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. Нью-Йорк, 1989, с. 179).

Да, Мельгунов, безусловно, прав, когда он пишет о важности «определения состава так называемой революционной демократии», особенно учитывая то обстоятельство, что многие из ее числа оказывались людьми, «не только не думавшими об общих интересах России, но и прямо враждебными ей...» Надо только подходить к исследованию этой «скользкой» проблемы чрезвычайно ответственно и взвешенно, не нагнетая излишние эмоции, но и не впадая в «чрезмерную щепетильность», которой страдала русская интеллигенция в дореволюционные времена, когда, по словам историка, «из деликатности и такта» о «еврее ничего неслестного нельзя было сказать» (как, впрочем, и сегодня, хотя и по несколько другим причинам).

В статье Мельгунов выражает резонное удивление в связи с очевидной склонностью подавляющей части еврейских публицистов «преуменьшать роль еврейских элементов в большевистской работе» и обходить благосклонным молчанием действия самих большевиков, в том числе стихийно вспыхивавшие при их власти еврейские погромы. В этой связи понятно недоумение автора тем, что подготовители издания о погромах на Украине, получившего

За национальную Россию

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

16. Семья

Человек рождается не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сращены в единство; в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разружьте ячейки — и вытечет мед, и распавшаяся воцину отдадут на переплавку...

Семья вырастает из любви, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительная ненависть.

То, что нужно сейчас России, — это умение любить крепко и долго. Ей нужна любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся ей русские дети, если не в крепкой, единообразной семье своих родителей?

Только в семье любовь чиста, верна и органически-строительна. Вне семьи — она становится распутьем и приучает людей к безответственности, измене, анархии и общественному распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспризорных людей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию — без чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа. Где же научатся этому русские дети, если не в своей родной семье? Где загорится этот огонь национальной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто виушит нашим детям веру в Русский Народ, если русская семья развеет и растеряет эту веру?

То, что нужно России навеки, — это сила русского национального характера. Исторически этот характер загорался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался в монастырях и в армии. Но хранилищем его была прежде всего русская семья. И ныне эта семья должна по-

Продолжение. Начало в №№ 4—6/1991.

«поистине интернациональную» базу, не употребили 1/1000 доли своей энергии для «характеристики большевицкого террора, террора системы, а не стихии», «явления более ужасного, чем стихийное движение, рождавшееся на почве невежества и тьмы...»

А ларчик открывался просто. Заинтересованные в подобном издании международные еврейские круги весьма дружелюбно относились в то время к Советской власти и находили со стороны ее представителей всемерную поддержку в сборе и издании материалов о погромах на Украине. Тем самым большевики убивали сразу «двух зайцев»: выставляли в черном свете своих бывших противников и представляли в глазах западного общественного мнения в образе гуманных борцов с проявлениями национализма. Показательно, что в конце 20-х годов литература об антисемитизме, весьма схожая по своим оценкам с зарубежными изданиями, очень активно печаталась в СССР (авторами брошюр на эту тему выступили тогда, например, А. В. Луначарский, Ю. Ларин, С. Г. Лозинский, Л. Лядов, Н. А. Семашко и другие видные большевики).

В 1990 г. в еженедельнике «За рубежом» (№ 28, с 16—19) были опубликованы главы из книги французского журналиста Б. Лекаша «Когда Израиль умирает...», написанной им при активном содействии советских властей и изданной в СССР в 1928 г. в издательстве «Прибой». Можно только приветствовать ознакомление читателей с давно забытой книгой. Но не слишком ли броско было давать к этим главам заголовок «За двадцать лет до Освенцима» и утверждать, что «если бы люди извлекли уроки из того, что произошло в 1918—1920 годах на Украине, в Белоруссии, на юге России, то, возможно, не было бы Освенци-

ма, Майданека, Бабьего Яра». Неужели автору этих строк не ясна существенная разница между погромными эксцессами периода гражданской войны и целенаправленной политикой уничтожения евреев, проводившейся фашистами? Не слышится ли здесь отголосок нарочитых стремлений уличить русский, украинский и белорусский народы в склонности к шовинизму фашистского образца? Да и приводимая автором предисловия к публикации Ю. Поляковым цифра жертв еврейских погромов на Украине — около 300 тысяч человек, не может не представляться явно завышенной. Достаточно сослаться хотя бы на книгу С. Гусева-Оренбургского. На основании анализа огромного массива документов, он исчисляет четко установленную цифру погромных жертв на Украине в 35 тыс. человек, не добавляет, что общее число погибших (включая неучтенные жертвы) достигает 100 тыс. человек (Указ. соч., с. 14). Близкие к этим цифрам данные приводит и Шехтман (Указ. соч., с. 25—26).

Учащающиеся ныне попытки запугать население страны, в придачу и общественное мнение Запада наступлением в СССР новой волны антисемитизма свидетельствуют о том, что это кому-то очень и очень выгодно. Однако воздвигается такое химерическое здание на зыбком песке. И нам сегодня впору еще раз повторить слова историка Мельгунова: «Призраков прошлого, пугающих боязливых, мы не боимся. Не должны их бояться и евреи, те из них, которые ощущают себя русскими гражданами, как французы, немцы, итальянцы, живущие в Швейцарии, прежде всего ощущают себя швейцарцами».

Малознакомый Ленин

О Ленине написаны не десятки, не сотни, а тысячи тысяч страниц, но из этой громадной литературы трудно не видеть, в каких условиях материального существования протекала его жизнь. Были ли эти условия для него благоприятны или ему приходилось испытывать нужду и лишения? Откуда шли нужные ему денежные средства? Приносил ли их литературный заработок или были иные и более существенные источники существования? На что жила Ленин со времени его возмужалости — до октября 1917 года, когда революция, вознес его и власти, тем самым сделала Ленина гигантской исторической фигурой? Подчеркиваем «тем самым», так как если бы этого не было, Ленин умер бы простым малоизвестным эмигрантом, и о нем вспоминали бы не больше, чем о Бабье, Бянки или Ткачеве.

Безбрачную литературу о Ленине плодятся его эпитафии, последователи, адепты материалистического понимания истории, объясняющие деление общества на классы и положение людей — их экономической ситуацией. Эпиграфы 17 марта 1883 года в надгробной речи на могиле Маркса поведают, что «подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот, до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься позитивной, наукой, искусством, религией и т. д.»

Ленин не был бестелесным существом,

неподчиненным «открытому» якобы Марксом закону: прежде чем заниматься проповедью мировой революции и всем прочим, ему нужно было «есть, пить, иметь жилище, одеваться». Спрашиваем еще раз: откуда, из каких источников Ленин имел денежные средства, дававшие ему возможность удовлетворять свои элементарные потребности и вести ту жизнь, которую он вел!

Вопрос, несомненно, закономерен, прост до крайности и, казалось бы, на него можно было бы найти ясный ответ в бесчисленных советских биографиях Ленина. Именно этого в них-то и нет. Ни в одной биографии об этом не говорят. Больше того — советские биографы настойчиво, сознательно вопрос этот избегают, отстраняют, изворачивают. А между тем, если его коротенько разобрать, проанализировать, это позволит заглянуть за кулисы показной жизни Ленина, войти в мир повседневных житейских его забот, склонностей, привычек — и тем самым даст возможность видеть не героическую ипостась личности Ленина, которая торжественно представляется его революционной, политической, литературной деятельностью, а другую, гораздо менее известную, законспирированную и разрозненную с психическим и разрозненным божеством, низвергающего старый мир.

Обрисовать вторую ипостась — показать Ленина в «домашних туфлях» — тем более желанно, что это в некоторой степени приближает нас к «тайне» появления исторических личностей. На примере Ленина видно, что великие люди, пераворачивающие миры и жизни народов, могут быть в повседневной жизни самыми обыкновенными людьми. В условиях случайности и в особой исторической обстановке лишь некоторая специфическая,

ирисущая им, часть психики (ее-то и требуется исследовать) делает из них историческую личность.

В числе материалов для портрета Ленина «в домашних туфлях» — важны не «истинно-истинные» «Воспоминания» его супруги Крупской, в гораздо более письма Ленина к родным. Но их одних, конечно, мало. Отыскивать «курицы» нужных сведений следует всюду, где только это можно, и при этом убеждаться, насколько умолчали, малая и большая ложь, идущая и из семьи Ульяновых и из-под пера советских биографов, препятствуют дать в дополнение и политической биографии правдивую картину «как и на что жил Ленин». Все-таки попробуем это сделать.

Н. ВАЛЕНТИНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Этим вступительным словом «от автора» Николай Владиславович Вольский (Н. Валентинов) открывает свою книгу «Малознакомый Ленин», вышедшую в Париже в 1972 г. В крошечном марксист, некоторое время большевик, лично знакомый с Лениным, еще с 1904 года Николай Владиславович посвятил много лет изучению биографии Ленина и семьи Ульяновых. Создал три книги литературно-исторических исследований — «Встречи с Лениным», «Ранние годы Ленина» и «Малознакомый Ленин», — в СССР пока не издававшихся. Пристрастный читатель нашего журнала наверняка обратил внимание на публикации Н. Валентинова на страницах «Слова» (№ 11, 1989 г.; № 11, 1990 г.), отличающиеся не только своеобразным литературным стилем, но и тщательной, исторически выверенной достоверностью. Эти достоинства отличают и книгу «Малознакомый Ленин», главы из которой мы начинаем печатать в ближайших номерах.

нести и осуществить свое призвание: она должна превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку, ту свободу небоязливости духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть первая школа взаимного доверия, солидарности и дисциплины. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом, семья дает человеку первые наработки правосознания.

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: уметь чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Он должен научиться здесь чести, жертвенности и справедливости. Здесь он должен в явном и в явном познать, что значит «один за всех, все за одного». Ибо он сам однажды создаст семью, новую семью следующего поколения и внесет в нее тот самый дух, который он бессознательно вынес из впечатлений своего детства.

Семья есть родовый очаг всех здоровых традиций. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетиями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т. е. в семье.

Семья есть трудовой очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священные первообраза: образ любящей чистой матери и образ сильного и благостного отца. Через них душа учится прилепиться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто пронесет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

17. Что есть истинный национализм

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чувство, — что мой народ действительно получил дары Святого Духа; что он принял их своим инстинктивным чувствительным и творчески претворил их по-своему;

что сила его жива и обильна, и призвана к дальнейшим великим, творческим свершениям; что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние», как залог его величия (формула Пушкина), и независимость государственного бытия.

Итак, национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть воля к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть *восторг* от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати. Национализм есть *благодарение* Богу за эти дары; но он есть и *скорбь* о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национальном чувстве источник *достоинства* (Суворов: «Помилуй Бог — мы русские!»), источник *братского единения* («Постойм за дом Пресвятыя Богородицы!»), источник *правосознания* («Грозно служить и честно править»).

Но истинный национализм учит и покаянию, и *смирению* — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

«За все, за всякие страдания,
За всякий ополканный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
Пред Богом благодати и сил,
Молнтесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!»
(Хомяков).

Истинный национализм открывает человеку глаза и на *национальное своеобразие других народов*: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что *интернационализм* есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что *сверх-национализм* доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в нем, внимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

18. О здоровом правосознании

Напрасно думать о праве и о государстве, что им есть дело только до «внешнего поведения» человека; что если это «внешнее поведение» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западно-европейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к *внутреннему миру* человека, они чтут в нем *свободного субъекта прав* и подска-

зывают его *само-сознанию* и его *право-сознанию*, что именно ему по закону «можно» (полномочия), «должно» (обязанности) и «нельзя» (запретности). Поэтому в каждом государстве *правопорядок* зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глуже всего — от *правосознания граждан*.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; заисмливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины, как Божие дело, выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазну, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и звание русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ни мира.

Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, — соблюдая при этом не букву закона, а *скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства*.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, брата пред лицом Божиим и свободного субъекта прав.

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего *христианского правосознания*. Мы должны усвоить его сами и передать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

19. О политической деятельности

Тот, кто хочет *политически* служить России, должен прежде всего понять, в чем состоит *сущность политики*, и верно настроить свою душу для нее. При этом он может быть, скоро убедится, что он не призван к такой работе, что в душе его нет надлежащих сил и умений; и тогда он поступит правильно, если сосредоточит свои силы на другой работе, а в политике уступит первенство другим, призванным. Надо раз навсегда покончить с вредным предубеждением, будто политика есть дело легкое, общедоступное и не требующее ни особых способностей, ни знаний, ни подготовки. Ибо на самом деле политика есть дело сложное и трудное, требующее дара и искусства.

Нам надо начать с того, чтобы извлечь идею государства и политики из той *предреволюционной пошлости*, в которую

совлекает эти идеи демократический строй, и из той революционной *грязи*, в которую эти идеи сброшены коммунистическим строем. Политика совсем не есть сочетание из демагогической агитации и слепого, полупродажного «голосования», из честолюбивой толкотни, партийной интриги и беспринципного компромисса; так обстоит обычно в демократиях. Но политика не есть и смешение насилия и коварства, свирепости и лжи, она не есть темное дело презренных плутов, где чиновник становится вымогателем или разбойником, а авантюрист или уголовный преступник выходит в чиновники; так обстоит дело в большевизме.

Политика есть дело *правовой и справедливой организации* национального бытия. *Организации*: значит, необходима *воля*, *такт*, *прозорливость в распознавании людей*, *жизненное чутье* и знание законов общественной жизни (социологическое, юридическое, экономическое, историческое образование).

Эта организация должна быть *правовая*: значит, необходимо *здоровое правосознание*, *чувство ответственности*, *способность к подчинению и к власти*, *патриотическое и национальное чувство*, *честь и честность*.

Эта организация должна быть *справедливая*: значит, необходима *живая совесть*, *любовь к людям*, *религиозная и нравственная укорененность души*.

Следовательно, политика требует не ловкого проходимца и не хитрого интригана, а человека настоящего (волевого и духовного) качества. Отсюда в высшем смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия (правление лучших) — разумеется, не по рождению, не по сословию, не по богатству, а по *качеству и достоинству лица*. Нельзя вводить такой политический строй, при котором всякий бесстыдник и карьерист будет выдвигаться вверх только потому, что он сумеет стать угодным массе. Выдвигаться должны *лучшие* люди, призванные к политической деятельности.

После революционной стаки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестие — Россию спасет только *стака на качество*. Из хаоса, из разложения, из оскудения — есть только один путь: к сосредоточению благородной воли, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к отбору и выдвиганию лучших национальных сил. Надо творчески развязать *качественные силы России*.

Русская политика нуждается прежде всего в *честной верности*. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это.

России нужны *опыт и умение* — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Нам надо приобретать этот опыт и это умение, чтобы отдать их России.

Россия будет голодать по *знающим и способным* людям, — на всех поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкви до армии. И особенно — в политике.

России необходимы *воля и талант*. Их нельзя ничем заменить: ибо талант творит новое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революция скомпрометировала партийный отбор; новый отбор должен быть деловым, предметным, а не партийным.

Дорогу честности! Дорогу знания и таланту! Дорогу *русскому гению*! Новая, *качественная эпоха* нужна нашей родине, эпоха, которая довершила бы все упущенное, исцелила бы и зарастила бы все язвы революционного времени. *Качество* необходимо России: люди верные, волевые, знающие и даровитые; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный, первосортный продукт; высокий уровень жизни. Необходима верная и мудрая, справедливая и предметная политика; политика, ведомая честью и прозорливостью, а не политиканством, мятущееся в честолюбии, криводушии и всеобщем обмане.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть в России.

20. О власти

Есть русская национальная идея власти, выношенная русской историей, вскормленная и освященная православным христианством. Согласно этой идее христианин берет власть не из честолюбия, а из *желания служить Богу и людям*. Поэтому он чувствует свою ответственность даже тогда, когда никто с него не взыскивает; именно поэтому он никогда не злоупотребляет властью.

Власть есть *духовная сила*; она покоряет на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоценно. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и силе.

Кто принимает власть, хотя бы самую малую, тот принимает не только *полномочие* распоряжаться, но и *обязанность* распоряжаться. Отныне он обязан указывать людям, что им «можно», «должно» и «нельзя», конечно, — в отведенных ему пределах. И за неисполнение этой обязанности он подлежит суровой *ответственности*.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцы впадают в «административный восторг» и в суетню; только неумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его *достоинно и спокойно*. Всякая власть имеет свои *пределы*; необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, *бездействие* власти разрушает живой порядок. Власть должна *импонировать* людям; необходимо, чтобы люди ее уважали; кого они не уважают, тому они не повинуются. Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть *хочет добра*, что она *неподкупна и справедлива*, что она *сильна и тверда* и что ее дело действительно *удается ей*. Внешние усилия власти не должны бросаться в глаза; пусть людям кажется, что дело идет *само собою*. И только тогда, когда неповиновение явно подрывает престиж власти, необходимо уметь показать, что она *сильна и даже грозна*.

Власть есть проявление *духовного достоинства и воли*. Кто вручает власть недостойным людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее. Власть призвана выбирать, решать, предписывать, настаивать и поуждать. Кто к этому не способен, тот *должен быть устранен от власти*. Властвующий обязан проявлять государственный авторитет и вести борьбу за него. Для этого ему необходимы независимость и мужество; он не должен и не смеет бояться толпы. В серьезном и критическом столкновении властвующий должен быть готов *умереть на своем посту*.

И при том он должен всегда: помнить Бога, блюсти верность России и не бояться ответственности.

Было бы, однако, величайшим заблуждением, если бы кто-нибудь захотел утверждать, будто государственная власть «всемогуща» и должна поэтому впитать в себя и как бы поглотить всю жизнь народа.

Все духовное в жизни зарождается, зреет и творится в *самодетельности человека*, по его внутреннему, таинственно-органическому почину (Аристотель выражал это термином «*дайтэ*»), буквально: «через самого себя»). Государственная власть ставит себя в нелепое и смешное положение, когда начинает предписывать веру, молитву, любовь, вдохновение, творчество, добродетель или иные духовные состояния. Столь же безнадежно и вредно подавлять свободный почин людей и в области хозяйства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспособляться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но замечать ее — нечем; а произвол будет для нее гублен. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы *служить живому организму* народа, защищать его и оберегать, а не подавлять.

Окончание в следующем номере.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Пришло время новой подписной кампании, которая — в этом не приходится сомневаться — будет проходить в гораздо более трудных условиях, чем год или два назад. Трудных для всех изданий без исключения — как для «правых», так и «левых», как «демократических», так и «патриотических» (берем эти слова в кавычки, поскольку в нашей действительности настолько все смещено, что ни одно из них не соответствует своему значению полностью). Прошлогоднее повышение цен оказалось лишь первой ласточкой невиданной эскапации цен на бумагу (в пять-шесть-десять раз), на полиграфические услуги (в пять-шесть раз), на распространение изданий по подписке через монопольную систему «Союзпечати» (до 90% от номинала каждого номера журнала). Потому и мы ожидаем повышения цены на журнал в два раза. Возможно, каждый номер «Слова» будет стоить в 1992 г. три рубля. Правительство оказалось не в состоянии контролировать цены на бумагу, являющуюся ныне не менее ценным «сырьем», чем нефть или газ. Оно позволило превратить торговлю бумагой на внутреннем рынке в один из самых доходных «подпольных» промыслов, практически не предприняв ни одной серьезной попытки противостоять мародерству «черного» рынка.

Вот таким образом нас приучают к законам книжного и газетно-журнального рынка, которые у нас еще не вступили в действие в полную силу. Мы лишь стоим на пороге этого рынка, который и будет диктовать: что, как, кого, где и какими тиражами издавать... Идеологический диктат сменится диктатом коммерческим, диктатом денег, противостоять которому будет не менее трудно, чем былым ЦК с их гласными и негласными запретами.

Можно, конечно, сослаться на книжное изобилие в странах с развитой рыночной экономикой. Но при этом нельзя забывать, что почти во всех этих странах книга — предмет роскоши, а не первой необходимости. Хорошо изданная книга — не по карману даже университетскому профессору, не говоря уже о студенте или пенсионере. А домашние библиотеки — вообще редкость. Конечно, помимо дорогих, там существуют и дешевые издания, тиражи которых исчисляются миллионами. Но это в основном те же самые детективы, фантастика, «чернуха» и «порнуха», которые сейчас наводнили и наши прилавки. На подобную коммерческую литературу и у нас в скором времени будут вполне доступные цены. Зато подлинная духовная пища окажется не доступной для миллионов...

Все ссылки на рыночную западную экономику в данном случае не очень состоятельны еще и потому, что традиции русского книгоиздания Сытина и Суворина, равно как традиции издания литературно-художественных журналов, являются достижением и достоянием не европейской, не американской, а нашей отечественной культуры. Недаром почти все ее выдающиеся представители, включая Карамзина, Крылова, Жуковского, Пушкина, Ивана Киреевского, братьев Аксаковых, Некрасова, Достоевского, издавали журналы, превращая их в свои гражданские трибуны. В России не было партий, их заменяли журналы, выражавшие разные общественные идеи и позиции.

Ничего подобного не учитывается в тех «рыночных» отчислениях, в которые нам предлагается ступить, как в воду, не зная броду. Но в том-то и дело, что он есть, этот «брод» — наши великие русские традиции.

Все это имеет самое непосредственное отношение к нашему журналу, поскольку он не относится к числу коммерческих и не стремится стать таковым. Единственное, на что мы надеемся, так это на поддержку наших читателей, которым журнал интересен, судя по почте, именно своим содержанием, своими публикациями. Тем более, что за последний год-полтора (об этом свидетельствуют письма в редакцию) у журнала стал складываться свой круг читателей. Читателей внимательных, вдумчивых, не утративших способности сохранять свою точку зрения и здравый смысл даже в наше время крайностей и навязчивой лопитизации сознания.

Надеемся, что афиша «СЛОВО-92» дает представление об основных направлениях наших творческих поисков в новом году. Хотя далеко не все планы мы можем сейчас раскрыть, поскольку в них тоже есть момент «коммерческой тайны». Единственное, что мы не скрываем от своих читателей (да и конкурентов тоже), так это стремление выпустить журнал, не похожий ни на какой другой.

Тан что судьба журнала теперь будет зависеть только от вас, подписчиков. Напоминаем лишь, что помимо индивидуальных подписок можно организовывать совместные (на несколько семей, на трудовые коллективы). Такая практика вполне оправдывает себя, тем более, что при новых ценах мало кто сможет позволить себе подписаться сразу на два-три журнала, два-три газеты. При коллективных подписках эти возможности увеличиваются. Добивайтесь безвозмездных ссуд на подписку по месту работы, требуйте подписать «Слово» в районные, сельские, городские, вузовские библиотеки... А редакция, со своей стороны, будет добиваться увеличения розницы (сейчас она не превышает 11 тыс. экз.), осуществления подписки также и через книжные магазины (что упростит получение книг по абонементам «Слова»).

Уверены, что эти наши общие усилия окажутся не напрасными. Нам удастся сохранить «Слово» для вас, наши читатели...

Редакция «Слова»

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Журнал продолжит публикацию первоисточников — свидетельств современников, архивных документов, публицистики — о трагедии русской революции, ее причинах и следствиях, используя для этого пока еще малодоступные хранилища, остающиеся «спецхранами», а также — истинные портреты вождей революции, «пламенных революционеров».

До конца этого года редакция в разделе «Архив русской революции» опубликует повесть Евгения Гайдара «Возвращение корнета» и «Дневник» генерала Михаила Дроздовского. А также в рубрике «Красный террор» — рассказы Аркадия Аверченко из сборника «Нечистая сила», в рубрике «Подвалы ЧК» — страницы из оценок неопубликованных дневников генерала А. Жиркевича о голоде в Поволжье в 1919—1921 годах, мемуары бельгийского консула Ж. Дуйе «Москва без покровов». Редакция продолжит свою ленинскую — статьи Н. Валентинова, А. Авторханова, В. Флёрера, А. Нагловского, Б. Суварина.

В ближайших номерах текущего года редакция очерком о церковно-государственной деятельности митрополита Филарета (Дроздова) открывает новый раздел «Устроители Земли Русской», который будет продолжен в будущем году серией материалов о российских государственных и общественных деятелях, сыгравших видную роль в становлении и укреплении нашей державы.

В 1992 году журнал продолжит поиск новых тем в разделах: уже ставших традиционными: НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ, ВЕЧНЫЕ СПУТНИКИ, ИСТОКИ, РУССКАЯ МЫСЛЬ. Подписчики получат абонементы на издания «БЕЛОЙ КНИГИ РОССИИ» (Товарищество Русских Художников) и книги прозы и публицистики других изданий. страны, книги по истории, философии, репринтные издания. Наш индекс — 70110 в каталоге «Союзпечати», в разделе центральных журналов.

ЗАКОН БОЖИЙ.

В каждом номере — духовная литература, проза, поэзия, публицистика, православный и народный календарь, основы богословия, современные проповеди, духовные признания — дневники, письма, воспоминания, страницы истории русской церкви XX века, ее подвижники, великомученики и святые. Уже в этом году мы расскажем о московских праведниках.

ВСТРЕЧИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ.

В этом разделе предстанут судьбы героев Белой России и Белой идеи по письменным источникам и семейным архивам русской эмиграции. Впервые в номере уже в этом году издана литература будет широко показана литература архипелага ДИ-ГИ — второй «волны» русской эмиграции, советских узников концлагерей, перемещенных лиц и «невозвращенцев». Еще в 1991 г. на страницах журнала будет широко отмечен столетний юбилей мыслителя Ивана Солоневича, увидят свет главы из неопубликованного в СССР романа Каратаева (Аргентина).

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов,
главный редактор

Виктор Калугин,
заместитель
главного редактора

Артеми́й Игна́тьев,
главный художник

Владимир Бондаренко,
обозреватель

Алексей Тимофеев,
обозреватель

Елена Егорунина,
обозреватель

Юрий Чернелевский,
обозреватель

Марина Подгорская,
заведующая секретариатом

Художественно-
технический
редактор

Е. М. Верба
Технический
редактор

Н. Н. Козлова
Корректор

Е. И. Табашникова

Во всех случаях обнаружения
полиграфического брака
в экземплярах журнала
обращаться на Тверской
полиграфкомбинат по адресу,
указанному в выходных
сведениях.
Вопросами подписки и
доставки журнала занимаются
предприятия связи.

Сдано в набор 24.04.91.
Подписано в печать 05.06.91.
Формат 84×108/16.
Бумага Знаменская 100 гр.
Печать глубокая и офсетная.
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42.
Усл. кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 13,20+1,04.
Тираж 180 000 экз.
Заказ 2164.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129272, Москва,
Сущевский вал, 64.
Телефон для справок:
281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени
Тверской полиграфический комбинат
Государственного комитета
СССР по печати. 170024,
г. Тверь, пр. Ленина, 5.

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал.

Учредители —
Госкомпечать СССР
и трудовой кооператив
редакции журнала.
Издаётся с сентября
1936 года
№ 7. 1991.

С Издательство
«Книжная палата», журнал
«Слово», 1991.

В Н О М Е Р Е

ВРЕМЯ

Митрополит Виталий. Порабощение души

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Г. Вагнер. Дорога к храму

ИСТОРИЯ

Ф. Морозов. Привычка свыше нам дана
И. Розенталь. Неврученные Нобелевские премии
Кое-что из жизни Штирлица
Нео-Сильвестр. Кто совершил злодеяние?!

ИСКУССТВО

Арс. Кузьмин. Вопреки забвению
А. Борисов. Вечный странник океана
Письма П. М. Третьякову

ЗАКОН БОЖИИ

Раздел первый
Раздел второй

ЛИТЕРАТУРА

В. Розанов. Сны золотые
С. Золотцев. В сумерках просвещения
А. Жуков. Осенние песни о весне
В. Катанян. Последние дни
Ф. Сухов. Стихи
Г. Климов. Князь мира сего
Е. Плахова. Русь моя, милая Родина...

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. БУЛГАКОВА

М. Булгаков. Великий канцлер

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Так жить совершенно нельзя». Письма в Кремль
С. Дмитриев. Призраки прошлого
Н. Валентинов. Малоизвестный Ленин

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

И. Ильин. За национальную Россию

Обращение к читателям

НАШИ АВТОРЫ — ПИСАТЕЛИ

Василий Афонин,
Дмитрий Белашов,
Василий Белов,
Виктор Бокфв,
Леонид Бородин,
Владимир Бушин,
Иван Васильев,
Бронтой Бедюров,
Михаил Воздвиженский,
Олег Волков,
Сергей Воронин,
2 Михаил Ворфоломеев,
Михаил Вострышев,
Юрий Галкин,
5 Татьяна Глушкова,
Глеб Горбовский,
Павел Горелов,
10 Глеб Горышин,
15 Владимир Гусев,
19 Николай Дорошенко,
21 Борис Екимов,
Анатолий Жуков,
28 Станислав Золотцев,
29 Юрий Кузнецов,
30 Станислав Куняев,
38 Валентин Курбатов,
44 Виктор Лихоносов,
Михаил Лобанов,
Вячеслав Марченко,
47 Олег Михайлов,
51 Евгений Носов,
54 Михаил Петров,
59 Юрий Прокушев,
64 Валентин Распутин,
66 Валерий Рогов,
70 Эрнст Сафонов,
Всёволод Сахаров,
72 Сергей Семанов,
Эдуард Скобелев,
Валентин Соронин,
77 Борис Споров,
78 Николай Старшинов,
82 Федор Сухов,
Анатолий Ткаченко,
83 Иван Уханов,
Леонид Фролов,
86 Евгений Чернов.

Русь моя, милая Родина...

Станислав Епифанов.
Село Константиново.
В горнице дома-музея

Очерк о художнике на стр. 66

СЛОВО

VII 91

ИЮЛЬ

А. А. Борисов. На промьсел за оланем. 1901. К 125-летию со дня рождения художника

Русь моя, милая Родина...

Станислав
Епифанов.
Село Константиново.
Излучина Оки

Очерк о художнике на стр. 66

СЛОВО

— это журнал современных писателей и издателей, противостоящий массовой культуре, торгашеству в духовной жизни, утверждающий лучшие традиции русских книгоиздателей — Ивана Сытина и Алексея Суворина,

— это дайджест книжных новинок и путеводитель в мире книг, возвращенных из зарубежья, из спецхранов, из-под идеологических пломб,

— это современная проза, поэзия, публицистика, проникнутая пониманием трагедии и страданий народа, его духовных идеалов и надежд,

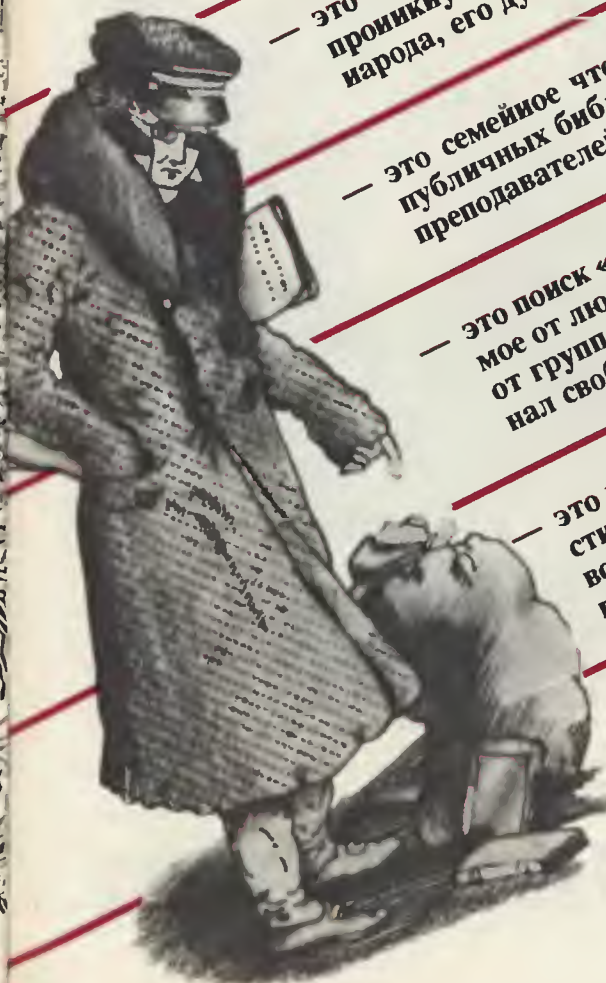
— это семейное чтение, это журнал для личных и публичных библиотек, для школьных учителей и преподавателей вузов, для книголюбов,

— это поиск «третьего» пути, это издание, независимое от любого партийного диктата и догматизма, от групповых и клановых пристрастий, это журнал свободомыслящих и для свободомыслящих,

— это для многих читателей возможность приобрести уникальные книги по абонементам журнала вопреки всевластию теневой экономики и «черного» рынка,

— это домашняя галерея современных художников, фотохудожников и мастеров классического мирового и отечественного изобразительного искусства.

192

Его Высокопреосвященство митрополит Виталий (в миру Ростислав Петрович Устинов) родился в 1910 году в Петербурге. Вместе с родителями выехал в 1917 году во Францию. В 1939 году пострижен в монахи Ново-Почаевского монастыря в Карпатах, рукоположен в сан в 1941 году. В 1948 году становится священником в одном из православных приходов Лондона, в 1951 году — приходским священником в Монтевидео. С 1954 года — епископ, с 1958 — архиепископ Монреальский и всей Канады. В 1986 году архиерейским собором избран митрополитом. Митрополит Виталий — центральная фигура современного Русского Зарубежья не только по церковному сану — Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви, епископа Монреальского и Канадского, но и по влиянию, по личному авторитету. Статьи и проповеди митрополита Виталия касаются наиболее насущных проблем духовной жизни и исторических судеб России. Таким было его «Письмо моим людям в России», опубликованное в 1989 году в «Православном Вестнике» (Нью-Йорк, № 25—26) и в «Литературной России» (№ 52), в котором прозвучали сбивающиеся ныне с косяка: «Злые силы столько потрудились, чтобы сокрушить Православную русскую державу, что для них возрождение России — это ночной кошмар с холодным педантизмом. Будут брошены все силы, миллиарды золота, лишь бы погасить пламя Русского Возрождения. Вот перед чем стоит сейчас Россия. Это почище Наполеона, Гитлера».

В августе 1990 года под руководством митрополита Виталия в Монреале прошел Шестой Всезарубежный съезд Русской православной молодежи, на котором он выступил с проповедью об Истине и Жизни. «Самое главное, — подчеркнул он, — в деятельности души человеческой — это молитва. Молитва должна быть как дыхание. Мы только пользуемся силами, которыми мы обладаем, — волей, умом, сердцем. И вот, когда мы молимся одним умом, это ужасно трудно, мы очень рассеянные. Значит, нужно просить Бога, чтобы Господь нам помог как бы щупальцами сердца схватить слова молитвы. И тогда оно загорается» (цитата по фонограмме документального фильма режиссера А. Киселева «Россия — путь к истине» (ЦСДФ, 1990)).

Статья «Телевидение как проблема для современного пастырства» была впервые опубликована почти тридцать лет назад в «Канадском Вестнике», но, как нам кажется, нисколько не утратившая своей актуальности.

МИТРОПОЛИТ ВИТАЛИЙ

Митрополит Виталий. Кадр из фильма «Россия — путь к истине»

Порабощение души

Мы еще до конца не поняли, какие огромные последствия будет иметь изобретение телевидения. Обладая какой-то воистину магической силой обаяния и привлекательности и вместе с тем тая в себе страшный яд растления, оно стихийно завоевывает свое самое почетное место почти в каждом доме, в каждой семье. Современное пастырство не может и не должно обойти молчанием телевидение, которое не превзойдено ничем и никем по силе влияния на душу человеческую. Борьба с телевидением должна быть нашей первейшей задачей, и это мы говорим без преувеличения, потому что оно является ежечасным, ежеминутным источником влияния на нас в нашем же собственном доме. Вся борьба с ним должна выражаться в правильном отношении к этому гениальному современному изобретению, но трудность и сложность борьбы с ним в том, что приходится бороться не с телевидением, а с бесконечно расслабленной человеческой волей, которая просто не находит в себе силы вовремя оторваться от этого исключительно обольстительного и заманчивого удовольствия. Тут вспоминаются слова апостола Павла: «все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но ничто не должно обладать мною» (1 Кор. VI, 12).

Итак, чтобы успешно бороться с телевидением и раз и навсегда выработать к нему правильное отношение, необходимо сначала с предельной объективностью рассмотреть все, что в нем есть положительного, затем раскрыть все его сокровенное зло и только тогда начать пользоваться его добрыми услугами, отвращая от себя с последовательно напряженной энергией его тлетворное влияние.

Надо указать, во-первых, что всякое изобретение, всякий механизм и машина не есть зло само по себе, как нет самобытного зла. Зло только в воле разумной твари, не исполняющей волю Божию. Наоборот, в таких изобретениях надо видеть печать Божией Премудрости, которую человеку дано раскрыть в законах природы и от всего сердца вознести хвалу своему Создателю. Перед размером соблазнительных картин, плывущих по телевизионным каналам, было бы нерассудительно не отметить и его положительно доброго влияния на массы людей, а именно: телевидение способствует возвращению людей в их дома.

Весь период от 1-й мировой войны до сего дня был отмечен социологами и педагогами стремлением человека уйти в свободное время на улицу в поисках развлечений.

Дома только ночевали, или, но никогда дома не оставались в свободные часы. Спорт, кино, танцы и бесконечные другие развлечения, пропитанные ядом растления, выводили всех из-под домашнего крова, который катастрофически стал терять, в особенности для детей, смысл родного гнезда, где ребенок впервые раскрывал свой осмысленный взор на вещи, облекая их своей фантазией, где его воображение с любовью придавало домашней обстановке одушевленные формы, создавая целый мир наивной детской фантазмагии. Улица манила и ребенка, и он почти что с колыбели, грубо и жестоко, без всякой подготовки, познавал оскорбляющий его душу реализм жизни.

И вот телевидение впервые за десятки лет стало возвращать всех домой. Его роль в этой большой социальной перемене очень скромная: оно просто обратилось к низшим инстинктам того же уличного человека и вернуло его к его домашнему очагу только потому, что все те же удовольствия и развлечения города и улицы перенесло в его собственный дом.

Конечно, ничего высоко нравственного в этом в принципе нет, но среди моря бесчинства, соблазна и растления современной жизни надо уметь хвататься и за соломинку,

если есть возможность хоть что-нибудь и тут использовать для добра.

Согласимся признать тот факт, что телевидение способствует возвращению к домашнему очагу, и сумеем использовать это его доброе влияние. Оно таит в себе столько почти что магической силы, привлекательности и обаяния, что если просто его отрицать, в категорической форме возвышая свой голос с кафедры и амвона, то это значит себя уподобить бьющей воздух палке.

Наконец, телевидение способно наглядно и исчерпывающим образом преподавать уроки по всесторонним вопросам науки, искусства и техники и этим поднять образование, ведение, нанося таким образом большой удар по невежеству и полунуке, которые всегда несли миру столько горя.

Рассмотрев все положительные стороны телевидения, перейдем теперь к обозрению его губительного воздействия на человеческую душу.

Телевидение совершенно отрывает всех от чтения. Зачем читать, когда все не только видно, но и слышно? Зачем напрягать свое воображение, когда все уже заранее сделано за нас, проработано и преподано нам в законченном виде с мельчайшими нюансами, которые просто сидя можно воспринимать без всякого труда?

Как ни странно, но телевидение, которое способно переносить нас в любой конец света, опускаться на дно морское, открывать недра земли; которое вводит нас во всевозможные фабрики и заводы, в запрещенные операционные палаты, где мы вместе с хирургом почти что принимаем участие в сложнейших операциях; при помощи которого мы видим народы, которых бы никогда в жизни не увидели; несмотря на весь этот грандиозный диапазон наглядного зрелища, делает нас как никогда ленивыми, апатичными, как бы пресыщенными знанием, безразличными и в итоге итогов развивает в нас невежество.

Поясним нашу мысль.

При чтении в человеке происходит сложный психологический процесс, состоящий, во-первых, из напряжения воли. Чтобы взять книгу и начать ее читать, нужно заставить себя это сделать, тогда как никто не заставляет себя смотреть телевидение. Как бы точно ни описывал автор происходящее, наше воображение всегда параллельно чтению создает свои образы, свой целый мир. По-настоящему мы именно и благодарны автору хорошей книги за то, что он помог нам в этом невидимом творческом усилии.

Наше воображение, эта важная часть нашей души, источник творчества и дерзновения, развивается при чтении книг и делает человека не только полезным для общества, но придает ему жизненность и радость бытия. В телевидении к нашему воображению не обращаются, его даже не нужно. Все готово, все сделано, нам только нужно смотреть и принимать чужим и чисто чуждым нам воображением созданные формы. Это есть психологическое порабощение нашей души, насилие над ней и поражение нашей творческой силы.

Телевидение отучает нас воображать и даже мыслить. Оно делает нас духовно ленивыми, и в частной своей жизни мы становимся людьми без всякого воображения, с потухшим взором взирающими на Божий мир и не видящими, что «на всем видимом написано свидетельство о Невидимом» (Рим. I, 20).

Таким образом, телевидение очень тонко делает нас материалистами, которые смотрят на вещи по естественному животному свойству вообще смотреть, без участия в этом процессе духовного взора, через который смотрит душа. Нас все больше и больше приучают просто смотреть и не видеть, что нас уподобляет тем бездушным истуканам, о которых говорит в своих псалмах венценосный пророк Давид: «есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат; есть у них ноздри, но не обоняют... Подобны им да будут делающие их и все надеющиеся на них» (Пс. CXIII, 13—14, 16). А раз мы смотрим и не видим сущности вещей и связывающих их нитей, то мы воистину невежды.

О развращающем влиянии телевидения было уже много сказано, но мы хотим отметить это еще раз и напомнить о нем.

Ни один отец, ни одна мать никогда не решатся повести свою семью в дома сомнительной репутации. Если друг их предложит им пойти погулять вечером в самые отвратительные кварталы города, где царствуют грех и порок, они сочтут это глупой шуткой, признаком сумасшествия или поспешают, что подобное предложение сделано под действием спиртных паров. Но, отцы и матери хороших православных русских семейств! Зачем вы лицемерите? Вы только что пожимали плечами в ответ на сомнительные предложения посетить аморальные места вашего большого города, а сейчас вы всем своим семейством чинно рассядаетесь у себя в гостиной и легким невинным поворотом кнопки телевизора пригласите в свой дом, стены которого осеяны святыми иконами, всех подобию человеческого общества: всевозможных гангстеров, убийц, психопатов всего света, самых невероятных маляков, торговцев живым товаром, и будете смотреть на них без малейшего зазрения совести, как будто бы вы ничего плохого не совершаете. А ваши дети, после таких представлений, будут кричать во сне, постепенно делаться нервными и раздражительными и вам же будут грубить в неслыханной недопустимой форме; вы же сами еще долгие часы не будете способны сомкнуть глаз от тяжелой нагрузки — образами всех видов иррациональной нечистоты.

Вы оскверняете ваш домашний очаг, который в глубоком понимании Православной Церкви является вашей домашней церковью, о чем неоднократно возвещал апостол Павел, фактически называя христианский дом «домашней церковью» (Рим. XVI, 4; 1 Кор. XVI, 18; Кол. IV, 15; Фил. I, 2).

Вы оскверняете свои души и души своих детей, ибо через зрение и слух, являющиеся органами человеческой души, в них проникают все эти образы; как фотографии они оседают в области нашего подсознания, оскверняя самые тайники нашей души. Затем они в любой момент нашей жизни, по еще не исследованным законам психики испорченного человека, внезапно вырываются из этих тайников в самые неожиданные моменты нашей жизни, помрачая нашу молитву, портя наши взаимоотношения с людьми и отнимая от нас радость жизни. Недаром Православная Церковь, зная, какой глубокий вред приносит нам созерцание греховных изваяний и картин, 100-м правилом Шестого Вселенского Константинопольского Собора совершенно точно и определенно постановила: «*Очи твои право ди зрят... Больше всего хранимо храня сердце твое, потому что из него источники жизни*» (Притч. IV, 23, 25), — завещает Премудрость, — ибо телесные чувства удобно вносят свои впечатления в душу. Посему изображения на досках или на ином чем представляемые, соблазняющие зрение, растлевающие ум и производящие воспламенение нечистых удовольствий, не позволяем изображать каким бы то ни было способом. Аще кто сие творити дерзнет: да будет отлучен».

Какая дьявольская насмешка над нами, православными людьми. Зная, что мы никогда не посмеем принять участие в греховных сборищах, он так умело помрачил наш ум, что мы за свои же собственные деньги, тяжелым трудом добытые нами, покупаем себе телевизор и сами вводим в свой дом растление, разврат, убийства и сумасшедший дом, потеряв перед дьяволом всякое самолюбие, которым был так богат святой пророк Давид, многократно и неуставно просящий Господа через всю Псалтырь, чтобы Господь не дал его в посмеяние дьяволу.

Взирая посредством телевидения на все эти ужасы порочной жизни, нужно отметить еще одно происходящее тут очень тонкое погубное явление. Надо сказать, что в обыденной жизни между душой человека и самим грехом есть путь, на котором поставлены предохранительные заставы нравственного, бытового, психологического и социального характера, которые душа по своей лености и косности не решает преодолевать. Реализм телевидения по-

могает зрителям проходить без труда все эти препятствия, подходы к греху делает привычными, как бы уже пройденными, и самый грех, при случае, совершается легко и свободно. Вот почему за последнее время было совершено множество самых невероятных и неожиданных преступлений, о чем свидетельствуют многие социальные деятели, преступлений без малейших предшествующих симптомов, преступлений без предисловий. Так, например, ни в чем не повинный мальчик рано утром убивает своих родителей, школьник надругается над своей учительницей и другие бесчисленные примеры из аниалов криминальной полиции, которых мы не хотим приводить на страницах нашего журнала.

Какой же способ борьбы мы можем и должны предложить? Сначала мы должны сказать, что бороться надо. И пастырь и пасомые должны непременно поставить своей задачей борьбу с телевидением. Самый лучший способ и самый простой — продать как можно скорее свой аппарат. К этому акту можно еще сделать маленькую заметку для тех, кто духовно прозрел, — продать и деньги от продажи пожертвовать на церковь или на бедных. Это первое мероприятие по плечу, конечно, праведным душам, избранникам Божиим, людям, для которых самая большая цель в жизни — спасение своей души. Блаженнее же последних те, кто еще не покупал этого аппарата и никогда не чувствовал и не чувствует в нем никакой потребности. Однако мы прекрасно понимаем, что в данный момент это наше первое предложение борьбы является очень твердой пищей, которую не может принять масса наших верующих. Уже слишком прочно телевидение связало нас, а наша воля такая слабая и немощная, что на первое мероприятие мало кто откликнется. Но этому не надо удивляться — героев всегда мало, мучеников всегда единицы, праведники всегда одиноки.

Всем нам, рядовым христианам, мы предлагаем снова вспомнить все положительные качества телевидения и в особенности его способность возвращать людей под домашний кров. Все мы, проходя по улицам, неоднократно замечали, как чинно и уютно многие семьи собираются у себя дома и в полумраке телевидения, казалось, так патриархально и дружно проводят свои вечера. Значит, для нас вся задача борьбы с пагубным влиянием телевидения сводится к тому, чтобы, используя его собирательную способность, одновременно пресечь все его развращающее влияние. Для этого должна быть проявлена сила воли и установлена твердая дисциплина в обращении с этим аппаратом, чтобы, под страхом строгого наказания, никто, кроме отца или матери или ответственного в семье человека, не смел бы прикасаться к телевизору, который должен приобрести образ запрещенного плода. Ребенку могут быть показаны только полезные редкие фильмы, но исключительно как награда за его успехи и хорошее поведение.

Очень полезно каждый фильм сопровождать своим объяснением, своими выводами, расширяя его диапазон примерами из истории, из хороших повестей нашей литературы, всегда неизменно в своем мировоззрении опираясь на святоотеческое древнее Православие.

Хочется верить, что тому, кто станет так ревностно бороться с пагубным влиянием телевидения, Господь Сам внушит и иные способы оградить себя от зла.

Во все же посты можно положить себе за правило или совсем выключать этот аппарат из сети, или вовсе на это время убирать его от глаз подальше. Вся ревность в борьбе будет, конечно, зависеть от степени желания своего спасения, от нашего общего благочестия, от нашей преданности Церкви.

ГЕОРГИЙ ВАГНЕР

Дорога к храму

Храм-Вселенная и храм-Земное небо

Искусство священное есть воспроизведение мира в виде храма, соединяющего в себе все виды искусства, причем храм как произведение зодчества, живописи и гаяния, становится изображением земли, отдающей своим мертвецам, и неба...

Фото НИКОЛАЯ КУПЕЯКИНА Н. Ф. ФЕДОРОВ

Закон о свободе совести не столько предоставляет право исповедания любой религии (бесправия в этом смысле вообще не может быть), сколько делает возможной открытую реализацию этого влечения, начиная с самого простого индивидуального его выражения и кончая восстановлением всех прерогатив церкви. Как известно, потери в церковной области колоссальны и трудновосстановимы, поэтому не удивительно, что этому вопросу сейчас уделяется большое внимание. Между тем уже раздаются голоса тревоги: не происходит ли поощрения религии и не становится ли это своего рода модой!

Конечно, вести какие-либо философско-богословские дискуссии с подобного рода «лысенковцами» от культурологии совершенно бесполезно. Гораздо интереснее поразмышлять над теми древними интуициями, которые заставили, например, Тертуллиана сказать: «Верю, потому что абсурдно». Если действительно проблема абсурдна, то что же заставляет верить? Разумно полагать, что первейшей, главной и серьезнейшей интуицией человека было чувство включенности себя в окружающую пространственно-временную среду на правах какой-то ее частицы. Необходимым условием для этого нужно было бы самое элементарное представление как о форме и сущности этой среды (мира), так и осознание себя ее (его) участником. Как формировалось такое представление?

Человечество с незапамятных времен пытается ответить на этот кардинальный вопрос и, судя по многочисленным данным, довольно рано прониклось идеей порядка, который предстояло еще объяснить: что это за порядок, кем он установлен и как к нему относиться? На первом месте, естественно, продолжала оставаться интуиция, но она все более и более обогащалась опытом. Одновременно она наполнялась и трансцендентным содержанием, поскольку кардинальный вопрос оставался неразрешимым. На почве этой неразрешимости и рождалась религия...

Пропагандируемая «научными атеистами» теория происхождения религии из чувства страха перед смертью представляется мне поверхностной. Древнейшие памятники, выражающие представление о мироздании, позволяют говорить о приоритете «идеи порядка». Я имею в виду так называемые «неолитические обсерватории», к которым условно можно отнести знаменитый Стоунхендж (Англия, 16-й век до н. э.). Ежегодно повторяющийся эффект совпадения точки восхода солнца (в день летнего солнцестояния 21 июня) с положением специального камня в структуре Стоунхенджа должен был вызывать скорее чувство восторга у аборигенов, нежели страх. Страх перед смертью не было даже в античном мире, поскольку люди того времени были убеждены в круговороте времени и всех космических событий...

Осознание порядка в окружающем мире и в правильности происходящих явлений природы явилось величайшим завоеванием человека, хотя у него еще не было знания, что такое Мир и как он устроен. Вполне естественным следствием этого незнания стала поистине неистребимая тяга к хотя бы «проектному» воспроизведению образа Мира.

Еще за несколько тысячелетий до того, как наш замечательный философ Н. Ф. Федоров (1828—1903) скажет: «Смысл же храма заключается в том, что он есть проект вселенной», человеческое творчество уже сделало немало

шагов в этом направлении. Естественно, речь идет об архитектуре, причем в первую очередь культовой.

О том, что древнейшей идеей здесь была «идея круга», сказано достаточно много. В восточно-славянском мире она дожила до Крещения Руси, доказательством чего служат языческие святилища. Отражение в их круглой форме видимых частей космоса не требует доказательств. Таким образом, мировоззрение языческих славян уже вплотную подошло к «проекту» храма-Вселенной, о чем тоже немало сказано.

Гораздо интереснее и существеннее вопрос: каким образом древнейшая «идея круга» была заменена идеей четырехугольника, господствующей в архитектуре до настоящего времени? Простой ссылкой на технические условия строительства из дерева здесь не отделаешься.

Поиски символики прямоугольника уводят нас в Египет. На саркофаге фараона Сети I (XIV в. до н. э.) Земля изображена в форме прямоугольного ящика. Прямоугольниками в плане строились все египетские храмы. Вероятно, символика такой формы восходит к мифу об Озирисе, спасшемся от потопа в ящике. Числу четыре в египетских, аккадских и ассирийско-вавилонских древностях придавалось мистическое значение. Отсюда оно могло перейти в иудейскую мифологию (Пятикнижие Моисея), а через античность и в христианство.

Напомню, что Моисей, по голосу Бога на горе Синай, строит скинию в виде прямоугольника в пропорции 1:2 (Исход, 27, 18). Причем в Библии нигде не говорится, что скиния — это образ Мира. Таковым она будет считаться в христианской интерпретации, возможно, не без античного воздействия. В виде прямоугольника строится и знаменитый храм Соломона, но уже в пропорции 1:3 (Третья книга царств, 6, 2), что приближало его к базилике. О воплощении в соломоновом храме образа Мира тоже ничего не говорится. Для столь поэтичного, картинного и символично-космологического понимания иужна была... античность.

Если бы христианство выступило на историческую сцену с исключительно ветхозаветной предсторицей, то оно, вероятно, ничего не потеряло бы в спиритуализме, но несомненно было бы лишено таких великих интуиций, как тождество идеального и реального, первообраза и образа, без чего невозможна культура средневековья и нового времени. Говоря об античности и христианстве как главных, по словам Томаса Манна, элементах европейской культуры, мне не раз приходилось делать акцент на христианском наследии, просто по одному тому, что после антифилософской вивисекции 1917 и особенно 1922 года оно оказалось дальше всего от момента истины. Но без античности не было бы понимания архитектуры (прежде всего культовой, конечно) как образа Мира (Вселенной) и, наоборот, Вселенной как храма. Такое понимание, естественно, складывалось не сразу.

Основополагающим в античности было представление об Абсолюте как «видимом, слышимом, осязаемом и вообще чувственном космосе» (А. Ф. Лосев). «...Чувственный космос (с его землей и небом, с его подземным царством и морями, с его воздушной атмосферой, метеорологией и астрономией) был самодовлеющим произведением искусства и природы одновременно; везде он выступал как числовая гармония» (он же).

Интерес к числовым отношениям мы видели уже в Пятикнижии Моисея, но это были очень простые целочисленные отношения, не нагруженные каким-либо особым космологическим значением. Не то в античности. Уже у Гомера космос выступает конечным в пространстве. Земля рисуется в виде диска, а небо — в виде сферы. Если к этому добавят гомеровские понятия величины, размерности, симметрии, объемности, то нетрудно понять, насколько все это подготавливало представление о картине Мира. Она дана Гомером в описании знаменитого щита Ахилла. Поскольку центром щита выступала круглая Земля, то остальные кон-

центрические круги можно рассматривать как схему Вселенной. Купольную гробницу Атрея в Микенах следует считать одной из древнейших архитектурных параллелей гомеровского представления о Вселенной.

Гораздо больше для нашей темы дает учение пифагорейцев (VI в. до н. э.) и Пифагорейской школы о числовой гармонии космоса. Оно имеет прямое отношение к архитектуре образа Мира.

Прежде всего существенно то, что пифагорейцы мыслили число не абстрактно, а структурно, даже фигурно. Хотя числовая гармония понималась интуитивно, как соотношение предела и беспредельного, но само это понятие предела очень важно. По учению пифагорейцев существует пять предельных фигур: куб, пирамида, октаэдр, икосаэдр и додекаэдр. Вселенная имеет форму додекаэдра, а находящаяся в центре Вселенной Земля — форму куба. Это отлично от Гомера и ближе к Платону, который немало усвоил от пифагорейцев.

Существенно также, что пифагорейцы «разрабатывали и проповедовали с неистощимым энтузиазмом» (А. Ф. Лосев) учение о пропорции. Из различных типов пропорции особый интерес представляет геометрическая пропорция, в области которой и родилось знаменитое «золотое сечение», признанное божественным. Главная заслуга здесь принадлежит Платону. «Золотое деление» широко применялось в архитектуре. Лучший пример — Парфенон (447—438 гг. до н. э.).

Все эти пифагорейские числовые разработки очень способствовали развитию геометрических представлений о космосе, а также об его образном воплощении в архитектуре. При этом наметились две линии архитектурного творчества: одна исходила из «идеи круга», а другая — из «идеи квадрата».

Разумеется, первая линия уходила в более глубокую древность. Но и пифагорейская гармонизация космоса вела к «благоговению перед окружностями, кругами, шарами и вообще закругленными геометрическими фигурами. Даже элейцы свое единое были склонны представлять шарообразно. Эмпедокл свой бесформенный сферос тоже представлял шарообразным» (А. Ф. Лосев).

Странно, но почему-то в греческой архитектуре циркулярный образ Мира почти не встречается. Иное дело — Рим. Здесь, начиная с круглого периптера в Тиволи («эпоха Августа») и кончая мавзолеем Констанцы (IV в.), «благоговение перед окружностями» было выражено весьма недвусмысленно, дав истории такой поистине храм-космос, как Пантеон (115—126 гг.). Он был посвящен семи планетным богам (Аполлон, Диана, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер, Сатурн), поэтому круговая форма Пантеона как бы сама собою разумеалась. Это самым лучшим образом согласовывалось и с геоцентрической астрономией Птолемея (первая пол. II в.). А в Греции?

Здесь самое место вернуться к упомянутой «идее квадрата». Весьма знаменательно, что даже Платон, очень интересовавшийся учением пифагорейцев, представлял себе Землю в форме куба, в то время как уже Гомеру она рисовалась в виде круга! Неужели Платон все еще находился под влиянием египетской мифологии? По-видимому, мы должны исходить не только из «благоговения» перед числовыми и геометрическими рефлексиями пифагорейцев, но и из более чувственных категорий. Земля ассоциировалась у Платона с формой куба, поскольку куб является наиболее устойчивой из фигур. Устойчивой «не только по своему виду, но и по самой сущности своего устойчивого бытия» (А. Ф. Лосев). Но этого мало. Большую роль в предпочтении «идеи квадрата» играли представления, связанные с так называемым «квадратным стилем». Под этим названием у античных греков подразумевались понятия правильности, упорядоченности, пропорциональной гармоничности, лежащие в основе «канона Поликлета». О каноничности «канона Поликлета» можно было бы спорить, но ведь под категорией «квадратности» были подведены числовые значения, с которыми нельзя не считаться. Я имею в виду не восточную мистику числа четыре, а числовые и геометрические

интуиции тех же пифагорейцев, у которых «идея круга» вовсе не была исключительной. Так, например, Филолай (V в. до н. э.) большое внимание уделял «тетраде» («четвернице»), как принципу возникновения тела. Сочинениями Филолая очень интересовался Платон.

Но «квадратный стиль» надо понимать и в более широком эстетическом смысле. Например, в каюте Поликлета под «квадратностью» понималась не геометрическая квадратность, а, если можно так выразиться, психологическая, то есть «естественная» (для греков того времени) соразмерность высоты и ширины (в плечах) мужской фигуры. Иначе говоря, «квадратность» — это предельная устойчивость формы, что возвращает нас к фигуре Земли по Платону.

Нетрудно заключить, что архитектурным эквивалентом «квадратного стиля» никак не мог стать ни шар, ни круг. Им мог быть и стал (в Греции) параллелепипед, — господствующая форма архитектуры античной Греции, известная под названием периптера.

Можно ли греческий периптер, как и римский Пантеон, считать образом упорядоченного космоса?

На первый взгляд, ответ должен быть отрицательным. Но только на первый взгляд. Нельзя забывать, что в представлении античных мыслителей космос — это тело, такое же, как и человеческое тело. «То, что имеется в космосе, имеется и в человеке; а то, что есть в человеке, имеется и в космосе. Макрокосм и микрокосм — одно и то же. Одно — универсально, другое — индивидуально. Однако различие между тем и другим, повторяем, по преимуществу чисто количественное. Не существует никакого раскола между космосом и человеком, между ними не существует никакой необходимой бездны» (А. Ф. Лосев). Но если из «четверницы», по Филолаю, образуется куб, то разница между кубом и додекаэдром-символом космоса тоже чисто количественная! Из этого вытекает, что додекаэдр (или шар) — универсальный образ космоса, а куб (или параллелепипед) — образ индивидуальный. Справедливость такого заключения подтверждается и тем, что греческий периптер был «монументализацией человека» (Н. И. Брунов).

Культовая архитектура древнего мира, взятая в целом, соединяла в себе гигантские усилия человечества по воплощению сложнейших космических интуиций в чувственные формы. Достижения античности здесь были громадны. Можно было бы согласиться с Н. И. Бруновым, писавшим, что «именно греческая архитектура легла в основу всего последующего зодчества Европы, если бы не одно очень важное обстоятельство.

Как уже отмечалось, все античное мировоззрение, культура, искусство пронизаны телесным пониманием космоса. Человек и все человеческое — это тоже не более, как телесные части телесного космоса. «Человеческое в античности есть телесно человеческое, но отнюдь не личностно человеческое. Человек здесь — это отнюдь не свободная духовная индивидуальность» (А. Ф. Лосев). Когда об этом говорится (в силу издательской необходимости) кратко, как, например, в данной статье, то это подчас вызывает негативную реакцию. Мне уже приходилось испытывать это, но что поделаешь! Читайте замечательные многочисленные штудии А. Ф. Лосева, и станет вполне ясным, что без учета сказанного объективного понимания античности просто не может быть. И не только античности, но и всей последующей культуры.

Признавая за античным храмом, будь это круговидный Пантеон или прямоугольный Парфенон, функцию образа Мира (универсального или индивидуального), мы должны всегда помнить, что он (храм) оставался именно материально-телесным образом, то есть личностный момент в нем отсутствовал. Эта внеличностность античной культуры, как известно, стала одной из причин ее упадка, а затем и конца...

Если в античности Абсолютом был чувственно-материальный, внеличностный космос, то в христианстве Абсолютом был Дух, иначе говоря, личностный Бог. Это если не совсем переворачивало все представления о Вселенной, то наполняло ее совершенно иным содержанием, с чем было

Этой статьей Георгии Карлович Вагнер, доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии СССР продолжает свою рубрику «Держание духа». Предыдущие статьи рубрики читайте в №№ 1 и 3 за 1991 г.

связано и новое архитектурное воплощение образа Мира.

Несоответствие старого и новому стало испытываться уже с времен раннего христианства. Личностное понимание Абсолюта привело к наполнению всей Вселенной личностным началом, так что соотношение человека с Вселенной никак не могло вписаться в прежние рамки. Более того. Несмотря на достижения античной философии, в Библии оставались такие интуиции, над перспективностью которых сейчас ломает голову самая новейшая мысль.

Не касаясь сложнейшего догмата триединства (кстати сказать, объясненного Б. В. Раушенбахом с точки зрения формальной логики), всегда надо иметь в виду, что личностное понимание Абсолюта — это не слишком отвлеченный постулат, как думают некоторые наши марксисты, а необходимая предпосылка современной теории сознания. Предварительная, поскольку не локализуясь «под черепицей» конкретной человеческой особи» (М. К. Мамардашвили), «живое вещество сознания» требует своего носителя.

Личностное понимание Абсолюта, пусть временно (до открытия XXI, а может быть, и XXII века!), но «человечило Вселенную». Подобно античности, христианство не признает никакой «непреходимой бездны» между космосом и человеком, но не потому, что они одинаково личностны! Ведь Бог воочеловечился через Иисуса Христа, а про человека у Иоанна сказано: «Вы — Боги».

Христианство не могло отвергнуть античного учения о гармонии космоса, но теперь эта гармония приобрела наивысший статус, как гармония божественного Духа, как храм Духа. «Обращаясь к Богу внутренне и внешне, человек или, точнее, сын человеческий делался храмом, жилищем Бога по преимуществу, оружием Его, Бога отцов, воли». Сказав это, Н. Ф. Федоров цитирует Новариса: «Существует один только храм во вселенной: этот храм есть тело человека». И далее Н. Ф. Федоров продолжает: «Создав из себя храм, подобие неба, сыны создают и вне себя храм, подобие неба, наделяемого умершими отцами. И только после долгого застоя перед храмом — пребывания в языке и в иудействе — последовало вступление в храм»...

Невозможно даже представить себе, как в таких условиях античная архитектура, будучи образом внеличного космоса, могла бы стать образом Вселенной как храма Духа. В период гонений вообще не могло быть и речи о создании нового образа Вселенной-храма. Неофиты вынуждены были уйти в подземелья, в катакомбы. Существует мнение, что именно христианские катакомбы и были прообразом нового храма — образа Мира. Но это неверно. Образ Мира должен был выглядеть как нечто пространственное, а не пещерное.

В силу неизбежности, история чаще всего пишется людьми, живущими много позднее описываемых событий. Отсюда многие ошибки и потеря аромата, духа истории. Как происходило у христиан архитектурное формирование нового образа Вселенной-храма? Ведь мы можем судить об этом только косвенно, по тем или иным практическим попыткам.

Попытки использовать для богослужения старые языческие базилики мало что могли дать, так как в них слишком было чувственное (внедуховное) начало. Для выражения образа Вселенной-храма не очень подходили и круговидные композиции типа Пантеона. Мало того, что христианские богословы не признавали округлости Земли, сама «идея круга», не имеющего ни начала, ни конца, противоречила новой концепции пространства-времени. Если в античности весь временной цикл сводился к принципу бесконечного круговорота (идея циклизма), не знающего истории, то христианское сознание немыслимо без чувства историзма. Ему чужда «идея круга». Крупнейший христианский мыслитель V века Августин считал, что «по кругу бегают нечестивцы». Не с этим ли связаны народные поверья об ограждении себя кругом от нечистой силы («Вий» Н. В. Гоголя)?

В XII веке, когда после принятия Киевской Русью христианства в архитектуре понемногу начнут появляться хра-

мы с круглым планом, образ Вселенной-храма уже потеряет свое мировоззренчески-конструирующее значение. Конструирующая роль перейдет к эстетике. Но в X—XI веках древнерусская архитектурная мысль была более философской. Конечно, тут не обошлось без византийского воздействия, поэтому на византийском опыте следует остановиться.

Отказ от римской формы круглого храма-космоса, который Н. Ф. Федоров называл «птоломеевской архитектурой», протекал не очень легко. Была испробована восьмигранная композиция («октаэдр» по Филолаю), но и такая конфигурация не удовлетворяла. В частности, она не удовлетворяла ходу литургии. Выход из положения был найден в сооружении знаменитой Константинопольской Софии (532—537), которую называют «новой моделью мироздания». Остроумно замечено, что композиционно Константинопольская София представляет купол Пантеона, водруженный на базилику Максенция. На античном языке это означало такой образ Мира, а котором универсальное соединилось с индивидуальным. Казалось бы, лучшего нельзя и придумать. Но еще раз приходится напомнить: ни в универсальном, ни в индивидуальном образе космоса не было личностного начала. Не было его или почти не было ни в экстерьере, ни в интерьере Константинопольской Софии. Храм-человек растворялся в храме-космосе. Впрочем, о прямоугольности основного объема Константинопольской Софии следует сказать особо.

Если греческий периптер можно было возвести к символике пифагорейской (филолаевской) «четверце», а через нее — к представлению о кубической форме Земли, то в Византии к этому добавились ионы «основания». Я имею в виду сочинение Космы Индикоплова «Христианская топография», созданное примерно в те же годы, когда в столице Византии строилась София. В своем сочинении Косма дает наглядное (в рисунке) изображение Вселенной в виде подквадратного «ящика» с полуцилиндрическим сводом, в вершине которого изображен Христос. Пробразом такой Вселенной указывается скиния Моисея, прямо названная «образом мира». Возникает два важных и очень принципиальных вопроса: что Косма Индикоплов имел в виду под словами «образ мира» и почему он не посчитался с античными учениями о сферичности космоса? На последний вопрос византологи отвечают довольно легко: Косма был малограмотен. Но такой ответ неприемлем. Тогда следовало бы заподозрить а малограмотности и Платона, считавшего, что Земля кубовидна. Ответ надо искать глубже.

Из текста книги Исход, где говорится о том, как Бог на горе Синай «диктовал» Моисею форму скинии, никак не вытекает, что под скинией подразумевался образ космоса (Вселенной). «И устроят оны (народ израилев. — Г. В.) Мне святилище, и буду обитать среди них» (Исход, 25,8). Скиния, следовательно, мыслилась как место земной встречи с сынами израильтянами. В последующих строках описывается, как Бог в виде облачного столпа входил в скинию Моисея. Под «образом мира» Косма Индикоплов мог иметь в виду (по ветхозаветной традиции) мир земли Обетованной. Этот образ был настолько силен и желанен, что оказался распространенным и на Вселенную. Но на рисунке, изображающем Вселенную, в сущности говоря, нет никакой Вселенной! Показана Земля в виде горы, вокруг которой ходит солнце; показан окружающий Землю океан и четыре стены со сводом, огораживающие всю эту картину. Нет никакого намека на другие планеты. Конечно, это уже не земля Обетованная, а нечто планетарное, может быть, ВСЯ ЗЕМЛЯ под солнцем, весь земной и небесный Мир. Скиния, скорее всего, и была образом такого земновидного мира, определившего земновидную форму Вселенной.

Все сказанное имеет непосредственное отношение прежде всего к византийской архитектуре — преемнице библейского, античного и раннехристианского наследия. Константинопольская София была в том смысле «новой моделью мироздания», что символизировала собой не Вселенную, а земной и небесный мир, взятые в целом. Нельзя

отрицать того, что прямоугольный план Софии шел от скинии, хотя это требует доказательств. В качестве одного из доказательств можно привести мнение Н. Ф. Федорова, считавшего, что прямоугольная форма храма — это своего рода «жертвеник», а ведь именно прямоугольный жертвеник был в Моисеевой скинии. В этой прямоугольности Н. Ф. Федоров усматривал переход от «птоломеевской архитектуры» к «коперниканской». До времен Коперника было еще очень далеко, но такой переход предполагает весьма длительный процесс. Так что эту интересную мысль отбрасывать не следует.

Что касается купола Софии, то его связь с куполом Пантеона вряд ли подлежит сомнению. Таким образом, композиция Софии представляла мироздание как синтез земного (человеческого) и небесного (божеского), но отнюдь не Вселенную в астрономическом смысле. Этим я вношу корректив в свои прежние суждения.

Не является ли предлагаемое содержание «новой модели мироздания» более бедным по сравнению с храмом-космосом? Так можно думать только оставаясь под впечатлением от абстрактного космологизма античности. Если, конечно, этот абстрактный космологизм кажется более содержательным, нежели богочеловечность христианского храма. В Константинопольской Софии эта богочеловечность выражена еще неполно, храм во многом еще остается храмом-космосом. В его куполе даже не было изображения Христа. Не поэтому ли София легко была превращена в мечеть, когда Константинополь завоевали турки? Не случайно и то, что композиция Софии почти нигде не повторилась, уступив место храмам нового типа, получившим название «храм-Земное небо».

*

В послеюстиниановское время началась длительная полоса страстных догматических споров, приведшая в конце концов к иконоборческому движению, из которого победителями вышли иконопочитатели. Атеисты, конечно, могут сколько угодно выражать свой скепсис перед поклонением иконам, но поклонение иконам реализовало личностное понимание Абсолюта, без чего человек уже не мог выйти из внеличного языческого существования. Движения назад не могло быть.

Личностное понимание Абсолюта неизбежно привело к переформированию образа мира. На смену прежнему имперско-вселенским концепциям с их геометрическим космоизмом приходило понимание храма как образа мысленного и чувственного мира, как образа человека и даже образа души. В таком храме снималось «противоречие между духовным и материальным, небом и землей» (В. В. Бычков), почему за храмами нового типа и закрепилось название «небо на земле».

Ни от «идеи четвероугольника» (жертвеника), ни от «идеи круга» (неба) христианство, конечно, не могло отказать. Но поскольку Вселенная наполнялась личностным началом, то для ее образного воплощения уже не требовались грандиозные, абстрактные сводчатые композиции вроде Пантеона или Константинопольской Софии. Идея «храм-человек» или «человек-храм» вообще не требовала физико-космических ассоциаций, для нее были достаточны ассоциации чисто символические, более духовные. Зачем, например, сооружать грандиозный купол, абсолютно лишённый человеческого начала, когда небольшой свод с изображением Христа говорил человеку о присутствии Бога во Вселенной, а в храме и в нем самом гораздо больше. Правда, чтобы перекрыть небольшим куполом сравнительно большое храмовое пространство, потребовались подкупольные столбы, но и они понимались не физически, а личностно, как символы евангелистов. Личностно понимались и главы храма, а если их было пять, то и подавно: Христос и четыре евангелиста! И так — во всех частях храма. Понимание храма как обожествленного человека не требовало даже никакой догматики. Н. Ф. Федоров, например, писал: «А храмы, не были ли они изображением того же

существа в той же вертикальной позе? Куполы и главы не представляют ли подобие чела, обращенного к небу? Не та же ли сила, или стремление, которая действовала в вертикальном положении, подняла и эти здания к небесам?». Мне думается, что и про Пантеон, и про Константинопольскую Софию такое трудно было бы сказать.

Излишне говорить о том, какое громадное значение это имело для человека, причем, я сказал бы, не столько для поддержания в нем чувства богоподобия, сколько для утверждения своего «трансцендентного статуса». В условиях полной открытости души и интуиции «храм-земное небо» представлял своего рода переход к иному, высшему искусству: храмы были не только подобием того, что есть, но и проектами того, что должно быть. Иначе говоря, такое храмовое строительство было равнозначно непрерывному интуитивному приближению к познанию тайны Вселенной, гносеологическое значение чего непредсказуемо. Когда мы говорим об умении древнерусских зодчих ориентировать свои храмы на точку восхода солнца в разные времена года (разработки П. А. Раппопорта), или об искусстве пропорционирования в построении объемно-пространственной формы (разработки К. Н. Афанасьева и др.), или о космографических основаниях храмовой архитектуры и т. д., то подчас не учитываем, что все это составляло мощный духовно-интеллектуальный багаж человека того времени, без чего было невозможно и наше собственное «выше чем человеческое» бытие. В переводе со средневекового на современный язык это означает не что иное, как признание «озарений», в которых видимый мир выступает в мыслимом единстве с невидимым, сознательная природа которого после высказываний В. И. Вернадского о «сгущенной мысли» уже не представляется чем-то парадоксальным. Интуиция богословов, разрабатывавших концепцию «храма-неба на земле», работала в этом направлении. Конечно, это не было ни философией, ни наукой, а цельным, далеким от однобокости мировоззрением, к которому мы теперь, кажется, возвращаемся благодаря преодолению разрыва между гуманитарными и естественными областями знания. В таком свете и «дорога к храму» представляется не просто красивыми словами, а нечто гораздо большим в философском смысле. Предпринятое Советской властью почти повсеместное с 1917 года разрушение храмов отбросило ищущую мысль на тысячелетие назад, трагические последствия чего мы сейчас переживаем. К счастью, наиболее глубокие философские умы усматривают в метафорах и символах древности несравненно большее, нежели фантазию, благодаря чему так называемый «антропный принцип» не снимается с повестки дня. Но ведь «дорога к храму» и есть дорога к этой идее или проблеме! Отсюда ее значение. Я прошу только прощения у читателя, что изложил этот вопрос не в увлекательной, а в скучной форме. Каждому дано свое.

Но изложить его все-таки надо было, в том есть насущная потребность дня.

ВОСПОМИНАНИЯ.
ОЧЕРКИ. ПИСЬМА.

Ф. Д. МОРОЗОВ

Привычка свыше нам дана

История неграмотного отца, деда и прадеда, ставшего русским предпринимателем

История всех стран с ихними всякими устоями всюду нарушена, на нашей родине совсем разрушена. И много еще лет пройдет в разрушении, а не в созидании. А поэтому мое первое предупреждение сыну — не позволять особо увлекаться и углубляться и не делать еще больших затрат. Без этого можно пока обходиться. Необходимо пользоваться возможностями, пока во всех делах еще есть свобода. Исправлять и видеть ясно, где что надо развивать, а что сократить. Достигать целей, где ближе к доходности, и необходимо быть всегда иачеку. Никогда не откладывать нужных дел до последнего дня — авось выкручусь, авось успею.

Проморгали ход уклонов в сторону Ленина, вместо ихнего Учредительного Собрания и земли крестьянам, прогрессивного налога, свободы слова и религий и прочих гуманизмов. А Ленин — сразу выгоду! Проорал на всю

Из книги Ф. Д. Морозова «НА ПАМЯТЬ ПОТОМСТВУ», изданной его наследниками за границей.

Россию: ВСЕ ВАШЕ! Грабь награбленное, долой буржуев, помещиков! Громи! Долой косматых лодырей — попов! Кончай воевать, идите по домам!

Это и сегодня везде заманчиво, да нигде еще, до сегодняшнего дня, беднота путного взамен ничего не сделала. В погромах рассудок отсутствует.

А когда такое бешеное время наступает, необходимо чудовищное напряжение железной воли, согласие и дисциплина а семье и окружении и быстрое решение.

Бескровная революция сорвалась, и нужно спасение. Не обращал я внимания, что приятели-торгаши еще крупно богатели. Соблази был велик. Но, к дьяволу, легкие наживы! Мои настоящие друзья прогрессисты-коинституционисты: Саша Бебешин, кузен священника отца Ивана Сторожева, Николай Петрович Петрова, Н. Н. и Захар Багровы, А. Т. Бочков — все подтвердили. Да, Россия встанет на новый путь без поворота к старому после окончания войны с немцами. Это еще разговор до Ленина. Промышленность и торговля на новых иачалах. Нам, четверем — Саше, Н. П., Н. Н. Никольским и мне, — не страшен будет прогрессивный налог и всякая разумная свобода. Крестьяне будут собственниками земли, а я — из мужиков, свой. А Толкачевы — рабочие. И вся эта иллюзия гуманная полетела вверх тормашками! И я — со всем торговым делом порываю, чтобы помогать психам всяким, новому демократическому временному правительству и впредь до Учредительного Собрания...

Но появляется Ленин и К°. Попервости никто в его затею не верил, а смотрели как на бунтарско-бешеное явление. Но, к прискорбию России и всех здравомыслящих патриотов, все рухнуло. Россия превратилась в трисирю — СССР. И моя помощь в тартарары полетела.

Но? Видимо, за что-то Бог меня вознаградил, и я дотянул до 73 лет, живу сейчас в безопасности. В награду масса радости, даже до правнуков, в придачу, дожил.

Возможно, кто из детей или внуков и увидит еще родину деда, вноаь с названием Православной России! А она, матушка Русь, беспредельна, широка и обильна. А при хорошем порядке, восстановленная без эгоизма, а на доброте и божественно-христианской морали, она тогда не только русским, а всем место даст, да с ней каждому из иародов выгодно будет мирно жить и дружить. В русском народе всякие крайности уживаются и злоба изживается быстро. Но особо, кто к русскому запросто и бесхитростно подойдет, тот выгадает и с ним не пропадет.

Это было отступление от лично-семейной истории, но как пример внукам. Чтобы в крайнем случае предвидели, куда больше приемлемо двинуться.

Одно дело, — храбро родить, а другое, — воспитать и сохранить. Да и как детей и на что направить, в какую сторону, а какую среду? К чему их подготовить: к стряпне, шитью, мытью, к торговле, конторе? Нужно, чтобы через какой-то труд честный имели сытость. И может случиться врасплох, после роскоши и щедрости — ничего. Тогда — ой как трудно, не дай Бог! Тогда особое и нужно проявление семейной любви и полного единства и никаких укоров никому. Одно дело — делать ошибки, а второе, — как их быстро исправлять.

Знайте, ануки: моя, вашего деда, Родина — Центральная Россия и середина Волги. И мы с бабушкой со всеми традициями, имея столетнее имя, промениваем родину на

Федор Дмитриевич и Дарья Николаевна Морозовы. Харбин, 1920 г.

«вонючую» Маньчжурию, на Харбин. В ноябре 1917 года мы уже за границей, раньше всяких других русских эмигрантов.

Я далеко не глубоко верующий, я дожил до правнуков. Немало надоед своими нравоучениями. Но зато и не чувствую себя до сего дня в тяжесть, как дармоед. И избави Бог быть инвалидом! И избави Бог от затяжной болезни, чтобы не быть в тягость семье до последнего дня. Приведи Господи продумать исчислимые грехи и хотя бы отчасти очиститься от них. А как? Кто из моих древних друзей остался? Это только — отец Иван Клярович, кто ж из нас первый? Но ему-то легче. Он по первому классу переселения души к Царю Небесному, ибо он с твердой верою на земле и в загробную жизнь, с твердой верою. А я-то малодушен и всю жизнь как-то придерживаюсь ко второму классу. Это разница от безбожников, ибо настоящая вера а Отца и Сына Спасителя Христа должна быть навсегда с чистым сердцем, в добрых делах и добрых помышлениях.

Обрядность — да показная. Забота о церквах, но без добрых дел. А также тщеславие и эгоизм. Все это — не то, не приближает к Богу. Как ни нарядись, какую свечу ни поставь, основа Христианства — всем и во всем прощать. А прощаем ли мы? Я из первых? Ищем ли и знаем ли, кто в бедности, кто в нужде и кто из-за нужды в темнице, и одинокий а больнице? И чтобы не напоказ, а проявить во имя Христа, оказать помощь страждущему, быстрее облакать и помочь. Это и есть вера! И только молитвы твковых Бог слышит. Сначала прости сам всем, и тебе простится!

Я люблю всюду приходить не опаздывая, и это не однажды спасало меня. Но? Как бы рано я ни пришел в храм, если с переполненным злобой сердцем и разными отвлеченными помышлениями, от этого больше греха, чем облегчения. Христос ясно сказал: «Лицемеры, что вы напоказ бьете лбы свои, а сердце-то, сердце где ваше?»

Или на Пасху. В чем главная забота? Пофорсить наря-

дами, а в сердцах нет радости о Воскресении Христа. После страдания и распятия за нас, чтобы указать нам и внушить истинные пути в жизни земной и думая о небесной. Чтобы придерживаться высоких нравственных целей. А не игра: говеть-поститься. День-два, и все это по моде, а не для усмирения всяких страстей.

Понятно, все это известно вам и не ново. А моя цель — лишний раз внушить аам, чтобы оставить в головах прочнее.

Книг вами прочитано разных много и философии разные знаете. Но, к печали моей, читая серьезные и разумные книги, особенно из прошлого, где на фактах поясняется, какими надо быть, а какими не надо, в головах и сердцах этого не задерживаете. Шлифовка каждого зависит только от себя. Работая иад собой, избавляются от дурных привычек, даже изменяют характеры в лучшую сторону. Такие люди ценные.

Ну, а дальше, что из моей истории на будущее возьмете? Я не пророк, а прошлое — а памяти, и что в настоящем — одна болтовня о свободах. В прошлом без предрассудков была свобода. В передвижениях — куда угодно. И ищи, и сравнивай, что угодно и где угодно, и начиная, что по способностям. Хотя настоящее у вас солидно и не нуждаетесь вы, все-таки неплохо знать о зачатии дела и через что все пришло. И вот это поясню вам.

Всегда от Волги (Новодевичье), от Безводовки, из Сызрани и Симбирска в Терингу и Дворянск двигались обозы по 30-40 и до ста подвод. Сколько от этого народа кормилось!

А что значило село в 100 дворов? Огромная церковь. Прием по несколько вагонов на экспорт яиц, чечевицы, ячменя, мяса для Москвы. На миллионы хлебные покупки. Было у нас несколько банков, и обороты делали такие, что и американские банки позавидовать могут. А они затеяли дружбу с коммунистами. Запутались и разбрасывают деньги. Это еще не все. Чем все кончится?

Приобрело знатность торговое дело Ф. Морозова в Тереевге, Дворянске. На 3 губернии имя знатное. Москва, Лодзь, Белосток и другие места нашли Тереевгу и везли от Волги на подводах образцы на любой срок в кредит. Это мало — все фабриканты хотели знать мое мнение. А теперь?

Сколько сортов и предметов в мануфактуре, сколько в бакалее было. Табак, спички, сахар. Винное дело, вино всяких сортов в бочках. Лампадное масло вагонами. Все предметы, названия, цены, сроки — все, все укладывалось как-то в голове. Что и а какое время протолкнуть и как распределить в сроки. Рождество-то и Пасху выдержать! Но каково, когда свадьбы разыгрываются! А тут — Михаил Архангел, Никола Зимний, Введение Пресвятой Богородицы, престольные праздники, большие базары, и под них наваливались большие платежи, согласно выручке. Дело прогрессирувало.

Караул! Куда летит Россия?! Начало сентября, Ленин лозунг за лозунгом выкидывает, один другого лучше для черни, и доводит ее до безумия. Как всему миру известно — достиг безумия; а преемник — Сталин, еще большего достигает, подходит к финишу. А Трумэн и другие заняты мышурой, пустозвонством. В те месяцы Керенского знатный Владимир Бурцев Россию и весь мир предупреждал о грядущем. Не доходило до сознания особенного передового человечества, которому надо было понимать. Да и по 1953-й год полугнилая Европа не может понять, что ее ожидает. Для них из России грандиозный вывоз всего всегда был, а при Сталине голод и всего не хватает. Гнет и кровь, стахановщина, и каждый на своей родине прикован к месту цепями. И этой свободы теперь иужно ждаться везде.

Все обстоятельства, выпавшие на мою жизнь, особенно начиная с 1916 года, изменялись с такой быстротой, как на киноэкране. Выходя на сцену, должен был изображать, наподобие Шалыпина, чтобы Борис, Сусанин и Дон Кихот — все вместе. И на масленице с балалайкой. И чтобы все разыгрывалось сходно с натуральным. Связи, друзья и просто знакомые. От Лодзи, Варшавы, Белостока — до Петрограда, Москвы, Астрахани, Самарканда. Центральная Россия, Сибирь и Маньчжурия. И во всех местах, и по всем неисчислимым отраслям — всюду вклинивалось имя, заводились, укреплялись связи и дружба. С помощью Бога! Ни в чем и никогда не доводил до конфуза. И из всех трудностей и безвыходных, казалось на вид, обстоятельств, спасал своевременно и жизнь, и имя.

Спаси Бог! Избави и помилуй! Моего сына и внука, продолжателей торговых дел и имени — из простых, но древнего. От таких и подобных жизненных перемен и пертурбаций. Уповайте на Бога, живите на земле, сохраняйте истину и справедливость! Утешайтесь Господом, и Он исполнит желание ваших сердец! Уклоняйтесь от всего злого, старайтесь людям делать доброе. В этом спасение всего. Не гордитесь, эгоизм приносит вред. И еще предупреждение: не зная броду — не лезьте в воду!

Чтобы начинать и вести дело, особенно в новых странах, необходима широчайшая осведомленность. И прислушиваться нужно не к поверхностности и льстивым, а к тем, кто в совете круче. Во всем необходим совет и с разными мнениями советники. А потом хладнокровно все взвесить и примерить.

Во всех делах необходима близость семьи, ее помощь а деле и, во-вторых, нужны практичные, честные сотрудники, на которых платы нельзя жалеть. По каждому делу понимающие и заботливые, как о своем. Но обязанность хозяина — их облагораживать и нести заботу о них. Это обеспечивает успех дела, а не выгоду в жаловании.

Время капиталистов-частников отошло в предание. Каждый, кто хочет что-то создать или улучшить, или переменить, сначала сам себя во всем должен проверить и себя переменить...

У русских были знаменитые тройки! А почему? Корневик выбирался спокойный, сильный, а к нему, чтобы в любую гору подхватывались, пристяжные. А над ними руководитель — могучий кучер, который обязан был знать силу, ловкость и выносливость лошадей.

Дальновидные купцы и фабриканты, пока сыновья в университетах, не гнавшись за выгодой, подбирали заведующих в делах, а особенно умные посылали после университетов сыновей в чужие фирмы на службу.

Пишу все, что пришло на ум, хотя и малограмотно и торопливо, но правдиво. Это пишется только для близких родных, и не надо обижаться. Вроде истории, особенно если бы сохранилось для родины-России.

Восстанавливаю, что осталось в памяти о Японии. Приехали в сентябре 1925 года.

По незнанию языка мне помогали во многом руки, ноги, они всякое выражали, доводя япошей до смеха. А это во всяких делах и обстоятельствах — самое главное. Не только с японцами, но и в торговых и банковских делах. И с американцами а веселом настроении успешнее во всем, чем подходить к ним с гордостью. Ко всему этому необходимо знать характер, к кому как обращаться, а каком настроении он или она. Все это а жизни вырабатывалось и приспособлялось с библейских времен.

Из «Песни песней». Руфь, возвратясь из странствий, узнала, что дедерь разбогател. Ей дали совет — хорошо приоденясь, причешись и выжди, когда он кончит молотью и пообедает. Потом приблизься, приласкайся. Понятно, он ей отвалил всего полно...

А у меня — во всякое учреждение, к чиновникам, к директорам, к архиереям и другим. Нужно попасть первым на прием, иначе часто кто-то его уже взволновал.

Повторяю: не забывайте, так и к вам обращаются. До начала разговора на стол, что есть, накрыть, радушие показывать, оно располагает к открытию.

Везде: в делах, в собраниях и в семейной жизни — смех и незлое подшучивание всегда только пользу приносят. Сам Христос оправдывал веселость во время трапез и порицал злые споры и выкрики, поясняя: «Сердце злое и помышления злые, а это оскверняет душу, а веселость без зла возвышает дух».

Знатные советники-иностранцы, они появляются около знатных, а мы были — комар с комарихой, только бы не придавили. Без всякой сиятельности и безграмотные.

Особой явилось радостью, когда мать освободилась от забот, от разрушающих здоровье платежей, долгов. Этот праздник был два года. А на третий год Акционерного общества, передохнув, прозрели. Начали появляться недоумения.

Компаньоны и с ним хитрец-Факумото, возгоревшись нашей деловитостью и добротой, чтобы еще больше приблизить нас, наметили план сватовства, продемонстрировав кулинарные способности дочки. Хотя дочь и разница от брата, который вскоре появился в деле, но этот толчок ускорил мое решение женить сына на харбинке, чтобы избавиться от зависимости. А на кого пал жребий? Внукам теперь понятно!

А компаньоны тогда иные нажимы наметили всякими способами подобрать к рукам магазин. А мы хотели во что бы то ни стало удержать магазин, как отдушину на будущее.

У вас, детей, много храбрости и бесстрашия за будущее. А я по природе труслив, и девиз у деда и отца — никаких дел никогда не доводить до суда. И русская пословица: от хорошего суда на лапти не выгадаешь!

И с Божией помощью, и с помощью, на этот раз, детей, вновь появилось дело — «Космополитен и К^о», но это

Валентин Федорович, Ольга Сергеевна и Валентин Валентинович Морозовы

уже не впотмах и не наощупь, а со знанием и уверенностью. Но и увеличились семейные расходы. Вложенные Ниной Боби 15 000 затратили на улучшение магазина и на сырье. Что получили от общества, ушло на расплату с долгами и улучшение фабрики. Дело завертелось. Но через год — 49 000 долгу. И вьюсь — беготня за займами, но чтобы солидно и скрытно. Но можно было бы затруднений избежать, уверенность в деле была.

Сын на новом месте а Шанхае. Добраил знание и развитие. А я во время его отсутствия, по-стариковски, с честью, через магазинчик, не только со всеми рассчитался, но покрыл расходы на разъезды и прочее. С добавлением мануфактуры заработал деньги на домик в Ойке, в деревушке в 12 верстах от Кобе, где во время войны нашла спасение семья от воздушных налетов на Кобе, от которых было более 20 000 убитых и которыми на 80% был разрушен город. Все это позади, и воспоминания об этом, как о прошлом сне, без всякой обиды на кого-либо. И завещаю вам, и вы в жизни скорее забывайте всякие злобы, потери и обиды, а вспоминайте доброе.

А я а жизни, греша, относился к пышным поминкам, с изрядной выпивкой, критически. Приветствовал, чтобы определять эти расходы туда, где есть насущная нужда, в память усопших отсылать. Но в день похорон хлопотущие, а также духовенство должны вознаграждаться. А если после меня будет возможность в этом направлении что сделать — нуждающимся уделите, но, как и в жизни моей, — никаких излишеств, во всем скромность. Положите, по-возможности, рядом с мамой, и малосенький памятник — «Крестынин — Федор Морозов». Меньше слова и больше дружбы между родными и старыми друзьями.

С истари и до последних дней жизни придерживался я среднего, никогда не гнался за роскошью. Но всегда — не скуп, особенно если кого накормить, пришедшего даже врасплох. Но не забывал вести всему учет и всегда знал, оправдаются ли расходы, и предвидел на будущее. Это тоже усвоила мать и сохраняла до последнего дня жизни.

Около вашего большого дела все — по представлению малоумных — знатно. В таком положении много будет подвергаться разным дельцам, льстецам и подлецам. Но и у самих вас с легкостью приходит, незаметно для себя, зазнайство, гордость и пренебрежение к прежним друзьям и приятелям. А через это — охлаждение и отход. И что скверно, причины не видны, и особенно при нервных настроениях. А шантажа новая — эти всегда без принципа.

Для достижения дружбы и знатности необходимо от себя всегда проявлять теплоту, прямоту (а меру), и всегда почтительность в отношениях. Эластичность, нюх — не переборщить бы. И надо помнить, что у каждого друга есть жены с разными капризами, с этим надо считаться. Нужна и осторожность всегда при оценках мужа или жены и о их характерах и поведении.

Дети, внуки, помогите вам Бог! Без трудностей, без препятствий продолжать жизнь и дружбу, чтобы всякие семейные и торговые дела разрешались бесшумно, гладко, согласованно.

Авось когда-либо, через многие годы, и эта разнообразная моя брехня явится для кого-то интересной для сравнения вашего настоящего с далеким прошедшим моим. Понятно, должно быть снисхождение к некультурности деда, который вбивал в голову что и как.

Душевное, родственное, теплое и истинно радужное отношение и обоюдное участие в радостях и трудностях. Это и есть величайшая ценность, это имеет главное значение в жизни. Особенно свой по крови человек должен во всем быстро откликаться.

Оторванность, замкнутость от всего и всех и потеря связи с родственниками — тяжело и гибельно отражается. История а народах повторяется, и жизнь на одном месте

не останавливается. Чем богаче человек в жизни, чем он грубее и эгоистичнее к ближнему и простому народу, тем жестче его состояние духа, особенно при разорении и падении, т. е. не от кого получить сочувствие и почти каждый от таких уклоняется. А без сочувствия жизнь особенно тяжела на земле. Общение с народом и ласку всегда необходимо иметь.

Но в то же время — строгий разбор в людях. Знать нужно — кто какого происхождения и качества. Роль, порода — это одно. Нужно знать, кто его друзья и каковы дела. Но напередки, сгоряча не открывать душу, чтобы не простудить, через резвый и особо с грубостью язык, а также не попасть под влияние обольстительных. Это вредно во всей жизни. Сегодня — друг, а завтра — враг. Люди, друзья и приятели испытываются десятилетиями и при нужде.

Чего только в моей жизни не пришлось наблюдать и переживать? Особо когда обнаруживалась всяческая извращенность в понятиях морали, об обидах, оскорблениях и о доброте. Этому причина — лихолетие. Человек, якобы, выше и благороднее всех животных. А вот практика жизненная и мои наблюдения доказывали иное. Например, собака Рекс и два кота не только уживаются, но из одного блюда кушают, а потом игру затевают. И кто кому боль причинил? Не дрались никогда, и котам от собаки полная защита. Или — курица вывела двух гусей и, отменно охраняя, воспитала. Но отменно орала, когда они начинали нырять. А человек — человеку? Да, хуже чем волк. Волк сразу разрывает. А ближний ближнего — через всякие ухищрения, бахвалась культурой, — медленно.

Да и что такое богатство? Есть ли граница удовлетворения? Сколько надо на жизнь супругов и каждого члена семьи, чтобы жизнь протекала во всем счастливо и уравновешенно? Да и у всякого народа и класса людей на все понимание разное и растяжимое.

В какие пертурбации человек или семья попадают, и насколько человек способен спокойно осознавать свои ошибки и грехи, и как скоро находит способы, призывая Бога на помощь, исправлять их. Мои периоды жизни жестокой и крутой ломки, прогресса и падения... С 1903-го года в канун русско-японской войны и в войну 1904—5 годов — огромный прогресс. Стал знаменит не только в окружности уезда, Сызрани и Симбирска, но в Москве, Лодзи, Варшаве, Белостоке, Гамбурге. И везде связи, и везде кредиты, самостоятельное управление. Везде почет, веселость, дружба и во всем согласованность.

Война — вместо фронта, чины в тылу и работа патриота, на виду у всех, до призыва. Появляется богатство от запасов товаров и через помощь друзей из Москвы и Ставрополя, снабжающих перед подорожанием и без моих заказов товарами. И это вот — главная моя удача, иметь таких друзей.

Была уверенность, что обеспечена семья недвижимостью и страховкой, и вдруг сверхнеожиданность — кругом поворот и крах! Все оставлено, и мы где-то в Харбине, около Нахаловки, в наскоро, из глины и соломы, построенной фанзе.

Эта сырая, из глины, хижина хотя и разрушила у всех здоровье ревматизмами, но жизнь в ней была радостная, веселая, со смехом, сытная и вселяла радужные надежды. Потом появился свой домик в Модягоу, и не только себе на пользу и радость, но и для бесчисленных знакомств и связей. А под рюмку и пироги разным бездомным — ласка и приют, даже и для ночлега. Многим знатностям в прошлом и просто обездоленным.

Богатство и всякая обеспеченность только в нежданности и в одном месте — не есть верная гарантия. А потеря половины капитала, если здоровье не потеряно и сохранилось широкое доброе знакомство, — не опасно. Иной друг — лучше, чем в сундуке или в чулке мешок золота. Но необходимо имя честного дельца — это высшая ценность. К тому же — спаянная, согласованная семья и

уступчивость в отношениях. Это везде и всегда — главный путь в жизненных делах!

У каждого государства и народа — свои традиции и свои стремления. У каждого народа во всем свои идеи и приемы их достижения. А также у великих держав были и есть руководители и предупредители судеб. В какое русло корабль направить, к какой цели.

Были в России из высшего класса декабристы, с благими намерениями. Но еще не созрело, непонятно было. И прогрессировать начали разного рода социалисты с еще большими требованиями улучшений для масс народных. И всякие прогрессисты преследовали гуманные цели и на пользу для большинства. Достигнув же до представительности народного, какие бы не предписывали рецепты, ничего не оказалось на пользу Руси и населяющему ее большинству. И никакого вразумления правящим.

А я только, как отец, исходил из практической теории, что, по моему разумению, казалось понятно в устройстве жизни семьи и дел торговых и маленьких общественных. Указывал на ошибки и на пути их исправления. А ради чего? Чтобы призвать к воздержанию. Для этого, понятно, требовались авторитет и вера в Отца и Сына Божьего, да и в собственного отца.

В премудрейшей, дальновидной, хитрейшей Англии руководит 85-летний Черчилль. Руководит не только своей страной, но и влияет на другие страны и народы, хотя могущество силы потеряно и страна в зависимости от янки. Но у него — прицел на далекое и мысль, как восстановить страну свою.

Я моложе его на 10 лет. После разных неимоверных трудностей и катастроф, благодаря удаче и приобретенному за годы доверию, достиг крупного дела, чтобы не испытывать больше нужду и не видеть сына донельзя измученного. И при богатстве я кряду все три года в напряженном труде и к тому же, по самонадеянности своему или гордости, успокаивал себя, что имею какие-то заслуги и меня поймут и послушают. Хотя бы даже по мелкому торгашеству, т. е. я-то не знал Морганов и других чудопрогрессистов. Не знаю, через какие они способы и оборудование достигли своего положения. Повторяю, что мелкая натура моя, но знающая и схватывающая. Знал, на какого червячка клюет, знал, как переждать всех конкурентов и отобрать у них всякую инициативу. Особенно теперь, имея такие места! А о крупном и стандартном? Это втягивает дело в большие мертвые затраты. Это не по времени. Проверил и убедился, что это особо губительно и опасно при катастрофе. Моя натура — во всем подвижность. Иметь живую копейку на всякое сырье и на расплаты, а также и себе на скромные расходы. Казалось бы, мне стыдно это задуманное дописывать, когда израсходовал на Веру свыше 25 тысяч и от аванса сэкономил для Кориильча 2 тысячи. И все время под гнетом совести, т. е. видел, как сыну трудно...

Помоги Бог, чтобы была смелость и быстрота решения у Ирочки Морозовой, на всю жизнь была удача и счастье. Но вторая внучка — Наташенька Морозова, а это у Морозовых вторая Наташа, перая — осталась на родине. Маленького роста, но высокой культурности и глубокайшей серьезности, начитанности и особенно огромной житейской и торговой практичности, ласковости и приветливости, а потому и широчайшего знакомства. Для внука — Валентина Морозова — мое пожелание. Всегда на глазах у отца школа и обучение по своей отрасли. После окончания школы или университета в чужое дело на практику следует устроиться.

Написал на будущее внукам, кроме Дарьи, т. е. ее более далекое будущее, а оно только Самому Богу известно! Я также думаю и о моих других детях — о Зине и Нине и об их семьях, которых жизнь унесла далеко от меня, но которые знают, что я их люблю.

Во всем мире чудовищные события, междоусобицы. Но безверие. К гибели — это каждому яснее ясного.

Июль 1969 года, мне 90 лет. Жестокие болезни, не в силах писать. Кто пожалеет из потомков?..

В смутное время

Сначала — небольшое отступление. В мемуарной литературе, посвященной периоду 30-х — 40-х годов, часто приходится встречаться с такими выражениями: «Мы не понимали, что происходит», «Мы верили и не могли не верить Сталину, потому что нам казалось, что он представляет советский народ» и т. д. В качестве иллюстраций можно привести свидетельства литераторов, занимавших видное положение в то время (И. Г. Эренбург, К. М. Симонов), или интервью С. В. Михалкова («Огонек», № 12, 1988 г.).

Поскольку здесь важны нюансы, то я позволю себе привести цитату из последнего интервью. «Сталин был для нас человеком с большой буквы. Конечно, нас тревожило, что исчезали люди, что ссылают, но мы думали, что это наверняка за дело (выделено мною. — И. Р.). Разве могли мы не доверять официальной информации». Я позволю себе решительно не согласиться с Сергеем Владимировичем, который, получается, говорит таким образом от имени всего моего поколения или поколения моих родителей.

Для справки сообщу краткие анкетные данные: родился я в 1919 году, отец мой — не имея высшего образования, занимал в 30-х годах инженерные должности в Метрострое, мать — зубной врач. Таким образом, мои родители занимали низшие ступени в иерархии московских интеллигентов. Такое же положение занимали и родители моих друзей, погибших во время войны. Так вот — ни у моих родителей, ни среди моих близких и друзей не было ни малейшего сомнения, что «большие процессы» — это инсценировки. Не было лишь полной ясности в другом вопросе: какими методами большевиков, закаленных в царских тюрьмах и ссылках, заставляли признаваться в невероятных преступлениях — шпионаже или контрреволюции. Впрочем, мой отец развивал «теорию», которая, возможно, была отражением слухов, ходивших по Москве. На процессах будто бы выступали не Бухарин и Зиновьев, а загримированные Качалов и Москвин...

Понимая искусственность «больших процессов», трудно было поверить, что множество знакомых людей исчезло «за дело». Таким образом, по крайней мере, часть московской интеллигенции уже тогда понимала: происходит то, что и получило название «революция сверху».

Но и прозревшие понимали далеко не все. Конечная цель всей этой «революции» — от коллективизации до репрессий 1937 года — оставалась неясной. Лозунг «догнать и перегнать капиталистические страны» не давал ни малейшего представления о конечной цели сталинской политики. Поставленная задача построения социализма в одной стране мало проявляла ситуацию из-за неопределенности самого понятия социализма в интерпретации Сталина.

Как всегда, чуткие москвичи начали ощущать нечто определенное по второстепенным, но, быть может, поэтому крайне многозначительным признакам. Одним из них был разгром поставленной в Камерном театре пьесы «Богатыри», написанной весьма известным в довоенные годы поэтом Демьяном Бедным. Признаюсь, пьесу эту не смотрел и не читал. Однако содержание погромных статей в центральных газетах помню хорошо. Главный упрек — автор неуважительно писал о героях русских былин. И тогда казалось, и сейчас я уверен: выбор темы был крайне неуместен. Однако, на мой взгляд, Демьян Бедный никогда не отличался особым вкусом, и поэтому шквал публикаций в органах массовой информации в то время мне показался совершенно неожиданным и неадекватным ответом на глупость конкретного автора. Но ситуация постепенно прояснилась, когда параллельно с критикой Демьяна Бедного начали появляться книги, пьесы и кинофильмы, посвященные апологии сильных русских властителей — Александра Невского, Ивана Грозного и Петра Первого. Нужно было лишь совместить оба факта. А они рисовали как бы абрис будущего страны под единовластием одного человека — Сталина. Заметим, что еда ли увлечение Сталина личностью Петра было случайностью. Еще в середине 30-х годов Н. А. Бердяев отмечал: «Приемы Петра бы-

ИОСИФ РОЗЕНТАЛЬ

Неврученные Нобелевские премии

Делать, оказывать благотворность деидеологизации науки и искусства нет нужды. Но у этого тезиса есть своя логика, которая заставляет нас задуматься самым серьезным образом о взаимоотношениях идеологии и духовной, интеллектуальной жизни внутри страны. Как должны строиться эти отношения, чтобы свобода мысли получила необходимые ей гарантии? Ответ на этот вопрос нам может отчасти подсказать и наша не столь уж далекая история.

Много уже написано о том, что пришлось претерпеть в сталинское время искусству и общественным наукам, попавшим под пресс тяжких идеологических догматов. Пострадали в тот период и естественные науки, которые, казалось бы, никак нельзя было заподозрить «а политикес». И тем не менее одним из этих областей знания вообще суждено было перейти, так сказать, в разряд «врагов народа» (генетика, кибернетика), а другим — развиваться сложным, зигзагообразным путем, терпеть «проработки» и долго нести на себе печать неблагонадежности. Пример тому — непростая история советской физики.

В 1990 г. в журнале были опубликованы статьи И. Розенталя: «Чутко к боли каждого» (№ 5), «Достоевский. Булгаков и современная физика» (№ 12).

ли совершенно большевистские» (см. Н. А. Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма», — М.: Наука, 1990. — С. 12).

Перейдем к основной теме. Насколько можно судить, процент «врагов народа» среди физиков не отличался от среднего — в других слоях интеллигенции. Однако машина репрессий затронула самых лучших физиков молодого поколения: М. П. Бронштейна, Л. Д. Ландау, Ю. Б. Румера, входивших в один круг, о чем, в частности, свидетельствуют их совместные работы.

Хорошо, что мы можем теперь говорить о людях, затронутых шестернями этой машины, можем назвать их имена, почтить их память. Это важно для нас, для общественной морали. Но следует, думаю, сделать и выводы, которые были бы обращены в перспективу, важны для развития науки. Например, необходимо задаться вопросом: как сказались репрессии на творчестве наших выдающихся физиков?

М. П. Бронштейн, будучи очень широко образованным человеком, увлекался принципиальными вопросами науки. Совместно с Ландау он сделал попытку разрешить известный парадокс Больцмана о неизбежности тепловой «смерти» Вселенной. Наибольшую известность принесла Бронштейну поистине первооткрывательская работа по квантовой теории гравитации. В те далекие 30-е годы казалось, что квантовая механика и теория гравитации не имеют ничего общего. Потребовались десятилетия, чтобы физики поняли: именно в квантовой теории гравитации находятся корни решения основной проблемы физики — построение теории, объединяющей все взаимодействия.

Бронштейн на десятилетия опередил свое время. Хотя и сейчас еще очень далеко до создания последовательной объединенной теории, однако не подлежит сомнению, что ее центральная проблема — построение квантовой теории гравитации. Думаю, что мы были бы к решению этой проблемы ближе, если бы тому не помешал такой факт биографии Бронштейна — в 1938 году он был арестован и вскоре погиб в тюрьме.

Биографию Бронштейна следует дополнить. Этот ученый был мужем Л. К. Чуковской и, по-видимому, ее повесть «Софья Петровна» — отражение личной трагедии, а гибель Бронштейна — причина известного «диссидентства» семьи Чуковских. Бронштейн, несомненно, обладал литературным даром, нашедшим свое отражение в трех научно-популярных книгах, написанных для детей и не потерявших своей свежести в настоящее время. Чтобы подтвердить мою высокую оценку, сошлюсь на авторитет К. И. Чуковского: «...я могу засвидетельствовать, что книги Бронштейна „Солиечное вещество“, „Лучи Икс“ и другие кажутся мне превосходными. Это не просто научно-популярные очерки — это чрезвычайно изящное, художественное, почти поэтическое повествование о величине человеческого гения. Книги написаны с тем заразительным научным энтузиазмом, который в педагогическом отношении представляет собой высокую ценность». (Из архива К. И. Чуковского. Г. Е. Горелик, В. Я. Френкель, М. П. Бронштейн. — М.: Наука, 1990. — С. 216).

По-инному сложилась судьба Л. Д. Ландау. Арестованный в том же 1938 году, он под давлением советской (П. Л. Капица) и международной (Н. Бор) общественности был примерно через год освобожден. Думается, что заключение было трагическим рубежом в его творчестве. Так, если в молодости он позволял себе смелые экскурсии в принципиальные, спорные проблемы науки, то затем Ландау сосредоточил свои усилия лишь на технических проблемах почти во всех областях физики. Будучи (наряду с Р. Фейнманом) величайшим физиком-универсалом XX столетия, Ландау мог без усилий переходить от одной проблемы к другой. Используя шахматную терминологию, я бы назвал его гением эндшпиля. Но «играть в свою игру», по-видимому, физик не смог и после войны, когда, казалось бы, кровавых репрессий 30-х годов ждать не приходилось. Однако ревнители идеологической чистоты не дремали.

В одной из своих ранних работ Ландау вслед за Н. Бором

высказал гипотезу о возможном нарушении закона сохранения энергии. Такая гипотеза не противоречила некоторым экспериментальным данным начала 30-х годов. Потом, когда эти данные были уточнены, надобность в гипотезе отпала и о ней забыли. Забыли, но не совсем. В конце 40-х годов появились в печати заметки с обвинениями Ландау в идеализме. В 1951 году руководство ФИАН^{*} поручило группе физиков, куда был включен и я, рутинное по тем временам задание: написать философское эссе на тему «Масса и энергия». Поначалу казалось, что такое сочинение будет иметь стандартный характер — перевод современного физического языка на лексику, принятую В. И. Лениным в его известном произведении «Материализм и эмпириокритицизм». Подобное задание было вполне в духе времени и не вызывало особых эмоций.

Однако неожиданно события приняли неприятный и даже опасный оборот. Мы получили приказ: в нашемopusе обязательно отразить «идеализм» Ландау. Схему рассуждений предложили такую: если энергия не сохраняется, то значит, исчезает и масса. А масса — символ материи. Следовательно, Ландау допускал исчезновение материи, а это уже идеализм, то есть покушение на святая святых — диалектический материализм. Публикация такого силлогизма угрожала Ландау непредсказуемыми бедами. Я был поставлен перед тяжелейшей нравственной альтернативой. Отказаться от задания — в лучшем случае быть полностью отлученным от науки. Согласиться — навек потерять уважение к себе. Разумеется, было невозможно и обсудить ситуацию со своими коллегами — тогда «групповое» дело было бы нам всем обеспечено.

Выход был найден в своеобразной игре. Одному из участников нашего предприятия давалось задание: написать фрагмент статьи. Когда появлялся этот фрагмент, все остальные в роли критиков с остревением набрасывались на него и его творца. Затем тема поручалась другому соавтору, который, в свою очередь, подвергался уничтожительной критике и т. д. Так выигрывалось время.

Мне трудно судить о ходе мыслей моих коллег, однако мои надежды основывались на неопровержимом законе системы: кампании имеют конечное время жизни. Я, кстати, не связывал его с конечностью жизни Верховного Властителя. Мне он казался бессмертным. И здесь не было никакой мистики, а трезвая оценка, основанная на весьма смутных слухах, ходивших тогда в Москве. А слухи были таковы: Сталин либо очень болен, либо уже ушел в мир иной, а его роль играет некий двойник. Вследствие моей некоторой политической наивности, эти слухи мне казались вполне правдоподобными, поскольку я был убежден, что система основана на обожествлении одного человека — Вождя, и если его не ствует, то обрушится система, а в такой катастрофе погибнут и все соратники правителя. Я полагал, что примерно такие рассуждения были в ходу и «наверху», и поэтому верил в гипотезу «двойника Сталина» и, следовательно, в «бессмертие» Вождя.

Однако жизнь оказалась проще и драматичнее. Сталин действительно умер, и наше так и не оконченное сочинение превратилось в труху. Вероятно, слухи о мышиной возне вокруг псевдоидеализма Ландау доходили до него, и это обстоятельство также не стимулировало его интерес к принципиальным вопросам физики, всегда чреватых непредсказуемыми оценками.

Однако после смерти Сталина ситуация резко изменилась. Идеологический корсет на теле физики резко ослаб. Результат? Л. Д. Ландау совместно с И. Я. Померанчуком публикует прекрасную работу о внутренней противоречивости квантовой электродинамики. В этой работе высказывается замечательная мысль: теория, объединяющая гравитацию и электродинамику, должна разрешить это противоречие. Однако это объединение должно произойти при фантастически больших энергиях. Этот вывод лежит в современном русле идей, на основе которых и пытаются

построить объединенную теорию взаимодействия.

Показательна и судьба Ю. Б. Румера. Арестованный также в 1938 году, он длительное время работал в тюремной «шарашке» над авиационными и ракетными проблемами. Видимо, его полезность в этих вопросах предоставила ему некоторую возможность заниматься и физикой. После выхода из заключения он публикует статьи и книгу на тему: объединение гравитации и электромагнетизма. В своей теории Румер следует идеям Эйнштейна, но вносит новый элемент, а именно квантовую механику. Однако подход Эйнштейна-Румера оказался слишком прямолинейным. Как показало развитие физики, нужно пытаться объединять все взаимодействия, а не только гравитацию и электромагнетизм. Вероятно, поэтому у Румера не оказалось последователей, и он фактически ушел из большой физики, оставив нам несколько превосходных учебников и монографий.

Оценивая деятельность Л. Д. Ландау, М. П. Бронштейна и Ю. Б. Румера, можно перефразировать известный афоризм римского поэта Квинта Горация Флакка: «Я сделал все, что мог: пусть другие сделают больше». Наши герои сделали все, что могли. Но они сделали бы гораздо больше, если бы не попали под жернова сталинской репрессивной машины.

Конечно, иногда система прибегала и к «мягкому» вытеснению прекрасных физиков из научного оборота. Так, в 20-х годах у нас физика процветала благодаря усилиям трех всемирно известных школ — С. И. Вавилова, А. Ф. Иоффе и Л. И. Мандельштама. Школа последнего — блестящего физика, теоретика и педагога — доминировала на физическом факультете МГУ. Однако незадолго до войны (насколько я помню, в 1938 году) одного из сподвижников Мандельштама сняли с должности декана физфака, назначив на его место А. С. Предводителя, который и возглавил вытеснение Мандельштама и его учеников из МГУ. Вскоре учитель и его ближайшие ученики И. Е. Тамм, М. А. Леонтович, С. М. Рытов, С. Э. Хайкин и др. — были вынуждены покинуть МГУ. Здесь важно подчеркнуть, что смена деканов на физфаке МГУ произошла одновременно с упомянутым выше резким поворотом в литературе и, вероятно, была сравнительно малым звеном в цепи фактов, которая очерчивала новое государство, созданное Сталиным.

Борьба с космополитизмом

Взаимоотношения России с иностранцами издавна носили противоречивый характер. С одной стороны, иноземцы привлекались, как теперь выразились бы, для увеличения ее научно-технического потенциала, а с другой — засылались иностранцы и их привилегии стимулировали рост националистических настроений. Особенно ярко это противоречие проявилось во время правления кумира Сталина — Петра Первого. И Сталин его своеобразно повторил. Если Петр предоставил, например, иноземцам привилегии в торговле, то Сталин — в покупке дефицита. Появление в сталинскую эпоху торгсинов, с одной стороны, привлекало зарубежных инженеров и ученых, но с другой — вызывало к ним смешанное чувство зависти и некоторой неполноценности со стороны коренного населения. После окончания Великой Отечественной войны чаши весов, постоянно колеблющиеся между национализмом и интернационализмом, славянофильством и западничеством, окончательно склонились в сторону национализма. Но повинна в этом, конечно, не проблема дефицита.

Наступила «холодная война». Отношения между Востоком и Западом были фактически прерваны, и не следовало ожидать никакой внешней помощи. Этот факт вызывал тенденцию, на которой не замедлил сыграть Сталин, выбросивший новый лозунг — «уничтожить преклонение перед иностранщиной». Но как это часто бывает в условиях неограниченной диктатуры, правильная тенденция к сох-

ранению национальной самобытности постепенно начала приобретать уродливую шовинистическую окраску, а приведенная выше формула трансформировалась в призыв «вести беспощадную борьбу с «безродными космополитами».

Национализм с шовинистической окраской не возник, конечно, на пустом месте. Можно почти с уверенностью утверждать о существовании корреляции этого явления и взаимоотношений Востока и Запада. Хорошие отношения — мягкий национализм; плохие — он переходит в шовинизм. Разумеется, для системы всегда было выгодно наличие внутреннего врага — нет уже разбитых троцкистов, пусть будут космополиты. Какая разница?

Об уровне дискуссий можно судить по факту, свидетелем которого мне довелось быть. Один из ныне здравствующих известных физиков в одной из книг употребил словосочетание «периодическая система элементов» без упоминания имени Д. И. Менделеева, за что был подвергнут многочисленным разгромным проработкам. Причем на сей раз борьба велась уже на два фронта — с космополитизмом и с идеализмом. Эти обе линии сосуществовали весьма причудливо, иногда переплетаясь, иногда развиваясь самостоятельно, как бы параллельно.

Появился расхожий термин: «реакционное эйнштейнианство». Один способный математик, ушедший вскоре из большой науки, даже написал книгу «Анти-Эйнштейн», но, к счастью, не успел ее опубликовать.

Борьба с космополитизмом тем временем разгоралась. Нужно подчеркнуть, что эта трагическая страница в истории советской науки имела одну особенность по сравнению с борьбой с «врагами народа». Во время борьбы с космополитизмом люди, как правило, не исчезали. Их массами увольняли с работы, что, впрочем, было эквивалентно гражданской казни. Дело в том, что, например, слесарь (по крайней мере, в то время) может сравнительно безболезненно изменить специальность и переквалифицироваться в токаря. Настоящий физик может быть либо физиком, либо никем.

Я ограничусь лишь одним примером. На физическом факультете МГУ числом способных студентов выделялся курс набора 1938 года, давший многочисленную плеяду талантливых физиков, и сейчас занимающих руководящие посты в Академии наук. Однако, еще будучи студентами, даже на этом фоне резко выделялись своими способностями два человека — А. Д. Сахаров и П. Е. Куниин, оба ставшие впоследствии аспирантами И. Е. Тамма. Судьба Сахарова общеизвестна, а Куниин же был вместе с многими другими физиками во время кампании против космополитов уволен из ФИАН и затем ушел из большой физики, а после (насколько мне известно) и из жизни...

Параллельные течения — борьба с космополитизмом и борьба с идеализмом — в 1949—50 годах должны были слиться в единое русло и привести к разгрому физики наподобие того, как это сделал Лысенко с биологией. Но вмешалась сама судьба в лице И. В. Курчатова. Стране жизненно необходимо было совершенное атомное оружие. Я слышал от многих физиков, что И. В. Курчатов сформулировал на самом верху такую альтернативу — разгром или бомба. Верхи предпочли последнюю. Однако попытки хотя бы частично терроризировать физиков не закончились.

Огонь был сосредоточен на школе Л. И. Мандельштама. Апофеозом этой атаки явился ученый совет в ФИАНе в феврале 1953 года. Этот совет должен был окончательно «узаконить» существование идеализма в трудах Мандельштама и завершить разгром его школы. Однако заседание прошло совсем не так, как замыслили его организаторы. М. А. Леонтович в своей исключительно смелой речи решительно отрицал какую-либо связь физика Мандельштама с идеализмом. В заключение он в прямом смысле хлопнул дверью, повергнув президиум заседания в шоковое состояние. Вероятно, смелая эскапада Леонтовича не прошла бы ему даром, но опять вмешалась судьба, карма, рок... Вскоре наступил день 5 марта 1953 года, и мелкие по сравнению с этим событием проблемы физиков были забыты.

* Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР.

вое любопытство, мотаясь за таким монстром по Берлину, но сами оказались не лучше преследуемого — отравились в погону на машине «Вандерер», что и выдало их Штирлицу, потому что марка оказалась такой редкой (4, 4%), что даже советский разведчик, наконец, обратил внимание

3

Гестаповцы доложили о сумасшедшем Мюллеру, а Штирлиц написал Борману анонимку (на машинке экспедиции РСХА во время налета) и «сунул» в секретную почту. Экипажи обеих экзотических машин опять постарались перешеголять друг друга. Германия — страна с устоявшейся, единообразной системой письменного обмена. Обязательно должны были присутствовать все реквизиты: адресат, ведомственная принадлежность его, ранг, степень секретности, дата. Содержание письма должно строго отвечать на вопросы: «что?», «почему?», «сколько?», а его размер должен был быть кратным единицам стандарта — ДИН. Нелишне было бы сказать, что вся переписка НСДАП велась только на готических шрифтах, «латиница» не допускалась. А теперь стоит подумать, возможно ли при таком отношении к простой переписке что-то «сунуть» в секретную? Там, где количество писем должно строго соответствовать реестру? Возможен ли вход в помещение с такой перепиской постороннему (даже во время налета)? Равно, как и в комнату правительственной телефонной связи? Думаю, что надо честно ответить отрицательно, хотя о телефонах можно поговорить подробнее, но ниже. А пока придется констатировать, что цидулку-анонимку Борман практически не имеет шансов получить. Не надо быть немцем, чтоб знать, что за подобные отправления кто-то расписывается и кто-то комплектует их к отправке.

Отдадим должное Штирлицу, вполне вероятно, что на стол рейхсleitера анонимку положил он сам. Больше просто некому, но факт есть факт: Борман ее получил, понял, что написавший такое никак не может быть офицером СД (почта ведь пришла оттуда!), и, вдобавок, обязательно сделал нагоняй всем по всей степени подчиненности — он же был самым главным делопроизводителем нацистской партии, — и забыл.

Однако товарищ Юстас оказался стойчивым. Он прокрался в кабину правительственной связи и набрал номер 12-00-54. Не стоило бы так рисковать. Можно было позвонить из любого автомата, потому что по правительственной связи нельзя набрать обычный городской номер вбелонента. Именно таким был телефон, по которому звонил Штирлиц. Но на этом его исключения не кончились. Вспомним, как дальше: «— Борман, — услышал он в трубке низкий сильный голос». И тут Штирлиц оплошал. Не спросил имя. Ответил ему действительно Борман, но не заместитель Гитлера по партии, Мартин, а его однофамилец, тоже партайгеноссе, адъютант фюрера от партии (были еще от армии, СС, целых 5 управлений канцелярии), единственный, кто мог откликнуться по телефону 12-00-54 — Альберт Борман.

Советские граждане знать это не обязаны, а вот товарищ Юстас, занимая в гитлеровской иерархии какое-никакое положение, должен был знать, кому звонит, да и как туда надо дозваниваться.

После таких финтов подопечного Мюллер решил присмотреть за штандартенфюрером. А тот после бомбежки в Кепенике возьми да и отвези раненую радистку Кэт в «Шариту». Безродная жена инвалида войны оказывается в самой фешенебельной клинике Берлина «Харите» («СН» по-немецки читается «Х»), где лечение было платным и стоило до 18 рейхсмарок в день. «Харите» — самое мощное медицинское учреждение тогдашнего Берлина — состояло из более чем двух десятков институтов, клиник, поликлиник, но все они были для состоятельных людей, а радисток полагалось возить в окружную больницу Кепеника на Ахенбахштрассе, 4 (тел. 64-20-11), потому что годовое пособие ее погибшего мужа было не больше 2,4 тыс. рейхсмарок, что в месяц составляло всего 200 (и это без уплаты налогов, без вычета стоимости патента и при военной дороговизне продуктов).

Радистка понимает, что попала не туда и, сбегав, звонит резиденту прямо на дом, в Бабельсберг по телефону 42-75-41. Странно, что она дозванивается, потому что это — явно не тот телефон, номера Потсдама-Бабельсберга все, без исключения для советских разведчиков, начинались на цифру «8». Оттуда они — радистка и резидент — сматываются в Швейцарию на своем «незаметном» «Хорхе», ориентируясь по дорожным указателям голубого (совсем как сейчас!) цвета. Указательные знаки с принятым в то время желтым полем по чьему-то указанию были сняты. Возможно, тут постарался сам рейхсфюрер, как шеф полиции.

На этом можно закончить адресно-телефонно-автомобильную справку, хотя сюда бы прекрасно вошли музейные похождения героя, например, встреча со школьниками в университетском музее — именно таким являлся музей природоведения, бывший не только музеем, но и одновременно четырьмя институтами: петрографическим, геолого-палеонтологическим, зоологическим, благородных металлов и самоцветов. Туда и штандартенфюрера могли не впустить, поскольку он туда инкогнито отправился, в цивильном, а уж про школьников, да в попойках организованных, со «стукачкой»-учительницей — тем более.

Короче говоря, поиск документальности в картине Германии тех лет по похождениям Штирлица проводить нельзя, потому что ее там просто не существует.

4

Теперь о месте службы штандартенфюрера. Это РСХА, имперское управление безопасности, где Штирлиц в сжатые сроки (с 12.2 по 18.3 1945 г.) «прокручивает» свои головомешные операции. Читатель, наверное, помнит такую фразу: «Когда Мюллеру доложили, что Штирлиц идет по коридору РСХА, направляясь в свой кабинет, он на мгновение растерялся».

Было отчего! Здание РСХА сгорело при бомбежке 31 января того же года, и хождение по пепелищу полтора месяца спустя после пожара удивило бы любого.

Не было у РСХА и «местных» отделений. Представьте себе, что прогуливаясь по Воронежу или Одессе, вы подходите к зданию, на котором написано: «Местное отделение Верховного Совета СССР». Вы наверняка будете вести себя так же, как немец, узнавший про существование «местных» отделений РСХА» вместо обычных подразделений СД.

Все упомянутое и в самом деле мелочи, свидетельствующие о незнании не то Штирлицем, не то автором Германии 1945 года. Правда, этих мелочей вполне достаточно, чтоб раз и навсегда забыть о «документальности» «Мгновений».

Но, может быть, разведчик верно информировал Центр о секретных переговорах? Это ведь главное, это уже история, где искажения недопустимы. Что же произошло на самом деле, когда на пороге поражения Гитлер попытался расколоть союзников?

Привлечение внимания политических кругов к инициативе Германии должна была обеспечить миссия Клейста в Стокгольме, где он вел первый тур переговоров с сионистским функционером Шторхом об освобождении 4300 евреев. Шторх поставил в известность посла США Олсона. Затем круг участников и лиц, осведомленных о переговорах детально, стал быстро увеличиваться: рейхсминистр Риббентроп, граф Бернадот, Гиммлер, шведский банкир Валленберг, советский посол Коллонтай, Гессе. В частности, Александру Коллонтай детально ознакомил с содержанием переговоров Валленберг. Дальнейший путь информации в штирлице не нуждался. Но внезапно звонком из рейхсканцелярии (звонил Вальтер Хевель) Риббентропу и Гессе дальнейшие переговоры были воспрещены.

С швейцарскими переговорами еще проще. О факте переговоров с Вольфом советскую сторону официально уведомили союзники, но отказали в участии представителю генштаба Красной Армии под предлогом локальности объекта переговоров (Сев. Италия). Только это вызвало подозрительную реакцию Сталина в упомянутом письме Рузвельту. Кстати, в письме Молотова, вмонтированном в «Мгновения», содержится почти полный ответ на вопрос участия Штирлица в этом деле. «Подтверждая появление Вашего письма по поводу переговоров в Берне между германским генералом Вольфом и офицерами из штаба фельдмаршала Александра...» — дальше цитировать ни к чему, потому что от «бойца невидимого фронта» ничего не осталось. Может быть, кому-нибудь жалко расставаться с наскоро состряпанной сказочкой о «глубокой достоверности», но это необходимо сделать, потому что читателю нужны не «правдоподобные» версии, а сама правда, зерна, отделенные от плевел. Потому похождения Штирлица должны называться не документальными романами, а так, как они того заслуживают, — чтivism

Майор ПРОНИН, не только литературный герой

НЕО-СИЛЬВЕСТР

Кто совершил злодеяние?!

Внезапная кончина в 1934 году в Риге великого русского певца Леонида Витальевича Собкина вызвала в тогдашней печати многочисленные, но лаконичные сообщения. Никому не приходило в голову искать загадку там, где ее, казалось, не было. Воспоминания, которые публикуются ниже, проливают, однако, новый свет на смерть артиста и придают этому печальному событию неожиданного трагического оттенка. Воспримем их как версию, но весьма правдоподобную. Остается добавить, что воспоминания появились в парижском журнале «Возрождение».

Л. В. Собкин 1926 г.

И не уйдешь ты от суда мирского,
Как не уйдешь от Божьего суда.

Пушкин

1. Сенсации, поразившие Ригу

12-го октября 1934 года все население латвийской столицы Риги, особенно русское, было потрясено кратким официальным сообщением об убийстве главы православной Церкви в Латвии и члена Сейма — архиепископа Иоанна.

Не успело русское население прийти в себя от этой потрясающей вести, как вечером того же дня по улицам города неслись, как табун степных лошадей, мальчишки-газетчики с оглушительными криками:

«Экстра-телеграмма: подробности загадочного убийства архиепископа и внезапная смерть знаменитого русского певца Собинова».

Люди наперерыв требовали экстратедеграмму: некоторые буквально вырывали из рук газетчиков печатные листки и тут же жадно пробегали глазами напечатанное.

Эта новость поразила и меня: ведь лишь неделю тому назад я, как сотрудник русской газеты, беседовал с архиепископом там, на даче, где он теперь зверски убит.

Но при чем тут почти одновременная смерть Собинова?

Архиепископ Иоанн, по происхождению — латыш — Поммерн, из лифляндских крестьян, по окончании Рижской духовной семинарии поступил в Киевскую духовную академию, где и принял монашество. В 1912 г. — он архиепископ, 36 лет, немного позже — архиепископ в г. Пензе. По прибытии в Ригу, он в 1921 г. избирается главой латвийской православной Церкви, а через четыре года он проходит по списку православных и объединенных русских организаций в Латвийский Сейм. Там я, в качестве парламентского корреспондента, впервые увидел его и познакомился с ним. Высокого роста, плечистый, умные, большие глаза с орлиным взглядом, толстые губы, слегка скрываемые большой, окладистой бородой, энергичная и даже величественная походка архиепископа невольно привлекали внимание всех.

Каждое выступление его в сейме было своего рода политическим событием и вызывало в палате депутатов многого оживления, так как он был блестящим оратором и природным борцом со злом, особенно с марксистами, в которых видел ярых врагов не только Церкви, но и каждого правового государства. А в Латвии в то время марксисты, главным образом, социал-демократы, имели в сейме из общего числа 100 депутатов — 32 представителя, плюс еще 4 меньшевика и один бундовец, всего 37 человек, весьма влиявших на политику парламента.

«Социалистическая рабочая партия», как официально именовали себя латвийские соц.-демократы, относилась дружелюбно к коммунистам, и последние под их крылышком быстро развили в стране свою преступную деятельность; только благодаря правому крылу сейма во главе с крестьянской партией (Карл Ульманис) большевикам не удалось сразу захватить власть в республике, и им пришлось довольствоваться подпольной работой и шпионажем в пользу восточного соседа, ожидавшего лишь благоприятного времени для прыжка в Прибалтику.

Пробыв несколько лет в России при господстве большевиков, архиепископ Иоанн много претерпел там, а еще больше он видел ужасов и страданий русского народа от коммунистической власти и познал природу большевизма.

Все речи владыки в Сейме носили характер страсти, лишь только они касались марксистов (он всегда так именовал большевиков) и вольных или невольных их пособников. В речах Иоанна открывалась его клокоущая бурным гневом душа, порой, казалось мне, далекая от иноческого смирения, но всегда правдивая и не терпящая компромиссов с безбожниками, кто бы они ни были.

Свои аргументы архиепископ подтверждал доказательствами, часто с гневом потрясая на кафедре убийственным для марксистов документом, чем вызывал на скамьях их бешеный шум и негодующие крики.

Я невольно восторгался доводами оратора и его замечательной способностью пользоваться тем или иным документом, уничтожающим доводы противников.

— Скажите, пожалуйста, владыка, вы не опасаетесь гнева большевиков, особенно тех, с Юрьевской улицы (сов. полпредство)? — спрашивал я архиепископа в кулуарах сейма.

— А что они сделают мне, ведь я правду говорю, пусть докажут, что я не прав. Ведь я только открываю кое-какие их тайны, помните, в Евангелии от Матфея сказано, что нет ничего сокровенного, что не открылось бы и тайного, что не было бы узвано, — улыбнулся владыка.

Служил владыка весьма торжественно и благолепно. Величавая осанка в архиерейском облачении, мощный голос с понижением при переходе к смиренной просьбе, наконец, произносимые трогательно и с большим чувством молитвы — все это производило на молящихся неотразимое впечатление, и они проникались глубоким, молитвенным настроением.

Часто в соборе архиепископ обличал атеистов, сеющих безбожие в стране. И эти проповеди, быстро доходившие до ушей его врагов, раздражали их. Недоброжелателей владыка имел немало, даже среди духовенства, так как он был довольно суров по отношению к тем, кто не исполнял своего пастырского долга.

Зато среди русского населения и в Риге и в провинции архиепископа не только любили, но многие его боготворили, в чем я убедился из разговоров с ходоками и членами делегаций, приходивших к владыке как к члену сейма, с разного рода просьбами.

2. В сетях интриг и сплетен

Первую серьезную неудачу потерпел глава православной Церкви в борьбе за здание православного Алексеевского монастыря, которое в силу конкордата латвийского правительства с Ватиканом было передано епископу католической Церкви в Латвии. Дело в том, что католики по тому же соглашению получили, кроме того, лютеранскую церковь св. Якова, когда-то принадлежавшую католикам. Эта церковь находилась против Алексеевского монастыря, почти в центре города, рядом с сеймом.

Дом монастыря против Яковлевской церкви был предоставлен католическому епископу, товарищу председателя парламента, быв. профессору СПб. Императорской Католической Академии Иосифу Ранцану.

Архиепископ Иоанн незамедлительно повел борьбу за Алексеевский монастырь со свойственной его могучей натуре страстностью и горячностью, но вернуть монастырь не мог. Тогда он в знак протеста отказался жить в предоставленном православной Церкви доме и поселился в подвале православного собора, что находится на центральной улице латвийской столицы — на бульваре Свободы.

Подвал был довольно сырой и вообще непригоден для жилья, тем более для резиденции главы православной Церкви.

Там, к великому неудовольствию латвийского правительства, архиепископ Иоанн принимал и знатных иностранцев. Летней же своей резиденцией он крайне неудачно избрал принадлежащую православному приходу двухэтажную дачу, которая находилась довольно далеко от города на пустынном берегу Киш-Озера, за еврейским кладбищем. Там же владыка часто отдыхал и в зимнее время. Туда неоднократно приезжал и я побеседовать с владыкой по тем или иным вопросам, касающимся русского меньшинства в Латвии (ок. 200 тыс.) и интересующим наших читателей (газ. «Слово»).

Беседовать с иерархом было большое удовольствие:

в нем сочетались русская культура и наблюдательность с латышскими трудоспособностью и упорством, порой переходящим в упрямство. Каждый раз при моем разговоре с ним он, как римский Катон, повторял, как, вероятно, и другим собеседникам, свое предупреждение: «На свою беду сближается Европа с этими безбожниками».

В Риге архиепископ знал положительно всех, не только государственных людей, бывших его «одиокашников» в царское время, но и обыкновенных простых горожан.

Между тем его многочисленные враги, главным образом политические, энергично работали, сплетая вокруг него густую сеть интриг и распространяя по городу гнусную клевету, пятиющую его доброе имя не только как пастыря Церкви, но и как человека.

Кто именно занимался этим мерзким делом — трудно сказать: Рига в то время кишела советскими шпионами, международными авантюристами и вообще искателями приключений, готовыми за доллар на любую подлость.

Сначала враги архиепископа пустили по городу в виде пробного шара «слухов» о каких-то якобы «любовных утехах Кишозерского пустычника» с одной неуравновешенной девушкой, посещающей его на даче. Затем пошли доносы относительно денежных недочетов в кассе православного собора.

Архиепископ Иоанн, получив такое «донесение», срочно назначил ревизию денежных сумм собора, которая подтвердила правильность доноса. Отсюда ясно было, что враги владыки имели сочувствующих в самом соборе.

Справедливый и требовательный в отношении себя, архиепископ был не менее суров и даже крут к своим подчиненным, особенно к провинившимся духовным лицам. Рассмотрев дело о нехватке сумм в кассе, владыка устранил ключаря собора, священника Зайца, запретив ему совершение треб, а затем, когда недостающая сумма не была в известный срок покрыта, направил дело о растрате церковных денег в прокуратуру.

Ободренный успехом доноса, кто-то из «доброжелателей» прислал владыке полуофициальное донесение на вопиющие неурядицы в кассе Петропавловского братства, где казначаем состоял известный своим прекрасным басом протодьякон.

Ревизия обнаружила недостачу внушительной суммы денег. И его архиепископ лишил сана и предал суду. Число врагов строгого архиепископа уже в самом кафедральном соборе увеличилось. Когда эти и другие, уже не подтердившиеся, доносы не поколебали доверия и уважения прихожан к архипастырю, тогда тайные враги от сложных интриг перешли к помощи наемных воров и убийц.

За несколько дней до захоронения навсегда сейма (переворот Карла Ульманиса 15 мая 1934 г.) член сейма Янис Поммерн, он же архиепископ всей Латвии, выступал с кафедры сейма, не помню точно, по какому поводу.

Владыка значительно похудел: на лице его появились крупные морщины, а в глазах заметно было какое-то беспокойство. По всему видно было, что эта кампания гнусной травли врагов подточила его здоровье.

Он произнес громовую речь против вожakov крайних левых партий, ведущих, по его словам, Латвию к гибели, разоблачал их в предательской работе на пользу большевиков и снова несколько раз потрясал папкой, указывая, что в ней находятся убийственные документы, изобличающие подлую работу латышских марксистов и их пособников, даже из правого лагеря.

— Настанет день, когда вот эти документы сделаются достоянием гласности, и народ узнает виновников в его бедствиях, и он ужаснется и наполнится гневом...

Разразился небывалый скандал: социал-демократы вскочили с мест, крича «вон, вон», а некоторые из них, потрясая кулаками, грозно бросились к оратору.

Спокойно стоял архиепископ на кафедре, ожидая, когда улягутся страсти на левых скамьях. Когда, наконец,

председатель сейма водворил порядок, оратор продолжал, улыбаясь:

— Этот шум, свист и улюлюканье напомнили мне случай, происшедший со мною очень давно в одной из деревень на юге России. Однажды ночью за мной, тогда еще молодым священником, засах крестьянин и повез меня к своей умирающей матери. При въезде нашем в одну из деревень на нас напали с яростным лаем и визгом собаки с очевидным желанием наброситься на меня и разорвать на куски. «Не бойся, батя, — сказал мне возница, — это они приветствуют тебя на своем собачьем языке».

Что говорил дальше оратор, разобрать нельзя было вследствие невероятного шума, в котором потонул даже звон председательского колокольчика.

Заседание пришлось закрыть. Эта речь была «лебединой песней» архиепископа в сейме.

3. От клеветы — к действиям

Вскоре после этого инцидента политическая деятельность архиепископа Иоанна окончилась с закрытием сейма «на время» Карлом Ульманисом, который 15 мая 1934 г. принял на себя всю полноту власти. Но таинственные враги иерарха не прекратили своего преследования, наоборот, усилили его.

В тот же год, в августе месяце, в отделе хроники местных газет появилось сообщение о неудавшейся попытке воров проникнуть на дачу архиепископа в Киш-Озере «с целью кражи», — подслеповатый старик вовремя обнаружил воров, пытавшихся перебраться в сад через забор.

Встревоженные этим происшествием прихожане собора предложили любимому архипастырю охранять его по очереди, но архиепископ категорически отказался от охраны, указав на Бога как лучшего защитника.

Но не прошло и трех недель после этого покушения «на кражу», как была совершена новая попытка злодеев проникнуть на дачу владыки: на этот раз громадного роста детина влез ночью в окно нижнего этажа дачи, но соскочившая на пол, попал в крепкие объятия самого хозяина, после чего уже сам идти к двери не мог.

— Немного помял я его, наверно он чувствовал себя, как в лапах медведя, — говорил мне, смеясь, владыка во время моего визита на следующий день после этого события.

— Куда же вы отправили этого типа, в полицию?

— Зачем в полицию? Он достаточно наказан, обещал исправиться и второй раз не приходить ко мне...

— Почему же вы не приобретете себе револьвера — ведь вас могут убить?

— Монаху револьвер?! Что вы говорите! На все Господня воля, — сказал, крестясь, владыка.

— И чего ищут у вас воров? — спросил я, стараясь вызвать у собеседника прямой ответ на интересующий меня вопрос.

— У бедного монаха воров хотят найти что-то другое, кроме денег и драгоценностей, ведь они прекрасно знают, что церковные деньги хранятся в более надежном месте, чем здесь на даче, среди леса и на пустынном берегу Киш-Озера... Нет, так называемые «воры» — просвещенные люди и хотят у меня получить воровским способом то, чего они открыто, законным путем достать не могут.

— Так, понимаю. Уж не документы ли так тревожат ваших недоброжелателей? — спросил я осторожно.

— Да, пожалуй, вы правы: эти самые документы марксистам и их пособникам спать не дают, а борются с этими безбожниками — наш общий долг...

На этом кончилась моя последняя беседа с главой православной Церкви в Латвии. Архиепископ встал, просил передать привет нашей редакции и с доброй улыбкой крепко пожал мне руку, которую я уже на дворе расправлял, думая: «Ну и богатырская же рука у этого современно-

го Пересвета! Вполне понимаю плачевное положение вора, сжатого его могучими руками...» Тут же я заметил, что никого на дворе не было: сам владыка открыл мне дверь и сам закрыл их на замок. У сторожа в огороде копались среди грядок две старушки-монахини. Я поклонился им, но они даже не взглянули на меня — и я пошел к выходу мимо церковки св. Иоанна.

4. В отеле «Петроград»

«Неудивительно, что убийцы незаметно проникли на дачу архиепископа и убили его», — подумал я, стоя с экстренной телеграммой в руке.

Ну, а теперь скорей к месту происшествия — на Киш-Озеро, — и я быстро вскочил в вагон трамвая номер 12.

В вагоне, где я занял место ближе к выходу, было полно. Все говорили только о страшном, небывалом для Риги убийстве архиепископа.

— Но какую роль в этом деле играл артист Собинов? Ведь он был найден мертвым в отеле «Петроград» через несколько часов после убийства владыки... странное совпадение. — спросил по-русски популярный на Московском форштадте врач, типичный земец из чеховских персонажей, какого-то угрюмого господина с подстриженными усиками.

Тут только я вспомнил, что от волнения я не прочел, как следует, вторую часть телеграммы.

«В самом деле, почему Леонид Собинов скончался в такой короткий промежуток времени после убийства владыки?» — спросил я себя, вынимая из кармана памятный листок. Я углубился в чтение. Вот что, приблизительно, было напечатано:

«В ночь на 12 октября с. г. на даче православного архиепископа Иоанна Поммерна, что расположена на глухом берегу Киш-Озера, возник пожар. Вызванные пожарными чины уголовной полиции во втором этаже этой дачи нашли в сенях на верстаке, принесенном, видимо, преступниками из столярной мастерской православного иерарха, на снятой с петель двери обуглившийся труп архиепископа.

Труп почему-то был прикреплен проволокой к этой двери на верстаке. Борода сгорела. Ноги совершенно обуглились. Лицо было обезображено до неузнаваемости. На месте трагического происшествия прибыли начальник уголовной полиции Тифенталь, судебный следователь по особо важным делам и прокурор г. Карчевский. Энергичное следствие по делу загадочного, зверского убийства главы православной Церкви и бывшего члена сейма Иоанна Поммерна продолжается».

Насколько помню, содержание второй телеграммы под крупным заглавием

«ВНЕЗАПНАЯ СМЕРТЬ ЗНАМЕНИТОГО РУССКОГО ТЕНОРА СОБИНОВА»

гласила: «Рига, 12-го октября. Сегодня днем в отеле «Петроград» внезапно скончался в номере отеля известный русский оперный артист Леонид Собинов. Вчера певец прибыл из Германии, где он лечился в Наугейме. Артист направлялся в Москву, у нас же он остановился для «видания с супругой, пребывающей в Риге. Вызванный врач констатировал внезапную смерть, вызванную разрывом сердца. Похороны знаменитого артиста состоятся в Москве, куда тело артиста будет отправлено».

Собинов, Леонид Витальевич! — Знаменитый лирический тенор! Его хорошо знала не только вся Россия, но он был известен и далеко за ее пределами. Билеты на оперные спектакли с его участием брались с бою. Его выступления в дореволюционное время считались крупным художественным событием в том городе, куда он приезжал. Красивая наружность, прекрасный голос, приятные манеры и высокая культурность — до своей артистической карьеры он был присяжным поверенным — окончательно покоряли всех, кто только слышал или видел его. Количе-

ство поклонниц и поклонников Собинова соперничало с количеством «шалапинцев», главным образом вследствие обаятельности вечно юного Собинова. Рижанам было известно, что знаменитый тенор ежегодно, проездом в Германию для лечения, останавливался в нашем городе, где жила его жена. Тут же он неизменно поздно вечером или рано утром посещал архиепископа Иоанна. По словам владыки, Леонид Собинов остался глубоко верующим христианином, исполнял свой христианский долг и много молился...

5. В поисках тайны убийства

Мои воспоминания о Собинове были прерваны кондуктором, который спросил:

— Вам, господин, куда билет, наверно, к месту убийства русского бискупа — к Киш-Озеру?

— Правильно, а что?

— Да спешите-то напрасно: вся полустогоревшая дача бискупа оцеплена полицией — там сам прокурор и префект полиции. Доступ на дачу воспрещен даже корреспондентам газет, — сказал кондуктор, вручая мне билет.

— Ну, префект-то меня знает: пропустит...

— Не думаю — даже редактора газет возвращались ни с чем... Ну и разбойники пошли нынче, а ведь часто выдавал я бискупу билеты на проезд, вот как вам, частенько ходил он метровыми шагами в свой глухой, медвежий угол.

Доехали до конца. Я быстро сошел и направился по знакомому пути мимо мрачного еврейского кладбища, а оттуда по пустырю к озеру через редкий лесок. Недалеко от берега стоял полицейский, который убеждал тех, кто шел на дачу архиепископа, идти обратно, так как велено никого не пропускать.

— Позвольте, я корреспондент, — сказал я полицейскому, показывая ему свою профессиональную карточку. Не помогло:

— Приказано никого не подпускать к месту убийства. Делать нечего — пришлось отправиться домой ждать дальнейших официальных сообщений и вместе с тем продолжать свои частные розыски.

На обратном пути, уже в городе, я встретил нашего сотрудника Цветкова, дававшего в газеты новости о происшествиях в столице. Он уже успел рано на рассвете побеседовать почти со всеми прикосновенными к расследованию убийства лицами. Он даже сумел, несмотря на запрещение, издать взглянуть на лежащий на верстаке труп мученика-архиепископа. Недаром Цветкова называли королем латвийских репортеров:

— Ближе не подпустили, но все же я хоть на мигновение взглянул на тело архиепископа и содрогнулся: жуткий вид. Не дай Бог видеть. Но в гостиницу, где лежало тело Собинова, не впустили: там распоряжался какой-то тип из полпредства...

— Все это дело не только кошмарное, но и весьма загадочное, я сказал бы — крайне таинственное, — почти шепотом прибавил Цветков.

— Впрочем, я проголодался: зайдемте к «Робежнеку», там я кое-что расскажу, все равно напечатать нельзя, — сказал он, открывая дверь в излюбленный рижскими журналистами ресторан на Мельничной улице.

Несмотря на сравнительно раннее время, в ресторане было уже много посетителей, главным образом, журналистов.

Нетрудно было догадаться, что головы всех были заняты одной мыслью о Киш-Озерском кровавом событии. Но точного и ясного ответа не находили.

Одни основывались на свидетельских показаниях, достоверность которых некоторыми журналистами оспаривалась, другие — на верных слухах — последние в населении ежечасно множилось, — но большинство сходилось

на том, что, судя по обстановке этого страшного преступления, убийцами были большевики и их пособники, среди последних называли политических врагов пресвященно-го Иоанна, которых он немилосердно разоблачал в сейме.

Другие журналисты находили, что в устранении его были заинтересованы лица, прикосновенные к растратам церковных сумм, отданные архиереем под суд. Третьи уличали в невольном пособничестве внезапно скончавшегося в отеле «Петроград» артиста Собинова: убийцы, говорили они, знали, что набожный артист поздно вечером посещал владыку. В роковой вечер чекисты проследили артиста, и, когда он находился на крыльце киш-озерской дачи в ожидании появления владыки, — последний лично открывал дверь, — злодеи, как только появился хозяин дачи, выскочили из засады, оттолкнули Собинова в сторону и ворвались в дом, где и совершили свое гнусное дело. Некоторые к этой версии добавляли, что часть чекистов будучи к даче озером на моторной лодке, а часть чекистов будучи к даче озером на автомобиле к даче артиста — эта версия была сразу же отброшена как не имеющая солидных свидетелей. Наконец, третьи подтверждали официальное сообщение о том, что Собинов скончался от разрыва сердца в отеле, откуда он по приезде из Германии не выходил. Умер же он внезапно, узнав о страшной смерти любимого им архипастыря.

Хотя достоверность этой версии ослаблялась отказом полпредства судебным властям в просьбе вскрыть тело умершего артиста, она казалась наиболее вероятной.

«Ворвавшись в дом, преступники прежде всего набросились на владыку и после отчаянной борьбы связали свою жертву, переправив ее наверх. Одновременно другие злодеи перерезали все провода и действовали спокойно до рассвета.

Затем они замучили архиерея и подожгли дачу, чтобы замести следы этого злодеяния. И если бы сосед, живущий недалеко от места преступления, случайно заметивший пожар, не сообщил в пожарную команду о пожаре, мы все даже не подозревали бы об ужасном преступлении на архиерейской даче», — закончил Цветков свой рассказ журналистам.

Все были потрясены дьявольским планом преступников. Старый и опытный журналист, редактор близкой к правительству газеты, призывал к сугубой осторожности при даче материала в газеты, так как в данном случае заинтересован «наш великий восточный сосед» и он может причинить нашему правительству большие неприятности. «Вероятно, не сегодня-завтра наши власти выявят свое отношение к информации по этому крайне загадочному делу», — сказал он, прощаясь с нами.

Покинули мы ресторан в подавленном настроении.

Цветков и я, неговариваясь, повернули к набережной Двины. Погода была чудесная. С реки тянул приятный прохладный ветерок. Мы прошли по Замковой площади мимо Петроградской гостиницы в надежде что-нибудь увидеть или узнать о причинах смерти Собинова, потому что мы весьма сомневались в официальной версии кончины выдающегося артиста. Таких, как мы, якобы прогуливающихся, оказалось довольно много, но и полиции, тайной и явной, было немало.

Все попытки Цветкова, лично знакомого с чинами угрозыска, получить новости не дали результата. Мы видели несколько чинов из полпредства, которые с озабоченными лицами свободно входили в отель. Видели даже, как доставили из похоронного бюро гроб для Собинова, но больше ничего не узнали. Делать нечего: простились друг с другом и пошли по домам.

Утром на следующий день все редакции Латвии получили из Министерства внутренних дел предложение по делу об убийстве архиепископа Иоанна Поммерна печатать лишь официальные данные, исходящие от прокуратуры. Сообщения же эти были приблизительно следующего содержания:

«Следствие по делу об убийстве архиепископа Иоанна энергично продолжается под руководством прокурора. Пока, однако, на следы преступников напасть не удалось».

Через день или два состоялся, по требованию полпреда, перевоз тела Собинова в здание советского полпредства, а оттуда на вокзал для отправки его в Москву. Несмотря на то, что предварительного сообщения об этом в газетах не было опубликовано, а наоборот, в полпредстве день и час перевоза останков певца хранили в строгом секрете, — все улицы, по которым двигалась траурная процессия, были запержены народом.

Пошел и я отдать последний долг большому артисту.

И когда траурная колесница с гробом, покрытым цветами, двигалась мимо меня, мне думалось, что смерть владыки оборвала жизнь того, тело которого так поспешно везут в Москву.

Позади колесницы шли вдова, родственники, знакомые и несколько чинов полпредства...

Как только из отеля «Петроград» вывезли тело Собинова и сняли дежурный наряд полиции, туда хлынули корреспонденты газет. И вскоре «из уст в уста» передавали не для печати слух, что полпредство, от имени которого распоряжался какой-то «рыжий товарищ», воспротивилось требованию полицейского врача произвести вскрытие тела для установления причин смерти Собинова: «Дело, мол, ясно — разрыв сердца, таково заключение советского врача». И вскрытия трупа не произошло! Этот отказ в законном требовании полицейского врача еще более усилил в народе слухи «об отравлении» Собинова большевиками. Кроме того, стало известно, что накануне убийства иерарха Собинов имел целый ряд телефонных разговоров с полпредством, что было установлено судебным следователем из телефонной записи отдельной администрации.

Через некоторое время после отправки тела Собинова в Москву, в газетах появилось официальное сообщение об отставке начальника уголовной полиции Тифенталя и о назначении на его место другого (Целенса).

Наконец, через месяц появилось новое правительство — новое сообщение о временном прекращении следствия по делу об убийстве архиепископа Иоанна за необнаружением преступников.

Это официальное сообщение было вместе с тем и финалом этого жуткого дела.

6. Подробности мученической смерти архиепископа

Взволнованное ужасным убийством владыки, русское население было не менее возмущено распоряжением о прекращении судебного следствия. В народе распространились слухи о жутких подробностях пыток главы православной Церкви. И эти подробности, уточняющие сухое и краткое официальное сообщение об убийстве владыки, большей частью подтверждались: ведь они, в сущности, исходили от тех или иных участников расследования и первых свидетелей — пожарных. Один из агентов розыска, немецкого происхождения, в Германии подтвердил мне большую часть этих слухов.

И прав был покойный владыка, сославшись в разговоре со мною относительно происков его недругов на слова Евангелия:

«Итак, не бойтесь их, ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узвано» (Матфей, X, 26).

Убийц было, как предполагают, не менее четырех. Обстановка места кровавой драмы, осмотр трупа и данные, полученные после вскрытия тела архиепископа, дали приблизительно точную картину мученической смерти архипастыря.

Сразу же внизу, на крыльце, когда владыка открыл

входную дверь, спрятавшиеся у крыльца бандиты ворвались в переднюю и набросились на хозяина.

Борьба, судя по пятнам крови, разбрызганной по полу и стенам передней, была упорная и страшная с обеих сторон.

Внизу же, в одной из комнат, жертва, видимо, была связана и доставлена в кабинет, где происходили поиски каких-то документов, так как половицы в некоторых местах были сорваны. Всюду на полу валялись в беспорядке разные бумаги, записки, счета, вырезки из газет.

На некоторых верхних бумагах виднелись капли крови: видимо, и здесь истязали архиепископа.

Затем несчастная жертва была доставлена по внутренней лестнице наверх, где в глухом, широком коридоре между столярной мастерской (владыка столярничал) и другими комнатами, видимо, и происходила пытка.

Там, на верстаке, принесенном из столярной, прибывшие в два часа ночи пожарные обнаружили обгоревший труп мученика, привязанного проволокой к снятой с петель двери. Проволокой же на всякий случай была палачами заделана с наружной стороны выходящая на лестницу дверь.

Какие страшные пытки претерпел архиепископ, видно из следующих данных осмотра трупа: обуглившиеся ноги от первой струи воды, пущенной на верстак, отвалились, в то время, как на спие даже не стореда кожа, а на затылке жертвы остались волосы, хотя борода стореда.

Это доказывает, что палачи пытали огнем несчастного, вероятно, калильной лампой. В правом паху покойного, как гласит протокол осмотра трупа и вскрытия, было обнаружено пулевое отверстие с выходом пули вверх к позвоночнику, где она и застряла.

Выстрел в архиепископа был произведен, как полагают, после пыток, когда жертва палачей лежала привязанной к верстаку.

Кроме того, в легких замученного владыки были обнаружены дым и угольки — это значит, по заключению врача, что архиепископ еще дышал, когда начался пожар.

• • •

Нашли ли убийцы у замученного и убитого владыки то, что искали, — неизвестно: вероятнее всего — архипастырь унес свою тайну в могилу.

Через несколько дней, в воскресенье, в Риге состоялись торжественные похороны главы православной Церкви в Латвии.

Был хороший и тихий осенний день. В кафедральный собор пропускали только по билетам. После панихиды гроб владыки вынесло из храма на улицу многочисленное духовенство при печальном песнопении и похоронном звоне соборных колоколов.

Весь бульвар Свободы и широкая улица была запружена народом. Все конное и трамвайное движение было прекращено.

Среди коленопреклоненных прихожан собора слышался плач. Последний долг покойному архипастырю пришла отдать, можно сказать, вся Рига. Много делегаций было не только из провинций, но и соседних государств.

Перед вратами на Покровское кладбище получился продолжительный затор: все желающие не могли попасть на кладбище.

Позже над могилой архиепископа Иоанна была воздвигнута красивая в византийском стиле часовня с мозаичной иконой св. Иоанна, как память от паствы о мученике-архипастыре Иоанне, борце за христианство, который, как добрый пастырь, положил мученически душу свою за овец своих.

• • •

Мучительные вопросы, — кто же убийцы и почему при всех переменах режима в Латвии никто из правителей не идет навстречу общественному мнению возобновить по этому страшному делу так неожиданно прерванное след-

ствие или, по крайней мере, опубликовать материалы последнего, — терзали умы многих верующих.

Не прекратились эти вопросы и во время занятия Риги большевиками. Были даже такие наивные люди, почитатели убийного иерарха, которые намеревались перед советскими властями возбудить вопрос о возобновлении этого дела, но юристы разъяснили им вовремя неуместность и даже опасные последствия подобной попытки при известном всем отрицательном отношении большевиков к духовенству и к религии (тогда весьма осторожно выражались).

В 1941 году в конце июня немцы, в свою очередь, заняли Ригу. Они, между прочим, назначили комиссию для восстановления судебных учреждений, разгромленных большевиками, во главе которой поставили рижского присяжного поверенного Б. Е. фон Нольтейна. К нему обратились некоторые русские юристы с тем же вопросом относительно убийства архиепископа Иоанна.

Этот вопрос особенно волновал их в связи с распространявшейся по городу версией, исходящей от бывших правительственных латвийских кругов, что дело об убийстве архиепископа Иоанна было в свое время направлено на прекращение по двум причинам: первая — из-за обнаружения виновников преступления и вторая — из-за нежелания властей вызвать в сердцах верующих смутение, так как при судебном разбирательстве были бы оглашены неподобающие для духовных лиц поступки некоторых представителей духовенства, интриги и пр.

Едва ли с последней версией можно согласиться, так как большевики в таком случае, наоборот, не преминули бы воспользоваться этим следственным материалом для шумной антирелигиозной пропаганды, даже в мировом масштабе.

Со дня этого страшного преступления прошло почти 20 лет, но оно все еще не вполне раскрыто, как не раскрыты сотни тысяч подобных жутких дел о погибших, замученных или таинственно исчезнувших жертвах Чека, ГПУ, НКВД или как они еще будут именовать.

Все же я верю, что настанет время, — и оно не за горами, — когда все «сокровенное и тайное будет явным».

Публикация ОЛЕГА МИХАЙЛОВА

Дорогие подписчики «Слова»!

Приносим извинения за то, что апрельский и майский номера журнала поступили к вам с опозданием. Когда в июне писалось это обращение, у нас еще не было твердой уверенности, что и последующие номера выйдут в срок.

Причина — несвоевременная поставка бумаги. Редакция делает все от нее зависящее, чтобы выправить положение.

Во всяком случае, мы гарантируем, что все двенадцать номеров «Слова» вы получите в этом году, надеемся видеть вас нашими подписчиками и в 1992-м!

«Краткий курс» с Запада?

В 1989 г. российский читатель был порадован книгой «известного американского историка и политолога» Александра Рабиновича. Она, как уверяют нас, «принадлежит к немногим зарубежным исследованиям, которые дают в основном объективную характеристику Октябрьской революции в России» и выпущена по доступной цене в полтора рубля тиражом в 100 000 экз.

Но не спешите, российский читатель, говорить «спасибо» Рабиновичу и его советским друзьям, например, Г. З. Иоффе, под чьей общей редакцией и с чьим послесловием дошла до нас книга. «Труд» Рабиновича — изложение СХЕМЫ, а не честное добросовестное исследование, причем схемы умника левых взглядов, схемы нам давно известной. Пусть в «Кратком курсе» она изложена примитивно, в достославном «кирпиче» — завырально, у Роя Медведева — просто фантастически, а у Рабиновича — «в основном объективно» — какая разница?

Что главное в книге Рабиновича? Причины победы большевиков. Что же это? Откроем книжку. «Мир, земля, хлеб», «власть Советам», «человек с ружьем» и «партия нового типа» (стр. 330—331). Полный набор! По Рабиновичу, «Ленин в Октябре» снимать можно.

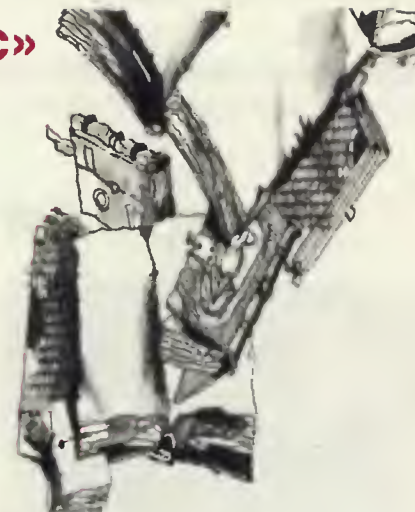
Ничем не лучше и «объяснение» причин Февраля 1917 г. (стр. 14—15). Знакомые байки: переход России на военные рельсы, завершившийся в 1916 г. — это, оказывается, «резкое ухудшение экономического положения»; Брусиловский прорыв и наступление на Турецком фронте — «неудачи». О «бездарности правительства» Николая II рядом с «гением», пришедшим в Феврале, и говорить-то смешно. А вот же, говорят. И издадут большими тиражами.

Схема есть схема. Для ее обоснования требуется передегигать, умалчивать и выкручиваться — короче говоря, обращаться с фактами так, как этого требуют «прогрессивные убеждения».

Вот Рабинович (стр. 53) демонстрирует изворотливость, заявляя, что проакционные, погромные (антисемитские!) листовки, захваченные правительственными войсками в штабе большевиков в июльские дни 1917 г. (факт слишком известный зарубежным историкам, чтобы его умалчать), оказываются, оставались там... «с царских времен»!

Умеет Рабинович и молчать: всех троцких-зиновьевых он упорно именует псевдонимами, не называя подлинных фамилий. Видимо, он забыл, что в научной литературе подобная конспирация недопустима.

И в заключение я хочу задать вопрос советскому исторiku Г. З. Иоффе: «О маститый редактор! Поведите нам, поведате миру, как могло случиться такое, что в своей книге о генерале Корнилове (Г. З. Иоффе. «Белое дело». Генерал Корнилов. М., Наука, 1989) вы на стр. 7 пишете: «... он (Корнилов. — Л. Д.) закончил Омский ка-

детский корпус и Михайловское артиллерийское училище... поступил в Академию Генштаба и закончил ее с золотой медалью», — а в книге Рабиновича, вышедшей в том же году ПОД ВАШЕЙ ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ И С ВАШИМ ПОСЛЕСЛОВИЕМ, черным по белому: «Корнилов не получил полного военного образования» (стр. 120). В чем же состояла эта ваша ОБЩАЯ РЕДАКЦИЯ?!

Л. ДУМНОВ

Рабинович А. БОЛЬШЕВИКИ ПРИХОДЯТ К ВЛАСТИ: РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ПЕТРОГРАДЕ. М. Прогресс, 1989

Спаси и сохрани

Эта книга о том, как на протяжении десятиков лет безжалостно уничтожалась русская земля — и о том, как уничтожалась русская душа. Плач по утраченному и тщательно собранные документальные свидетельства зверского истребления святынь народа, да и его самого. Хочется верить в то, что на грядущем Праведном суде над режимом эти свидетельства станут свидетельскими показаниями.

И хотя нет в сборнике ни свидетельств пострадавших в годы репрессий, ни анализа сложных социальных и политических проблем прошлого и настоящего (к этим аспектам авторы и составители и не стремились), но есть в нем иное, чего так часто не хватает сегодняшним «народным вятиям» — есть живая боль раненой человеческой души, тоскливо мучающейся в казарменной социалистической клетке. Души, зывающей к людям и к Богу, ищущей ответы на главные, может быть, для многих авторов книги вопросы: за что же такая муча смертная, что поистине не вздохнуть нигде русскому человеку, везде его «достанут»...

Сборник открывается «Меморандумом в защиту природы», подписанным такими известными русскими писателями и общественными деятелями, как В. Белов, В. Распутин, М. Леме-

шев и другие. Как тут не вспомнить, что экологическое движение в защиту природы, по существу, и стало первой ласточкой в русском национальном возрождении. Именно эта гигантская задача — спасения земли русской — и объединила впервые не в подполье и эмиграции, а уже вполне легально писателей и ученых, деятелей искусства и будущих политиков. Конечно, не всегда рою и поступательно развивалось движение, знало и подъемы и спады, но оно стало вполне реальной общественной и политической силой, с которой вынуждены считаться сегодня и всемогущие ведомства, вроде Минводхоза, и институты власти, попавшие ныне в очередной «бесконечный тупик», и ревантисты светлого капиталистического будущего.

Россия медленно, но верно асает на ноги. Потому что еще жива, не добита ее душа. Об этом — центральные произведения сборника, повести В. Смирнова-Денисова «Леший», М. Кострова «Жихари Полистовья», Н. Чумакова «Князь Приладожья», рассказы и лирические зарисовки Н. Коняева, В. Кречетова, недавно трагически погибшего В. Перепелки.

Авторы стремятся создать галерею ярких, запоминающихся образов своих героев — русских людей со своими, порой непростыми, противоречивыми характерами и судьбами. Среди них и праведники из народа, подобные Василию Егоричу из повести В. Смирнова-Денисова, и чем-то подобный знаменитому Ивану Африкановичу В. Белова Кляпенюк, с любовью изображенный в «Жихарях Полистовья», и очень характерный крамистый Никифор Ломовой из повести Н. Чумакова, своего рода новый «хозяин земли русской», правда, советской, сталинской формации...

Различно отношение авторов к этим персонажам. Далеко не всегда оно однозначно, да и должно ли таким быть? Время литературы, сиренной по готовым клише, вроде бы прошло. Остается главное — сами эти народные типы, пополняющие, наверное, бесконечный ряд, начатый в незапамятной древности летописцами и народными сказителями.

Но немало было и потерь. Часто невольных, а часто и таких, о которых ныне нельзя не вспомнить без горечи и раскаяния за собственные грехи. «Стареющая трезво-бездобная душа томится в нелюбимом ожидании. Ей бы высказаться и вознестись под этот колокольный благовест, вместе с какими-то высокими словами, к истинным высотам духа... Но где они, эти заветные слова? Старые забыты, новые не придуманы», — признается один из авторов сборника И. Виноградов в миниатюре, которая так и названа «Моя молитва».

И все же эти новые слова есть. Так же, как и старые не выпали из народной памяти навеки, и вспоминаются теперь с еще большей ясностью и отчетливостью. Понимание этого, наверное, и объединяет лучшие произведения, вошедшие в книгу «Рожи заповедные», являясь подлинным свидетельством того, что она удалась.

Геннадий МУРИКОВ

РОЩИ ЗАПОВЕДНЫЕ. Сост. А. Е. Стерников. — Л.: Лениздат, 1990

ГРАФИКА. ЖИВОПИСЬ. СКУЛЬПТУРА.

Вопреки забвению

А. А. Борисов. Архангельск, 1901 г.

За долгий этот век, сделавший забвение нормой жизни, мы потеряли, должно быть, столько, сколько не утратили за все века предыдущей русской истории. Нам предстоит многое сделать по возвращению, прежде всего, национальных исторических, куптурных и духовных ценностей. Творчество выдающегося русского художника Александра Алексеевича Борисова, талантливого и любимого ученика И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, и величайшему сожалению, из этого забвения ряда. Когда-то основатель Третьяковской галереи, ценя талант и творчество Борисова, еще при жизни его отвел ему в своей экспозиции целый зал (!), справедливо считая, что картины этого заслуживают. Но уже в советское время, когда было принято завещание Павла Михайловича Третьякова, в музейной экспозиции не осталось ни одной борисовской работы. Почему-то советские искусствоведы (самые «сведущие» искусствоведы в мире) отнесли его к региональным художникам, а потому предоставили северянам самим заботиться о творческом наследии Борисова. Но художник одной темы и региональный художник — суть вещи разные. Никто не называет Айвазовского — черноморским художником, заслуженно оценивая его маринистику. Равно и Борисов, отдав многие годы новоземельской Арктике, не может быть отнесен лишь к живописцам северного края. Как справедливо заметил И. Е. Репин, Борисов — талантливый художник темной арктической воды и белоснежных арктических далей. Он первым из русских живописцев проник в высокие широты и был очарован плинном недоступной земли. Его захватили контрастные новоземельские цвета, особо проникновенная, оглушительная тишина... Он почувствовал, как мало еще знает человек о планете, на которой живет. Именно от этого чувства родилась неизменно таинственная живопись, которая потрясла не только Москву и Петербург, но и Европу, признавшую талант Борисова исключительным. Успех

его передвижных выставок был ошеломляющим. Картины его открыли людям новый, неведомый мир...

Да, конечно, сегодня на Земле недоступных мест нет. Кино и телекамеры открыли нам краски самых уникальных мест. Но эта доступность никак не обесценила живопись Борисова, поскольку она не этнографическая, а художественно-таинственная, в ней есть ощущение присутствия таинственного создателя нашей планеты, космоса и всего реального мира... Это, пожалуй, и есть главное художественное открытие Борисова...

Сегодня мы в большей степени, чем когда-либо, нуждаемся в таких открытиях. Хищнически вторгаясь в природу, варварски разрушая ее, мы разрушаем гармонию, которую еще целю видел и живописал Борисов. Такое, пожалуй, уж вряд ли повторится. И эти чувства художников, знавших гармонию мира и сумевших запечатлеть ее для нас, — духовный напад, который необходимо постичь каждому жаждущему духовного утешения.

И еще одно отрадное явление в творчестве таких людей, как Борисов. Они были совершенны изнутри, как личности, их таланты удивляют разносторонностью... Борисов оставил нам не только картины, но и книги очерков (к сожалению, не переиздававшиеся в советское время), написанные легким и певучим стилем, язык его первородный, глаз наблюдательный, приметливый, восприятие жизни оптимистичное, участливое...

Александру Алексеевичу Борисову исполняется в этом году 125 лет со дня рождения. В Архангельске откроется юбилейная выставка и пройдет научная конференция. Земляки задумали провести юбилейные торжества широко, гостей зовут не только из столиц. Будем надеяться, что событие это обернется для творчества талантливого живописца новым открытием и мировым признанием, чего он вполне заслуживает, без каких-либо скидок.

Арс. КУЗЬМИН

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

Вечный странник океана

Крайний Север, с его мрачной, но мощной и таинственной природой, с его вечными льдами и долгой полярной ночью, всегда привлекал меня к себе. Северянин по душе и по рождению, я всю жизнь с ранней юности только и мечтал о том, чтобы отправиться туда, вверх, за пределы Архангельской губернии.

Родился я в 1868 году в деревне Глубокий Ручей Вологодской губернии, Сольвычегодского уезда, на берегу Северной Двины. Детство провел среди крестьянской обстановки, но душа моя была далеко не покойна. Мысли мои неслись куда-то далеко, в неведомые страны на север; я думал: «Вот где простор и раздолье, вот где можно пожить!» Грамоте начал я учиться по псалтыри у крестьянина-соседа, так как школ в то время у нас не было, да и грамотных людей вообще было очень мало.

Лет десяти я был страшно болен, на выздоровление не было никакой надежды, и мои родители дали обещание, если я поправлюсь, послать меня в Соловецкий монастырь работать бесплатно на целый год. Я выздоровел и 15-ти лет был отправлен в Соловки. Там меня определили на рыболовную тону. Это занятие мне было как нельзя более по душе, и я с величайшим удовольствием, не замечая, как быстро летели дни, скитался по неизведанным лесным озерам, ставил сети и ловил рыбу, или еще с большим рвением пускался в море, в лабиринт сосновых островов, и подолгу развешивал там, слушая пение летних пернатых гостей. В юной моей голове роились тысячи прекрасных картин, дивных мечтаний.

Через год я вернулся домой, но душа моя еще больше куда-то неукротимо рвалась. Не интересовали меня игры и развлечения моих юных сверстников. Они, бывало, идут по праздникам в свободное время на гулянья, в хороводы, а я запираю ручей, устраиваю пруд, ставлю туда только что сделанную модель лесопильного завода, виденного мною в Соловках, и пускаю воду. Вода вертит водяные колеса, и весь завод приходит в движение. От восторга прыгаю по зеленой траве — вот мое развлечение. Я и раньше очень любил машины (мельницы, пароходы), а теперь, после Соловков, полюбил еще больше. Сажу, бывало, стругаю что-нибудь, задумаюсь и забуду свои крестьянские работы. Придет отец, все переломает, чтобы положить этому конец. Я долго-долго плачу, соберу остатки своих построек и снова, тайком от отца, где-нибудь в пустой избе начинаю мастерить свою затею. Картин и рисунков я не видал никаких, кроме икон. Случилось, приехали живописцы расписывать Красноборскую церковь. Я пошел к обедне и впервые увидел изображение масляными красками на стене. Это меня страшно поразило: в особенности меня удивило то, что на плоскости можно добиться такого рельефа. Достал я себе книжку «Родное слово» и со всюю страстью юного сердца стал рисовать. Рисовал по ночам при дымной лампе, так как днем надо было работать, помогать отцу. Да и ночью рисовать редко позволяли: попусту, мол, жгу керосин, да и спать не даю.

Долго боролся я с неотступной мыслью оставить родительский дом. Наконец, 18-ти лет снова решил попасть в Соловки, чтобы там поступить в иконописную или механическую мастерскую. Иного выхода не было, так как для всякого другого учения нужны были деньги. С этой целью я достал себе тихонько от отца годовой паспорт, благодаря тому, что старшиной в волостном правлении служил мой дядя, и уговорил мать весной пойти в Соловки на недельку — поклониться святыне. Мать, не подозревая того, что у меня есть годовой паспорт, согласилась на мои просьбы. Когда же мы попали в Соловки, я сказал ей, что назад я с ней не пойду, что у меня есть уже и паспорт. Она сначала этому сопротивлялась, но за меня вступился строитель Савватиевского скита о. Ионафан (ныне архимандрит Ионафан, настоятель Печенегского монастыря) и убедил мать не противиться моему сильному

Главы из книги А. А. Борисова «У самоседа. От Пинеги до Карского моря». СПб., 1907 г. любезно предоставлена нам для публикации Архангельской научной областной библиотекой им. Н. А. Добролюбова.

стремлению. Стал я опять рыбаком в Савватиевской пустыни, а потом был взят в иконописную мастерскую, где и работал дни и ночи.

В 1885 году Соловецкий монастырь посетил Е. И. В. Великий князь Владимир Александрович и обратил внимание на мои шестимесячные успехи. Это дало мне сильнейший толчок и сыграло в жизни моей огромное значение. В 1886 году приезжал в Соловки добрейший А. А. Боголюбов, который и вывез меня впоследствии в Петербург. В Петербурге я сначала поступил в рисовальную школу Императорского общества поощрения художеств, а затем вольнослушающим в Академию художеств. В 1895 году я сдал экзамен по научным предметам и поступил в число действительных учеников Академии художеств. В 1897 году я окончил Академию и предпринял целый ряд полярных путешествий с художественными целями.

После природы родных лесов Вологодской губернии наибольшее впечатление произвели на меня льды и белые ночи Соловецкие, и, может быть, по этой причине меня всегда тянуло на север, хотя и до того рассказы и описания полярных путешествий не давали душе моей покоя.

Прошли годы ученья, в течение которых мне удавалось урывками побывать и на родине Соловецком, и в Печенге, у высокопочтимого игумена Ионафана, и во многих других местностях Мурманского побережья. Всюду со мною были краски и палитра, но этого оружия оказывалось недостаточно, чтобы даже приблизительно передать окружающие меня картины полярной природы. Много меня болдрил дорогой Илья Ефимович Репин, который написал восторженные статьи в печати о моих картинах, и мой незабвенный учитель И. И. Шишкин, который и поставил меня на твердую дорогу, заставив изучать рисунок с тою настойчивостью и вниманием, какие характеризуют этого великого мастера. Советы второго моего учителя, дорогого А. И. Куинджи, раскрыли предо мной новые горизонты в смысле колорита, и я еще больше потянулся к тем необычайным краскам, которые только и могут дать летние северные ночи: то грозное, то ласкающее небо и вечные странники Ледовитого океана — могучие полярные льды.

Благодаря стечению обстоятельств и поддержке вечно мною оплакиваемого М. И. Казин, летом 1896 года я попал на Новую Землю.

Те впечатления, которые я переживал наедине с несколькими самоедами, и в смысле художественном, и в смысле скитальца по неизведанным странам, глубоко запали мне в душу, и в моей голове созрела мысль снова посетить далекий север, но уже при таких условиях, которые дали бы мне не только материал для этюдов, но и позволили произвести некоторое географическое исследование восточного побережья Новой Земли и обогнуть, если представится возможность, самую северную оконечность острова — «Мыс Желания». В голове роились мысли о местах, где когда-то бывали малоизвестные подвижники русского дела: Савва Ложкин, штурман Розмыслов, Чиракин, Пахтусов, Циволька и проч., и брала досада, что рядом с этими святыми для всякого русского именами приходится встречаться на искони русском побережье с именами разных иноземных путешественников, по большей части лично одушевленных корыстными чувствами. Хотелось дополнить хотя бы в слабой степени географические сведения о наиболее для нас интересных местах Новой Земли и привлечь к ней внимание общества.

Но главная задача моя была художественная: мне хотелось написать целую серию картин и показать всему свету те необычайные красоты загадочного полярного мира. Мне хотелось похитить его молчаливую тайну и поделиться ею с другими широкими кругами. До сих пор созерцали этот таинственный волшебный мир только одни путешественники, которые нередко платили за это жизнью. Они описывали его восторженными словами иногда красноречиво, иногда увлекательно. Но разве можно передать

пером эту дивную сказку заснувшей или, быть может, навеки умершей природы. Можно плакать, молиться, стоять на коленях перед этим дивным творением Бога, но написать невозможно!..

К счастью, мои начинания встретили могущественную поддержку в лице министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек верил мне; он представил меня Императору... И впоследствии все мои силы направлены были к тому, чтобы не было стыдно ему за меня. Это заставляло меня иногда пробиваться с риском для жизни — голодать, мерзнуть во льдах, но я всегда помнил и всегда неуклонно двигался к цели. В то же время на работы мои обратил внимание человек с именем, известным всей художественной России, безвременно скончавшийся П. М. Третьяков. Удачная продажа ему для его Московской галереи первой серии моих новоземельских этюдов и большой картины, бывшей на конкурсной выставке в Академии художеств 1897 года, вместе с щедрой субсидией Государя Императора, позволили мне приступить к осуществлению давно лелеянного плана, но те же исключительно благоприятные условия возлагали на меня и большую ответственность — хотелось сделать все, что от меня ожидают и что я сам себе предначертал. Пожалуй, это не сбывается, но, по крайней мере, совесть моя будет спокойна, что я сделал все, что было в моих силах и в моем умении.

«Верные, как зеркало, картинки»

Из переписки
А. А. Борисова
и П. М. Третьякова

Художник-пейзажист Александр Алексеевич Борисов (1866—1934), ученик И. И. Шишкина и А. И. Куинджи, вошел в русское искусство в конце XIX века, с 1896 г. он активно участвует в академических выставках, а в 900-е годы с персональными выставками он посетил все европейские центры искусства — Вену (1905), Прагу (1905), Мюнхен (1905), Берлин (1906), Гамбург (1906), Кельн (1906), Париж (1906), Лондон (1907)... Петербург (1914). Печать того времени (немецкая, чешская, французская, английская, русская) пестрила рецензиями и откликами на эти выставки.

Из отечественных критиков о нем писали С. Н. Дурылин, В. А. Гиляровский, В. В. Розанов, Н. И. Кравченко...

А. А. Борисов занял прочное место в отечественном искусстве рубежа XIX и XX веков как художник Крайнего Севера, как пионер и новатор в области живописного освоения полярной темы. Его интерес к изображению природы Крайнего Севера не был эпизодом, как, скажем, для В. А. Серова и К. А. Коровина, посетивших Мурман два месяца позднее Борисова, — он прошел через всю творческую жизнь художника, начиная с академической юности и до конца дней. Наиболее известные работы этого цикла: «В области вечного льда. Лето» 1897 (ГТГ), «Весенняя полярная ночь»

1897 (ГТГ), «Весенняя ночь на Мурмане» 1896 (ГТГ)...

На осенней академической выставке 1896 года Павел Михайлович Третьяков приобрел почти все этюды Борисова, тогда еще ученика Академии. По этому поводу в письме М. В. Нестерова от 29 ноября 1896 года к Е. М. Хруслову (1861—1913, художник) говорится: «Третьяков купил у молодого академика Борисова 56 этюдов «Полярная страна» (Новая Земля), из них до 20 действительно интересных».

В 1897 году Третьяков снова приехал в Петербург и 10 сентября побывал в мастерской А. Борисова (см. А. П. Боткина «П. М. Третьяков», М., «Искусство», 1960, стр. 292) и опять купил несколько работ художника.

Когда же Борисов собрался в «испытательную экскурсию» (декабрь 1897 г.) — так он называл свою поездку в Большеземельскую тундру и на остров Вайгач, — то Павел Михайлович, узнав об этом от самого художника, сказал, чтобы он никому не показывал своих новых работ и вез их прямо к нему, — купит.

После такого успеха у Третьякова многие молодые художники пережили чувство обиденности и, прямо скажем, зависти к Борисову. Зависть сопровождала Борисова многие годы. Об этом он писал и сам: «Я умру, уляжется ко мне зависть...»

П. М. Третьяков купил у А. Борисова 65 работ, образовавших специальный полярный зал № XXII.

Начавшаяся в 1896 году переписка Борисова с Третьяковым продолжалась до кончины Павла Михайловича в конце 1898 года.

В рукописном отделе ГТГ хранятся девять писем Борисова к Третьякову. Первое письмо здесь цитируется по черновику, хранящемуся в отделе рукописей ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), ф. 676 оп. 1 № 34.

27 ноября 1896 г.

Добрый Павел Михайлович!

Письмо Ваше я получил еще 24 ноября, а выставка наша закрылась только вчера 26 ноября.

Отвечать из проданных ранее этюдов удалось только один с Оленем № 35, а два других я не мог, так как владельцы их ни за что не соглашались уступить; один, тот, который купил этюд Полярной ночи № 25, говорит, что он купил по поручению из Москвы и что он уже об этом известил в Москву и описал сюжет, а потому он не может согласиться на предложенные условия написать ему повторение или картину, хоть бы и в большем виде.

...Что касается этюдов, Вами приобретенных, то Вы, Павел Михайлович, пожалуйста, не беспокойтесь, все будет приведено в полный порядок и сделано все превосходно. На «Птичьем базаре» напишу птиц.

Остаюсь с глубоким почтением к Вам

А. Борисов.

Из контекста видно, что Третьяков, отобрав этюды для галереи, сделал ряд замечаний и хотел, чтобы художник довел их до того уровня совершенства, какой был необходим ему, покупателю.

С.-Петербург 1896 9 декабря

Добрейший Павел Михайлович!

Простите меня, что я так долго не отвечал Вам, но дело в том, что я до сих пор не мог узнать адреса того господина, для которого куплен мой этюд, об котором Вы просили узнать, так как некто Траншель (по-видимому, Гентих Генрихович, ученик академии. — Н. Б.), с которым я вел переговоры по поводу уступки этюда, выехал в Москву, и мне удалось только после долгих трудов и ожиданий узнать, для кого в Москву куплен этюд. Вот его адрес: Москва, Покровка, угол Яковлевского и Лямина переулк или второй — Кузнецкий Мост, контора чайного магазина Попова — Алексей Николаевич Изгарышев.

Почти все дела идут к концу, и я думаю, что скоро буду в состоянии отвезти этюды, за исключением некоторых, о которых мы говорили Сергею Сергеевичу Боткину (зять Третьякова. — Н. Б.). В настоящее время делаю повторение для господина Быкова (видимо, сын петербургского собирателя Николая Дмитриевича Быкова (1812—1884), коллекционер. — Н. Б.), который оригинал уступил для Вас.

Все этюды моих товарищей, которые Вы изволили приобрести, уже у меня.

Остаюсь с глубочайшим почтением к Вам

А. Борисов.

В письме речь идет об этюде картины «Весенняя полярная ночь» (ГТГ), который А. Н. Изгарышев подарил галерею в 1897 году.

А под «этюдами моих товарищей» подразумеваются этюды Н. К. Рериха «Гонец. Восстал род на род» (ГТГ) и Ф. Э. Рушца «Ранней весной» (ГТГ).

С.-Петербург 1897 февраля 8

Глубокоуважаемый Павел Михайлович!

Простите меня, что я задержал Вам ответ на Ваше письмо, в котором Вы просили сообщить название этюда, бывшего у Изгарышева,

но дело в том, что я на несколько дней уезжал из Петербурга...

Этот этюд я бы назвал «Весенняя полярная ночь», хотя там уже есть такое название, но это ничего не значит.

Про мои этюды с Севера очень лестно написал И. Е. Репин в одной газете, издаваемой в Тифлисе, «Кавказ».

К выставке приготовил две картины, и когда Вы, Павел Михайлович, будете на выставке, то прошу обратить Ваше внимание.

Остаюсь с искренним к Вам вниманием

А. Борисов.

Действительно, в январе 1897 года в газете «Кавказ» И. Е. Репин писал: «Прошлую весну, лето и зиму один из учеников академии, уроженец вологодского края А. А. Борисов предпринял давно желанную им экскурсию на Север, который он любит и понимает. Норвегия, Мурманский берег и особенно Новая Земля, на Ледовитом океане, привлекли его воображение. И там, несмотря на все невзгоды, лишения, холод, голод и темноту, при всех неудобствах, он сделал около 150 этюдов этого ужасного края. Это все превосходные и верные, как зеркало, картинные, строго нарисованные и необыкновенно правдиво написанные. В них ярко выразилась любовь этого русского Хансена к черной воде океана, с белыми льдинами, свежесть и глубина северных тонов, то мрачных, то озаренных резким светом низкого Солнца. Горы, наполовину покрытые снегом во время самого жаркого лета, берега, дали, лодки, самоеды в оленьих шкурах и проч. предметы, все это дышит у него особенной красотой Ледовитого моря и производит впечатление живой правды. Коллекцию его приобрел П. М. Третьяков для Московской галереи. Нельзя не приветствовать такой своеобразной силы в стенах академии художеств, где столько лет подавшие сюда юнцы нивелировались устарелыми традициями посредственной коллегии руководителей».

Цитируется по книге «Воспоминания, статьи и письма из заграницы И. Е. Репина» С.-Петербург, 1901, стр. 252.

Упомянутые в письме две картины — это «В области вечного льда. Лето» и «На моржах», первая находится в ГТГ, а местонахождение второй — неизвестно.

С.-Петербург 6 марта 1897

Добрый Павел Михайлович!

Напрасно Вы беспокоитесь относительно той акварели работы Александра Николаевича Бенуа. Я в тот же день, когда Вы сказали, говорил Альберту Николаевичу (Бенуа) об этом и просил заведующего на выставке продажей отметить, что акварель № такой-то при-

обретена Вами. Она стоит 100 рублей.

С истинным почтением преданнейший Вам

А. Борисов.

С.-Петербург 1897 апреля 25

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович!

Академическая выставка картин закрывается в воскресенье 27 апреля, и я сейчас же по закрытии ее пойду к господину Фельтену (петербургский комиссионер Ю. М. Фельтен. — Н. Б.), как мы и условились, и скажу ему, чтобы он взял картину мою, приобретенную Вами, и отправил ее в Москву.

Получили ли Вы четыре этюда, которые я еще до праздника Св. Пасхи оставил у Сергея Сергеевича для того, чтобы он переслал бы Вам. Интересно, понравился ли Вам мой этюд, взятый Вами в последний раз бывши у меня и решились ли Вы его оставить у себя? Деньги за картину Вы опять, будьте так добры, перешлите на имя Сергея Сергеевича для передачи мне.

С глубочайшим почтением к Вам

А. Борисов.

О какой картине и каких конкретно этюдах идет речь, сказать трудно.

С.-Петербург 1897 23 ноября

Добрейший Павел Михайлович!

На днях в мастерской у меня был И. Е. Репин. Мы, между прочим, говорили относительно моей большой картины, свободна ли она? Я ему сказал, что мы с Вами еще пока не сошлись, тогда он мне сказал, чтобы я написал Вам письмо, что я уступил бы картину за 3 000 рублей.

Глубокоуважаемый Павел Михайлович, если Вам будет угодно приобрести картину мою за 3 000 р., то я готов Вам уступить ее за эту цену. В ином случае я стану ее считать свободной и буду ждать покупки Академией в конце выставки.

С искренним почтением, Ваш покорнейший слуга

А. Борисов

С.-Петербург, Тучковая набережная 10 кв. 42.

В письме речь идет о большой картине «В области вечного льда. Лето», которую Третьяков купил чуть позднее, она и ныне находится в Третьяковской галерее.

27 ноября 1897

Глубокоуважаемый и добрейший
Павел Михайлович!

Академия давала мне поездку (заграничную. — Н. Б.) и брала картину бесплатно. Здесь, во-первых, нравственное удовлетворение и, наконец, я вполне мог рассчитывать на продление пансионерства еще хоть, по крайней мере, на год, и таким образом, я получил бы 4 000 р. и громадное нравственное удовлетворение.

Павел Михайлович, будьте снисходительны, и поймите мое положение, ведь надо мной будет смеяться академия, да и товарищи, это отчасти и теперь уже заметно. Если Вы будете так добры и дадите 2 500 р., то тогда не буду казаться смешным, и Вы, таким образом, снимете это пятно: бог его знает, послали бы еще на второй год, но я получил бы 2 500 р. и не обязан отдавать отчета, вот какой был бы предлог в мое оправдание.

Вы были ко мне все время так добры и оказывали мне большую нравственную поддержку, и Вам, а не Академии, обязан я.

Прошу и теперь Вас не оставить меня.

Преданный Вам
А. Борисов.

После этого торга Третьяков купил картину «В области вечного льда. Лето», но это было уже в 1898 году на 17-й Периодической выставке. Так в его галерее образовался зал № 22 — зал полярной живописи, в котором было развешено 65 полотен А. Борисова.

Зато ныне не только не существует подобного зала в ГТГ, но нет и ни одной работы Борисова в экспозиции!

Архангельск 98 12/1

Многоуважаемый
Павел Михайлович!

Возвращаю Вам с большой благодарностью сто рублей и поздравляю Вас с Новым Годом, и от всей души желаю, чтобы Новый Год принес множество счастья!

Павел Михайлович, как Ваша Периодическая выставка, что говорят вообще и, в частности, про мою картину? Вот если бы Вы были так добры, прислали мне газетные рецензии, я бы Вам был бесконечно благодарен. Пришлите мне все худое и хорошее, не бойтесь, Павел Михайлович, меня теперь, что называется, пушкой не прошибешь!

Вчера приехал в Архангельск и, бог мой, как здесь скучно! Все занесено снегом, все обезображено страшными вьюгами... Теперь уже перебрался из шубы в малицу и прекрасно себя чувствую. Мороз в Архангельске 30° с лишним.

Готовый к Вашим услугам
А. Борисов.

Упоминается 17-я Периодическая выставка картин Общества любителей художества 1897/98 года, на которой экспонировалось две картины А. Борисова: «На моржа» и «В области вечного льда. Лето».

В Архангельск А. Борисов приехал в конце декабря 1897 года, готовясь к поездке в Большеземельскую тундру и на Вайгач. Устроив необходимые дела и формальности, он на лошади, по зимней дороге, поехал к себе в г. Красноборск (на Северной Двине) для окончательного сбора в дальнюю дорогу. Из Красноборска его путь в Пустозерск проходил по Северной Двине, реке Пинеге — деревня Труфановская и по пинежской, мезенской и печорской тайбалам в Усть-Цильму. Несколько дней отдыха в Усть-Цильме и далее — дорога на Пустозерск. Следующее письмо Третьякову уже из Пустозерска.

Пустозерск 98 31/III

Глубокоуважаемый
Павел Михайлович!

Письмо Ваше, последнее, догнало меня в Пустозерске. Оно где-то долго странствовало. Бесконечно благодарю Вас за сведения по Периодической выставке и № (вырезку) газеты Р (усские) В (ведомости).

...Послезавтра, 2 апреля, отправляюсь из Пустозерска в Югорский Шар. Тундрой пройдем при всех благополучиях недель 6—7. Прожив некоторое время, я поеду по острову Вайгачу и познакомлюсь с его жизнью.

Остаюсь с почтением к Вам
Александр Борисов.

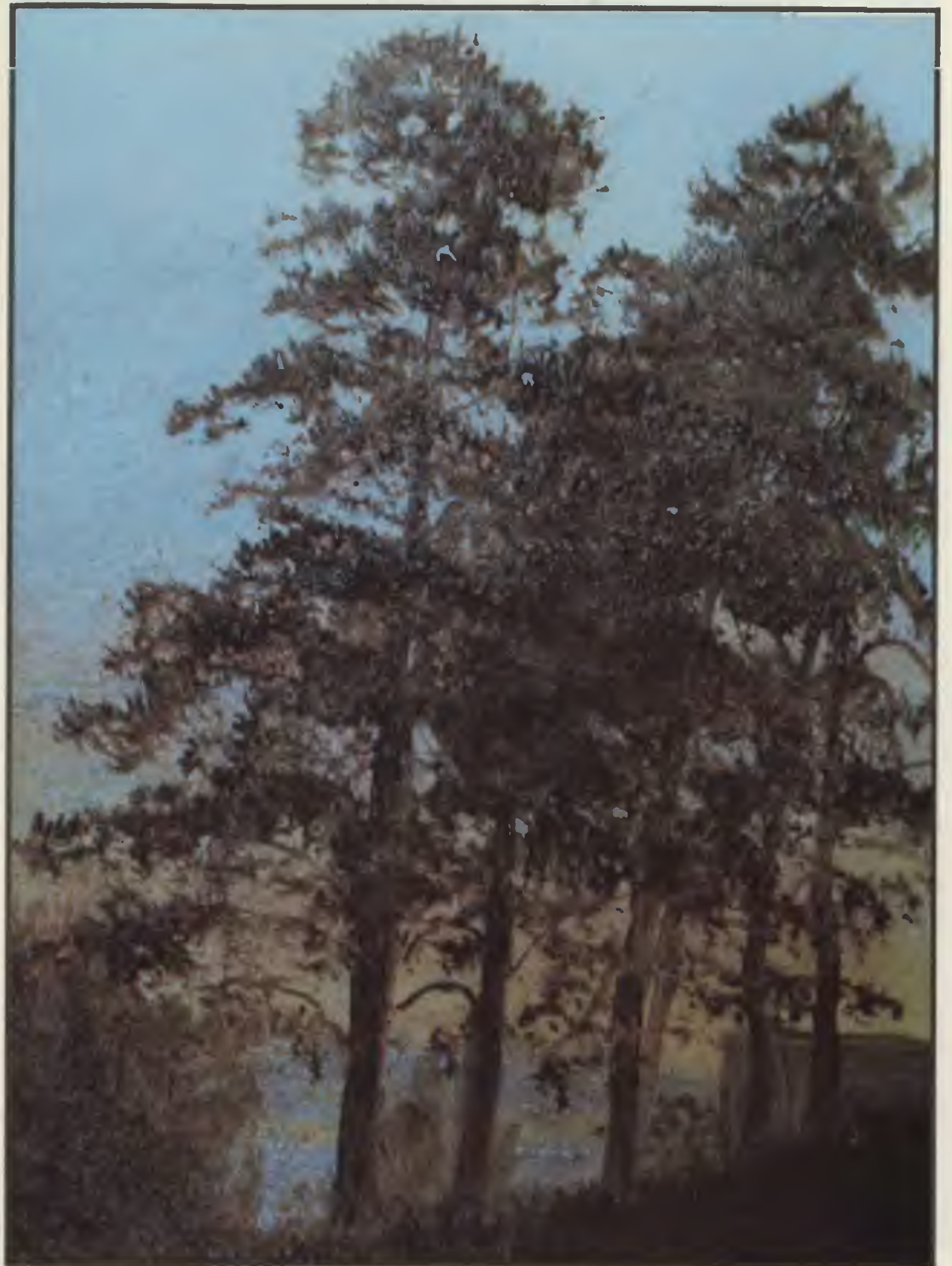
Адрес: Господину Вице-Губернатору Дмитрию Николаевичу Островскому в Архангельск, для передачи в Югорский Шар А. Борисову.

В письме упоминаются «Русские ведомости» от 21 янв. 1898 г. с рецензией на выставку.

Переписка свидетельствует, с каким отеческим вниманием и заботой относился к Борисову и его творчеству Павел Михайлович.

Письма А. А. Борисова к П. М. Третьякову любезно предоставлены нам Архангельским музеем изобразительных искусств с согласия племянника художника Н. П. Борисова и с его комментарием.

Цветные репродукции картин А. А. Борисова выполнил фотохудожник Виттор Конопцев. Мы публикуем их с любезного разрешения дирекции Архангельского музея изобразительных искусств, поскольку эти работы художника находятся в экспозиции музея и его запасниках.

Этюд с избушками. 1898

Судно во льдах. 1899

Этюд «Восточная башня Соловецкого монастыря». 1912

Залив Чекина. Новая Земля. 1901

Лес зимой. 1913

Изображенное «дышит
у него (Борисова. — Ред.)
особенной красотой
Ледовитого моря и
производит впечатление
живой природы».

И. Е. Репин

Купальни на берегу. 1890

Борисов нашел
«новый ручей, никем не
затоптанный, на дне которого
ничьих тюбиков красочных
не валяется».

Н. К. Рерих

СВЯТОЕ ТАИНСТВО БРАКА

Брак есть таинство, в котором при свободном (пред священником и Церковью) обещании женихом и невестой взаимной верности друг другу благословляется их супружеский союз, во образ духовного союза Христа с Церковью, и испрашивается и подается благодать Божия для взаимной помощи и единодушия и для благословенного рождения и христианского воспитания детей.

Брак установлен Самим Богом еще в раю. По сотворении Адама и Евы «благословил их Бог и сказал: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею» (Быт. 1, 28).

Иисус Христос освятил брак Своим присутствием на браке в Кане Галилейской и подтвердил его божественное установление: «Сотворивший (Бог) вначале мужчину и женщину сотворил их (Быт. 1, 27). И сказал: посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью (Быт. 2, 24), так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Матф. 19, 4—6). Муж не должен самовольно оставлять жену, а жена — мужа (см. Римл. 7, 1—3). Единственная достаточная причина для развода — прелюбодеяние; но и в этом случае муж и жена разводятся не иначе, как властью самой Церкви через ее законных пастырей, т. е. тою властью, которая сочетала их: кто привязал жену мужу или мужа жене, тот только может и развязать их, ибо только апостолам и их преемникам Спаситель дал власть связывать и разрешать людей (Матф. 18, 18).

ЗАКОНЪ БОЖІИ

Православные праздники Дни светлой памяти

АВГУСТ

- 1 августа** — День памяти Серафима Саровского.
- 6 августа** — День памяти благоверных князей Бориса и Глеба.
- 12 августа** — День памяти преподобного Германа Соловецкого.
- 16 августа** — День памяти преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца.
- 19 августа** — ПРЕОБРАЖЕНИЕ ГОСПОДНЕ.
- 21 августа** — День памяти преподобного Григория, иконописца Печерского.
- 22 августа** — День памяти апостола Матфия.
- 26 августа** — День памяти святителя Тихона Воронежского.
- 27 августа** — День памяти преподобного Феодосия Печерского.
- 28 августа** — УСПЕНИЕ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ.
- 30 августа** — День памяти преподобного Алипия, иконописца Печерского.

Раздел первый

Изъяснение обрядов при бракосочетании

1. Возлюбленные новобрачные! Священное таинство, совершившееся ныне над вами, св. Церковь сопровождает такими обрядами и молитвами, которые должны служить для вас назиданием на всю жизнь. Поэтому, вместо всяких слов и рассуждений, достаточно указать на эти обряды, для того, чтобы понять важность священного таинства и обязанности, какие оно налагает на вас.

II. 1. Итак, эти перстни, которые надеты на вас, суть символы вечности, чистоты и драгоценности вашего союза. Вечно оставаясь на ваших руках, они беспрестанно должны напоминать вам о ваших взаимных обязанностях.

2. Эти венцы, которые были на вас возложены, указывают на величайшее достоинство брачного союза. Возлагая на главы ваши этот исключитель-

ный знак царского достоинства, св. Церковь желает этим возбудить в вас уважение, которое должно быть и побуждением, и ручательством к доброй нравственности. Вы слышали слова апостола Павла, который союз мужа и жены уподобляет соединению Христа с Церковью. Итак, ежели брачный союз так важен, что он возводит вас на степень почти царского достоинства и олицетворяет соединение Христа с Церковью, то захотите ли вы чем бы то ни было унижить этот высокий союз?

3. Далее, вы пили из одной чаши вино. Это значит, что с этой минуты вы должны всегда разделять между собой и радость, и горе, которое может случиться с вами на вашем жизненном пути.

4. Вы троекратно обходили с соединенными руками вокруг сего аналоя, на котором вы видите крест и Евангелие. Это научает вас, что с этой минуты вы должны согласно и единодушно нести на себе крест Христов, разделять между собой все огорчения, несчастья и жить в законе Божием.

5. Наконец, во все продолжение совершения сего таинства вы много раз слышали имена Авраама и Сарры, Исаака и Ревекки, Иакова и Рахили и других патриархов, этих бессмертных образцов семейной жизни. Их представляет вам Церковь как пример для подражания. Вспомните, что отличительные черты их жизни — это величавое спокойствие.

Продолжение. Начало в №№ 1—6, 1991.

непоколебимое взаимное уважение всех членов семейства и воспитание детей в духе благочестия — должны принадлежать и всякому христианскому семейству.

III. Итак, принося вам душевное поздравление во исполнение ваших желаний, прошу Бога, чтобы жизнь ваша была именно такова, каковою она должна быть по духу святой Православной Церкви. Аминь.

ПОУЧЕНИЕ пред благословением образом жениха и невесты

I. Возлюбленные во Христе жених и невеста! Вы находитесь в преддверии семейной жизни и просите Божьего благословения и благословения родителей вступить в законный брак. И то, и другое благословение будет вам дано. Цените их и живите достойно сих благословений. Я, как пастырь Церкви, призванный от лица Церкви преподавать вам Божие благословение, нахожу благовременным преподавать вам несколько наставлений, которые имеют целью оградить семейную жизнь от губительного влияния на нее ложных мнений и обычаев.

II. Жизнь семейная на глазах наших падает, семейное счастье рушится, и самая возможность этого счастья подвергается сомнению. Заключение супружеских союзов становится страшным по множеству несчастных браков; счастливый выбор жениха и невесты сравнивается с случайным выигрышем по жребию; незаконные сожития, как легко расторгимые, предпочитают законным супружествам, заключаемым с обетами вечной верности. Положение печальное. Если семейство есть основание силы и благосостояния народов и государств (чего никто не может оспаривать), то разложение семьи должно быть началом падения государств и народов. Если правильная семейная жизнь есть источник дарований и благовоспитанности молодых поколений, то с разрушением семьи надо ожидать упадка народных сил и доблестей.

Надобно принимать меры и ставить преграды разлагающемуся злу, если мы хотим спасти от упадка и истощения наш народ и от разложения наше великое государство.

Искать этих спасительных мер нам нигде кроме Божественного откровения и Церкви. Призовем на помощь их спасительные наставления для ограждения наших семейств от тлетворного влияния ложных воззрений и вредных обычаев нашего времени.

I. Главное заблуждение относительно семейной жизни ныне состоит в том, что все ищут и ждут от семейной жизни счастья, как чего-то готового, что непременно они должны найти без трудов и усилий. Но такого готового счастья ни в каком роде и нигде нет на нашей земле: все здесь трудом добывается. В изречении бытописателя о жизни в раю наших прародителей есть знаменательная черта, которую мы можем взять в руководство при нашем размышлении о семейном счастье. Земной рай, изображенный в Библии, всеми признается за первообраз земного благополучия. Красота местности, первобытная сила растительности, готовые плоды для пищи, отсутствие опасностей и болезней, мир и чистая радость сердца, созерцание Создателя и беседа с Ним — все это возносит наше воображение в иной вожделенный мир, который превышает все наши обычные

понятия о земном счастье. Но не для праздных наслаждений поселил Бог первозданных людей в рай сладости, а дал им упражнение для первого развития их сил, повелев им «возделывать рай и хранить его». Итак, если и самый рай, для полноты счастья его невинных обитателей, имел нужду в возделывании и охранении, то какое земное состояние и какое место на земле может быть всегда готовым для нашего благополучия без возделывания и охранения?

Ныне два условия признаются прочным обеспечением семейного счастья: счастливый выбор жениха и невесты и предварительно установившаяся крепкая взаимная склонность, обещающая нерасторгимый союз в будущем. Никто не отрицает великой важности этих условий, но никто из людей, знакомых с опытом, не решится сказать, что счастливым выбором и взаимной склонностью все будущее счастье супругов обеспечено. Это рай, который надобно еще возделывать и хранить. Прежде всего под это доброе начинание нужно подвести основание, на котором зиждется истинное, т. е. разумное, сознательное, духовное счастье человека. Все увлечения нашего сердца проходят вместе с переменами, неизбежно происходящими в предметах, к которым они направлены, и в нас самих. Красота телесная вянет, к богатству привыкают, вкус к удовольствиям по времени притупляется; не изменяются и не слабеют только связи, составляемые на общем направлении супругов к разумно-нравственным целям. Апостол Павел говорит, что невеста «свободна выйти, за кого хочет» — как и жених волен жениться, на ком хочет — «только в Господе» (I Кор. 7, 39). Что это значит? Значит, чтобы при заключении брачных союзов не были опускаемы из виду цели, указанные для супружества Господом: *взаимное попечение супругов друг о друге во всех отношениях, но преимущественно в нравственном; умножение, согласно с Божиим благословением, рода человеческого людьми, способными силою дарований, познаний и деятельности господствовать над природою, а не смотреть на нее тупым взглядом и не жить в ней без сознания подобно существам неразумным* (Быт. 1, 28); *наконец, восполнение человеческих обществ членами, способными служить благу человечества и славе Божией*. Только при согласии супругов во взглядах на эти главнейшие их обязанности и при дружном их исполнении получают настоящее значение и красота, и образованность, и достаток, и взаимная любовь как средства достижения целей или как утешения в трудах. Без этого единства убеждений является у супругов разлагающая разность во вкусах и взглядах, направление склонностей в разные стороны, а главное — бессодержательность и пустота семейной жизни, которой нельзя наполнить никакими чувственными удовольствиями. Если эта пустота и отсутствие высших целей и благородных трудов, предлагаемых супругам, обнимает обе половины, то семейное счастье сгибло, и Дом становится жилищем праздности, ссор и пороков как в родителях, так и в детях; если же эта неспособность к труду семейной жизни является в одной половине, и ее участь — иногда затаенное, но всегда неизбежное охлаждение и даже пренебрежение от другой стороны, как к мертвой силе, задерживающей общее дело и вредящей ему. Таково чувство, сопровождающее печальный взгляд разумного мужа на жену, бросающую без призора детей для светских удовольствий; таковы мысли жены о муже праздном и

ленивом или разоряющем дом расточительностью и другими пороками. Когда равно пусты и рассеяны и муж, и жена, то их неизбежно постигает и другая заслуженная кара — потеря уважения и любви со стороны детей их.

Воображая, что счастливым выбором партии обеспечивается навсегда семейное счастье и что оно упрочивается первою склонностью, многие супруги ныне опускают из виду и то, что в первое время супружества они еще не знают ни друг друга, как должно, ни даже самих себя в новом своем положении. Только стоя близко друг к другу, как стоят супруги, и только по времени они могут изучить образ мыслей, вкусы, склонности, привычки друг друга, причем, к удивлению многих, в избранниках сердца, вместе с достоинствами, привлекавшими любовь, открываются и значительные недостатки. Обнаружение недостатков, неожиданные мысли, желания и требования поражают иногда обоих супругов, как нечто необычайное, для счастья опасное и доказывающее ошибку, сделанную в выборе. При дальнейшем обнаружении недостатков эта мысль подтверждается, и умножающиеся столкновения, споры и размолвки, при недостатке наблюдения за собой и снисходительности друг к другу, принимаются за доказательство, что счастье улетает, что брак не удался, что вместе жить невозможно, что нужно разойтись.

Между тем правила христианской жизни требовали от обоих супругов, при благодарности к Богу за найденные друг в друге достоинства, быть настроены и ждать обнаружения недостатков, как неизбежной принадлежности каждого человека, изучить их, отнестись к ним со всею снисходительностью, какой требует взаимная любовь, и приниматься с кротостью и терпением за исправление друг друга. Это укрепляет любовь, так как имеющий недостаток старается утешить снисходительного друга другими лучшими свойствами своей души. Внимание к слабости и недостатку такого близкого человека, как муж или жена, возбуждает жалость к нему и утверждает в терпении, которое само по себе есть добродетель; в этой добродетели человек, имеющий христианские убеждения, и для собственного усовершенствования обязан упражняться с ревностью и постоянством. Он не может бросить того, с кем сжилась сначала первая, живая и ясною любовью, потом любовью, по слову апостола, «милосерднующей», потом любовью «долготерпящею», наконец — любовью «верующею» в плоды терпения и в возможность исправления человека, которое иногда бывает и сверх ожидания, при особой помощи благодати Божией (I Кор. 13, 4—8). По этим воззрениям истинно, честно любящие друг друга супруги не могут бросить друг друга за недостатки (если они не обращаются в преступления), иначе для них потеряется главная цель супружеской жизни — любить друг друга не с увлечением для одних наслаждений, а с самоотвержением для общего блага, временно и вечно. В этом случае полезно вспоминать наставление св. Иоанна Златоуста: «В супружестве надо всем жертвовать и все терпеть для сохранения взаимной любви; если она утрачена — все пропало».

2. Немало вредят в наше время семейному счастью разные обычаи и предрассудки, не согласные с христианскими понятиями о супружеской жизни. Сюда мы относим: позднюю женитьбу мужчин, особенно воспитания женщин, стремление к уличной жизни и крайнюю свободу супругов в отношении к чужим лицам другого пола.

2.1. Продолжительная холостая жизнь развивает в мужчинах не только крайнюю разборчивость в выборе себе жены, по их избалованному, в иногда и испорченному вкусу и по излишним требованиям, но и разные эгоистические привычки, не соответствующие основному закону семейной жизни, по которому супруги обязаны заботиться больше об угождении друг другу, чем личным склонностям. Муж, привыкший до брака проводить свободное время в веселых собраниях, делает издержки из своего состояния только для себя, располагает время по своему, — с трудом мирится со строем жизни семейной, где он обязан больше тратить для жены и детей, чем для самого себя, посвящать им свое свободное время и заботиться больше о благоустройстве своего дома, чем о своих личных удовольствиях. Все это для избалованного свободного человека становится стеснительным; он рвется из дому вон и тем дает семье испытывать оскорбительное чувство, что она для него бремя, и переносит одиночество и как бы сиротство при живом муже и отце.

2.2. В современном воспитании девиц много крайностей, вредящих целостности и сосредоточенности семейной жизни. Ныне каждая образованная девица, забывая свое главное назначение быть женою и матерью, непременно задается какою-нибудь особою возвышенною целью, для достижения которой не только отдаст все свои силы, но и изнуряет себя: быть общественною деятельницею и служилым человеком, врачом, литератором, художником, поступить на сцену — вот любимые мечты современных молодых девиц. Выходя замуж, как они часто любят говорить, вопреки своему призванию, они бредят этим призванием до старости и убивают время на бесполезное для их семейных обязанностей чтение и другие занятия, без которых не только можно бы, но и должно обойтись.

2.3. Под именем привычки к уличной жизни мы разумеем обычаи нашего времени, порождаемые новым учением о необходимости всеми средствами развивать жизнь общественную, разумея под этим не совокупные труды для блага общества, а главным образом, общественные удовольствия. Сколько ныне выездов, собраний, вечеров, гуляний и тому подобных отлучек из семьи, отрывающих супругов друг от друга и от детей, которые можно бы оставить без ущерба общественному и государственному благу. Мы много на эту мысль встретим возражений со стороны требований благотворительности, процветания искусств, общественных приличий и т. п. Но все эти благодеяния просвещения окажутся легковесными сравнительно с великими благами, которые приобрели бы семейства, если бы муж и жена все свободное от истинно обязательных выездов время сидели дома и занимались своим делом. И всякая полезная общественная деятельность потеряет и душу, и силу, и истинный смысл при упадке семейных добродетелей.

2.4. Но едва ли не самый опасный враг семейного счастья — это крайняя свобода, позволяемая ныне в отношениях супругов к сторонним лицам другого пола. Стеснять мужа и жену в этом отношении почитается ныне и неблагоприятным, и несоответствующим истинным понятиям об уважении к человеческой личности, и признаком грубой ревности, и обидным недостатком взаимного доверия и проч., и проч. Но между всеми этими правами на свободу мужа и жены от взаимного надзора недостает самого законного — и не только права, но и обязанности

мужа и жены — заботиться о нравственной безопасности друг друга. Христианское учение о человеческой слабости и о силе соблазна не теряет значения при всех здравых понятиях об уважении и доверии друг к другу. При нынешних героях и героинях, починающих для себя честию победы известного рода и искусство соблазнять супругов и расторгать наилучшие супружеские отношения; при современном учении о свободе чувства; при разнообразии раздражающих чувственность общественных удовольствий, — со стороны супругов оставлять друг друга на произвол случая, — без молчаливого, кроткого и любовного попечения и взаимного охранения от соблазнов — и несправедливо, и жестоко. Точно так же неблагоприятно и допускать в свой дом в слишком близкие отношения к семье друзей под предлогом свободы и полнейшего доверия мужа к жене — и обратно. У многих таких простодушных супругов была выкрадываемая этими мнимыми друзьями супружеская любовь, а все мы беспрестанно видим расторжения некогда счастливых браков, подготовленные этими дружескими отношениями.

2.5. Но общая причина современных несчастий в жизни семейной (как и во многих других случаях) есть уклонение от уставов и правил, предлагаемых нам для сохранения семейного счастья нашею руководительницею — Православною Церковью.

Молодые люди, воспитанные под руководством Церкви при наступлении поры супружества в глубине сердца молятся Богу об устроении их будущности и веряют судьбу свою всеблагому Промыслу Божию.

Соблюдение священных времен и уставов Церкви относительно бдения над собою спасает их от развития страстей, ведущих к разрушению взаимной верности. На детей они смотрят, как на дар Божий. Дни церковных праздников и у них в доме составлены праздники, восполняющие духовной радостью семейную любовь и доступные по состоянию удовольствия. Питомцы такой семьи от детства до старости помнят любовь и слезы родителей, их благословения и молитвы, с каким они отпускали их в школы или на службу, и тем оставляли в сердцах их сколько благодарности к родителям за любовь их, столько же и поучительную память об их благочестии. В таких семьях двойной союз — родственник и духовный — связует мужей и жен, детей и родителей двойною силою и ограждает их от всяких вредных влияний и соблазнов, приражающихся со стороны. Такое семейство и называется у св. апостола Павла *домашнею Церковью* (Рим. 16, 4), в той мысли, что и христианской семье, как самой Церкви, Глава и покровитель — Господь; что и она, как Церковь, живет под осенением благодати Св. Духа.

III. Благодарение Господу, еще есть у нас такие семейства во всех сословиях, есть и память о благочестии предков даже в семействах, сбившихся с прямого пути; но что думать о тех очень многочисленных семьях, которые отвергли все эти предания, как бесполезную старину? Они сами от того страдают, они возбуждают и в нас жалость и сострадание; об них мы должны молиться, но должны и думать, крепко думать о пресечении зла путем воспитания, наблюдения за проповедниками ложных учений и за новыми обычаями и удовольствиями, развращающими и убивающими нашу нравственную жизнь.

Раздел второй

Конспект ИГУМЕНА ФИЛАРЕТА

ГЛАВА XII

Другие эмоции. Развитие
альтруистических чувств
в детские годы.
Христианская надежда.
Упокоение сердца в Боге
и ожидание
будущего блаженства

Эстетическое чувство, рассмотренное нами в предыдущей главе, является одной из эмоций человеческого сердца. Но, разумеется, не меньше, а еще больше значения имеют для христианина многие другие эмоции — напр., чувства симпатии и антипатии, привязанности семейные, дружеские и национальные, чувство милосердия и жалости и т. д. И, конечно, все эти возвышенные чувства должны быть развиваемы в сердце христианина — по возможности, с самых юных лет.

Увы — этого как раз обычно и не бывает! К сожалению, во многих иногда очень и очень хороших христианских семьях жизнь поставлена так, что родители сознательно отстраняют от своих детей картины человеческой нужды, печали, тяжелых бедствий и испытаний. Такое чрезмерное оберегание детей от суровой действительности — конечно, приносит только отрицательные результаты. Дети, выросшие в тепличной, оторванной от жизни обстановке, вырастают изнеженными, избалованными эгоистами, привыкшими только требовать и получать и не умеющими уступать, служить, быть полезным другим. Но жизнь жестоко ломает и иногда невыносимо больно наказывает таких людей, и иногда уже — с юных лет, со школьного возраста. И поэтому-то, любя детей, нужно уже с детства закалять их. А главное: и пред глазами родителей, и пред глазами у их детей — должна быть всегда одна определенная христианская цель — чтобы дети, вырастая и развиваясь телесно, развивались и духовно: становились лучше, добрее, благочестивее, отзывчивее... А для этого нужно ставить пред детьми картины людской нужды и горя — и давать им возможность помочь. И тогда дети сами потянутся к добру и правде, ибо все чистое, доброе и светлое в особенности близко и родственно неслепящей детской душе.

Те эмоции, о которых говорили мы до сих пор, включая выше из них — жалость и сострадание, — встречаются у всех людей. Переходя теперь к чувствам уже чисто-христианского типа, мы остановимся на чувстве христианской надежды. Христианскую надежду можно определить как сердечное жизненное памятование христианина о Боге, неразрывно связанное с уверенностью в Его Отеческой любви и помощи. Человек, имеющий в сердце такую надежду, везде и всегда чувствует себя под кровом Отчим, подобно тому, как везде и всегда в физиче-

ческом мире над собою видит необъятный небесный свод. И поэтому христианин, имеющий надежду на Бога — никогда не придет в отчаяние, никогда не почувствует себя безнадежно одиноким. «Безвыходным» положение может казаться только неверующему; верующий же и надеющийся на Бога — знает Его близость к скорбящему человеческому сердцу, и у Него найдет и утешение, и ободрение, и помощь.

Но, конечно, венец и вершина христианской надежды — в будущем. Мы, христиане, знаем, что наш Символ веры, в котором собраны все основные истины христианства, оканчивается словами: «чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь». (Слово «чаю» означает — ожидаю, и не только ожидаю, но и надеюсь, и желаю всем сердцем, чтобы это пришло поскорее.) Итак, полное осуществление христианской светлой надежды — будет уже тогда, когда жизнь окончательно восторжествует над смертью и Правда Божия над мирскою неправдою. Тогда «все минется, одна правда останется», говорит русская поговорка. Тогда покрыто будет всякое горе страдальцев, ибо «отрет Господь всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже: ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее — прошло» (Апокал. XXI, 4). «И радость вечная будет над головою их» (Исаии XXXV, 10). Вот — вершина, венец и полное осуществление христианской надежды, и торжество тех, кто в земной жизни был гоним и притесняем и изгоняем — за правду Христову...

ГЛАВА XIII

Развитие воли:
I. Упражнение.
Самодисциплина.
Добрые привычки.
II. Значение принципов
в деле выработки воли.
Религия как источник
этих принципов

Остается нам теперь разобраться в вопросе о воспитании и развитии воли человека. От направления и силы воли более всего зависит нравственный характер и нравственная ценность личности человека. И, конечно, всякому понятно, что для христианина важно, во 1-х, иметь волю сильную и решительную, а во 2-х, иметь волю, твердо направленную ко благу ближнего в сторону добра, а не зла.

Как же приобрести сильную волю? Ответ прост: прежде всего — чрез упражнения ее. А для этого — опять-таки аналогично телесным упражнениям — нужно начинать с небольшого, с небольшого. Но — начавши упражнять свою волю в чем-либо (напр., в постоянной борьбе с какой-либо своей греховной привычкой или прихотью) — уже не оставлять этой работы над собой. При этом, с самого начала, христианин, желающий укрепить свою волю, свой характер — должен избегать всякой разбросанности, беспорядочности и непостоянства в поведении. Иначе он будет человеком бесхарактерным, не представляющим из себя ничего определенного. На такого человека не могут положиться ни другие люди, ни он сам. А в Свящ. Писании такой человек называется тростью, ветром колеблемой.

Для каждого из нас нужна дисциплина. Она имеет

настолько важное значение, что без нее невозможен правильный, нормальный порядок и успех работы — напр., в школьной или в военной жизни. Еще важнее это в жизни каждого отдельного человека, причем место внешней школьной или военной дисциплины здесь занимает внутренняя самодисциплина. Человек должен сам поставить себя в известные рамки, создав определенные условия и порядок жизни — и от этого уже не отступать.

Заметим еще вот что: в деле укрепления воли большое значение имеют привычки человека. Мы уже видели, что привычки дурные, греховные — большая помеха для христианской, нравственной жизни. Зато добрые привычки — ценное приобретение для души, а поэтому ко многому хорошему человек должен себя именно приучать, чтобы это хорошее сделалось для него своим — привычным. В особенности важно это в молодые годы, когда еще формируется, складывается человеческий характер. Недаром говорят, что вторая половина земной жизни человека складывается из привычек, накопленных за первую половину этой жизни (срав. поговорку: «привычка — вторая натура»).

Против того, что сильная воля нужна человеку — вероятно, никто спорить не будет. В жизни мы встречаем людей с разной силой воли. И часто бывает так, что человек очень одаренный, талантливый, с сильным умом и глубоким, добрым сердцем — оказывается слабовольным и не может провести в жизнь свои планы, как бы хороши и ценны они ни были. И обратно — бывает так, что человек менее талантливый и одаренный, но более волевой, сильный характером, успевает в жизни и, как говорят, свою линию проводит до конца.

Но еще более важным качеством человеческой воли является ее доброе направление — в сторону добра, а не зла. Если хороший, но слабовольный человек может в жизни оказаться мало полезным членом общества, то человек с сильной, но злой — разрушительной — волей является уже опасным; и он тем опаснее, чем сильнее его злая воля. Отсюда ясно, что крайне важными являются те принципы, те основные начала и правила, которыми руководится воля человека. Беспринципный человек — нравственное ничтожество, не имеющее никаких нравственных устоев и опасное для окружающих.

Откуда же воля человека может взять для себя эти принципы — дабы действовать по ним? Для неверующего человека ответ здесь крайне труден да, в сущности, и невозможен, неразрешим. Брать их из науки? Но наука, во 1-х, по преимуществу, интересуется вопросами знания, а не морали, а во 2-х, она сама не представляет из себя чего-то твердого и принципиально-постоянного, ибо все время расширяется, углубляется и во многом изменяется. Из философии? Но философия сама твердит нам об относительности и отнюдь не безусловной достоверности своих истин. Из жизни практической? Еще менее. Эта жизнь сама нуждается в положительных принципах, которые могли бы упорядочить и устранить из нее разнузданную беспринципность.

Но если так труден ответ на поставленный вопрос для неверующих, то для верующего человека, в особенности — для верующего христианина ответ прост и ясен. Источник добрых принципов — Божия воля. Она открывается нам в учении Спасителя, в Его Святом Евангелии. Только она имеет в этой области безусловный, незыблемый авторитет; и только она научила нас самопожертвованию и христианской любви ко всем — даже и к врагам; только она да-

ла людям возвышеннейшие понятия о христианской свободе, христианском равенстве и братстве (понятия, украденные у нас социалистами, коммунистами и др. врагами веры). И об истинных христианах Сам Господь сказал: «Не всякий, говорящий мне: Господи, Господи — войдет в царствие Небесное, — но исполняющий волю Отца Моего Небесного...» (Матф. VII, 21—23).

Глава XIV

**Труд и его необходимость
для христианина.
Развлечения и
самособранность духа.
Молитвы, обеты и зарок
как средства преодоления
дурных навыков**

Необходимым условием всякой деятельности человека, укрепляющего его волю, является труд. Он был заповедан Богом согрешившему человеку еще в раю: «в поте лица твоего будешь есть хлеб твой». Поэтому трудиться должен каждый из нас.

В 1-м послании к Солуньям ап. Павел о необходимости труда писал так: «Умоляем вас, братие, делать свое дело и работать собственными руками, как мы заповедали вам». А во 2-м послании он резко отзывается о тех, которые поступают бесчинно и «суетятся» — и точно формулирует свой призыв к труду: «Кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (эти слова также украдены коммунистами, выдающими их за продукт собственного творчества). При этом необходимо отметить еще то, что христианство никогда не разделяет труда на работу «белую» и «черную». Такое разделение часто принималось до последних лет в совр. обществе, причем к «черной» работе (по преимуществу — физическому труду) относились пренебрежительно. Христианство же требует от человека только того, чтобы труд его был честен и приносил соответствующую пользу. И с этой христианской точки зрения человек, занимающий высокий и ответственный пост и небрежно относящийся к своим обязанностям, — гораздо ниже самого незначительного из своих подчиненных, если последний исполняет свои обязанности по-христиански — добросовестно. При этом всякий знает на личном опыте, какое отрадное удовлетворение чувствует тот, кто честно и усердно работает и какой скверный осадок остается на душе после времени, проведенного пусто и бессмысленно...

В наши дни среди молодежи очень распространен ложный и греховный взгляд на труд и на развлечения. На труд смотрят, как на что-то в высшей степени неприятное, как на тяжелое подневольное иго, и забываются о том, чтобы поскорее от него отделаться — «свалить с плеч». И все свои стремления и усилия направлять к тому, чтобы как можно скорее «отдохнуть» (от чего?!), и развлечься. Есть поговорка — «делу время, потехе час». Многие хотели бы, чтобы было наоборот... Но, во 1-х, это грешно и совсем не по-христиански, а во 2-х, и самый отдых и развлечения только тогда бывают приятны и радостны, когда они заслужены предшествующим трудом. А для того, чтобы в душе не было той пустоты и рассеянности, которые так обычны теперь — в наше нервное, беспокойное, суетное время, — христианин должен приучать себя к самособранности. Нужно следить за собою во всех

отношениях и ясно отдавать себе отчет в своем настроении и стремлениях, а также представлять себе точно — что мне нужно сделать в данный момент и к какой цели направлять все свои усилия.

Говоря об укреплении воли, необходимо еще упомянуть о тех случаях, когда человек чувствует волю свою бессильной для того, чтобы устоять против какого-либо соблазна или укоренившейся греховной привычки. Здесь он должен помнить то, что первое и основное средство в таких случаях — молитва, смиренная молитва веры и упования. О молитве речь будет ниже; пока же только еще раз вспомним то, что даже такой могучий духовно человек, как ап. Павел, говорил о бессилии бороться с грехом и творить добро: «не еже хочу доброе — сие творю, а еще не хочу — злое сие соделаю» (доброе, которого хочу, — не делаю, а злое, которого не хочу, — делаю). Тем более, так бывает постоянно с нами — немощными и слабыми. А молитва — может нам помочь, т. к. она на помощь нашему бессилию привлекает Божию всемогущую силу.

Помимо молитвы, большое значение для укрепления воли в борьбе с грехом имеют еще так наз. обеты и зарок. Обетом называется обещание человека сделать какое-либо доброе, благоугодное дело — напр., помочь бедняку, построить храм или богадельню, взять на воспитание сироту (или — как часто делали наши благочестивые предки — сходить куда-либо в св. места — на богополье) и т. д. Применительно к нашим условиям, такие обеты могут состоять в следующем: если человек замечает за собой неисправность в каком-либо отношении — мало помогает другим, ленив трудиться, мало заботится о семье и т. д., — он должен выбрать себе в этой области определенное постоянное доброе дело и исполнять его неуклонно, как свою обязанность. Зарок — это те же обеты, только отрицательного характера. В этих зарок человек дает обещание не делать того или иного греха, бороться самым решительным образом с той или иной греховной привычкой (напр., пить, курить, сквернословить и т. д.). Часто эти зарок даются торжественно, пред св. крестом и Евангелием.

Конечно, самый лучший взгляд зарок бывает тогда, когда человек дает его на всю жизнь. Однако допускаются, и часто бывают, случаи, когда зарок дается на 1—2—3 года. Само собой разумеется, что обеты или зарок человек должен давать, взвесив свои силы, с решимостью во что бы то ни стало выполнить их — с помощью Божией. От неосторожных, необдуманных и непосильных обетов Спаситель предостерегает нас притчею о неразумном строителе башни, над которым смеялись окружающие, говоря: «Этот человек начал строить и не мог кончить»... Соответственно этому, русская пословица говорит: «Руби дерево себе по плечу», а другая добавляет: «Не спрыскай броду, не суйся в воду»... Но зато — если обет уже дан — то исполняй его непременно, призвавши помощь Божию, «не давши слова — крепись, а давши — держись»...

Продолжение в следующем номере.

Тексты публикуются по изданиям: раздел первый — Слова, поучения, беседы и речи пастыря церкви на разные случаи. Составил по лучшим проповедническим образцам священник магистр Григорий Дьяченко. М., 1898; Троицкий листок. Издание Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1990; раздел второй — Игумен Филарет. Конспект по Закону Божию. Харьков, 1936.

Публикацию подготовил писатель
Евгений Чернов.

СТИХИ. РОМАН. ЭССЕ

В. В. РОЗАНОВ

Сны золотые

«Час смерти Лермонтова — сиротство России» — такими словами закончил свою последнюю статью о великом русском поэте («О Лермонтове», «Новое время», 1916, 18 июля) великий русский мыслитель Василий Васильевич Розанов. Восторженная оценка творчества поэта, глубокий и ему интерес — были неизменными для Розанова в течение всей его писательской деятельности. 27 июля нынешнего года исполняется 150 лет со дня трагической гибели М. Ю. Лермонтова, и тем любопытней, неожиданней предстает с высоты наших дней угол зрения другой розановской статьи о нем. Конечно, наличие в «Демоне» отголосков восточных языческих культов — весьма спорный вопрос, конечно, языческие симпатии Розанова могут разделяться далеко не всеми. Тем не менее, мы считаем, что этот очерк (как и большинство сочинений Василия Васильевича), благодаря острой, порой парадоксальной постановке важнейших проблем религии и культуры, представляет богатейшую пищу для ума всякого человека, равнодушного к данным проблемам. А это не так уж мало...

Статья «Демон» Лермонтова и его драмские сородичи печатается по первой (и единственной) публикации: «Русский вестник», 1902, № 9.

Лермонтов чувствует природу человеко-духовно, человеко-образно. И не то, чтобы он употреблял метафоры, сравнения, украшения — нет! Но он прозревал в природе точно какое-то человекообразное существо. Возьмите его «Три пальмы». Караван срубает три дерева в оазисе — самый простой факт. Его не украшает Лермонтов, он не ищет канав, рамки, совсем другое. Он передает факт с внутренним одушевлением, одушевлением, из самой темы идущим: и пальмы ожили, и с пальмами плачем мы; тут есть рок, Провидение, начинается Бог. Это все тоже

Когда волнуется желтеющая нива.

но уже переданное фигурно, образно, в драматической сцене, а не отвлеченно. Помню, как еще до поступления в гимназию и не зная, что такое «поэт» и «поэт Лермонтов», я придумал к поразившему меня стихотворению напев н, бывало, уединившись в лес или сад, пел эту песню («Три пальмы»), всегда с невыразимой грустью, как о живых и родных мне пальмах. Лермонтов роднит нас с природою. Это гораздо больше, чем сказать, что он дружит нас с нею. И это достигается особым способом. Он собственно нигде открывает в природе человека — другого, огромного; открывает макрокосмос человека, маленькая фотография которого дана во мне.

Ночевала тучка золотая
На груди утеса великана;

Не остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко.
И тихонько плачет он в пустыне.

Это совсем просто. Ничего нет придуманного. Явление существует именно так, как его передал Лермонтов. Но это уже не камень, о котором мне нечего плакать, но человек, человек-гора или гора-человек, о которой или с которой я плачу. В «Рустаме и Зорабе» есть Горный Дух, которому на время Рустем передает часть своей силы и потом берет у него ее обратно, чтобы победить сына: вот таким-то «горными духами», большими, чем самые горы, древними «Виями», одного из коих показал нам Гоголь, полна поэзия Лермонтова. Возьмите «Дары Терка».

Но, склонясь на мягкий берег.
Каспий стихнул, будто спит.
И опять, ласкаясь, Терек
Старцу на ухо журчит...

Это совершенно человекообразно. Это — сказка, не хуже народных, и с такою же, как у народа, прочною,

но уже не навьюю верую, что природа шевелится, слушает, ласкается, любит, ненавидит. Все, что есть в моем сердце, есть в сердце того огромного духа ли, чудовища ли, во всяком случае, огромного какого-то древнего, вечного существа, которое обросло лесами, сморщилось в горы, гонит по небу тучи. Таким образом, во всех стихотворениях Лермонтова есть уже начало «демона» недорисованный. «демон» многообразный. То слышим вздох его, то видим черту его «лиха». Каспий принимает волны Терека только с казачкой молодой: вот уже сюжет «Демона» в его подробностях; «дубовый листочек» молит о любви у подножия красной чинары: опять любовь человека-образная, человеко-духовная, между растениями: три пальмы в кого-то влюблены, кого-то ждут; караван онн встречают, как брачный поезд:

Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студеной ручей...

это — оживление, это раскрытие объятия невест, так жестоко обманувшихся... Тема «Демона» неуяснима у Лермонтова, вечно скажется у него как-нибудь штрихом, строкою, невольным, непреднамеренно. Что же это, однако, за тема?

Любовь духа к земной девушке: духа небесного ли, или какого еще, злого или доброго, — этого сразу нельзя решить. Все в зависимости от того, как взглянем мы на любовь и рождение, увидим ли в них начальную точку греха или начало потоков правды. Здесь и перекрещиваются религиозные реки. А интерес «Демона», исторический и метафизический, и заключается в том, что он стал в пункт пересечения этих рек и снова задумчиво поставил вопрос о начале зла и начале добра, не в моральном и узеньком, а в трансцендентном и обширном смысле.

Средневековые легенды полны сказаниями о таких духах, всегда называемых «демонами», всегда обольстительных. Обольстительные девушки являются подвижникам, обольстительные юноши соблазняют подвижниц. Пушкин в легкой очерке

За озером в тени дубравы
Спасался некогда монах...

нарисовал легкую и выразительную картину подобных искушений. Никогда не было исследовано: почему именно возможная страсть, страсть напряженная раздвигается, однако, в представление цельного человеческого образа, в галлюцинацию необыкновенно живую, до полной веры в ее действительность и объективность. Почему страсть не остается в рамках физиологических, а переходит в художество, в рисунок, в лепку форм, физиологически весьма мало нужных? Ведь голодный просто представляет себе кусок хлеба, миску шей, едва ли сервируя стол и задаваясь вопросом, серебряной или оловянной ложкой он ел бы такой померещившийся суп. Но у отшельников является какой-то астартизм, роскошествование, изящество в представлениях: в галлюцинациях вдруг встают древние «боги», навсегда похороненные, — и, как описал Пушкин, иногда эти «боги» побеждают всяческие заклятия. Как для настоящих «духов», для них не существует замков, запоров, стен. Не понимаю, для чего спиритам потребовались их исключительные «духи», к тому же с такою коротенькою психологиею, когда настоящие могущественные «духи» оставили такой реальный след по себе в стольких «житиях»?

Начало жизни — грех. — вот философия наших времен. И что влечет к началу жизни, названо было в средние века «демоническим» и «демоном». «Это демоны соблазняют нас, чистых дев и чистых старцев, приобщиться к жизни, которую мы прокляли, выйдя из ее кругооборотов...»

В томительных сценах искушения, увя, не ведется никаких теологических споров: «демон» никогда и ничего не доказывает, ничего и никогда не опровергает; не поддерживает ни одной ереси, не колеблет никакого догмата. В житиях, ни в одном, ничего подобного не записано: он сияет, манит и влечет. Он только прекрасен и он только

тело, живое, блистающее, гармоничное, весеннее; одухотворенное, но без всякого перевеса «духа над материей»; без речей, или с речами не умнее спиритических. Что же это за «икс»? Он не относится ни к какому частному, видовому, второстепенному утверждению нашей эры; он относится к коренному ее утверждению — гробу, маня перейти от него к акту, лежащему на противоположном полюсе смерти. «Демон телесной красоты и привлечения» борется с богом, и уже по тому одному, что в середине века он был назван «демоном», можно заключить, что в эти века сущность святости определялась, как бестелесность, антителесность, как некоторая акосмичность, если употребить слово «космос» в древне-пифагорейском смысле «красоты», «благоустройства».

Но то, что стало «демоном» в нашей эре, до нашей эры называлось «богом». Вспомним в некоторые подробности. Все древние религии были романтические: вместе с тем все они — реальные. От холодного, остывшего Рима до знойной Сирии, везде солнце религии составляло жертвоприношение. Через кровь жертвы человек соединялся с Богом. Что такое кровь? Бегущая жизнь, живое, творческое, безмолвное и созидующее. Все органы тела творятся из материала крови, и кровь животного (сумма ее) есть как бы пар его образа, его же фигура, прозрачная, душеобразная. Избрать между Богом и собою посредником, вестником кровь — уже значит самого Бога представлять и чувствовать не отвлеченно, но живо, кровно, а следовательно родственно человеку. Если я пишу письмо, то посылаю его грамотному, и если в религию входит жертва, то непременно человек молится не понимаемому Богу, но существующему Богу, тому, который «есть», который скажет о Себе: «Я — есть», и даже в этом, на первый взгляд странном определенном, выразит свою главную сущность. «Я была, есмь и буду» — стояло, по словам Платона, на статуе Нейт в Сансе (египетский город). С наших, уже бескровных, логических точек зрения, «я есмь» как бы выражает отрицание сомнения в бытии: «не сомневайся — я есмь», «не ищите меня, не пугайтесь видимым отсутствием, — я есмь, существую». Между тем для народов, имевших жертвоприношения, ударение в этой формуле стояло не так: «существо я есмь», «сый я есмь», «вечно сущий, живой — как жива кровь, через которую ты ко мне относишься, и живой именно в крови, вечно гонящий кровь, струящий жизнь мира, нерв мира». Живого нельзя не бояться; это не просто сумма мнений теологов. Все древние народы, жертвоприносившие, трепетали Бога реально, невольно, неужеримо, как и любители его сыновне, реально же, и верили ему реально, как сын не может не верить в бытие отца своего, хотя бы никогда его не видел. Где были жертвы, — там был реален и неутишим. Теперь второе наблюдение. От Греции до Вавилона, до Египта звезды были разделены на группы, обведены фигурами — животными: вот подлиннее боги древности, эти небесные животные! — и иже, и козерог, и близнецы, медведица, лев, дракон. У Геродота записано, что в каждом египетском городе почиталось свое животное, так что в сумме египетских городов почиталась вся сумма известных египтянам животных. Они же приносились в жертву, они же были брошены на небо — уже в каком-то новом смысле. Животное — предмет почтения в храме, животное — под ножом жреца, животное — обведенное вокруг звезд на небе, было взято вовсе не в одном смысле, но в трех разных, однако, относившихся к одной метафизической загадке. «Животное, жизнь — непостижимо, тут — и земля, тут — и небо; и персть, красная глина, — и дыханье Божие; его плоть я вкушаю, но пар его, но дух его улетает в небеса, — и вот отчего я тоже и молюсь ему.» В одном атласе научной экспедиции в Египте я рассматривал рисунок красками неба: темно-голубой фон — это лазурь, твердь; среди его желтые лучистые звезды — того цвета, как они видны; но каждая звезда имеет красную каплю внутри, каплю — крови! Древние представляли небеса живыми, кровавыми, туманно-животными, паробразно-духовными. Иначе невозможно истолковать, для чего на

рисунке центр звезды представлен пурпурно-красным, когда таких звезд не видит наш глаз, ничего подобного не видит! В астрономических атласах и до сих пор вся древняя религия.

Но ведь для этого есть основание, ибо звезды в самом деле романтичны, а любовники все и до сих пор великие звездочеты, звездо-мыслители, звездо-чувственники. Пусть кто-нибудь объяснит, отчего влюбленные пристращаются к звездам, любят смотреть на них и начинают иногда слагать им песни, торжественные, серьезные.

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит...

как написал наш романтический поэт, которому мерцала любовь и в дубовом листке, и в утесе, мерцала при жизни и за гробом. Отчего, в самом деле, полководцы и солдаты, накануне битвы, накануне возможного смертного часа, не взглядывают на звезды? Звезды — кровавы, как рисовали их египтяне, а

В крови горит огонь желаний.

Между животными глубинами нашего «я», откуда как бы там ни было, во всяком случае, распускается цветок любви, и между звездами есть какое-то родство, близость, телепатическая связь, незримая и, однако, действительная. И потому, влюбляясь в юношу, девушка параллельно чуть-чуть влюбляется в звезды, кидая из четырех взглядов три — на него, а четвертый — на них, но тоже любующийся, но тоже влюбленный. «Ты загляни в мое сердце, звездочка, и что там увидишь — скажи возлюбленному, шепни в ночи или нарисуй мой полный образ ему в сновидении.» Никогда ведь не было разгадано и явление сомнамбулизма (лунатизма): луна что-то показывает спящему (не в буквальном смысле, ибо глаза сомнамбулиста бывают открыты), чего никто не видит, и он следует указанию, идет, не оступается, забывая, не чувствуя весь реальный мир. А когда просыпается — ничего не помнит. То есть лунный мир и здешний, лунные образы и здешние не имеют общего между собою ничего, не имеют моста между собою. Именно луну древние и называли «астартой», в то же время изображая ее в виде прекрасной девственницы. И до сих пор эта «астарта» является как девственница отшельникам, и как луна — водит за собою сомнамбулистов, посылая им небесные усыпляющие пассы через столько миллионов верст. Ведь если она на душу действует, внушая ей сны, давая образы, усыпляя, — то она действует, как гипнотизер, т. е. не только как человек, но как человек еще хитрый и могущественный. Древние дети и восклицали: «Это — бог! это небесная девственница». Диана (в Греции), Астарта (в Финикии), Милитта (в Вавилоне), Изиды (в Египте). Бог знает, в подробностях, что они думали: мы перебрасываем мостик от заметного и нам в явно бывшему там.

Религии были тогда реальные, романтические, кроваво-жертвенные, звездные. Они были метафизические, в противоположность только моральной, какую знаем мы. Зодиак находится во всех древних храмах; а до чего скептицизм не смел подступить к ним, видно из того, что молитвою «всем богам и богиням» Демосфен начинал политические речи, а Платон окончил некоторые из своих диалогов. Представить себе речь Чемберлена, начинающуюся словом «Бог», или Спенсера, посвящающего заключительную главу трактата молитве благодарственной об окончании труда! Мы религиозно несравненно холоднее древних. Но если метафизика бытия составляла сущность их тензмы, и святое они начинали с колыбели, то понятно, отчего храмы их были как бы пригнотительны к любви. Египетский храм есть имитация ночи и рожи, он полон распускающихся лилий, не в виде поддерживающих потолок колонн, но лилий — наполняющих храм, стоящих посреди его, составляющих органическую и почти главную его часть. Человек, входя в храм, входил из жаркого полудня, из рациональной суеты дня — в мистицизм ночи, в тайну сумерек, в средоточие тех пальм, в которых нашему

Лермонтову померещились невесты.

...живая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей...

Так, вероятно, входя под необъятные своды своих рош-храмов, чувствовали и египтяне, ответно улыбаясь невестам-растениям, сочувствуя их любви, готовые сами любить, пришедшие сюда, чтобы любить. Стены храмов исписаны сценами материнства: везде — младенец, лица улыбающиеся, таинственные, как будто они прозрели в какую-то тайну и обрадовались этой тайне. Во всей необъятной египетской живописи нет ни одного унылого лица: а уныние ведь есть печать удаления от Бога, по заключению всех времен. В вечном и никогда в человеке не умирающем чувстве любви они нашли путь к Богу, второй и параллельный жертвам. Ведь любовь — заря крови, ответ крови, цветок из ее глубин. Мы наблюдаем в истории, что везде, где были жертвы, чтитались и звезды, а любовь считалась священным состоянием, несколько как бы вдохновенным, несколько как бы пророческим. Поразительное чувство веселости и облегченности души в древнем мире, как можно думать, и происходило от того, что они, купаясь в волнах самых теплых и приятных чувств, были убеждены, что океан этих волн уже независимо от их воли катит их к Богу, к вечному «Сый», к тому, что «было, есть и останется». Здесь объясняется и древнее обрезание, общее евреям, финикийцам, халдеям, египтянам. Когда Пифагор пришел в Гелиополис и стал жрецов просить посвятить его в их тайны, они сказали, что это невозможно, пока он не примет обрезания, т. е. оно у них было началом священной науки, как у Израиля началом священных судеб. Обрезание — это вариант жертвы, вариант звезд; «кровь завета», взятая из родника любви. «Ангел Иеговы («Аз есмь») сходит на младенца в секунды его обрезания», — говорят до сих пор евреи. В этом круге идей было не только счастье, но и необыкновенное упорство мысли. Мысль очень твердо оперлась на непобедимую скалу, не выворачиваемую иначе, как с выворачиванием, так сказать, всех потрохов мира. «Ну, рушете ли: если вы проклинаете любовь, — уж прокляните заодно и травку, и листочек, ибо он все тоже любит, и звездочки, — ибо их любят влюбленные, а вместо прекрасных небесных животных изобразите на тверди небесной таблицу умножения. Но что же останется, кроме этой Геростратовой затеи и самодовольства глупца, утешающегося, что он плюнул на небо и плюнул на землю». От этой-то необходимости скалы скептицизм и не подкрадывался к ним. Начиная святое и свет с жизни, они на периферии этой категории, в нестерпимого блеска животворных лучах помещали: «тайна», «Бог», «не вемы и трепещем», а демоническое и демона, темное и отрицательное, помещали в смерть, вечный холод, небытие. Все окружение рождения им представлялось святым; и как мы кадим усопшим, возжигаем перед ними свечу, вносим тело в храм, — со своих особенных точек зрения они кадили же и возжигали свечи перед младенцем в колыбели, перед зрелищем матери, питающей с любовью своего ребенка. Во всяком случае они были чрезвычайно счастливы, хотя бы уже потому, что в каждой семье были «боги».

Сколько богов и богинь!

Все это и продолжалось до начала новой эры. Тут вдруг один свет погас, зажегся другой. Категория правды началась с покойника. Разом хрустнули косточки «божков» и младенцев, «божков» — папаш. Изиды и Озирисы были вынесены, как погань, из храмов. А то, чего потребовали от Пифагора в Египте и о чем было сказано Аврааму: «это — завет вечный даю тебе», было объявлено ветхим, не пользующимся более, ненужным, зачеркнутым, неупотребительным. Пала древняя астрология. Любовь стала физиологической, звезды — булыжниками, животные и растения — бифштексом и дровами. Поразительно, что с падением обрезания разом рушились: жертвоприноше-

ния, чувство неба, священно-трепетная семья и брак, и стала медленно и упорно угасать, погашаться любовь к детям (метафизика возникновения детоубийства). Старость, дряхлость, а еще лучше — раны, а еще того хуже — гроб вызвали поток совершенно нового умиления, и образовалось другое небо, полное другими небожителями. Не только у евреев, но в Греции и в древней Италии, человек, прикоснувшись к покойнику, считался нечистым или «оскверненным» до конца дня: ибо в нем — жало смерти, гниение, хвастовство и самоупоение дьявола. Но все это прошло. Какой критерий перемены — этот труп! Перед ним стали воскурять фимам, зажигать свечи, стали ему немножко поклоняться, — этого нельзя скрыть! Ибо кто уже не романтичен, — то это труп! Туманные образы юношей и дев, навеваемые «луною» ли «астартой», или «звездами — воинством небесным» (выражение о звездах Библии), в объятиях которых в древности радость шла, теперь стали пугать, названы были «соблазнительями». Ведь они уводят от смерти, коренной святости, в жизнь, главный грех. Но вот что замечательно: в новой зре их столько же жалется. И в средние века не менее было сожжено девушек на кострах за сношение с «духами» («колдуны», «succubi» и «incubi»), сколько в древности было прославлено храмами и мифами, на Кипре, в Сирии, в Месопотамии, на Ниле. Ничего не умерло, переменялись только эпитеты «злой», «доброй».

Лермонтов в «Демоне» в сущности написал один из таких мифов. Все равно, если он ничего не знал о них, — это атавизм древности. В древности его стихотворение стало бы священною сагою, распеваемого орфиками, представляемого в Элевзинских таинствах. Место свиданий, сей

монастырь уединенный,

куда отвезли Тамару родители, стал бы почитаемым местом, и самый «Демон» не остался бы с общим родовым именем, но обозначился бы новым, собственным, около Адониса, Таммуза, Бэла, Зевса и других.

До какой степени это так, можно подтвердить одним подробным рассказом Иосифа Флавия о случае, имевшем место в Риме, во времена цесаря Тиверия. Вот этот рассказ. «В Риме жила одна знатная и славившаяся своею добродетелью женщина, по имени Паулина. Она была очень богата, красива и в том возрасте, когда женщины особенно привлекательны. Впрочем, она была образцовый образ жизни. Замужем она была за неким Сатурнином, который был так же порядочен, как и она. В эту женщину влюбился некий Деций Мунд, один из влиятельнейших тогда представителей всаднического сословия. Так как Паулину нельзя было купить подарками, то Деций возгорелся еще большим желанием обладать ею и обещал, наконец, за одно дозволенное сношение с нею заплатить 200 000 аттических драхм (на наши деньги 50 000 рублей). Однако он был отвергнут, и тогда, не будучи далее в силах переносить муки отверженной любви, решил покончить с собою и умереть голодной смертью. Он не откладывал в долгий ящик этого намерения и сейчас же приступил к его исполнению. У Мунда жила одна бывшая вольноотпущенница отца его, некая Ида, женщина, способная на всякие гнусности. Видя, что юноша чахнет, и озабоченная его решением, она явилась к нему и, переговорив с ним, выразила твердую уверенность, что при известных условиях вознаграждения, доставит ему возможность иметь Паулину. Юноша обрадовался этому, и она сказала, что ей будет достаточно всего 50 000 драхм. Получив от Мунда эту сумму, она пошла нною дорогою, чем он, ибо знала, что Паулину за деньги не купишь. Зная, как ревностно относится Паулина к культуре Изиды, она выдумала следующий способ добиться своей цели: явившись к некоторым жрецам для тайных переговоров, она сообщила им, под величайшим секретом, скрепленным деньгами, о страсти юноши и обещала сейчас выдать половину всей суммы, а затем и остальные деньги, если жрецы как-нибудь помогут Мунду овладеть Паулиною. Жрецы, побеждаемые громадною суммой,

обещали свое содействие. Старший из них отправился к Паулине и просил у ней разрешения переговорить с нею наедине. Когда ему это было позволено, он сказал, что явился в качестве посланца от самого бога Анубиса, который-де пылает страстью к Паулине и зовет ее к себе. Римлянке доставило это удовольствие, она возгордилась благоволением Анубиса и сообщила своему мужу, что бог Анубис пригласил ее разделить с ним трапезу и ложе. Муж не воспротивился этому, зная скромность жены своей. Поэтому Паулина отправилась в храм. После трапезы, когда наступило время лечь спать, жрец запер все двери. Затем были потушены огни и спрятанный в храме Мунд вступил в обладание Паулиною, которая отдавалась ему в течение всей ночи, предполагая в нем бога. Затем юноша удалился раньше, чем вошли жрецы, не знавшие об этой интриге. Паулина рано поутру вернулась к мужу, рассказала ему о том, как к ней явился Анубис, и хвасталась перед ним, как ласкал ее бог. Слышавшие это не верили тому, изумляясь необычайности события, но и не могли не верить Паулине, зная ее порядочность. На третий день после этого она встретила с Мундом, который сказал ей: «Паулина, я сберег 200 000 драхм, которые ты могла внести в свой дом. И все-таки ты не преминула отдать их мне. Ты пыталась отвергнуть Мунда. Но мне не было дела до имени, мне нужно было лишь наслаждаться, а потому я прикрылся именем Анубиса». Сказав это, юноша удалился. Паулина теперь только поняла всю дерзость его поступка, разорвала на себе одежды, рассказала мужу о всей гнусности и просила помочь ей наказать Мунда за это чудовищное преступление. Муж ее сообщил обо всем императору («Древности иудейские», кн. XVIII, гл. III, 4). Жрецы и служанка были распяты, храм разрушен, Мунд отправлен в ссылку.»

Наказание — страшное, оттого и цена была велика. Что же это такое? Миф в действии, миф с подлогом. Было злоупотребление. Но чтобы злоупотребить чем-нибудь, нужно иметь то, чем злоупотребляешь. Подделать фальшивую ассигнацию можно только тогда, когда есть настоящие и когда настоящие внушают веру, имеют ход. Миф древний есть то же, что сказание о «соблазнении» в житиях, и как под вторыми есть обширная философия, была она и под первым. Что же это за философия? Да то, что Достоевский и выразил формулою: «Боги сходили на землю и родились с людьми». Паулина — редкая из римлянок, особенно того испорченного времени. Но ни ее, ни ее мужа не оскорбляет требование в храм. «Наша любовь с тобою, Паулина, — не уличная любовь, не нравы этих Мессалин. Мы возвысились в ее строгости, в ее ощущении, в верности друг другу не только физической, но и мыслемой, и наконец в миловидной грации, — до звезд, до Зодиака. Вот одно из зодиакальных животных, сам Анубис (он изображался в виде шакала, это — «созвездие Пса») спускается к нам и хочет соучаствовать нашему браку, сделать тебя небожительницею. Спеши же, спеш и радуйся!» Не это, но что-то в этом роде мелькало у древних.

Поищем аналогий, не поступаем ли иногда так же и мы. Мы уже не умеем любить, мы уже любим, как кухарки и извозчики. Но мы мыслим, как боги (наука). И вот, эту возвышенную мысль, которая нам удалась, мы без трепета переносим в мир, возносим к Богу, не страшась что-нибудь замарать ею: «Мир мудр», — говорим мы и не оскорбляем этим ни мира, ни нашего разума. «Небесный ум», — говорим мы о Ньютоме. Но почему наша жизнь, бытие, родники бытия и, в частности, рождение ниже мысли? Неужели рождающийся ребенок не лучше всякой книги, заключающей в себе живую и трепещущую мудрость, яркую и поразительную красоту, глубину неисчислимых возможностей? Почему же бытие свое, нерв свой, роман свой тоже переносим в мир, не сказать: «Мир мудр и жив, мир романтичен, нервен, богат нервами, но не иашни, а утонченнейшими, сокровеннейшими, невидимыми, но имеющими кое-что общее и аналогичное с нашими нервами, и чрезвычайно могущественными». Ведь ум же сам по себе бессилен, песчинки не созидает, а перед нами — бытие, золотой

песок звезд в тверди небесной! Мышление нашего ума, открыв конические сечения, открыло в них вместе и круги вращения светил небесных. И в небесах геометрия! «Но также и в небесах любовь, как у Паулины и Сатурнина, но еще лучшая, еще возвышеннейшая, еще глубочайшая. Кто знает, не небесные ли конические сечения родили в человеке отражение свое — мысль о конических сечениях, и не романтизм ли небес рождает нашу малую любовь? Если так, построим храм чудесному чувству, пойдем туда, чтобы удивляться, благодарить и счастливым быть».

Геродот в Вавилоне видел подобный храм. «Уцелел он до моего времени, — рассказывает отец истории. — Посредине его стоит массивная башня. Над этой башней другая — уже, и так далее до восьми. Подъем идет кольцом вокруг всех башен. Поднявшись до середины, находишь там место для отдыха со скамейками. На последней башне есть большой храм, а в храме стоит большое, богато убранное ложе и перед ним золотой стол. Никакого кумира, однако, в храме нет. Провести ночь в храме никому не дозволяется, за исключением одной только туземки, которую выбирает себе божество из всех женщин. Так рассказывали мне халдеи.» Почти можно иллюстрировать строками из «Демона»:

Лишь только месяц золотой
Из-за горы тихонько встанет
И на тебя украдкой взглянет, —
К тебе я стану прилетать;
Гостить я буду до денницы
И на шелковые ресницы
Оны золотые навешать...

«Халдеи же говорят, чему, однако, я не верю. будто божество само посещает храм и почивает на ложе. Нечто подобное таким же способом совершается в египетских Фивах, по словам египтян; и там будто бы ложится спать женщина в храм Зевса Фивского, как здесь, в храм Зевса-Бела, причем и вавилонянка, и фивянка не имеют, говорят, вовсе сношений с мужчинами. Подобно этому в Лидии в Патрах прорицательница, если только она бывает, потому что оракул там не постоянный, запирается по ночам в храм» («История», кн. I, гл. 181).

Вот как это было всемирно в религиях порядка «сыи», «я есмь»; но ведь и в самом деле, если геометрия есть в небе, почему не быть там какой-то далекой аналогин земных, физиологических, метафизических влечений? А если там есть далекая аналогия романа, то оно может не только бросать сюда на землю и зажигать в нас любовь, но и внушать поэтам мифы, песни, стихи — подобного же сюжета. «Все, что есть в моем сердце, — есть и в небе, но огромнейшее, чудеснейшее, святейшее.» Оттого философы зовут человека микрокосмом, «малым, но целым миром». А более дорогое слово нам говорит, что мы «образ и подобие», т. е. земной и тусклый, не проявленный дагерротип Того, Кто «есть, был и будет» вечно и не причастен смерти. Вот отчего, когда сотворился человек, то и оказалось, что «мужчиною и женщиною сотворился он», т. е. сотворился романтичным. Этого и понять нельзя без романтизма в том, с кого сделан был дагерротип.

Публикация С. М. СЕРГЕЕВА

СТАНИСЛАВ ЗОЛОТЦЕВ

В сумерках просвещения

Наше время, как и всякое иное, рождает свои словесные устойчивые выражения, быстро окаменевающие, становящиеся штампами и, следовательно, теряющие даже ту новизну, что вначале убеждала своей свежестью — даже если доля истины в них была невелика. А нынешняя эпоха летит такой сверхскоростной лавиной, что в кратчайший срок нам становятся очевидны пустоты и беспочвенность большинства подобных клише, еще вчера приравненных нам своим «лицом необычным выражением». Вот одно из таких наших невольных (верней, недомыслием рожденных) и действительно вчерашних заблуждений, которое высказывалось чаще всего так: дескать, какое счастье — к нам возвращаются золотые имена творцов русской духовности, долгое время бывшие в забвении и под запретом; к нам возвращаются бесценные кладовые отечественной подлинной культуры. И так далее... К нам возвращаются...

Эффектно — и нелепо, неверно по самой нравственно-исторической логике. Кто к кому возвращается — блудный сын к отцу или к отцу? Или наоборот? Согласно новоявленным клише — второе. А ведь это мы возвращаемся в святоотеческий храм веры и красоты, из которого были изгнаны либе сами себя изгнали. Это мы приходим к истинности российской, к своему глаголу, это мы, заблудшие дети, идем на свет, зажженный творцами нашей словесности и философии, идем сквозь застоявшиеся потемки обскурантизма и чуждества — и поражаемся: какие ясные и точные ответы находим мы при этом свете, рожденном многие десятилетия, а то и века назад, ответы на те болевые вопросы, что рождены нашим часом, и мы поражаемся тому, как пламя старинных свеч духовных убивает и разгоняет соблазнительные химеры и призраки, восходящие из испарений нашей сиюминутности, из сытых уст новоявленных «столпов», «архитекторов» и прочих вождей «прогрессизма»... И, читая созданное страстотерпцами и подвизниками Русской Думы в давние дни, мы не перестаем повторять: сказано — как сегодня. Не потому ли теперь почти не встретишь не то что литературно-философской статьи или просто рецензии, но даже и опуса на хозяйственно-экономическую тему, где в том или ином контексте автор не ссылаясь бы то на Н. Федорова, то на В. Соловьева, то на отца С. Булгакова... Есть в этом, конечно, и дань моде, и желание блеснуть свежеприобретенной эрудицией, и всякая прочая суета, которую можно назвать «издержками времени», — и все-таки здесь надо видеть прежде всего доброе значение времени, а не его издержки. Ведь и впрямь божественное удивление охватывает при чтении страниц вновь открываемого нашего наследия: даже, казалось бы, сугубо спиритуальные и теософские откровения «без промаха» высвечивают еще не ясные для нас черты в рельефе нашей действительности...

Но даже и в космосе этого провидчества есть звезда, свет которой исполнен особо разительными пророчествами — такими, что современная условность, дистанция меж временем их рождения и меж нашими днями начисто снимаются, не существуют. Слова писателя-визионера в самом буквальном смысле «накладываются» на плоть часа идущего, арстают в нем словно кровеносные сосуды. Речь идет о творчестве Василия Розанова (1856—1919).

Читаешь — поистине: хоть плачь, хоть смейся, о быте ли говорит Василий Васильевич, о литературе или об истории. Любое положение и сегодня может вызвать гнев у одних, ярое одобрение — у других. Берем наугад из «Оплавленных листьев». «Социализм пройдет как дисгармония. Всякая дисгармония пройдет. А социализм — буря, дождь, ветер...»

Вот и еще кое-что о нынешнем климате: «Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задаюсь в холоде. У, как везде холодно!»

Или — о том же, но более определенно:

«В революции нет радости. И не будет. Радость — слишком царственное чувство и никогда не попадет в объятия этого лакея».

Ну, ладно, с таким-то мнением, хотя и без особого востор-

га, ныне согласятся и прежние ортодоксы «великих потрясений», и новообращенные «радикалы»: приверженцем братоубийственных кровопролитий и терроре не хочется выглядеть в глазах людей даже тем, кто в глубине души своей не прочь был бы поиграть с динамитом или, по крайней мере, кто тянется к «жестким методам». Но вот утверждение, которое, прозвучав оно сегодня из уст писателя или общественного деятеля, тут же навлекло бы на него гнев «интернационалистов» и сторонников «всеобщего сознания»: автора мгновенно заклеили бы как «черносотенца», «шовиниста» и... (прочие ярлыки нам хорошо знакомы). Но В. В. Розанов осмелился высказать его в годы, когда само понятие «любовь к России» становилось синонимом реакционности среди «свободолюбивающего общества»:

«Счастливицу и великую родину любить не великая вещь. Мы ее должны любить именно, когда она слаба, мала, унижена, наконец, глупа, даже порочна. Именно, именно, когда наша мать пьяна, жмет и вся запуталась в грехе, мы и не должны отходить от нее... Но и это еще не последнее: когда она наконец умрет и, обглоданная евреями, будет являть одни кости, тот будет «русский», кто будет плакать около этого остова, никому не нужного и всеми плюнутого. Так да будет...»

Жестокое в своей правдивости слова, — и мы сегодня хорошо себе можем представить, почему в годы междоусобицы русскими революционными подобными взгляды В. Розанова вызвали не просто отчаянную критику и неприятие даже со стороны наиболее прогрессивных («Грядущего Хама» предававших) его друзей и коллег-единомышленников — почему состоялось подлинное «отлучение» этого удивительного писателя от чужеземной российской словесности... К слову сказать, и до этого печально-позорного события репутация этого праведника в литературном мире была, как ныне принято выражаться, весьма неоднозначной; как только не называли его и «справа», и «слева», каких только ярлыков не клеили: и литературный фрик, и «русский нищий», и лукавый любитель парадоксов, и беспринципный реакционер, и еретик, и... стоит ли продолжать, он действительно пришелся «не ко двору» всем тогдашним «лагерям» и «течениям». Ибо как, пожалуй, никто из творцов отечественной общественно-философской мысли того времени, он, во-первых, хотел, во-вторых, мог, а в-третьих, был самим собой. Иной образ бытия в слове и в жизни был для В. Розанова немислим. Подобное, будем откровенны, ни в каком обществе не приветствуется и понимания не встречает. Сегодняшнее — тому явнее подтверждение...

Вот и ныне любитель усугублять «помины по советской литературе» (а попросту говоря — замалчивать делом все достояние духовности, созданное у нас за семь последних десятилетий) Виктор Ерофеев не может удержаться — в своем предисловии к книге В. В. Розанова «Несовместимые контрасты бытия», вышедшей недавно в «Искусстве», — от новых ярлыков, хотя и употребляет их в «позитивном смысле». Автор этой книги, по его мнению, был и тонким и удачным провоздатором, и проповедником «слабого эсгибиционизма», и, наконец, писателем, предавшим проклятию все русское вообще, России и ее народ — ибо они, якобы, провалили свое несоответствие «мифу», им, Розановым, созданному. Словом, духовидец и один из столпов патристической гуманитарности зачисляется теоретиком нашего доморощенного «авангардизма» в свои «предтечи», в отрицатели чувств отечественности... Конечно, в нашей стране посмертная судьба правдолюбца и прорицателя редко бывает легкой прижизненной, но когда действительно сверхъестественностью и оригинальностью с по с о б а выражать себя мыслитель становится и выше, и — еще точнее — «вне» всяческих флангов политизированной действительности, вне так называемой «партийности», даже если она эстетическими полотнощами драпируется, — тогда... тогда и через десятилетия наследко будет его душе от различных «толкователей» его наследия. Не одно обрывает в нем, так другое, не другое постарается замолчать, так третье. Если ерофеевы и иже с ними «попустят», работая с розановскими текстами, вот такое, например, утверждение: «Все же не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни», то их единомышленникам-публицистам (особенно из «парламентских сфер») очень не по нутру придется «антилиберальными» высказывания писателя, вроде: «...«прогресс» и «либерализм» есть английский чмодак, в котором «все положено» и «все удобно»... Либерал красивее издаст «Войну и Мир», но либерал никогда не напишет «Войны и Мира»: и здесь его границы». Но — сколько же у Розанова есть страниц, от коих в артистическом отращении скрываются наши пышнобородые саженопеченные нефиты славнофильства (из вчерашних комсомольских функционеров), новообращенные приверженцы православия, смертным

грехом почитающие любую скептическую ноту в отношении Церкви и ее служителей...

Очень трудно Василию Розанову в наши дни: сегодня его необычность стала еще более очевидной, его провиденциальность — в глазах нынешних читателей играет всеми оттенками «злости дня», жаждущие коммерческого успеха (и спрессованно жаждущие) книгоиздатели выпускают одну за другой его книги, и происходит это самое, печальное «усеконовение» его философии, разрывание его наследия на части различными комментаторами согласно своим акусам и политическим убеждениям. Надо признать: ни К. Леонтьева, ни В. Соловьева, ни С. Франка, ни одного из сланных творцов отечественной духовности прошлого и нашего века, к которым мы возвращаемся, такая судьба не постигает, восприятие теоретическое каждого из них становится — продолжает быть — целостным. Но и то сказать: создатель «попавших листьев» «Уединенного» сам в том повинен, сам дал все предпосылки для такой своей судьбы, и прижизненной, и посмертной.

Ибо действительно — ни в чем и ничего не стеснялся. Ибо — и впрямь, ерничеством, озорством, удалством, даже ухарством, как соком солнечным, пронизаны многие его страницы, и блистательными «общими местами наыворот», и рассыпаны всяких «сумасшедшинок», где отвлеченно-философские положения перемежаются с «гербарно-физиологическими наблюдениями» (и которым и мы лишь недавно позволе стали привыкать). Вызывающие, оскорбляющие «приличным» акус и «уточенным» слух дерзости...

И — самый главный парадокс: ничего этого нет у Розанова. Верней, есть только тогда, когда мы подходим к нему, как к известной притче слепцы и слову: каждый трогает ощупь какую-то отдельную часть — и слышатся ярлыки, иные, как прежде. А Василий Васильевич Розанов был уникально целостным явлением жизни, явленной в Слово.

Он был... конечно, многим он был: литературным критиком, эссеистом, публицистом, историком, философом. Но прежде всего — У ч и т е л е м.

Учителем — и в первоначально-изначальном, библейско-антимном смысле этого слова, и в буквальном, профессиональном: лучшие годы жизни были отданы преподавательской работе в провинции (в частности, в той Елецкой гимназии, где учениками тогда были И. Бунин и М. Пришвин) и в Москве. Но прежде всего сущность жизнедеятельности В. В. Розанова следовало бы обозначить так: Просветитель. Ведь это и по корневому, и по бытийной сути понятие гораздо более родственное своему исходному — Просвещению, — нежели нынешнее ведемственно-вульгарное «просвещенец» (как тут не вспомнить солженицынский термин «образованец»). Просвещение. Просветительство. Вот то, что было и поприщем писателя Василия Розанова, и самим духовным космосом его творческого бытия. Системой — и в этой системе крупные звезды живут воедино и со слепящими метеоритами и со звездной пылью: нет ничего случайного и лишнего. Да, не монолит, но — пространство с мирадами лучей, где основа света — невероятная, невыносимая боль, рожденная тревожными пророческими предчувствиями, страхом за угасание русской духовности. Сумерки просвещения...

Нет, не только тревогу за возможную грядущую гибель отечественности вложил В. В. Розанов в название одного из своих важнейших многочастных сочинений — «Сумерки просвещения», название, ставшее заглавием книги его работ, которая недавно выпущена издательством «Педагогика» (и которая побудила меня обратиться к этим заметкам). Это труд, конкретный и детально касающийся собственно педагогики, проблем народного образования в России начала XX века — проблем, действительно мучавших писателя как профессионала — как просветителя. Возьму на себя смелость сказать, что именно из этих тяжелых раздумий, из мыслей над тем, как образовать русского человека — и как образован его именно русским — вырастала главная дума Розанова-философа, Розанова-психолога. Конечно, этой своеобразнейшей философии не было бы ни без К. Леонтьева, который явился подлинным духовным наставником писателя, ни — что, может быть, не менее важно, без работ великого русского филолога Ф. И. Буслаева — прежде всего, без того анализа, который был дан этим поборником отечественной культуры «Повести о Горе и Злосчастии...», незадолго до того открытому памятнику-шедевр старорусской словесности. Здесь необходимо привести одно из важнейших и наиболее определяющих (для «генетики» розановского творчества) положений, которое дано в послесловии к книге «Сумерки просвещения» ее составителем, современным литературоведом и прозаиком В. Н. Щербаковым. Он пишет, касаясь работы Ф. И. Буслаева: «Ученый обнаружил, что общим философским направлением всей русской литературы является преимущественно направление учительно-просветительского характера. Именно к

этому направлению позже, т. е. спустя двадцать пять лет, и прикинет только что появившийся на свет Божий Розанов»...

На первый взгляд, ничего особенного, ничего секрентального нет в этом определении: но тут тот самый случай, когда чем более просто звучит истина, чем естественнее она — тем труднее воплощается она в явь, тем больше колий вокруг нее ломается (да и головы летят нередко). В. Розанов увидел, что мгла грозит затмить свет в образовании духовном, поглотить просвещение, ибо в государственной системе воспитания нет системы человеческой и национально-означенной культуры. Из нее исключена собственно душа русского человека. Этот педагог и литератор был одним из первых, кто обратил внимание нового общества России на изначальный смысл понятия «культура» (от латинского корня — «возделывать», «развивать», «обрабатывать», а затем уже «читать», поклоняться тому, что возделано). Это вовсе не отвлеченная семантика: острота вопроса, поднятых в «Сумерках просвещения», ныне стала для нас стократно более ощутимой. Вспомним розановское восклицание о холоде от безлюбия; «культура» начинается там, где начинается любовь», пишет он в своем педагогическом труде. Раньше, чем ряд западных мыслителей, он разделил современное ему образование на три «этажа», три сферы: высшую — мудрость (собственно культуру), затем — знание и наконец низшую — информацию. Система просвещения сведена до уровня получения людьми информации: вот исток духовной мгли, по мнению Розанова. Вместо философии духовного воспитания — «учебно-воспитательный процесс». Боже, как все это нам знакомо...

«Кого не поразит, что, так много учась, так тщательно учась, при столь усовершенствованных дидактике, методике и педагогике, мы имеем плод всего этого (новый человек) скорее отрицательный, нежели положительный. Забыта именно философия воспитания; не приняты во внимание, так сказать, геологические пласты, коих поверхностную пленку «назема» мы безуспешно пашем», — говорит автор «Сумерек просвещения». И нельзя не согласиться с автором послесловия: «Написано это было в 1899 г. 21 января. Однако и до сих пор наша современная педагогическая наука во многом еще продолжает безуспешно «пахать» пока лишь поверхностный слой почвы среднего и высшего образования...»

И со всеми свойственными его натуре язвительностью, скепсисом, юмором и иронией обрушивается Розанов на современных ему изготавителей кинформации, на тех, кто своими словесами и деланиями стремится подманить почву российской духовности «наземом», кто поверхностной «цивилизацией» и «прогрессизмом» уводит новые поколения от подлинной, от родной, от тысячелетней культуры. Эту, все растущую пропасть в бытии общества и народа он ощущал поистине с физической болью, выплескивавшейся на многие страницы его творений, и журналистских, и философских. «Все реально — в одном! Все и де о л о г и я — в другом! Непредолимо расхождение! До отарщения, до крови!» — восклицает он в «путевом» эссе «Русский Нил». Вот истинная почва нынешней актуальности розановских сочинений: все то же расхождение (в жизни страны нашей, в бытии россиян) между прежними и новоявленными идеологиями — и между естественными законами и устами отечественной культуры и действительности... Первые не ведут никуда, кроме как к духовному разложению, к «великим потрясениям», говоря словами другого великого россиянина.

Мои размышления — не рецензия на новую книгу, включающую в себя еще одну часть наследия В. В. Розанова: оно действительно громадно, писатель отличался невероятной работоспособностью и плодотворностью, и, вероятно, лишь некое многотомное избранное даст исследователям и читателям возможность усвоить о р г а н и ч н о с т ь философии этого подвижника, внутреннее единство множества ее ликов, граней и ипостасей — столь противоречивых, на первый взгляд, друг другу, что и люди, жившие с ним в одно время, звали его то «самым интересным человеком современности», то «Иудушкой Розановым», и наши нынешние комментаторы «разрывают» его наследие на части. Но из всех изданных в недавние годы книг Розанова «Сумерки просвещения» тем отличаются в самую добрую сторону, что и содержанием, и внутренним сюжетом, и тонким, «понимательным» (термин Розанова) анализом, данным в послесловии, этот сборник впервые дает своего рода к л ю ч к целостному и органичному восприятию одного из христианнейших русских писателей. И — ключ к пониманию как истоков его оригинальности, так и — его трагедии, прижизненной и посмертной. Читая книгу, мы впервые сможем ощутить и то, почему поборники и служители православия звали творчество ее автора «дьяволиадой» и всерьез готовили его отлучение от Церкви. И уж, разумеется, ощутим трагизм его финала — не просто физическую смерть от голода в 1919 году, в Сергиевом Посаде, — но удушение человека

теми ядовитыми джунглями революционного варварства, что и возросли на «назем» — убийство русской души, которое он столь остро предчувствовал. И тут я не могу не обратиться к едва ли не самым «сверхактуальным» страницам книги, на которых выплеснуты эти предчувствия — к очерку «О картине И. Е. Репина „17-е октября“». Размышляя у полотна великого передвижника, где изображен один из трагичнейших (в своей общности, а посевных зернах грядущих обманов и потрясений) дней нашей истории, Розанов создает поистине политико-философскую поэму — донельзя пророческую по отношению к нашим дням, к «митинговой перестроенности», — я приведу лишь самые красноречивые и знаменательные ее стрихи. «Жидовство, сумасшествие, энтузиазм и святая чистота русских мальчиков и девочек — вот что сплело нашу революцию, понесшую красные знамена по Неваскому... — так комментирует дело И. Е. Репина в выставленной им большой картине „17 октября 1905 года“...» — так начинается свой очерк Розанов. А далее — даются описания «движущих сил» грядущего разрушения: «вождь», одержимый «бессознательной» манья, переживающий звездный час своей античеловеческой жизни, ошалевшие от своей «раскрепощенности» (ведь ни классов, ни скупных лекций!) гимназисты и студенты, «закружившаяся» от сознания своей юности курсыстка-провинциалка. А дальше...

«Впервые из картины Репина, столь разительно истинной по зарисованным лицам, я увидел, что «евреи в революции», в сущности, не ведут, а именно идут за сумасшедшими мальчиками, но подбавляют к их энтузиазму хитрую технику, локую конспирацию и минно-научную печатную литературу. В революции, как и везде, евреи не творцы. Творит, выдумывает и рвется вперед арийская кровь. Это она бурлит и крутит воду. А евреи «починники часов», как и везде, с мелкоскопом в глазу, и раскормивают, и компилируют подробности... и «организацию» забастовки...» Под пером писателя ожидают другие герои репинского полотна, например, чиновник, бесмысленно просидевший десятилетия в конторе и «выход» находивший в чтении «либеральной» литературы — и вот ему кажется, что сбываются его лучшие мечты. Но! — подчеркивает Розанов, — но: «еврею есть дело до сегодняшнего дня» и нет дела до России. Чиновник — русский идеалист-патриот; это тот патриот, который ждал и не дождался реформ...

Не знаю, кому как, но мне, повидавшему за последние года полтора целый ряд демонстраций и митингов, организованных нашими «демократами» и «прорабами перестройки», показалось: не о картине Репина говорит Розанов — он живописует эти нынешние «акции». Все и все отражены писателем, что наличествует в бузующей, безумстающей «улице» наших дней: и «быдло» революции, ее «пушечное мясо», обманутые трудовые люди, готовые и на голодовку, и на жертвы, и террористы, и даже — вот еще одно из удивительных «сближений» в пространстве русской истории — даже «общественный деятель», «человек 60-х годов...» Знакомые все лица...

«Его картины, — пишет художник слова о художнике кисти, — и великопепная опера, и «тайное следствие» о том, что было и что есть на Руси». И — что будет, можно с полным правом добавить сегодня, то есть — что происходит в наши драматические дни. Это — и судьба творений Василия Розанова...

И не потому ли — заметим в скобках — не потому ли во времена нашей своеобразной «гласности» гениальное полотно Репина до сих пор скрывается от народа, не потому ли его прячут бог весть в каких «подвалах» наши «архитекторы либеральных перемен», что, увидев эту картину, люди нынешние, как в зеркале, увидели бы и с в о ю трагедию часа идущего. И — опасность того, куда может привести нынешний «революционный энтузиазм».

Нет, не для осуждения «улицы» привел я в финале своих заметок строки из провидческого произведения В. В. Розанова. И не для того нам сегодня надо возвращаться к его творчеству, чтобы порицать тех или иных своих соотечественников. Сказал же он сам: «Может быть, народ наш и плох, но он — и а ш наш народ, и это решает все».

И в этих словах — тоже ключ к пониманию трагедии Розанова. Той трагедии, которую он предупреждает нас сегодня, заставляет прежде всего задуматься о самих себе, о своем духовном спасении, и отарать себя от возможной и уже наступающей Смуты...

АНАТОЛИЙ ЖУКОВ

Осенние песни о весне

III

Ответа из Дубоссар не было, хотя после моего письма прошло уже больше недели. Домашние заметили, что я каждый день придирчиво спрашиваю, нет ли писем, и успокаивали: нкуда он не денется, твой Николай, не для того объявлялся. Любопытство, что ли, разбирает? Так вряд ли будет что-то любопытное: тоже, наверное, постарел, посивел, о пенсии думает, если еще не вышел...

Да, если все время оставался в армии, то календарные двадцать пять давно прошли. Но мог ведь и не остаться. В конце пятидесятых Хрущев проводил сокращение армии на один миллион двести тысяч человек, и Николай мог уйти из одной только гордости: вы хотите заменить нас ракетами? — счастливо оставаться!

Если не ушел, интересно, куда распределила его судьба: в строевые командиры, в политсостав или в военврачи?

Медицина привлекала его, как нашу Люду, с детства, но детские мечты редко сбываются, хотя медучилище он окончил блестяще, на младшего лейтенанта аттестовался тоже как военфельдшер, дальше ступеньки прямо в медицинскую академию. Встал ли он на эти ступеньки? В пятьдесят пятом году он писал мне в совхоз, а через год рассказывал лично, что зовут на политработу, но он сильно колеблется: не лежит душа, не в его характере. В строй еще, при крайней необходимости, можно, а «помой», ты знаешь, нет...

Я знал честолюбивую натуру Николая, знал, что не может он быть вторым человеком, — только первым. Пусть лишь в своем батальоне, в роте, во взводе, в одном своем отделении, наконец. Но только первым.

В редакции тоже заметили, что временами я отключаюсь — за письменным ли столом, во время ли летучки, общего собрания или даже при малолюдной беседе.

— Ты иде? — спросит внимательный приятель с улыбкой.

И я не сразу пойму его, а когда наконец дойдет, тоже улынусь:

— Да вот, понимаешь, опять служу в армии...

— А-а, значит, помолодел после юбилея.

— Помолодел. Еще один юбилей, и почувствую себя в начальной школе, если не в детсадике.

И все же что-то такое было. Вместе с открыткой Николая пришли во всей наивной восторженности и чистоте армейские годы, как живые встали рядом сослуживцы, и штабные, и строевики. А сколько вспомнилось солдат! И самые дорогие, конечно же, солдаты нашей батарси, иде я был старшиной. Но это уж во вторую половину службы, а первый год тянул как бы две лямки: военную и гражданскую — учился в заочной школе.

Эта школа выматывала из меня все силы, почти не оставляя времени для отдыха. После отбоя, когда вырубали свет, я пробирался в ленкомнату или шел на пост дневального, а утром вскакивал невыспавшийся, с пудовой головой. И в выходные не отдыхал — все увольнения уходили на консультационный пункт. До города на попутной машине — час, да обратно столько же, включая

время ожидания. Половины увольнительной, считай, нет. В оставшиеся два-три часа я никогда не укладывался и обратно пробирался городом как вор, чтобы не нарваться на патрули. Часто удавалось, но, бывало, и попадался. Тогда никакие уговоры не помогали — сразу гарнизонная «губа», звонок в твою часть, обычно вечером, и на другой день тебя заберут свои. Если успеют. Всех задержанных обычно отправляли за город грузить камень у берега Ингула, где минеры его добывали. Взрывчаткой, разумеется.

От своей гауптвахты, по возвращении из города, меня спасал подполковник Леонов, хотя каждый раз выговаривал: «Ты у меня доучишься до штрафбата, мазурик!» — «Их уж нет, товарищ подполковник». — «Ну дисциплинарные батальоны есть, какая тебе разница». Но каждый месяц спрашивал, все ли контрольные я сдал, нет ли «хвостов», нужна ли помощь.

В своем воинском звании он сильно засиделся, и когда был не в духе, ворчал:

«Товарищ подполковник, товарищ подполковник! Я уж десять лет как подполковник!»

Было ему около сорока лет — по тогдашним моим понятиям, старик, — до войны он успел окончить художественное училище и несколько курсов института, немного поработал художником-оформителем, а потом фронт, ранение, госпиталь, офицерские курсы после госпиталя и стремительный взлет по службе. В один год он с первой офицерской ступеньки вбежал до подполковничьей, но дальше ступеньки для него кончились — нет военного образования. Трехмесячные курсы младших лейтенантов не в счет. Учиться бы, да теперь поздно, а сразу после войны помешала семья.

Женился он на однополчанке-связистке, лет на пятнадцать моложе его, сразу пошли дети, не до училищ, и время, по возрасту уже предельное, оказалось упущенным.

Я бывал у него на квартире, знал миловидную его жену и веселых прелестных детей, помнится, девочек шести и четырех лет. Они так радостно его встречали, с таким обожанием — как оставишь родных малышей для какой-то учебы!

В самом конце апреля полк подняли по боевой тревоге, вывели в район сосредоточения, где были другие части нашего соединения, и объявили, что «противник» находится в районе железнодорожной станции Голта — это город Первомайск, Николаевской области, и мы направляемся на сближение с ним. Передислокация использовалась очень разумно и экономно как тактическое учение.

И опять я невольно подивился быстроте и слаженности эвакуации по тревоге: прошло каких-то два часа, а все подразделения части, со своими пушками, САУ, минометами, тягачами, с личным оружием и запасами боепитания, с дымящимися походными кухнями, со всем вещевым и продуктовым имуществом, со штабным и тыловым хозяйством, погрузились в эшелон и — прощай, любимый город...

Уже на платформе я встревожился: а как же моя школа? Правда, все контрольные работы я успел сдать, но через две недели экзамены, а меня там не будет, туда не отпустят.

«Отпустите, товарищ подполковник?»

Леонов отмахнулся:

«И не мечтай! Весенняя поверка на носу, штабные и тактические учения, а тут еще передислокация! Неизвестно, что там, в том Первомайске, не к тебе на блины едем. И офицерские семьи вот остались пока здесь. Когда за ними выберемся?..»

В Первомайск приехали в тот же день, выгрузились. Городок небольшой, тихий, спрятался, как в блюде, в широкой долине двух рек — Южного Буга и Синюхи. Как раз в середине города, под мостом, реки сливаются, и во все стороны от них карабкаются из долины по косогорам белые хаты и одноэтажные особняки под красной черепицей, все в цветущих садах, больше — вишневых.

На общем построении новый командир части подполковник Сорокин, как-то незаметно сменивший прежнего командира, горластого полковника Бабака перед новым 1952 годом, сказал, что размещаемся мы капитально и все лето, наверное, проведем здесь. Летних лагерей пока нет, обещано только место где-то в районе береговой части Южного Буга, за городом, у села Грушевка, — хорошее, говорят, место, живописное. Вот закончим весеннюю поверку и тогда будем уделять время лагерным работам.

Подполковник Сорокин был чуть пониже среднего роста, плотный, рябоватый, очень спокойный. За три года службы я не слышал, чтобы он повышал голос на кого-то, и до сих пор не знаю, умел он кричать или нет: он всегда говорил вполголоса, кратко, мало, но так дельно и внушительно, что его было слышно в любом собрании. Всегда взвешенное его слово было продуманным и лишенным внешней эффектности. Может, потому этот надежный человек иногда казался скучноватым. Бабак был как майский минутный ливень — шум, плеск, гром, молния, опять гром и через полчаса сухо. Сорокина можно сравнить в этом ряду с летним спорым дождем на несколько часов подряд, причем без электрических эффектов и грохота, но землю напоит досыта.

Тогда я отослал в Николаев горестное письмо о потере школы, но они меня вскоре утешили: на основании контрольных работ и устных опросов на консультпункте в течение учебного года я переводился в девятый класс без экзаменов. Соответствующая справка с печатью прилагалась.

«Вот видишь, как тебе везет, отличнику, — сказал Николай, прочитав письмо и справку. — Осенью давай жми в местную гарнизонную школу, и к семье с аттестатом зрелости приедешь.»

«С офицерами не разрешат.»

«Попробуем. На днях я тут говорил с одним: его капитанша будет в той школе завучем и химию вести — обещал замолвить за тебя ласковое слово.»

Вечером позвонили с междугородной.

— Пап! Пап! — закричала Люда. — Тебя Дубоссары! Скорен!

Я взял трубку, отозвался, а в ответ услышал недоверчивое:

— Толя, ты? — голос незнакомый, сильный, прокурены.

Странно. У Николая чистый и сильный был голос, это у меня хриплый — тридцать с лишним лет куренья все-таки, а у него откуда?

— Коля, неужто ты?

— Да я, кто же еще! Никак тебя не признаю — совсем другой голос. У тебя же сильный был голос, молодой!

— Я и сам был не старый, Коля.

— Да, разумеется, ты прав, но так непривычно. Ну как ты там, куришь?

— Да нет, уже бросил. А ты как? Голос что-то не командирский...

— Командирство мое давно в прошлом. Спасибо за письмо — много у тебя изменений, много...

— Да какие изменения, Коля, — все в заданном направлении.

— Вот и я о том: направленные выдержишь, не сворачиваешь... А о себе я напишу завтра. По телефону много ли скажешь. Про все напишу. Слышишь?

Но тут возник совсем чужой голос:

— Кончайте трепаться, в наш разговор влезли!

— Мы влезли?! — возмутился Николай. — Откуда такой взялся? Сам влез и командует. А ну — брысь!

— Разъединяю, — сказала телефонистка, и пошли частые гудки.

Я огорченно положил трубку и встретил разочарованный взгляд Люды: «И это — все? — безмолвно спрашивала она. — Ждали, ждали, а вот такой коротенький разговор ни о чем?»

Я развел руками:

— Он письмо скоро пришлет, дочка, и про все там напишет. Про все, про все!

— Он еще служит, пап?

— Нет, он, кажется, на пенсии.

— Да? А тебе почему на пенсию через десять лет? Вы же с ним ровесники.

— Военная служба, дочка, труднее, и вот через двадцать пять лет их уже списывают на волю.

— А когда тебя спишут, ты сколько лет проработаешь? — Сорок пять.

— Ого-го! Что бы тебе остаться в армии, пап? Отдыхал бы теперь по-ветерански, в школу бы к нам ходил рассказывать о походах... Не догадался, да?

— Догадаться-то догадался, дочка, да как-то не решился. Не о пенсии я тогда думал, не об армии тревожился. В армии в то время было неплохо. Очень даже неплохо...

Да, в армии было хорошо. Если в совхозе я жил от полочки до полочки, то здесь, оказалось, не надо заботиться ни о чем: еда, одежда, обувь, жилье... — всем обеспечен. В кино хочешь сходить — пожалуйста, тоже бесплатно. В баню — тоже без копейки, и с паром, с веничком. Спортом заняться — любую секцию: легкой и тяжелой атлетики, бокса, борьбы, футбола, плавания, бега... Ах, ты любишь читать! — вот тебе библиотеки: полковая, бригадная, гарнизонная, в городскую можешь записаться.

Я уже прочитал полное собрание сочинений и писем любимого Чехова, одолел всего Горького, не говоря уже о Пушкине, Лермонтове, Толстом... Не добрался вот до таинственного Достоевского, но с ним успеется, Ленин называл его архискверным писателем.

Николай, да меня глядя, тоже приохотился к чтению. Прежде он читал в основном серьезную научную и специальную литературу по медицине, а теперь оценил и художественную. Первый раз я соблазнил его «Лексиконом прописных истин» Флобера, затем подсунил роллановского «Кола Брюньона», а потом Николай, не терпевший ничьей опеки, вышел к океану мировой литературы и стал читать больше меня: его не отвлекали, как меня, занятия в заочной школе, он сам распоряжался служебным временем.

Да, хорошо было в армии. Воли только мало. На каждую отлучку, на каждый шаг спрашивай разрешения. Но разве дома ее больше было, воли-то? Дома тоже мантули ты не только с восьмью утра до пяти вечера, но плюс к тому еще два-три часа до совхозной работы, да столько же после — как все жители деревни. У тебя ведь свое хозяйство, скотина, приусадебный участок, без них ты на нищенскую зарплату не проживешь, тем более с семьей. Здесь младшему офицеру платят тоже немного, но все же вдвое больше, чем в совхозе, плюс за звание, плюс квартирные, плюс обмундирование — обойдешься. Если семья небольшая. Ну, а когда вырастет большой, ты ведь тоже вырастешь в старшие офицеры, звезды на погонах станут крупнее, денежное содержание — гуще...

Разговор этот завел майор Клименко, замполит. Он прибыл в часть недавно, напрямую из Военно-политической академии имени Ленина, ему полагался освобожденный помощник по комсомолу, вот он и предложил мне аттестоваться. Должность офицерская, через два года окончишь школу, получишь к тому времени еще одну звезду — дочку на погоны, а там через пару-тройку лет можно и в академию. На худой конец — лет через пять.

Майор Клименко был темноволосый красавец, высоколобый, начитанный. Он сказал, что ему импонирует моя любовь к книге и детская мечта путешествовать, моя открытость и доверительность. Для комсомольского работника — самое то.

С удовольствием вспоминаю я тот жаркий августовский день, прохладный кабинет замполита в штабном домике, его, лобастого, за столом, и себя, то есть младшего сержанта Ланина, сидящего напротив. Это уж не увальню-первогодок, а подтянутого, спортивного военнослужащий,

в отглаженных галфе и гимнастерке с белоснежным подворотничком, в надраенных до блеска кирзовых сапогах (обмотки давно забыты), в краснозвездной пилотке, лихо сдвинутой на ухо. А начищенные пуговицы гимнастерки светятся как золотые. Надо же! И глядит дерзко, улыбочиво, отвечает твердо:

«Спасибо за предложение, товарищ майор, но кадровым военным быть не хочу.»

Сказал и сразу пожалел, увидев огорченное лицо замполита, большие его глаза, в которых будто выключили свет.

«Жаль, Ланни. А мне казалось, вы любите армию.»

«Люблю, товарищ майор. Но больше армии я люблю свободу, волю.»

Майор улыбнулся:

«Все-таки не торопитесь, подумайте. До понедельника. Надеюсь на положительный ответ.»

«Я подумаю. Разрешите идти?»

«Идите.»

Думал младший сержант Ланин, естественно, с Николаем Пахомовым, уже сержантом. Правда, первым о разговоре с замполитом узнал старший сержант Александров, но с ним Ланин не стал распространяться, и Александров обиделся:

«Чего ты, Ланин, все время с Пахомовым и с Пахомовым? Ты же со мной вместе служишь, а не с ним — вот и пусть сидит в своей санчасти!»

«Ему одному скучно, — сказал Ланин. — А с тобой я и так целый день вместе. Отдохни.»

«Ну и дурак.»

На другой день было воскресенье, и Ланин с Пахомовым, взяв увольнительные, пошел на Южный Буг купаться. Ребята говорили, что минутах в двадцати ходьбы от военного городка, ниже улиц Свердлова и Урицкого есть не то чтобы пляж, а вполне приличное место для купанья. Громадные валуны из красного гранита на берегу, мелкие камни в прибрежной воде, белая пена вокруг них, а дальше голубоватые речные воды.

На немощных улицах было пыльно, жарко и безлюдно, за калитками палисадов лениво гавкали на прохожих собаки.

Ланин, покуривая на воле, передал другу разговор с замполитом. Пахомов слушал внимательно, а в конце засмеялся:

«Какую свободу и волю ты хочешь?»

«Привет! — обиделся Ланин. — Ты уже забыл, какой была свобода?»

«Не надо детского сада. Материалисты считают свободу осознанной необходимостью, и они правы. Ленни говорил, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Разве не так? Свобода анархиста тебя, кажется, привлекать не должна. Или привлекает?»

«Давай, Коля, без политики, ладно! Давай просто: солдатский возраст — самое время любви. Надо ли такой весенний возраст ставить в строй, загонять на ночь в казармы, огораживать те казармы забором, оставлять в том заборе один вход-выход — КПП? Зачем стеснять жестким режимом майскую жизнь, если она хочет воли, простора, света — естественно же, правда?»

«Неправда, — возразил Николай спокойно. — Если ты говоришь о естественности, давай обратимся к природе. И ты сразу увидишь, что она довольно жестко регламентирует жизнь всех своих форм. Например, растительных. Все тут поставлено в зависимость от климата, почвы, сроков вегетации и так дальше. А все это у нас нестабильно: то засушливое лето и морозная зима, то наоборот — теплая снежная зима и непроглядно-дождливое лето, то зарядят долгие степные ветры, взвоят бурн, ударят градобои — и все это, дорогой мой, на малую травинку, на цветочек полевой ромашки, на белостебельную березку, открытую любой непогоде. В такой-то вот агрессивной среде каждое растение в определенные сроки растет, цветет и плодоносит. Смекаешь? Природа не создает им особых условий для каждой жизненной стадии, жизненного цик-

ла. Весны бывают ранние и поздние, случаются майские и июньские заморозки — терпи, травинка, цветы, ромашка. держись, березка, за землю, ничего другого у тебя нет.

А птицы, звери, животные? Условия жизни у них тоже суровы, особенно зимой, но сроки любовного спаривания и выращивания потомства им не отменяются. Так ведь? А знаешь ли ты, что у растений и животных никогда не прекращается и межвидовая борьба, что живут они сообществами, что каждая популяция стойко борется за свое существование?... Зайди в лес, оглядись: рядом с высокими соснами или елями тоже стройны и высоки березы, липы и осины, они тянутся друг за другом, растут напергонки, чтобы не оказаться в тени соседа, не потерять свой кусочек солнечного неба. А теперь выйдем на открытую поляну или на опушку леса — там деревья стоят на просторе, им вволю земли, неба и солнца, но именно эти деревья оказываются избыточно ветвистыми, присадиистыми, с кривыми стволами. Смекаешь? Ну вот. Нестроевой лес, дрова. И это на желанной твоей свободе, на воле!»

Озадаченный Ланин бросился в атаку:

«Твои биологические параллели я не принимаю. Мир не прямолинейен, а человек — существо социальное!»

«Биосоциальное. — поправил Пахомов. — И не горячись. Признайся лучше: ты из-за семьи отказался?»

«Не только. Деревня у нас обезлюдела, земля.»

«Один ты деревню все равно не поднимешь, а семья здесь сыта будет, на офицерских-то харчах.»

«У меня две семьи. Коля. Отцовская — в два раза больше.»

«А заработок в совхозе в два раза меньше. Откуда бы помог.»

«А деревне кто поможет? Осиротеет вместе с родными.»

«Так уж и осиротеет! Я за свою Красную Поляну как-то не беспокоюсь.»

«У тебя там отец, братья...»

«Тоже верно...»

Пляж оказался живописней, чем рассказывали сослуживцы, потому что на самом большом гранитном валуне сидела, свесив длинные ноги, мокрая и оттого сверкающая на солнце красавица, в зеркальных очках и в красном купальнике. Неподалеку на мелкой воде плескалась, ползая на четвереньках, толстая пожилая женщина, как потом выяснилось, мать красавицы, выставив из воды широкую зад.

«Это она тебя, женатика, заалекает, — сказал Пахомов. — Гляди не зевай!»

«А то отобьешь?» — сквитался Ланин.

Они весело переглянулись и стали живо раздеваться. Красавица наблюдала за ними, откинувшись на вытянутые руки и выставив солнцу литые белые груди и сверкающие очки.

В реку они побежали, как жеребята, с радостным плеском, вскидывая ноги на мелководье и чему-то смеясь. — солнцу ли, которое толкало их в спину и жарко сверкало из реки прямо в глаза, желанной ли прохладе или взгляду красавицы с камня, ощущаемому обоими.

Пахомов тоже плавал уверенно, и они пустились напергонки, лихо отмахивая саженки и стараясь без плеска, красиво, с изящным хлопком класть на воду ставшие ластами ладони.

Течение оказалось быстрым, Ланин, оглянувшись, увидел, что красавица вместе со своим красным камнем не просто осталась позади, но отъехала далеко в сторону. Крикнув Пахомову, что их сносит, он повернул с середины реки обратно. Плыть почти против течения стало трудно, вода не такая уж теплая внизу, и когда они подгребли наконец к зовущему камню, то заметно устали и первое возбуждение прошло.

Красавица оценила их умение и смелость, сняла зеркальные очки и наградила широкой белозубой улыбкой.

«Какие вы молодцы, мальчики! — сказала она кокетливо, склонив пышноволосую темную голову набок и взглядывая то на одного, то на другого. Будто выбирала. —

Но вы же могли утонуть! Здесь такое сумасшедшее течение, нельзя так далеко плавать!»

«Хотели отличиться перед вами», — сказал Ланин, влезая на широкий и почти горячий от солнца гранитный ее пьедестал.

Пахомов влез за ним следом и с наслаждением лег животом на камень, как на печку. Ланин малость подвинулся.

Вблизи красавица в красном купальнике оказалась необыкновенной: темные брови выбриты (или выщипаны?) до узких стрелок, разлетевшихся от переноса в противоположные стороны, большие синие глаза завлекательно и мило щурились и к вискам бежали трещинки первых морщинок, особенно явных на бронзово-загорелом лице. Нос был прямой, красивый, с четко вырезанными широкими и тонкими ноздрями, рот тоже чувственный, с чутьчку вывернутыми губами, но непривычно для сельских ребят накрашенный, зато лоб открытый, безупречно гладкий, темные роскошные волосы крупными волнами спадали на загорелые узкие плечи с простирающимися от них ключицами, а все остальное трудно описать, это надо видеть: как дышит, будто в волнении, подымаясь и опускаясь, дивная высокая грудь, туго натянущая узкий красный лифчик, как изгибается узкая талия, когда красавица откидывается назад или наклоняется, чтобы тонкой изящной рукой с гибкими пальцами и красными ноготками погладить лодыжку длинной, стройной ноги, тоже с крашеными, аккуратно подстриженными ногтями.

Она умело, профессионально, как модельерша, показывала себя в пляжном наряде, откровенно зазывно улыбалась, а потом сказала с кокетливой распевастью:

«Осмотр, кажется, закончен, мальчики. Если вы остались довольны, давайте знакомиться. Меня зовут Леной.»

Смелая городская красавица. И зрелая, лет на двадцать пять, наверное. О таких они знали только из книг.

Первым откликнулся Пахомов — глухо, скрывая волнение, назвал свое имя. Она кивнула, движением головы отбросила за спину волосы, повторила кокетливо: «Николай. Коля.»

А Ланин еще глядел на нее, полуоткрыв рот, еще любовался. Она поощрительно улыбнулась и ему, вопросительно приподняла узкие длинные бровки. Дождавшись ответа, тоже повторила его: «Анатолий. Толя. Можно и Толк, правда?»

Ланин молча кивнул.

«Ну вот и познакомились. Я живу здесь неподалеку, а учусь во Львове, в медицинском. Уже на последнем курсе, без пяти минут врач...»

«А Николай у нас и. о. полкового врача», — сказал Ланин с гордостью.

«Да-а? — удивилась Лена. — Значит, мы коллеги, очень приятно, очень!»

«Фельдшер я», — сказал Пахомов.

«Все равно коллеги, — сказала Лена. — Вам, Коля, вероятно, не очень сложно работать: контингент молодой, здоровый, в городе есть госпиталь...»

Лена уверенно повела разговор, и скоро они освободились от застенчивости, стали рассказывать о службе, припомнили веселые анекдоты к случаю, пытались даже острить. Беседу прервала толстая пожилая женщина, лежавшая на другом камне, — они как-то успели забыть о ней.

«Леночка! Пора обедать!» — позвала она требовательно.

«Это моя мама, Вера Дмитриевна, — сказала Лена. — Идемте, я вас познакомлю.»

Они оба, как по команде, прыгнули с камня, галантно подали руки Лене и отвели ее к маме, которая уже была на берегу и натягивала легкое платье на сильно избыточное рыхлое тело, с синими венозными расширениями на ногах. Лена помогла ей, потом познакомилась с ребятами, они оделись и вместе пошли в город.

Дом Лены был рядом, на улице Урицкого — белая уютная хата под камышовой крышей, длинная, двухквартирная.

«Вечером жду в гости», — пригласила Лена, подав лодоч-

кой узкую лодочку сперва Пахомову, потом Ланину.

Они горячо благодарили, переглянулись и пошли в расположении части. Ланин был возбужден, Пахомов стал задумчивым.

После обеда они разошлись по своим местам — Ланин в палатку, Пахомов в санчасть — почтять, отдохнуть по случаю воскресенья, и встретились в столовой на ужине.

«Пойдем к Лене?» — спросил Ланин.

«Не развращай, — сказал Пахомов. — Тебе, может, и пора иметь любовницу, а я еще неженатый, меня невеста ждет. Иди один.»

Ланин ушел.

И возвратился ночью, потрясенный, счастливый и еле живой. Лена оказалась такой смелой и прекрасной любовницей, такой неутомимой и изобретательной, что у него подкашивались ноги от слабости, и он едва добрался до санчасти, чтобы не будить ребят в своей палатке и не попасться на глаза дежурному. Да и с другом надо было поделиться, посоветоваться — слишком уж необычно все то, что происходила с ним прекрасная Елена.

Николай спал в пустом изоляторе санчасти — там у него стояла двухъярусная железная койка.

«Полезай на второй этаж», — сказал он, зевая.

Ланин смутился:

«Я не влезу сейчас, Коля». — И, присев рядом с ним, рассказал о своих любовных трудах и открытиях, не тая удивления и даже смущения.

«А ты разве этого не знал? — тоном многоопытного донжуана спросил Пахомов. — Эх ты, женатик! Сразу детей кинулся делать... Ладно, ложись на мое место. — Встал, разобрал наверху постель, легко забросил туда себя, подтянувшись на руках, и заключил: — А твоя Лена, видать, бессовестная, если носит зеркальные очки, ведьма. Это чтобы взгляд свой спрятать, не иначе. Никогда не видел таких очков.»

Ланин с трудом разделся и лег, впервые подумав о целомудренности Пахомова и его верности далекой своей Зое. Вот это любовь так любовь — настоящая! А тут и детей уже двое, а побежал, как кобель, за первой же...

Пройдет полгода, и где-то в феврале пятьдесят третьего Пахомов, не получавший от Зои писем уже два месяца, явится в казарму к Ланину и смущенно сунет ему в руку сложенный четверо листок.

«Почитай, Толя. И дай мне, пожалуйста, папироску.» Неумело закурит, закашляется и выйдет.

Письмо окажется от его любимой Зои, последнее, прощальное письмо. В нем она объясняла свое долгое молчание неожиданной для нее самой и нечаянной изменой Николаю.

Был новогодний студенческий вечер в общежитии, веселый, дурашливый, с выпивкой, разумеется. Рядом с Зоей за столом сидел и смешил всех ее однокурсник, ухаживал за ней и ее подружкой, подливал им вина, а поздно ночью, перед утором уже, запяная, утомленная, она оказалась одна с ним в комнате. Сопротивляться не могла, и тут случилось все непоправимое, отступать теперь некуда, ожидается ребенок... Прости меня, если можешь, любимый мой, единственный. Себя я за это не прощаю и не прощу никогда...

Вернувшись из куртки, Пахомов взял письмо, спрятал в карман гимнастерки и ушел. Вечером они сидели вдвоем в санчасти, пили водку и молчали. О любви молчали. О верности. О мужьях и женах. О любовниках. И еще о детях, которые заводятся от всякой любви.

У Ланина летом прошлого года родился второй сын. Домой он написал, чтобы назвали Николаем — в память отца, в честь армейского своего друга. А у Зон в этом году родился ребенок. Не Пахомова ребенок — чужой. Неужели вправду не его, а чужой?...

— Папаны, тебе письмецо из Молдавии, — сказала Надя, подав конверт. — Кажется, от твоего друга.

— Спасибо, дочка.

И вот передо мной знакомый уже красный почерк (ко-

гда он научился так писать, в армии, что ли?), знакомые слова и интонации даже:

«Здравствуй, дорогой Толя!

Прости меня, ради Бога, за то, что отвечаю на два твоих письма — одним, да еще с опозданием. Оправдаюсь при встрече.

Очень рад, как-то по-особому счастлив тем, что мы нашли, объявились. Теперь расскажу по порядку.

О себе. В образовании, к сожалению, не вырос. Остался на среднем уровне. Причин много. Первая причина — личная расхлябанность*. Служил на Украине, в Молдавии, в Германии. В инженерно-саперных войсках. Командовал взводом, ротой, батальоном. В 1976 году уволился в запас по возрасту, в чине подполковника. Квартира была в Молдавии — сюда и вернулся. С 1977 года нахожусь на гражданской службе — зав. дорожным отделом райисполкома с массой общественных хомутов. Здоровье — в пределах возрастной нормы.

О семье. Прожили все эти годы с Зоей, той Зоей, о которой ты знаешь по годам нашей молодости. Нажили мы дочь и осенью прошлого года выдали замуж со второго курса Кузнецовского авиационного института. Муж тоже студент. Живут в Куйбышев (теперь Самаре). Сын — офицер**. Служит в Белоруссии, женат, имеет 4-летнюю дочь, а я, соответственно, внуку.

О родных. Отца не стало в 1966 году. Мать живет в родном селе Красная Поляна, Барышского района. Одна. Моя сестра живет в Барыше, недалеко от Ульяновска, два брата — в Самаре***. Оба работают на авиационном заводе. Так что Самара стала для нас родным городом, где я бываю ежегодно уже двадцать лет.

О Молдавии. Вся она а долинах и холмах, в садах и виноградниках, с мягким климатом и трудолюбивым народом. Дубоссары — районный город (27 тысяч жителей). Стоит на Днестре, выглядит провинциально, без особых претензий на будущее. Народ смешанный, добрая половина русских и украинцев. Квартира моя — в общем доме старой постройки, особых восторгов не вызывает, но жить можно.

И о другом. Можно сказать, что проживание вдали от родных мест становится большим испытанием. Если в дни молодости это чувство не было главным, то теперь становится болезнью. Все больше и больше ощущаю сложность моего пребывания здесь. Поэтому на ближайшие год-полтора поставил себе задачу возвратиться в Россию****.

Подумай о своем заезде ко мне из санатория. До мая осталось два месяца, Трускавец не так далеко. Будем безмерно рады. Денек-другой тебя не обедит, а для меня будет большим праздником. Подумай.

Апрель у нас теплый, а при ранней весне — цветущий. Телефонный разговор с тобой все еще слышу. А вот голоса твоего не узнаю: стерло время, пригасило звучание окающего Толиного голоса. Короткий наш разговор всколыхнул многое, поднял все ушедшие непростые годы.

Напиши мне, как зовут твою супругу (Валей?*****) и девочку. Видишься ли со своими сыновьями от первого брака?

Пожалуйста, не бойся, хватит тебе и того, что перенес. Будем за тебя молиться, если наши грехи пропустят мольбу к Богу.

Поклон твоим близким. Извини за протокольность письма.

До свиданья. Обнимаю — твой Николай.
25 февраля 1981 года».

* Тут он слишком суров к себе. Причины, как выяснятся, были иные.

** Значит, тот, первенец Зои. И значит, не чужой, если идет по следу отца.

*** Вот и Красная Поляна осиротела.

**** Исполнение этого намерения растянулось на целое десятилетие.

***** Удивительно точное попадание.

Значит, не отдал Пахомов свою любовь, отвоевал у того несчастного случая с Зоей. И отвоевал, и сладил со своей бедой и обидой. А ты, Ланин, вот не смог, хотя и нарожал куда больше детей. Но разве твои дети родились не от любви? Разве они появились от несчастных любовных случаев, от случайных встреч?

И опять всплыл ноябрь пятьдесят четвертого, возвращение из армии, верхняя полка плацкартного вагона, где он улегся после прощания с друзьями, с Тamarой. Лежал вниз лицом, покачивался, как в люльке, вместе с вагоном, и видел тревожные глаза Тamarы, спутанные ветром черные пряди волос над гладким лбом, высокую смуглую шею, наполовину закрытую спущенным белым платком, и две полоски блестящих слез от глаз до подбородка. Он видел ее так живо, что тоска подступила вплотную, душа запросилась назад, готовая вырваться из него и улечься туда, где осталась Тaмaрa с Николаем и Сашей. Они, наверное, уже проводили ее до дома и вернулись в расположение части, и она сейчас сидит или вот так же лежит вниз лицом на кровати, а тетя Поля, ее мать, говорит ей что-нибудь сочувственное, успокаивает.

Да, наверное, утешает, как утешала в детстве, когда кто-нибудь девочку обижал, или в раннем трудном отрочестве, когда пришла война и из донецкой Макеевки они шли пешком по оккупированной уже земле в родной Первомайск. Тamarе не было еще и десяти лет, она уставала, и помочь ей мать ничем уже не могла — она везла тяжелые санки с домашним скарбом и ей самой требовалась помощь. А стояла зима, было холодно и голодно, их нередко оставляли немцы, проверяли документы и отпускали: выручала фамилия — Шелар. Немецкая, что ли? Ни мать, ни дочь не знали этого.

Тaмaрa рассказывала, что ее бабушка и дедушка были здешние украинцы, а кем уж считались их предки — неизвестно, дальше этого колена в родословную никто не заглядывал.

В год женитьбы дедушке было семнадцать лет, а бабушке пятнадцать, всего имущества у них было, кроме повседневной одежды, дедушкина свитка да бабушкин пустой сундук — мол, поживете и добра наживете сами.

Они взяли в аренду землю, работали оба, как лошади, не выпрягаясь, и со временем разжились, оперились, построили дом, развели скотину. Но это уж накануне коллективизации, во время которой их раскулачили и дом конфисковали, а деда посадили. Потом, после долгих хлопот, разобрались, дом возвратили, деда из тюрьмы выпустили, и он пошел работать на станцию сцепщиком вагонов, где потом станет работать и его дочь Поля — мать Тamarы.

В Макеевке они оказались незадолго до войны, поехали к брату Тamarиного отца, а потом отец умер и война пригнала их домой, в Первомайск.

Тетка Поля всегда встречала Ланина приветливо, хотя и с ревнивой настороженностью: может, считала, что ее красивая дочь могла бы иметь в друзьях по крайней мере офицера, а тут ходит солдат с желтыми лычками поперек красных погон, веселый, правда, солдат, добрый, увлекающийся, но забывчивый, Тaмaрa всегда напоминает ему, чтобы не просрочил увольнительную и не опоздал в часть. Тaмaрa каждый выходной ждет солдата, всегда рада его приходу, и тетя Поля, видя это, успокоилась: лишь бы дочери было хорошо, а солдат или офицер — Бог с ними. От судьбы, говорят, не уйдешь.

Ланину нравилась тетя Поля, маленькая, худенькая и молчаливо-приветливая хозяйка, неутомимая железнодорожница, работавшая осмотрщицей вагонов на станции. По вечерам она хлопотала в саду или по дому, точнее — по хате, потому что жили они именно в хате, невысокой, беленой, типично украинской, окруженной садом за штакетной оградой, которую можно было легко перелезть, если бы не сплошные кусты за ней.

Продолжение в следующем номере.

В. КАТАНЯН

Последние дни

Владимир Маяковский. 1930 г.

Тем читателям, что интересуются Владимиром Маяковским, — а он всегда вызывал и продолжает вызывать интерес и споры, — знакомо имя Василия Абрамовича Катаняна (1902—1980). Исследователь творчества поэта, он оставил нам летопись его жизни, где — в последнем, дополненном издании — прослеживается едва ли не каждый день жизни Маяковского. Познакомившись с ним в 1923 году, он начал издавать его в Тифлисе и до конца своих дней редактировал, писал критические статьи, составлял сборники. Василий Катанян — автор документальных рассказов и сценариев о поэте, в Ленинградском академическом театре драмы им. Пушкина шла его пьеса «Они знали Маяковского» с Николаем Черкасовым в главной роли.

В. Катанян оставил интереснейшие воспоминания о Маяковском и его окружении, о тех годах, когда они вместе работали и дружили, о друзьях и врагах поэта, о литературной, да и не только о литературной, борьбе тех лет. Воспоминания, коллажированные дневниковыми записями, статьями и документами, долгие годы были достоянием лишь архивов в силу целого ряда причин, которые сегодня нам кажутся совершенно неясными.

...Чем дальше отодвигаются события, о которых пишут мемуаристы, тем они интереснее и для истории, и для читателя — это аксиома. Давная публикация не исключение: последний путь поэта, о котором рассказывал свидетель всех тех печальных дней, раскрывает нам факты, досель неизвестные. Но те, кто думают найти в воспоминаниях какие-то сенсационные версии относительно смерти поэта (которым сегодня несть числа), будут разочарованы. Автор мемуаров пишет именно о самоубийстве.

К дню рождения Маяковского редакция публикует отрывок из мемуаров В. А. Катаняна «Не только воспоминания», ибо нам представляются интересными и убедительными документы и факты, приведенные очевидцем на страницах этих записок.

Когда я убежал в то черное утро в его комнату, он лежал на полу, раскинув руки и ноги, с пятном запекшейся крови на сорочке, и маузер 7,65 — тот самый, что он приобрел в двадцать шестом году в «Динамо», — взведенный! — лежал слева. Взведенный, это значит, что последний патрон расстрелян, — иными словами, восьмизарядный пистолет был приготовлен для одного выстрела.

И он грянул...

— Как это долго — умирать всю жизнь! — говорит Арагон в романе «Le roman inachevé» («Гибель всерьез»).

И как это недолго в нетерпении и в отчаянии, а может быть, «с отрадной точки зрения» протянуть руку и поставить пулей точку...

За столом у окна сидел человек и писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

...Запрокинутое лицо внизу у моих ног. Глаза прикрыты. Большой рот спокоен.

В оцепенении холодного отчаяния смотрел я на неузнаваемое сверху лицо. Говорила вся фигура, в беспомощности распростертая на ковре. Понятно? И все-таки ничего не понятно! Что тут произошло?

Помню, что дней через десять, уже после похорон, встре-

чи в Негорелом, после всех этих дней, целиком заполненных происшедшим, я шел ярким весенним днем по веселой Петровке, и вдруг щемящее осознание остановило в перебое сердце.

— Так ведь умер! Умер!! Его нет! Его больше не будет... И пришла строчка, когда-то отвергнутая им за полную серьезность, за отсутствие иронии:

Вы ушли бесповоротно
в мир в иной...

Да, вот именно! Со всей беспощадной серьезностью — бесповоротно.

Человек у окна писал протокол.

— Что-то не найду здесь чернил... — сказал он.

Я дал ему свою ручку и вышел.

В передней толпились незнакомые люди, уходили, приходили. Дверь на лестницу настежь. Из соседней квартиры — тоже. Репортеры допашивают на лестничной площадке какую-то женщину: «Он ночевал сегодня дома? Вообще здесь не ночует? А утром вы его видели?.. Кто приходил? Книгоноша? Принес Большую энциклопедию...» Они, репортеры, не знают, что днем во все редакции придет распоряжение — «Под ответственность редактора. По указанию соответствующих органов все материалы о смерти т. Маяковского давать только в редакции РОСТА». Одиа, кажется, ленинградская вечерняя «Красная газета» успела выйти до получения этого распоряжения...

Появился Асеев. Приоткрыл дверь, взглянул и закрыл. Непонимающими прозрачными глазами он смотрел по сторонам. Ему принесли стул, он сел, прислонился к какому-то сундуку и застыл.

Потом я видел, как бегом, через две-три ступеньки бежал вверх Агранов.

— Жив? — крикнул он на ходу.

Судорога крепко держала меня за горло.

Агранов вошел в комнату, у дверей которой уже возник милиционер. Через некоторое время он вышел оттуда, сделал знак Асееву и мне, мы прошли через площадку в соседнюю квартиру, где какая-то женщина открыла нам свою комнату.

Там за большим обеденным столом Агранов прочел нам последнее письмо Маяковского, адресованное «всем»...

Потом, вечером, в редакцию «Правды» я читал и перечитывал его в тассовских ротаторных листах. Назавтра оно было напечатано во всех газетах.

— Нам нужно решить, — сказал Агранов, — как быть дальше. Как сообщить Лиле? Где она? Володю надо перевезти отсюда в Гендриков. Здесь нельзя оставаться... Письмо я отвезу в ЦК.

Асеев молча прослушал письмо, молча согласился с Аграновым.

Когда мы спустились во двор, в ворота въезжал большой неуклюжий лимузин, из которого вышли Сережа Третьяков, потом Кольцов, Кушнер и еще какие-то люди из «Правды».

По дороге на Таганку мы на аграновской машине завезли его в ЦК. Когда мы остались одни, Асеев впервые нарушил молчание.

— Я всегда думал, — сказал он, — что умру раньше Володи. С моим туберкулезом... Думал еще — какую хорошую речь он скажет на моих похоронах...

В Гендриковом какие-то чужие люди на лестнице, во дворе... Машина «Скорой помощи» привезла Маяковского, и санитары привычно на носилках внесли его на второй этаж.

На лестнице плакал Лева Гринкруг.

И вот Маяковский лежит на своей тахте, прикрытый простыней, безучастно отвернув голову к стене.

«Бедный Маяковский! — писала Марина Цветаева своему другу в Прагу, получив эту весть. — Ч и с т а я смерть. Все, все, все дело — в чистоте.»

...В столовой толпились люди, больше и больше. Беспорядочно звонил телефон. Время от времени кто-нибудь снимал трубку, говорил: «Да, да... Верно...» И телефон снова звонил.

Ворвался Сема, не останавливаясь пробежал через столовую взглянуть на лежащего и убежал на кухню плакать.

Плакал Пастернак, ходил из угла в угол, из комнаты в комнату. Он описал потом эту обстановку, себя и окружающих в «Охранной грамоте». При нем приехали Александра Алексеевна и сестры; порывалась читать стихи, ломала руки и падала в обморок Ольга.

Приехал Кушнер и увез Асеева и меня в «Правду». Там — Кольцов, Беспалов, Костров, С. М. Третьяков, Виктория, жена Кострова. Говорят о том, как и что писать завтра.

— Надо, — сказал Кольцов, — избежать пошлых нравоучений, не читать мораль мертвому... И так ясно, что мы не одобряем этого поступка. Но пусть нам не будет стыдно перед поэтом за недостойные тривальности, от которых мы не сумели удержаться.

Все согласились с ним, с готовностью согласились. Прочитав сегодня то, что было напечатано в «Правде» 15 апреля, вижу, что не так просто было этого избежать. И в редакционной статье «Поэт революции», и даже в заметке-письме за всеми нашими подписями «Памяти друга».

И статья, и письмо наполовину написаны, читаются вслух, предлагаются какие-то поправки. Сергей Михайлович садится за стол Кушнера записывать. Секретарша относит листки на машинку, они возвращаются и идут прямо в типографию.

Потом поздно вечером я снова был в редакции, смотрел все материалы в сверстанной странице. Когда мы выходили из редакции, внизу в дверях столкнулись с запыхавшимся Ермиловым и Селивановским.

— Осталось только перепечатать...

— Что перепечатать? — угрюмо спросил Кушнер.

— Обращение Секретариата РАПП.

— Поздно уже...

— Очень важно, — настаивали они. — Это — официальный документ.

— Ладно. Оставьте у дежурной. Завтра посмотрю.

Этот «Официальный документ» не был напечатан в «Правде» ни завтра, ни послезавтра, ни вообще. Рапповцы жаловались потом самому высокому начальству на «Правду» и на Ольхового, который тоже не напечатал это обращение в специальном номере «Литгазеты», посвященном Маяковскому.

Мелким шрифтом. 26 апреля в пространном письме на пяти страницах Авербах, Ермилов, Кириш, Либединский, Селивановский, Сутырин и Фадеев сообщали товарищу Сталину о товарищах, коммунистах и беспартийных, которые в связи со смертью Маяковского «выражали такие мысли, которые способствовали росту нездоровых настроений».

«Ошибка родилась из того, — писали они, — что некоторые коммунисты от имени группы «близких друзей Маяковского» выступили вместе с «лефовцами» со статьей в «Правде» (№ 104) и тем самым стерли черту между партийной оценкой Маяковского и апологетически-спекулятивной позицией его бывших литературных соратников. Этот «единый фронт» особенно наглядно и ярко проявился на странице специального номера «Литературной газеты». В ней некоторые коммунисты наиболее рьяно соперничали с «лефовцами» в стремлении изобразить Маяковского идеальным типом пролетарского писателя, образцом революционного бойца и т. д. Достаточно привести такие заглавия: «Это и есть пролетарский поэт» (заголовок статьи «лефовцев» Незнамова и Катаняна)»...

Совсем мелким шрифтом. Разумеется, это вовсе не было похоже на упрёки, с которыми обратился некогда председатель Цензурного комитета к литератору Краевскому:

— Что это за черная рамка вокруг известия о кончине Пушкина, человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? Ну да это еще куда бы ни шло! Но что за выражения! «Солнце поэзии»!! Помилуйте, за что такая честь?

В самом деле — что общего? Там начальник разносил

подчиненного литератора, а тут свободные литераторы делают сообщение по начальству...

Цитатами из статей и выступлений М. Гельфаида, А. Зонина, А. Луначарского, М. Кольцова, Ник. Никитина, Б. Солюева (!) рапповцы доказывали, что эти товарищи «смазывают отрицательное отношение большевиков к самоубийству», что вследствие этого «инициатива объяснения самоубийства Маяковского переходит в руки врагов», что ряд товарищей «использовал самоубийство Маяковского для того, чтобы под видом оценки творческого метода Маяковского возобновить поход против рапповского руководства».

Заключительный абзац: «Мы считаем необходимым вмешательство Центрального Комитета в деятельность тех коммунистов, которые не только не исправляют своей ошибочной линией в связи с самоубийством Маяковского, но стремятся вести ее дальше».

Имело ли это письмо какие-либо результаты-последствия? Здесь не место вдаваться в подробности сложных и разветвленных рапповских интриг. Да и разве знаем мы все, что тут происходило? Но в общем их точка зрения взяла верх. Или, может быть, лучше сказать, взяла верх крепкий комплот администраторов от литературы, полных сил демагогов.

Через два года они были распущены, лишены чинов и привилегий, но выработанная ими инерция холодной бюрократической антипатии к Маяковскому была молчаливо воспринята преемниками Авербаха-Фадеева. И уж, конечно, не Горькому было менять что-нибудь в установившихся здесь ограничениях и отталкиваниях. Он мог бы еще и от себя прибавить...

Смерть Маяковского, что и говорить, наделала хлопот, но в то же время должна была принести рапповцам некоторое чувство облегчения. Разве нужен им такой член организации? Что он будет с ним делать? И что он будет делать с ними? Инициент с Ермиловым ничего хорошего на будущее не обещал.

Самоубийство Маяковского давало им, казалось бы, все возможности, осудив его поступок, наставить на том, что он был и остался попутчиком, а не пролетарским поэтом.

Ни один из руководителей РАПП, великолепной семерки, подписавшей это письмо, не симпатизировал Маяковскому, ни дружески, ни творчески, а как «администраторы и распределители кредитов», они просто побаивались его.

Нет, не по душе он был им. Да и не по зубам!

Удивительно траурное объявление, которым отметила РАПП смерть Маяковского. Разумеется, традиционное «С прискорбием извещают...» еще не говорит об испытываемых чувствах. Но на фоне многочисленных траурных объявлений всевозможных организаций, до «букинистов Китайгородской стены» включительно, извещавших «с чувством глубокой скорби... с большой горечью... с глубокой печалью... глубоко возмущенные... выражающие свою скорбь... потрясенные безвременной трагической смертью... и т. д.», в том же духе, рядом со всем этим объявление РАПП выглядело невозмутимым и сухим, как приказ об увольняемом в отпуск сотруднике: «Правление Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП) извещает о смерти члена РАПП Владимира Владимировича Маяковского» («Правда», 15 апреля).

И действительно — одним членом РАПП стало меньше. Только и всего!

В истории советской литературы этому примечательному объявлению предуготовано достойное место рядом с извещением о смерти члена Литфонда Бориса Леонидовича Пастернака.

Мы приехали в клуб за полночь.

В конференц-зале на сдвинутых столах стоял гроб.

Цветы.

Первые караулы.

Без разводящих, просто постояли у гроба товарищи. Асеев, Каменский, Кирсанов, Мих. Кольцов, Фелкс Кон, Третьяков, Агранов, Кушнер, Олеша, Джон Левин, Эль-

берт, Татлин, Лавинский...

Рапповцев не было. Киреев (директор клуба) сказал мне, что они целый день заседали, у себя, в Доме Герцена. Может быть, говорит, и сейчас заседают...

...Ночью, в три часа я ехал домой поперек всей Москвы. Темная, притаившаяся, холодная, грустная Москва. Та самая, белокаменная и камнекрасная, та самая, которая «принимает» и слезам не верит, которая «на пиках встает» и по чужим бедам не плачет, Москва, в которой так много старого и так мало нового.

В переулках поздние апрельские кошки перебежали нам дорогу. Черные в том числе.

Извозчик ругался и норовил достать их кнутом.

— Плохая примета!

Но самое плохое ведь уже случилось.

Утром 15-го.

Возвращение от ночных кошмаров к кошмару действительности.

И весь этот день, начавшийся слезами, прошедший в суе и мае, замыкал и прерывался всхлипами или беззвучными каплями, которые бесстыдно и неудержимо бежали и бежали из глаз.

Плачет девушка в кожаной куртке на скамейке у Дома Герцена. Дрожит подбородок Ольховского, когда он читает строчки:

Не будь, товарищ,
слепым и глухим!
Держи, товарищ,
порох сухим!

— встает и выходит из комнаты. Будто сейчас только стало доходить до сознания случившееся.

...Разговор по телефону с Аграновым. Звонила из Берлина Лилия, они сегодня выезжают. Просит встретить на границе, отложить похороны до четверга. Поезжайте в Госиздат, говорит Агранов, там сейчас заседает комиссия. Надо предупредить...

В Госиздате в кабинете Халатова заседает комиссия. Там уже все знают. Похороны будут в четверг 17-го...

В клубе во дворе толпа. Бухарин... После полудня переносим гроб в Большой зал и ставим на помост под черное крыло. Он одет в темный костюм, лежит под цветами... Ночью было вскрытие. Снайперский выстрел левой рукой — пуля прошла сердце насквозь сверху вниз...

Люди проходят через зал по диагонали и выходят через маленькую дверь на улицу Герцена. Оркестр, полуспрятанный на сцене, негромко выматывает жилы. Потом его сменяет оркестр восточных инструментов (дудуки) со своими пронзительно-печальными мелодиями. И снова — Шопен...

Кто поедет навстречу Лиле? Сначала думали Эльберт... Денисовский? Потом отпал и Денисовский. Вероятно, поеду я. Собираем деньги...

Появился Агранов. С ним Горожанин, приехавший сегодня из Харькова. Вчера, когда он узнал о смерти Маяковского, грохнулся в обморок.

Агранов говорит:

— Да, лучше всего ехать вам. Я позвоню, через час будет готово разрешение на въезд в пограничную зону. Подъезд № 1. И броня на билет...

В Доме Герцена у Ольхового работают все наши младорефовцы, помогают делать специальный номер «Литгазеты».

На квартире у Семы в Тишинском переулке Клава с температурой в кровати. В столовой на диване лежит в изнеможении Николай Николаевич. Они сочиняют статью-заметку в «Литгазету». А мы с Петей Незнамовым уговорились написать отдельно. В клубе заперлись с ним в кабинете директора, потом поехали в редакцию.

И наконец, вокзал. Галя с чемоданчиком. Поезд в десять — десять. Холодно. Белые есть, но вместо одеяла летнее покрывало. Поверх покрывала пиджак, поверх пиджака пальто. Зубы стучат, голова разламывается.

Страшный день, страшная ночь...

Утром в Минске я вышел на площадь незнакомого города. Ни души знакомых, никаких дел. Я неожиданно оказался выключен из действия. В трагедии, которая длилась и собирала к себе тысячи и десятки тысяч, для меня наступил глухой антракт. И в пустом номере гостиницы, и в бесцельном шатаании по незнакомым улицам мне некуда было приткнуться. Можно было перебирать в памяти и возвращаться к подробностям вокруг да около, тщетно пытаюсь не вспоминать распластанную на полу фигуру, отвернутое от людей лицо на фоне мексиканского пончо, сложенные в гробу руки...

...«Представьте: входит красавица в зал, в меха и бусы опавленная...»

Я знал об этом эпизоде не больше того, что сказано в стихотворении.

Поднимает площадь шум,
экипажи движутся,
я хожу,
стишки пишу
в записную книжку.

В Париже так же, как в Москве и как везде... Стихи эти были напечатаны в «Молодой гвардии» в январе прошлого года. А месяцев через десять я стал случайным свидетелем развязки этой истории в столовой на Гендриковом.

Летом в раскрытое окно этой комнаты влетела молния и ударила в телефон. Все сидящие за столом замерли. Кто-то крикнул: «Не двигайтесь!»

Теперь это было письмо с французскими марками, которое принесла Аннушка и положила на стол перед Лилией Юрьевной. Письмо от Эльзы. Лилия распечатала и прочла его вслух (об этом подробно есть в ее воспоминаниях).

Эльза писала, что Татьяна Яковлева выходит замуж за какого-то виконта (за «мужа Марьи Ивановны?») и боится, как бы Володя не узнал, не приехал и не расстроил брак. Поэтому — не говори ему ничего...

Но письмо уже прочитано. Все замерли... Не двигайтесь!..

Маяковский ждал машинку, он должен ехать в Ленинград, взял чемодан, попрощался и ушел.

Но ведь это было в самый разгар другого его романа! И все же!

О романе с В. В. Полоиской все окружающие, конечно, знали — но это не был предмет для разговоров. Ни с ним, ни с кем из друзей левовцев. Этого у них (у нас) не было в заводе. Он не делал из таких вещей секрета, но и говорить незачем. Он это действительно «ужасно не любил»...

Накануне рокового четырнадцатого он был вечером у Катаева. Вместе с Норой Полонской, Яншиным, Олешей, артистом Художественного театра Ливановым, художником Роскиным, журналистом В. Регинным... Вот этот последний мне рассказал вчера... Маяковский был мрачный, Ливанов его задирает, Вл. Вл. писал Норе записки, потом выходил из-за стола, шагал по коридору... Катаев сказал — не бойтесь, Вертеров больше нет, не повесится... Остряков было много. Мог он это слышать? Не знаю. Шумно было... Пили... Он пил только шампанское... Разошлись поздно...

Катаев не бывал у Маяковского и Брик. Это было другое общество, вообще, божественное, жмущееся к Художественному театру. Что общего?

Только раз видел я Катаева и Олешу на Гендриковом. Летом двадцать девятого года, в отсутствие Лили и Осипа Максимовича. Сидели долго. Крымского и кахетинского было выпито много. Возвращались под утро по еще не проснувшейся Воронцовской. Олешу вело и шатало в разные стороны.

— Очень мило... — твердил он. — Очень... И завтра пойдем. А то приедет Лилия и нас разгонит...

— И верно, — думаю я сегодня над этими словами, — разогнала бы... Они были противопоставлены друг другу. «Чуткий и прямой» в отношении всякой фальши чело-

век», как писал о ней Асеев, Лилия Юрьевна непримиримо отталкивалась от этих людей. Они — неглупые, талантливые, тонкие, острые, — тем хуже! За божески засасывающим остроловием она чуяла холодное дно цинизма...

Потом уже, через несколько лет после смерти Маяковского, нашел я документальное подтверждение этой антипатии (в бумагах Маяковского). Это было письмо Лили к Вл. Вл. в Крым от того же 29-го года (31.7). «Очень прошу тебя не встречаться с Катаевым. Я встретила его в Модлике, он едет в Крым и спрашивал твой адрес...»

Словно знала она, что последнюю ночь на этой земле ему суждено будет провести именно в этом обществе... В 6 часов я был на вокзале.

На перроне стоял пустой состав. На вагонах таблички «Владивосток — Негорелое». У дверей пограничники.

Я предъявляю разрешение на въезд в пограничную зону «для встречи семьи умершего гр. Маяковского» и еду, вероятно, одним-единственным пассажиром в целом составе.

В окне какие-то канавы или окопы, мотки колючей проволоки, нежилая природа близкой границы, которая проходила тогда всего в двух десятках километрах от столицы Белоруссии.

На горизонте —
белое.

Осипа
и Негорелое.

Дважды с тех пор сходил снег, да и подъезжаю я с другой стороны...

Деревянное здание вокзала выходит на две платформы — с одной — наши поезда, с другой — европейская колея, прибывают поезда из Польши.

У меня оставалось немного времени, чтобы, согласно инструкции, напечатанной на обороте разрешения, отметить свое прибытие в пограничную полосу, а заодно и отбытие.

Тихо подползает польский поезд, и в окне одного из немногочисленных вагонов заплаканное лицо Лили Юрьевны и очки Осипа Максимовича.

Они ровно ничего не знали, кроме коротких телеграмм в немецких газетах, никаких подробностей. Письмо? Нет, не читали, не видели. Да и где могли видеть? В Польше советских газет не продают... Я шарю по карманам и не нахожу. Как глупо! Правда, я знаю это письмо наизусть...

И вот мы уже на той стороне вокзала, в советском вагоне, поезд трогается, и мы едем в Москву. В Минске на вокзале купили вчерашнюю «Правду»...

...В Москве нас встречает много разного народа. С вокзала прямо на улицу Воровского. В клубе останааняют непрерывное шествие пришедших проститься и освобождают зал от посторонних.

Появление Лили вызывает новую вспышку отчаяния у Ольги Владимировны. Она бросается на колени посредине зала и выкрикивает:

— Сегодня к новым ногам ляте!
Тебя пою,
накрашенную,
рыжую...

Хватает и целует руки, плачет и обнимает Лилию Юрьевну. Александра Алексеевна держится спокойнее. Повторяет несколько раз:

— При вас этого не случилось бы...

Но вот они, Лилия и Осип, подходят к гробу.

Я за их спиной в ужасе — как горько он изменился за эти полтора дня. Смерть не пожалела его. Выключила свет из глаз — мрак придавил их, смерть тронула нос, губ, оставила в волосах следы снятых масок, мертвой синевой подчеркнула серые губы...

Лилия стояла перед гробом и горько плакала.

— Что он с собой сделал! Какое идиотство!! Какое тусклое идиотство!!

— При вас этого не случилось бы...

Снова начали пускать народ. Люди идут и идут. Сменяются караулы — красноармейские и гражданские — писателей, художников, артистов.

Рапповцы, которых раньше почти не видно было, теперь довольно густо функционируют в зале и вокруг.

Командует всем, или, лучше сказать, пытается командовать, управделами Федерации Осипов, маленький бестолковый человек. Он дал мне какой-то пропуск, с которым будто можно пройти всюду. Но не было тех людей, которым нужно было предъявлять этот пропуск. Он вручил мне, кроме того, регламент церемоний, — последних семи караулов, список товарищей, которые понесут гроб, и т. д.

Последние почетные караулы предусмотрены двойные — близкие товарищи и друзья, а при них по рапповцу. Скажем, Асеев и рядом Авербах, Брик и Фадеев, в ногах — Кирсанов и Ермилов, Третьяков — Селивановский. И так далее... Написать все это и даже размножить было легче, чем осуществить. Когда назначенные лица подняли гроб, кого-то не оказалось на месте, подошел непредусмотренный Пилиньк Б. А. и подставил плечо. Около него засуетился Осипов, да было поздно...

Председатель комиссии по похоронам Халатов — тот самый, который несколько дней назад приказал вырезать портрет Маяковского из «Печати и революции». Черная каракулевая борода и такая же курчавая шапка, которую он не снимал никогда. Вот и сейчас стоит у окна в шапке...

Ко мне конфиденциально наклоняется высокий Алекеков (из рефовского кружка):

— Поручите мне сбить с него шапку, — он показывает на Халатова. — За неуважение и по совокупности...

— Нет, я вам это не поручаю.

Приносят газеты — специальные номера «Комсомольской правды» и «Литературной газеты».

Сбоку несколько рядов кресел. Лилия Юрьевна сидела там рядом с Александрой Алексеевной. Время от времени она подзывала Лузлу: «Лушенька, подойди, поцелуй Володю». Потом сама подходила...

2 часа дня. Должен начаться траурный митинг. «Слова «панихида» нет в словаре Маяковского», — сказал Третьяков. Гроб выносят и ставят во дворе. То, что говорят ораторы с балкона, не разобрать. Луначарский, Авербах, Федин, Феликс Кон, потом Сема Кирсанов читает «Во весь голос».

За оградой ждет катафалк-помост, на котором повезут гроб. Это — грузовик, который студенты ВХУТЕМАСа задрапировали обшивкой железными листами. Никаких венков, никаких цветов. Один железный венки из молотков, маховиков и винтов с надписью «Железному поэту — железный венок».

Меня потом (много лет спустя) спрашивали — правда ли, что этот грузовик с гробом Маяковского вел Михаил Кольцов? Не знаю. Я помню М. Е. в тот день в пешем строю за гробом, а недавно мне попала фотография, где перед бронированным грузовиком ясно различимый Кольцов чинно выступает в обществе Халатова и Авербаха.

Правда, в 1979 году я нашел новое фото — гроб устанавливают на грузовике и из кабины выглядывает М. Кольцов. Видимо, он выруливал машину во дворе Дома Герцена, может быть, вел ее часть пути, а часть пути до крематория шел пешком.

Здесь примечательно то, что Михаил Ефимович все дни был рядом с покойным поэтом. Я его видел постоянно.

Но это могло быть только в самом начале, на первых шагах похоронного шествия. Дальше все смешалось. Стоящие на улице по тротуарам впереди сжимали и спрессовывали двигающуюся толпу. Скопление народа было так непредусмотренно велико, люди так настойчиво и плотно нарастали с каждым кварталом, густо подваливали с переулков, что отдельные конные милиционеры были бессильны и сами оказались в окружении. С заборов и балконов

нависали фотографии и кинооператоры.

— Если бы он это видел...

Эта мысль пришла мне в голову и не оставляла.

— Если бы он это видел...

Это было такое убедительное и масштабное признание, непридуманное и неказенное, такое яркое свидетельство любви, близости, родства со своим читателем, того, чего ему всегда не хватало, всегда казалось мало. Он так много предлагал, так долго шел навстречу... И вот немыслимая аудитория, длиной в Поварскую, с переулками и с Арбатской площадью впридачу...

— Если бы он видел...

Я заблудился в толпе и отстал. Меня несло среди чужих. Лилию Юрьевну и Осипа Максимовича я потерял еще во время митинга. И насколько хватал глаз, я не видел близких, до которых мог бы добраться в плыве.

...Сердце сжав
у теснин Арбата,
распирая дома,
ползет Москва,
бронированным гробом его горбата.

Уже на Донской улице, недалеко от крематория, я добрался до серой «реношки», но Лили Юрьевны и Осипа Максимовича в ней не было, и Гамзин ничего о них не знал. Остаток пути я шел, держась за ее крыло, и был толкнут вместе с машиной в ворота крематория.

Внутри здания вижу сидящую на подоконнике беременную Наташу Брюханенко, плачущую с горя и со страху — едва не задушила...

Лилия Юрьевна и Осип Максимович проделали весь путь пешком с Лузлой. Она потом вспоминала: «Мы оказались далеко от крематория, но нам удалось как-то проникнуть во двор. Там было просторнее, чем на улице, но тоже полно народу. У входа в крематорий была конная милиция. Мы сели на скамеечку, и Лиличка сказала, что у нее нет сил дальше пробираться... Александра Алексеевна и сестры Владимира Владимировича, приехав на машине, сразу прошли в крематорий. Вдруг конный милиционер кричит: «Брик! Где Брик? Требуют Брик...» Оказывается, Александра Алексеевна не хотела проститься с сыном и допустить кремацию без Лили Юрьевны. Осип и Лилия прошли в крематорий...»

Все стояли вокруг помоста и потом, по чьему-то знаку, стали подходить прощаться. Ионов подтолкнул меня, я наклонился и прикоснулся к холодной руке.

«Интернационал»...

Гроб качнулся и начал проваливаться. Маяковский тихо, со сложенными руками, уходил в глубину. И ушел. И закрылись створки...

Все кончено.

Нет, не все... Кольцов отводит нас — Асеева и меня — в сторону и предлагает спуститься вниз, там есть глазок, через который можно видеть огонь... можно видеть все... Асеев испуганно смотрит на него...

И я тоже отказываюсь, как отказался два дня назад от предложения оператора из Института мозга присутствовать при экстирпации мозга Маяковского...

Нет! Нет!

Пусть черный дым, валивший из труб крематория, когда мы к нему приближались, останется в памяти только мрачной абстракцией...

А лицо, прекрасное лицо гладиатора, о котором Марина Цветаева писала — «вглядитесь в лобные выступы, взгляните в глазницы, взгляните в скулы, взгляните в челюсти», — пусть оно сохранится незабываемо живым без натуралистических ужасов анатомического киноля.

Я видел орден запекшейся крови на его голубой рубашке. Этого ужаса довольно...

Публикация В. В. КАТАНЯНА

ФЕДОР СУХОВ

«Глазами пророка взирает на мир»

Голгофа

Где-то рядом Мезень, где-то рядом Печора,
И Онега, совсем-то она недалёко...
К милым северным пожням, к их травам, к их пчелам
Прикоснулось мое просветленное око.

К диву белому, к белым ночам прикоснулась
Неутихающая грусть василькового лета.
Не чужая — моя возвращается юность,
Потому-то так дивно все, все-то так лепю.

Катят воды свои величавые реки,
Много-много воды утекло, укатилось!
По лесам белоглазо взирают орехи
На небесную, шумно сошедшую милость.

Дождь пролился! Резвился на радость сорокам,
По Мезени скакал, по ее глухотам.
Припадая к оленьим размытым дорогам,
Близоручко плутал в непроглядном тумане.

К диву белому, к белым ночам прикасался,
Освежал, омывал эти белые ночи...
Буду помнить до самого смертного часа,
Как земля посошок свой высоко возносит.

Возвышает себя молодой подорожник,
Колокольчик — и тот приподнялся высоко.
Василькового лета зеленые пожни
Кажут небу свое просветленное око.

Озеро невеликое кажет урёма
И не кажет небесные дивные страсти.

Снами белыми, белою-белою дремой
Усыпляют себя соловецкие старцы.

Значит, ведают старцы, что случилось, случилось
Со святою обителью в некую зиму.
Показала свой норв нечистая сила,
Повалила стоящую смиренную осину.

Все-то, все повалила. Осталась Голгофа.
На Голгофе белеют мужицкие кости.
Да заветные камушки вроде гороха
Долго-долго хранят беломорские гости.

Блукаю — по собственной прихоти, —
Брожу по чашобе рудой.
Тут все-то озера — как пригоршни,
Прозрачной темнеют водой.

Тут все-то озера — как блюдечки
На самобранном столе.
И никакой тебе удочки,
Лишь мох на основном стволе.

На валунах крутолобых
Серебряный видится мох...
На радость дорожной колдобе
Я дрему свою перепог.

Освободился от сумрака
Давнишних навязчивых дум.
Вздыхая, глаголет без умолка
Лесного Олонца ведун.

Трубит он про Белую Индию,
Про горечь тягчайших обид.
А Белое море — как индеев,
Как ранней зимою слепит.

Короткое лето холодит,
Мое остужает тепло.
К ненастью, должно, к непогоде
Тревожится брменная плоть.

Душа заскучала о доме,
Тоскует, горюет она, —
Чем море темней, тем бездонней,
Безмолвной его глубина.

***

Никем не узнанный, до Кемь
Свой день, свои глаза тяну...
Крутой волны тяжелый лемех
Морскую пашет целину.

И дождичек уже боронит
Легко идет по борозде,
Гарцуют взмыленные кони,
Танцуют в золотой узде.

Ах, море, море! Что-то будет,
Когда я в Кемь приволочусь.
Плывущие со мною люди
Восторженных не скроют чувств.

Ненастные воспрянут лики,
Вдруг станут солнечней, светлей,
Зовущие услышат клики
Взлетевших в небо журавлей.

У всякого свое влечение,
У журавля, у воробья...
Из длительного заточенья
Я возвращаю сам себя.

Никем не узнанный, до Кемь
Свой день, свои глаза тяну, —
Крутой волны тяжелый лемех
Морскую пашет целину.

Секирная гора

Здесь осины светлы, как березы,
А березы не так уж светлы.
Сгибших узников жгучие слезы
Обожгли всем березам стволы.

Не смогу рассказать, не смогу,
Не сумею правдиво поведать,
Как на белом блескущем снегу
Не моя ль коченела Победа?

Не моя ль присмирела война,
В неглубоком укрылась овраге?...
Вся страна, вся страна, вся страна
Обратилась в злоеший концлагерь.

Мой окопный товарищ, позволь
Прикоснуться к открывшейся ране,
Незажившую давнюю боль
Ни в каком не укроешь тумане.

День и ночь она кровоточит,
Омраченной тоскует зарею.
А взошедшего солнца лучи
Над секирной темнеют горою.

Я и сам каменею лицом,
На великом вздыхаю погосте.
Знаю я — под каким колесом
Неповинные хрустнули кости.

Под какую секирой сложил
Эти кости мой друг, мой ровесник.
Потому-то так долго кружил
Лиха черного пасмурный вестник...

ЛИТЕРАТУРА. Из поэтической тетради

Плач олонецкого ведуна

Темнеет вода от нахлынувших дум,
Мрачнеет ее оловянное око.
Рыдает Олонца лесного ведун
Слезам Иереми-пророка.

Известный — да всей-то
России — поэт
Изводит себя неизбывной кручиной.
Успокоения прежнего нет,
Угромо глядит бородастый мужчина.

Блится слезой,
что светло пролилась,
На зорю рассветную пала.
«Неужто и вправду советская власть
Осталась без власти, без права?»

Сам сатана все захапал, все взял,
Над всей-то страной верховодит.
Уразуметь бы... Да нету, нельзя,
Случилось затмение вроде.

На Соловки вся страна подалась,
Уныло бредет под конвоем.
Советская власть...

Да какая тут власть?!
Тут пахнет всесветным разбоем.

О мужике неусыпно скорблю,
О голубиной печалуюсь стае,
Слезам кричу... Никакой лизоблюд
Утихнут меня не заставит!

Взойду на костер,
как восходил Аввакум
В опальном своем Пустозерске.
Освобождаю свой пасмурный ум
От книг, от стихов богомерзких.

К «Поморским ответам» уходит душа.
К Онежским былинам уходит,
В них шорох, в них шепот,
в них шум камыша
Должно быть, к грозе, к непогоде.

Уже непогодит, уже моросит,
Робеет осина, береза...
По весам по всем
да по всей по Руси
Народ не желает колхоза.

Не принимает, идет супротив,
Народ-то все ведаёт, знает, —
Не усыпить никакой коллектив
Медовыми сладкими снами.

Тогда-то и показала себя,
Нечистая грянула сила,
Не пощадила она воробья,
Она никого не щадила.

Не пожалеет она и мою
Волшебную дивную флейту.
Молю я, о Господи, слезно молю:
Придвинь мою грусть к бересклету.

К калине, рябине скорее приблизь
Мои потаенные слезы.
Скорбящей души половеющий лист
Утешат утиные плесы.

Освободят от нахлынувших дум,
От зорко смотрящего ока».

Рыдает Олонца лесного ведун
Слезам Иереми-пророка.

Глазами пророка взирает на мир,
На ту логовину взирает,
Где серого волка так долго кормил
На Соловках замордованный заяц.

Федор Григорьевич СУХОВ родился в 1923 году в селе Красный Оселок Лысковского района Нижегородской области. Прямо со школьной скамьи ушел на фронт, командовал противотанковым взводом. За боевые заслуги награжден орденами и медалями. Первые его стихи появились в 1944 году во фронтовых и армейских газетах. После демобилизации вернулся в родное село, работал в колхозе. В 1949 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького СП СССР, после его окончания работал в сталинградских газетах. Автор более двадцати книг стихотворений и поэм. Живет в Нижнем Новгороде. В предисловии к одной из своих книг поэт писал: «Я всегда говорю: все, что есть во мне хорошего, все это из моего родного села Красного Оселка, от той земли, без которой я не представляю себя как поэта». Публикуемые стихи написаны в 1989 году на Соловках.

КНИГИ ФЕДОРА СУХОВА

ПЕСНЯ ЛЕТА. Стихи. — М.: Сов. писатель, 1978.
ЯСЕНЬ. Стихи. — М.: Мол. гвардия, 1979.
ЗЕМЛЯНИКА НА СНЕГУ. Стихотворения и поэма. — М.: Современник, 1979. — (Б-ка поэзии «Россия».)
ОВЕСЕНЬ. Книга стихов. — М.: Современник, 1984.
КРАСНЫЙ ОСЕЛОК. Стихотворения и поэма. — М.: Сов. Россия, 1984.
ПОДЗИМЬ. Избранное. — М.: Мол. гвардия, 1985.
ЛЕШЕВА ДУДКА. — М.: Сов. писатель, 1987.
МАТЬ-И-МАЧЕХА. — М.: Современник, 1989.

ГРИГОРИЙ КЛИМОВ

Князь мира сего

На этом следователь по делам нечистой силы поставил точку. После загадочной научно-исследовательской работы он защитил свою диссертацию. Когда Борис, частью из вежливости, частью из любопытства, выразил желание пойти послушать эту процедуру, Максим отрицательно покачал головой:

— Нельзя. Это спецпроект и защита закрытая.

Для кандидатской диссертации обычно полагается триста страниц. Вместо этого Максим представил три толстых тома, где одна библиография источников занимала более пятидесяти страниц. И вместо кандидата наук, — в порядке редкого исключения, что делается только в случае каких-либо необычайных заслуг, — сразу получил высшую ученую степень доктора социальных наук и философии.

Для больших открытий, как правило, необходимы два условия. Первое — чрезвычайная, сверхчеловеческая концентрация на данном предмете. И второе — способность найти за частностями закономерность и сделать из этого практический вывод.

Смерть любимого человека так подействовала на Максима, дала ему такой толчок, так сконцентрировала его на какой-то, только ему одному известной, цели, что ради этого он забыл обо всем остальном на свете. В поисках ответа он перебрал все частности, перерыл всю историю человеческой цивилизации от первобытных тунгусов с их шаманами до бранных останков утонченной аристократии — и он нашел какую-то закономерность. Причем что-то важное. Иначе ему не дали бы так сразу диплом доктора.

Мельком Максим заметил, как его работой заинтересовался сам Сталин. Какой практический вывод сделал для советской власти доктор социологии Руднев из своего увлечения средневековой алхимией — научился он делать золото из свинца? Нашел философский камень мудрецов? Или открыл секрет материализации духов? Ведь в газетах как-то писали, что и Адольф Гитлер тоже субсидировал подобные странные начинания, где ученые занимались телепатией, спиритизмом и парапсихологией.

— Макс, что ты изобрел? — спросил Борис.

— Формулу дьявола, — ответил тот и даже не улыбнулся.

Так или иначе, с этого момента доктор Руднев стал делать головокружительную карьеру, о которой он раньше и мечтать не мог. Вместе с докторским дипломом он получил чин полковника НКВД. Вскоре у него на груди появился первый орден, и не какой-нибудь так себе, а сразу орден Ленина — высшая награда Советского Союза. В «Правде» стояло коротко: «...за выполнение специальных заданий партии и правительства». Теперь Максим шагал вверх семимильными шагами. Но поразительнее всего было то, что ко всем этим почестям он относился с абсолютным безразличием.

В качестве профессора социологии Максим руководил каким-то чрезвычайно засекреченным Научно-исследовательским институтом НКВД, где у всех научных сотрудников из-под белых халатов, как хвост у черта, выглядывали малиновые петлицы НКВД. Одновременно Максим был начальником какого-то оперативного отдела НКВД, где теоретическая работа его института находила свое практическое применение.

— Что это у тебя за отдел? — любопытствовал Борис.

— Тринадцатый, — ответил Максим.

— Это по каким делам?

— По делам нечистой силы. Потому он и тринадцатый. — Э-э, врешь ты все.

Максим вынул из стола служебный блаик. Там, действительно, стояло «13-й Отдел Главного управления НКВД СССР». Борис пренебрежительно махнул рукой и пошел заниматься своими делами. Все равно от Максима ничего путного не добьешься.

Потом... Потом доктор, профессор и полковник НКВД вдруг запил горькую. Хотя раньше он никогда не злоупотреблял алкоголем, теперь он пил, как самый последний влоколик — в одиночку. Он заперся у себя в комнате, напивался до одурения, затем начинал разговаривать сам с собой. Или, может быть, он беседовал с привидениями, про которые он начитался в своих средневековых трактатах о нечистой силе.

Занявшись алхимией, Максим попутно коллекционировал соответствующие этому ремеслу предметы. Так он приобрел где-то оригинальный кубок немецкой работы тех времен, когда в Германии охотились за ведьмами, из тонкого, раскрашенного от руки матового фарфора. Это была мастерская имитация человеческого черепа. Немецкий мастер так постарался и достиг такого сходства с оригиналом, что это произведение искусства было даже неприятно брать в руки. Максим же сидел и пил из этого кубка водку.

Как-то, проходя в свою комнату, Борис укоризненно сказал:

— Макс, зачем ты пьешь?

— Зачем? — полковник медленно поднял голову и посмотрел на брата мутными глазами. — Так, поговорить надо...

— С кем?

— С тем, чего не могут верить даже боги... С собственным прошлым... Которому я обязан своим настоящим... — Зачем тебе это?

— Зачем?.. Душу облегчить... Впрочем, ты, безбожник, в этом ничего не понимаешь...

— Пойдем лучше в воскресенье рыбу ловить, — предложил безбожник.

— Воскресение... Это реникаризация души... Перевоспложение души страданием, как говорил Достоевский, — в углях рта Максима скользяла нехорошая усмешка. — Нет, теперь я другую рыбку вылавливаю...

— Что, людей мордуешь? Эх ты...

В голове младшего звучала неприязнь. Старший нахмурился:

— Ничего ты не понимаешь... И не поймешь...

— И так все ясно. Потому ты и запил.

— Это только кажется, что это люди... А на самом деле это не люди!..

— А кто же это?

— Ты, Бобка, меня лучше не спрашивай, — полковник поморщился, как от тошноты. — А если я тебе даже и скажу... так ты этому не верь... и смотри, никому это не рассказывай...

— Да ты все равно ничего умного и не скажешь, — согласился младший.

Старший качался на стуле и бормотал себе под нос:

— Да-с, правильно... Ты, Бобка, счастливое животное, мелкопитающееся, гомо сапиенс... мезоморфического типа... А ведь, собственно говоря, хотя ты ничего не понимаешь... ведь это тебя нужно благодарить.

— За что?

— За это! — Максим ткнул себя пальцем в грудь, где у него поблескивал орден Ленина. — Да, за это самое... Вот видишь, я тебе говорю, а ты ничего не понимаешь...

Он тяжело оперся локтями о стол и отхлебнул водки из своего мерзопакостного кубка:

— Ладно, так и быть, открою тебе тайну... Хочешь?

— Ты лучше меньше пей, а то нос красный будет.

— Я тебе серьезно говорю... А ты, дурак, смеешься... Это больша-ая тайна... Госуда-арственная тайна...

Полковник понизил голос, словно опасаясь, что кто-нибудь подслушает его тайну:

— Так слушай... Вот ты, безбожник, думаешь, что чертей нет... А я вот тебе скажу, что черти есть!

— Так все пьяницы говорят. Когда перепьются до чертиков.

— Болван, — беззлобно сказал полковник госбезопасности. — Черти есть... И оборотни есть, и лешие... А ведь мы и ведьмаки так на каждом шагу... Ведь я каждый день с ними дело имею...

— Понятно, если ты каждый день пьешь, — скептически заметил младший.

— Не веришь? — старший, пошатываясь, встал, взял с полки какую-то толстую книжку, утыканиую разноцветными закладками, по этим закладкам нашел нужное место и стал медленно и торжественно читать:

«...Ведьмы и ведьмаки — это порождение зла, социальная зараза и паразиты, поклонники отвратных и непристойных убеждений, приверженцы яда, шантажа и других ползучих преступлений... Ведьмы и ведьмаки поднимают ссоры, ревность, споры, сердечные разногласия... Их пагубная деятельность простирается от семейных неприязней и столкновений, в отдельности, может быть, и незначительных, но в целом чрезвычайно неприятных и мучительных, до самых серьезных преступлений... — гибели, имущества, внезапной болезни и гложащей смерти, и, наконец...»

Здесь полковник НКВД, специализировавшийся на нечистой силе, многозначительно поднял палец:

— Обрати внимание... «и, наконец, до столкновения наций, анархии и красной революции, поскольку ведовство всегда было и будет политическим фактором... В результате ведьмы и ведьмаки являются постоянной опасностью для всякого упорядоченного общества». Знаешь, кто это сказал?

— Кто?

— Это сказал сам папа Инокентий 8-й! — с глубоким уважением произнес советский доктор социологии, как ученик, говорящий о своем наставнике. — Это написано в его знаменитой булле от 1484 года! И я подпишусь под каждым его словом!

— Мало ли какие глупости пишут, — возразил Борис. — Бумага все терпит.

— Нет, это вовсе не глупости, — Максим любовно погладил рукой переплет книги. — Это «История ведовства и демонологии» Монтегю Саммерса... Из сугубо научной серии «История цивилизации»... Саммерс — ученый-теолог, а книга эта издана в Лондоне в 1926 году... Так что это вещь серьезная и современная. Надо только понимать, что за этим под-разумевается...

— Эх, ты, мракобес, — сказал Борис. — И за что тебе доктора дали.

— Вот за это самое... Но с точки зрения диалектического материализма...

— Значит, квалификационная комиссия тоже пьяная была?

— Никакой комиссии не было, — ученик папы Инокентия 8-го поставил книгу на место. — Мне доктора дал собственноручно сам Сталин!

— Врешь ты, — сказал младший.

Старший сделал большой глоток из своего отвратного кубка-черепа, он тупо уставился в кубок, словно рассматривая что-то на дне человеческого черепа:

— Все очень просто... Я разбил свою диссертацию на несколько независимых частей — по истории, по антропологии, по психологии и еще некоторым специальным предметам... Каждая часть была аннотирована лучшими специалистами Советского Союза в данной об-

ласти... Каждая часть в отдельности, сама по себе, ничего особенного не говорит... Но когда сложить все части вместе, то получается то, что говорил папа Инокентий — нечистая сила как политический фактор... Все апробировано и подписано академиками, но как это сложить — это знаю только я... Да еще товариш сатана...

— Ну и что толку, что ты знаешь?

— Как это? Эти черти есть социальная зараза, паразиты... Опасность для всякого упорядоченного общества... А раз так, то это уже по линии НКВД...

Полковник государственной безопасности оживился и заерзал на стуле так, будто он сидел верхом на сатане: — Я Сталину говорю: «Смотрите, Иосиф Виссарионович, это источник анархии и рев-волюции...» Он не верит. Тогда я беру мои материалы, складываю как нужно — и на основании документальных фактов, подтвержденных академиками, доказываю, как эта нечистая сила сначала способствовала анархии в царское время, а потом участвовала в Октябрьской социалистической революции... Все в точности, с именами, с фамилиями...

— И с адресами? — иасмешливо вставил Борис.

— Конечно, — увлекшись, продолжал ученик папы Инокентия. — Сталин сначала обозлился, а я ему говорю: «Минуточку, Иосиф Виссарионович... Все дело в одном слове... Это опасность для вся-ко-го упорядоченного общества... Понимаете, вся-ко-го? Так что, если вы считаете советскую власть упорядоченным обществом, то теперь эта же самая нечистая сила будет заниматься революцией против вас, то есть контрреволюцией...» И вот тут-то он призадумался...

Максим приложился к своему сосуду с водкой и икнул:

— После этого Сталин назначил меня... ик-ка... особоуполномоченным по делам нечистой силы... ик-ка... в составе Народного Комиссариата Внутренних Дел... ик-ка... по всему Союзу Советских Социалистических Республик... Понял?

Сидя верхом на стуле, он погрозил пальцем:

— Только ты, Бобка, смотри... Никому это не говори... Это государственная тайна... А теперь, знаешь что... Я что-то со стула встать не могу... Положи-ка меня в постель и сними сапоги...

— И не подумай.

— Поч-чему?

— Раз ты напился до чертиков, так пусть они тебе и сапоги снимают.

Про себя Борис решил, что брат все-таки помешался. Однако умопомешательство Максима, казалось, помогало его карьере. Вскоре он получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга, что соответствовало чину генерал-майора НКВД. Но его самого это нисколько не радовало, словно в обмен на карьеру он, как доктор Фауст, променял свою душу дьяволу. В точности, как это описывалось в средневековых книжках, которые он так тщательно штудировал.

Глава 4

Князь и комиссар

Ибо сказываю вам, что многие пророки и цари желали видеть, что вы видите, и не видели, и слышать, что вы слышите, и не слышали.

Лука 10; 24

Вскоре после того, как доктор социальных наук Максим Руднев стал особоуполномоченным Сталина по делам нечистой силы, в Ленинграде произошло убийство Кирова, второго после Сталина человека в партии. Убил его молодой коммунист Николаев.

Было холодное зимнее утро. По радио беспрерывно передавали траурные марши Шопена. Максим сидел за своим столом, вместо утреннего чая пил водку, листал личное де-

ло Николаева и бормотал:

— Ага-а, у него лошадиная стопа... Как у Байрона... Знаем мы эти байроновские типы... Герои нашего времени... Тамерлан, Талейраи, вожь меньшевиков Мартов, Роза Люксембург, батка Махно, Геббельс... Все эти хромоножки и хромые учителя у Достоевского...

Борис сидел в соседней комнате и учил историю партин, потом приоткрыл дверь и спросил:

— Эй ты, чернокишник, что там такое?

— Что... Что... — бормотал Максим. — Кроме того, у него эпилепсия... И жена у него гораздо старше его... Но даже и она его бросила... Типичный легионер!

Стол у Максима был старенький и простенький. Но теперь на этом облезлом столе стояло три телефона: белый — для простых разговоров, красный — прямой провод в Кремль и черный — специальный провод в 13-й Отдел НКВД.

— Та-ак, дело ясное, — он потянулся к черному телефону. — Потому и говорят — хромым чер-р-т... Или косой черт...

Прихлебывая водку, доктор социальных наук стал диктовать в трубку приказ о взятии на спецучет 13-го Отдела НКВД всех хромых и косых в Советском Союзе. В первую очередь тех, кто члены компартии. Но только хромых и косых от рождения.

Убийство Кирова послужило как бы сигналом, после которого началась Великая Чистка. Сначала со стен исчезли портреты знаменитых людей — героев революции, старых большевиков, вчерашних руководителей партии и правительства. Потом их имена появлялись в газетах — в качестве врагов народа, предателей, вредителей и иностранных шпионов. Затем бывших героев отправляли на коиевер смерти в подвалы НКВД.

Комиссар госбезопасности Руднев стал на стахановскую вахту: он работал в две смены, по шестнадцать часов в сутки, и часто оставался ночевать на службе. А если приходил домой, то от него всегда несло водкой. За ужином он сидел молча, глядя по сторонам.

Просматривая «Известия» с отчетом об очередном процессе врагов народа, отец Руднев недовольно ворчал:

— Это черт знает что...

— Да, черт знает свое дело, — кивнул комиссар госбезопасности, не поднимая глаз от тарелки. — Есть такая старая сказка: черт обещает власть и славу, но нужно подписать с ним контракт... Так вот, теперь черт требует уплаты по векселям... А я подвожу бухгалтерию.

— Но ведь эти революционеры боролись за лучшее будущее, — сказал отец.

— История уже много раз показала, что тот рай, который обещают революционеры — это потерянный рай, — сказал комиссар. — А красивыми обещаниями выложена дорога в ад. И первыми туда попадают сами революционеры.

— Но ведь процессы-то эти дутые!

— Как сказать... Ведь это они затеяли братоубийственную гражданскую войну... Ведь это они напустили на Россию разруху, голод и мор... А знаешь ли ты, что это стоило России больше человеческих жизней, чем вся Мировая война... Ну вот, теперь пришло время за все это расплачиваться.

Тем временем чистка принимала все более фантастические формы. На показательном процессе, в присутствии международной прессы, кремлевские врачи во главе с доктором Левиным публично и со всеми подробностями признавались, как они потихоньку отравляли своих кремлевских пациентов. Подбивал их на это верховный охранник Кремля — сам начальник НКВД Ягода. А идеологическое руководство отравлениями принадлежало тихоням — идеалистам из ленинской гвардии, прославленным свободолюбам и человеколюбам. Прямо из зала суда бывших героев революции отправляли на живодерию НКВД. Казалось, что над Москвой повисло какое-то кровавое безумие.

Вечером отец недоверчиво читал вслух газету:

«Отравления производились при помощи распыления через пульверизатор медленно действующих ядов, преимущественно солей ртути. Ими опрыскивали ковры, занавеси, мягкую мебель. Через легкие эти яды попадали в кровь и постепенно разрушали организм жертвы в самом слабом месте, вызывая смерть как будто от естественных причин...»

Комиссар госбезопасности хлебал суп и бормотал в тарелку:

— Я Сталину открыл книжечку и показываю: «Видите, те же методы, что и в шестнадцатом веке. Ренессанс-анс-с!»

Он поболтал ложкой в супе и протянул руку к солонке: — Между прочим, вот этой самой рукой я пристрелил сегодня царевича Белобородова...

— Послушай, Максим, — сказал отец, — но неужели же ближайшие сотрудники Ленина были иностранными шпионами? Ведь этому нельзя верить!

— Что же тут такого особенного? — угрюмо уставился в тарелку Максим. — Ведь сам Ленин был немецким шпионом. Ведь немцы прислали его в Россию в заплombированном вагоне. А каков поп, таков и приход.

Отец читал заключительные слова государственного обвинителя Вышинского:

«Всех этих врагов народа нужно расстрелять, как бешеных собак!»

— Глупая риторика прокурора, — сказал отец.

— Это не риторика, а правда, — буркнул Максим. — Эти люди куда хуже, чем бешеные собаки. Тех сразу видно, а этих не сразу.

— Но неужели эти заслуженные революционеры, — тихо сказала мать, — одновременно были осведомителями царской охранки?

— Конечно, — кивнул Максим. — При обысках в архивах оппозиции нашли даже доносы в охранку, написанные рукой самого дражайшего товарища Сталина. Оппозиция хранила это в своем арсенале как последнее оружие. Но этих воспоминаний молодости я Иосифу Виссарионовичу не показывал.

— Боже мой! — вздохнула мать. — Какой ужас.

— Революционеры после революции — это пауки в банке, — сказал доктор социальных наук. — И они будут грызться за власть, пока не пережрут друг друга. Ведь, если почитать архивы охранки, то ясно видно, что в подготовке революции самыми активными были эсеры. А после революции они первые же попали под расстрел. А потом большевики сожрали меньшевиков. А теперь большевики ликвидируют друг друга. То же самое было с якобинцами и жирондистами. А кто привел к власти Гитлера? Штурмовики. А где эти штурмовики сейчас? Гитлер их всех перестрелял. В результате всегда остается один большой паук — Наполеон, Гитлер или Сталин. Это историческая закономерность. И чем это скорее закончится, тем лучше.

Покончив с ужином, Максим налил себе чайный стакан водки, отпил половину и устало откинулся на стуле. Отец свернул газету и вздохнул:

— А я все-таки этим обвинениям не верю.

— Да, правды там только частичка, — криво усмехнулся Максим. — А если я скажу тебе всю правду, то ты поверишь мне меньше. В свое время Ленин требовал, чтобы его партия была «партией профессиональных революционеров». Но весь секрет в том, что настоящие революционеры, профессиональные революционеры — это непростые люди. Это специальные люди.

— Какие-то специальные?

— Такие... Это совершенно специфическая категория людей... С такими особыми комплексами...

— Странно. Что ж это за комплексы?

Доктор социальных наук допил свой стакан с водкой и поучительно поднял палец:

— Вот тут-то оно и начинается... Это то самое, что когда-то называли бесами. Если в человеке появляется этот комплекс, то этот человек сам превращается в беса...

или в черта... и начинает заниматься черт знает чем... Понимаешь?

Видя, что Максим перепил и опять начал бредить про нечистую силу, отец осторожно сказал:

— Хм, этому действительно трудно поверить.

— Да, но это так... Когда этих чертей арестовывают, я пропускаю их через строжайшие медицинские экспертизы... аиа-а-ализы...

— Какие анализы?

— Всякие... В том числе и внутренней секреции... И почти у всех та же самая история. То самое, что раньше называлось бесовской одержимостью. А одно из самых опасных проявлений этой одержимости — это неудержимая, болезненная жажда власти. Это специальный комплекс власти. То, что создает так называемых «природных вождей». Потому одержимые этим комплексом люди ради власти идут на все... на любое преступление.

Советский доктор Фауст щелкнул по бутылке с водкой: — Для настоящих, прирoжденных революционеров революция — это борьба за власть. А все остальное — только средство к цели. И никто не ненавидит друг друга так, как эти комплексные бесы, грызущиеся за власть — или видимость власти. Ведь Ленин занимался фракционной борьбой больше, чем борьбой с царизмом. Потому эти черти и стучали друг на друга в охранку. И наперебой сотрудничали с иностранными разведками.

Максим постучал кулаком по столу:

— Потому в Библии и сказано, что их хозяин — дьявол — всегда стремится к власти.

На следующий вечер, читая новые покаянные речи врагов народа, отец опять качал головой и ворчал:

— Но ведь это ж старые большевики. Прошли все царские тюрьмы и ссылки и никогда не раскаивались. А теперь такие невероятные самообвинения!

— Говорят, им делают какие-то одуряющие впрыскивания, — заметила мать.

— Не одуряющие, а наоборот — проясняющие, — возразил комиссар госбезопасности. — Я впрыскиваю им такие штучки, которые изгоняют то, что раньше называлось бесами. Тогда они временно становятся обычными людьми, осознают свои грехи — и признаются. А для публичных процессов я впрыскиваю им штучки посильней. Тогда их даже тянет к покаянию — и они занимаются самоочищением.

Доктор социальных наук потянулся к своему стакану с водкой.

— Впрочем, все это полностью соответствует основному закону диалектического материализма — насчет единства и борьбы противоположностей как двигателей исторического процесса. Борьба, ты этот закон знаешь?

— Знаю.

— Но ведь это абсолютно противоречит закону о классовой борьбе как основному двигателе истории. Где же в классовой борьбе единство?

— Не знаю.

— Вот в том-то и дело. Это противоречие не объяснит ни один профессор марксизма-ленинизма. А если объяснит, его расстреляют.

— Почему?

— Да потому, что это марксистское единство и борьба противоположностей... Ха-а!... Да ведь Маркс просто перефразировал старую формулу средневековых чертополохников... Но меня не проведешь... Я-то все это знаю.

— Что же это за формула? — заинтересовался Борис.

— In daemone deus, — процедил сквозь зубы комиссар госбезопасности. — В дьяволе бог... Вот вам и весь секрет этого единства и борьбы противоположностей.

— Да, но что это такое?

— Это философская загадка, философский камень, о который ломали себе голову лучшие умы человечества. Некоторые даже свихнулись. Потому что эта загадка неразрешима.

— Ну а ты эту загадку разгадал? — подмигнул Борис.

— Конечно, — уверенно сказал ученик папы Иннокен-

тия. — Бог есть Бог, а дьявол есть дьявол!

— Послушай, Максим, — отец снял пенсне и со смущенным видом принялся протирать его носовым платком. — Вот ты сам говоришь, что кое-кто свихнулся над этими проблемами. А ты знаешь, что есть еще такое религиозное помешательство... Может быть, на тебя слишком подействовали эти твои книги про нечистую силу... Если хочешь, у меня есть один знакомый психиатр?

Доктор социальных наук презрительно фыркнул:

— Если к кому применима поговорка «Врачу — исцелился сам!», то в первую очередь это относится к психиатрам. Ведь многие психиатры становятся психиатрами, чтобы быть поближе к собственной среде. Но мы это тоже знаем.

Отец сделал вид, что полирует свое пенсне. А Максим самоуверенно усмехнулся:

— Ты лучше пошли этого психиатра ко мне. Я скорей найду у него что-нибудь такое, ненормальное.

Пока старший брат был на службе, Борис обнаружил на его столе книгу Макиавелли «Князь», на которую обычно ссылаются, как на образец политического цинизма. Эта книга была написана в Италии времен Цезаря Боржиа, когда там шла ожесточенная борьба между удельными князьями, которые пускали в ход все — убийства, отравления, предательство и подлоги. А Макиавелли полностью оправдывал все преступления князей и составил как бы философскую рецептуру политического вероломства и беспринципности, всех видов подлости и коварства.

Книга, лежавшая на столе Максима, была выпущена в Москве незадолго до убийства Кирова. Прекрасное издание «Академии». Старинные гравюры. И даже новый перевод. Но самое удивительное было то, что предисловие к «Князю» было написано Каменевым. Это был культурный и мягкий человек, типичный тихоня-идеалист из ленинской гвардии. Но в предисловии он восхищался философией Макиавелли и всячески рекомендовал ее как практическое руководство в политике.

Вскоре Каменев был арестован по делу «Троцкистско-зэновского террористического центра» и сам попал под ту рецептуру, которую он так усердно расхваливал. Вслед за этим был арестован и «Князь» Макиавелли — его запретили и изъяли из обращения.

На главном листе рукой Максима была приписка:

«Характерно, что философия Макиавелли подразделяется на 13 принципов. Это, конечно, не случайно, а нарочно. Проверить его «Мандрагору». Растет под виселицами».

Когда Борис поступил в Индустриальный институт, на форме работников госбезопасности появилась новая эмблема НКВД: змея, поднявшаяся на хвост и пронзенная мечом. Увидев на рукаве Максима эту овальную, шитую золотом и серебром эмблему, Борис спросил:

— А что это за змеюка?

— Это гидра р-революции, — ответил Максим.

Поймав недоверчивый взгляд младшего брата, он полез в стол и достал пачку фотографий, подшитых в специальную папку НКВД. Это была обширная коллекция значков, гербов, флажков и символов всяких революционных, террористических и тайных обществ, начиная от египетских пирамид и кончая Великой Октябрьской революцией. На многих фотографиях была изображена точно такая же поднявшаяся на хвост змея, которую пронзал меч на рукаве комиссара госбезопасности.

Продолжение в следующем номере.

Работы этого художника, представленные на многочисленных выставках — в провинции и в столице, — всегда привлекают внимание. По ним не скользят равнодушным взглядом. Они особенно выделяются среди современных «поисков» и «новаций» своей традиционностью, каким-то старомодным, но милым обликом. Некоторым они кажутся излишне детализированными, слишком тщательно прорисованными. Что ж, а не такова ли наша жизнь, с ее множеством деталей, природа, умеющая оценить и оберечь самое малое? В ней есть место и былинке, и цветку, и крошечному насекомому. Нет мелочей, «проходных» деталей и в работах этого мастера.

Пора назвать его имя. Станислав Епифанов. Художнику 46 лет, он окончил Московский полиграфический институт, учился у известного графика А. Д. Гончарова. Мастер передает многое своему ученику, но, пожалуй, пристальный и добрый взгляд на мир — это особый, природный дар Епифанова. Художник, сповню странник очарованный, путешествует по родному краю. Глядит — и наглядеться не может на прекрасные сельские виды, на родные, любимые с детства места. На малую родину Сергея Есенина, творчеством которого он пленен. И слово Есенина — путеводная нить странствий художника, боги — в Азербайджан в Мардакян, где поэт создавал свои «Персидские мотивы», и малых — в Константиново, Спас-Клепики, везде, повсюду на Рязанской земле, где родился, жил, бывал Есенин.

Всего лишь два цвета — черный и белый, но художник, стремясь постичь магические свойства графики великого Фаворского, пытается добиться этого особого серебристого свечения, прекрасных переливов линий — тончайших, нежных, но точных штрихов. Резец-стихтель в его руках обретает легкость пера, ведущего рисунок черной тушью, снайперскую точность и твердость лазерного луча. Одна из наиболее интересных гравюр, ранних работ, которую художник сам считает этапной в своем творчестве, называется «Серебряный ветер». Красноречивое название.

Можно было бы, пожалуй, здесь поставить точку. В задачи этой рубрики не входит многословный рассказ о художниках. Их работы, посвященные родной земле, воспевают ее красоту и говорят особым языком сами за себя, подразумевая, что зритель обязательно разделит с художником его радость, его доброе восприятие мира. Но Станислав Епифанов — автор, чье творчество связано с поэзией Есенина, с миром Есенина-лирика, беззаветно преданного родной земле. Сюда, на «милую родину», всегда возвращается поэт. Сюда, в Константиново, вновь и вновь стремится художник, чтобы по-своему осмыслить и передать то, что было дорого поэту, что давало силы жить и творить. Неслучайно лучшие работы Епифанова, несомненно, есенинские. Гравюры и офорты из его есенинских путешествий, неустанно, день за днем, пишут летопись Рязанской земли, ее прошлого, тысячу нитей связанного с днем минувшим. И современное Константиново живет Есениным, и на мемориальной улице — навечно двадцатье годы два-

Русь моя, милая Родина...

Гравюры
Станислава Епифанова
см. также на 2-й и 3-й
стр. обложки

Полевая дорога в село Константиново.

дцатого столетия... И снег такой же легкий, серебристый, что и в былые годы, и сияет день морозный, и вечером ласково светят окна знаменитой на весь мир избы...

Тем, кто не бывая в Константиново, удився, благодаря Станиславу Епифанову, совершить это лирическое путешествие. Художник, конечно, создает особый, романтически приподнятый

На веранде.

Амбар и рига в усадьбе Есениных
Кузьминская ТЭС
Дом-музей Есенина

мир Есенина. Воспевает его, преподносит нам бережно, любовно. «Край любимый» запят солнцем, в «Ветер над Вожей» навевают тепло, покой, которого им, порой, так не хватает сейчас... Они простые, безыскусные, эти произведения. Но почему от них так тихо, так радостно на душе!

ЕЛЕНА ПЛАХОВА

Шабаш

Лишь только показалось вдали розовое зарево, возмущающее Москву, как компания села на землю в поле. Выскочили, разобрали ухваты, Клодия села на борова, а шоферы, поставив машины, выскочили из сидений. Первый «линкольн» устремился в чистое поле, хлопая дверцами, запрыгал по буеракам, наконец, влетел в овраг, перевернулся и загорелся, а второй полетел по шоссе и слышно было, как он врезался в какую-то встречную машину. Блеснули тревожно огни, затем смешались, что-то вспыхнуло и долетели вопли. Грач и козлюгоий долго хохотали, катаясь на траве, а затем компания устремилась ввысь и, невидимая, влетела в пылающий светом город. Высадились на крыше громадного дома на Садовой улице и один за другим погрузились в трубу. Маргарита с ужасом и веселым спускалась по трубе, глотая горький запах сажи. Чем ниже, тем яснее до неё доносились звуки оркестра, а когда она оказалась в пустом камине и выскочила в комнату без единого пятна на теле, ее оглушил гром труб и ослепил свет.

Хохот, радостные приветствия огласили комнату. Пошли объятия и поцелуи. Слово «Маргарита!» загремело в воздухе. Из-под земли вырос старый знакомый Фиелло и, почтительно сняв поварской колпак, осведомился у Маргариты, хорошо ли долетела госпожа. Откуда-то у кого-то появился в руках бокал с шампанским, и Маргарита жадно выпила холодную жидкость. В ту же минуту кровь ее вскипела пузырьками и ей стало весело. Кто-то во фраке представился и поцеловал руку, вылетела рыженькая обольстительная девочка лет семнадцати и повисла на шее у Маргариты и прижалась так, что у той захватило дух. Кто-то поручал себя покровительству, кто-то слово просил замолвить.

Маргарита хохотала, целовалась, что-то обещала, пила еще шампанское и, опьянев, повалилась на диван и осмот-

релась. Она сразу поняла, что вокруг нее непринужденное веселье и кроме того общество смешанное и толчея ужасающая.

В комнате — бывшем кабинете Берлиоза — все было вверх дном. На каминной полке сидела сова. Груды льда лежали в серебряных лоханях, а между сверкающими глыбами торчали горлышки бутылок. Письменный стол исчез, вместо него была навалена гора подушек, и на подушках, раскинувшись, лежал голый кудрявый мальчик, в на нем сидела верхом, нежилась ведьма с болтающимися в ушах серьгами и забавлялась тем, что, наклонив семисвечие, капала мальчику стеарином на живот. Тот вскрикивал и щипал ведьму, оба хохотали, как иступленные. У горящего каминного что-то шипело и щелкало — Фиелло жарил миндаль и двое в багровом столбе пламени пили водку. Один был в безукоризненном фракном одеянии, а другой в одних подштаниках и в носках.

Через минуту к пьющим присоединился боров, но голая девочка украла у него из-под мышки портфель, и боров, не допив стопки, взревев, кинулся отнимать.

В раскрытые двери виднелись скачущие в яростной полке пары. Там полыхало светом, как на пожаре. Горели люстры, на стенах пылали кенкеты со свечами, кроме того столбами ходил красивый свет из каминного. От грохота труб тряслись стекла за шторами.

Гроздь винограду появились перед Маргаритой на столке, и она расхохоталась — ножкой вазы служил золотой фаллос. Хохоча, Маргарита тронула его, и он ожил в ее руке. Заливаясь хохотом и отплеиваясь, Маргарита отдернула руку. Тут подсели с двух сторон. Один мохнатый, с горящими глазами, прильнул к левому уху и зашептал обольстительные непристойности, другой — фразник — привалился к правому боку и стал нежно обнимать за талию. Девочка уселась на корточки перед Маргаритой, и начала целовать ее колени.

— Ах, весело! Ах, весело! — кричала Маргарита, — и все забудешь. Молчите, болван! — говорила она тому, который шептал, и зажимала ему горячий рот, но в то же время сама подставляла ухо.

Но тут вдруг на каминных чьсах прозвенел один удар — половина двенадцатого, — и разом смолкла музыка в зале и остановились пары. И тотчас меж расступившихся прошел Фагот-Коровьев, все в том же кургузом пиджачишке и своих погнутых гетрах.

Но несмотря на его неприглядный вид, толпа расступилась, и Коровьев подошел к Маргарите, по обыкновению слегка валяя дурака.

Приветствовал, выкинув какую-то штучку пальцами, взял под руку и повел через зал. Но той Коровьева, когда он, наклонившись к уху Маргариты зашептал гнусаво, был чрезвычайно серьезен.

— Поцелуйте руку, назовите его «мессир», отвечайте только на вопросы и сами вопросов не задавайте.

После бальных огней Маргарите показалось, что темноватая пещера глянула на нее. Некто в фиолетовом наряде откинул алебарду и пропустил в кабинет.

В каминные тлеи угольки, на столике горели семь восковых свечей в золотом семисвечнике, и в теплом их свете Маргарита рассмотрела гигантскую кровать на золотых ногах, тяжелые медвежьи шкуры на полу и шахматную доску. Пахло острыми лекарствами, густым розовым маслом. На постели на шелковых скомканых простынях сидел тот самый, что в час заката вышел на Патриаршие Пруды. На нем был зеленый засаленный и с заплятой на локте халат, из-под которого виднелась грязная иочная сорочка, из голых ног истоптанные иочные туфли с изъеденной меховой оторочкой, на пальцах тяжелые перстни. Ночной горшок помещался у кровати. Одну ногу сидящий откинул, и голая ведьма, покраснев от натуги, натирала колено черном мазью, от которой по всей комнате распространялся удушливый запах серы.

За спиной Маргарита чувствовала, как толпа гостей бесшумно вваливается в кабинет, размещается. Настало молчание.

Сидящий в этот момент стукнул золотой фигуркой по доске и молвил:

— Играться, Бегемот, безобразно.

— Я, мессир, — почтительно отозвался здоровяк черной котище скоиужению, — просчитался. На меня здешний климат неблагоприятно действует.

— Климат здесь ни при чем, — сказал сидящий, — просто ты шахматный сапожник.

Кот хихикнул лыстиво и наклонил своего короля.

Тут сидящий поднял взор на Маргариту, и та замерла. Нестерпимо колючий левый глаз глядел на нее, и свечные огни горели в нем, а правый был мертв. Ведьма отскочила в сторону со своим черным варевом.

— Мессир, — тонко заговорил Коровьев у плеча Маргариты, — разрешите представить вам Маргариту.

— А, достали? Хорошо, — ответил сидящий, — подойдите.

Маргарита почувствовала, как Коровьев предостерегающе толкнул ее в бок, и сделала шаг вперед. Сидящий протянул ей руку. Маргарита, вдруг догадавшись, кто такой перед ней, поблдедела и, наклонившись, поцеловала холодные кольца на пальцах.

Глаз опять впился в нее, и Маргарита опустила веки, не в силах будучи вывести его.

— Вы меня извините, госпожа, за то, что я принимаю вас в таком виде, — и сидящий махнул рукой на голую свою иатерную ногу, на горшок и шахматы, — нездоров. Отвратительный климат в вашем городе, то солинышко, то сырость, холод... А?

— Честь, честь, — тревожно шепнул в ухо Коровьев.

— Это... — начала Маргарита глухо.

— Великая, — свистнул Коровьев.

— Это великая честь для меня, — выговорила Маргарита и вдохновенно добавила, — государь мой.

— О, —

головой, слепой и неуверенной походкой, он подошел к ложу.

— Узнаешь меня, Иванушка? — спросил сидящий.

Иванушка Бездомный повернул слепую голову на голос.

— Узнаю, — слабо ответил он и поинк головой.

— И веришь ли, что я говорил с Поитием Пилатом?

— Верую.

— Что же хочешь ты, Иванушка? — спросил сидящий.

— Хочу увидеть Иешуа Гвиоци, — ответил мертвый, — ты открой мне глаза.

— В иных землях, в иных царствах будешь ходить по полям слепым и прислушиваться. Тысячу раз услышишь, как молчание сменяется шумом половодья, как весной кричат птицы и воспеешь их, слепенький, а стихах, а на тысячу первый раз, в субботнюю ночь, я открою тебе глаза. Тогда увидишь его. Уйди в свои поля.

И слепой стал прозрачен, потом и вовсе исчез.

Маргарита, прижавшись щекой к холодному колену, не отрываясь, смотрела.

Над столом сгустился туман, а когда он рассеялся, на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом от левого виска через нос на правую щеку и с кольцом лохматым в запекшейся крови на шее.

ответил бывший администратор.

— Да-с, а курьершу все-таки грызть не следовало, — назидательно ответил хозяин.

— Виноват, — сказал Внучата.

— В уважение к вашему административному опыту, и назначаю вас центурионом вампиров.

Внучата стал на одно колено и руку Воланда сочию поцеловал, после чего, отступая задом, вмешался в толпу придворных.

— Ну-с, кажется, и все московские покойники? Завтра об эту пору их будет гораздо больше, я подозреваю.

— Виноват, мессир, — доложил Коровьев, изгибаясь, — в городе имеется один человек, который, надо полагать, стремится стать покойником вне очереди.

— Кто такой?

— Некий гражданин по фамилии Фон-Майзен. Называет он себя бывшим бароном.

— Почему бывшим?

— Титул обременял его, — докладывал Коровьев, — и в настоящее время вброн чувствует себя без него свободнее.

— Ага.

— Он звонил сегодня по телефону к вам и выражал восторг по поводу вашего вчерашнего выступления в театре, и когда узнал, что у вас сегодня вечер, выразил весьма умильно желание присутствовать на нем.

— Воистину это верх безрассудства, — философски заметил хозяин.

— Я того же мнения, — отозвался Коровьев и загадочно хихикнул.

Такое же хихикание послышалось в толпе придворных.

— Когда он будет?

— Он будет сию минуту, мессир, я слышу, как он топает лакированными туфлями в подъезде.

— Потрудитесь приготовить все, я приму его, — распорядился хозяин.

Коровьев щелкнул пальцами, и тотчас кровать исчезла и комната превратилась в гостиную. Сам хозяин оказался сидящим в кресле, а Маргарита увидела, что она уже в открытом платье, и сидит она на диванчике, и пиаинию заиграло что-то сладенькое в соседней комнате, а гости оказались и в смокингах и во фраках, и на парадном ходе раздался короткий, как будто предсмертный, звонок.

Через мгновение бывший барон, улыбаясь, раскланивался направо и налево, показывая большой опыт в этом деле. Чистенький смокинг сидел на бароне очень хорошо и, как верно угадал музыкальный Коровьев, он поскрипывал лакированными туфлями.

Барон приложился к руке той самой рыжей, которая в голом виде встречала буфетчика, а сейчас была в платье, шаркнул ногой одному, другому и долго жал руку хозяину квартиры. Тут он повернулся, ища, с кем бы еще поздороваться, и тут необыкновенные глазки барона, вечно полу-

прикрытые серыми веками, встретили Маргариту.

Коровьев вывернулся из-за спины барона и пискнул:

— Позвольте вас познакомиться...

— О, мы знакомы! — воскликнул барон, впиваясь глазами в Маргариту.

И точно: барон Маргарите был известен; она видела его раза три в Большом Театре на балете. Даже, помнится, разговаривала с ним в курилке.

Маргарита почувствовала поцелуй в руку, а душа ее наполнилась тревожным любопытством. Ей показалось, что что-то сейчас произойдет, и очень страшное.

Барон же уселся и завертел головой направо и налево, готовый разговаривать с полным неприуждением. И, однако, одного внимательного взгляда достаточно было, чтобы убедиться, что барон чувствует величайшее изумление. И поразили его две вещи: во-первых, резкий запах женой серы в гостиной, в главном образом, вид Коровьева. В самом деле! Среди лиц во фраках и смокингах и приличных хотя бы по первому взгляду дам поместился тип, который мог кого угодно сбить с панталыку. Одни гетры при кургузом пиджаке и пятне на животе чего стоили! Как ни гасил мышиный блеск своих бегающих глаз барон, он не мог скрыть того, что мучительно старается понять, кто такой Коровьев и как он попал к иностранцу.

А Коровьев именно и завел дружелюбную беседу с испрошившимся гостем, и первым делом осведомился о погоде. Барона погода удовлетворяла, но Коровьев поражал все больше, и диковато поглядывал из-под опущенных век барона на расколотое пенсне.

Кроме того, барона привело в смущение молчание самого хозяина. Барон похвалил вчерашний спектакль, а хозяин хоть бы звук в ответ. Но вместо этого Коровьев затруднил гостя вопросом о том, как здоровье деток, в то время как деток никогда у барона не было. Смущение разлилось по лицу барона и даже начинало граничить с тревогой. Лица, находящиеся в комнате, все более казались барону странными. Так, рядом уселась декольтированная дама, но на шее у этой дамы была рваная громадная и только что, по-видимому, зажившая рана, которая заставила чувствительного барона содрогнуться. Дальше хуже: повернувшись, барон увидел, что рядом с ним уселся законченный фразник, на котором не хватало только одного, но самого, пожалуй, существенного — сапог. Фразник был бос. Тут уж барон просто вытаращил глаза. И закрыть их ему при жизни уже более не пришлось.

— Вас, барон, как я вижу, — вдруг произнес хозяин, — удивляют мои гости? Да, не скрою и не стану отрицать, они оригиналы, но, поверьте, вы изумляете их не меньше, чем они вас. Итак, милый барон, скажите...
Внутри Маргариты оборвалось что-то, но ужаса она не испытала, а скорее чувство жутковатого веселья. Впервые при ней с таким искусством и хладнокровием зарезали человека.

Труп барона поехал вбок, но его подхватили ловкие руки, и кровь из горла хлынула в подставленную золотую чашу. И тут же в комнате начала бить полночь, и еще раз все преобра...

— Верни мне моего любовника, государь, — попросила Маргарита.

Воланд вопросительно повернул голову к Коровьеву. Тот что-то пошептал на ухо Воланду. Еще несколько секунд не сводил тяжелых глаз Воланд с Маргариты, а потом сказал:

— Сейчас будет сделано.

Вскрикнув от радости, Маргарита припала к тяжелым сапогам со звездными шпорами и стала целовать черную кожу и отвороты, задыхаясь, не будучи в состоянии произнести слова.

— Я никак не ожидал, чтобы в этом городе могла существовать истинная любовь, — сказал хозяин. — А за...

— Он написал книгу о Иешуа Ганоцри, — ответила Маргарита.

Великий интерес выразился в глазах Воланда, и опять что-то зашептал ему на ухо Коровьев.

— Нет, право, это черед сюрпризов, — заметил хозяин, но слов своих не объяснил.

— Да, да, верните его, — умильно попросила Коровьева Маргарита.

— Нет, это не по его части, — отозвался хозяин дома, — это дело Фиелло.

И Фиелло получил приказ, но разобрать его Маргарита не могла, так как он был отдан шепотом.

Тут Фие...
... гостей хозяина.

Ватная мужская стеганая кацавейка была на нем. Солдатские штаны, грубые высокие сапоги.

Весь в грязи, руки изранены, лицо заросло рыжеватой щетиной. Человек, щурясь от яркого света люстр, вздрагивал, озираясь, глаза его светились тревожно и страдальчески.

Маргарита, узнав хорошо знакомый, рыжеватый вихор и зеленые эти глаза, приподнялась и с воплем повисла на шее у приехавшего. Тот сморщился, но подавил в себе волнение, не заплакал, механически обнимая за плечи Маргариту.

В комнате наступило молчание, которое было прервано словами хозяина дома, обращенными к Фиелло:

— Надеюсь, вы никого не застрелили?

— Обращайтесь к коту, мессир, — отозвался Фиелло.

Хозяин перевел взгляд на кота. Тот раздвинулся от важности и похлопал по кобуре лапой.

— Ах, Бегемот, — сказал хозяин, — и зачем тебя учили стрелять? Ты слишком скор на руку.

— Ну, не я один, сир, — ответил кот.

Затем хозяин обратил свой взор на прибывшего. Тот снял руки с плеч Маргариты.

— Вы знаете, кто я? — спросил его хозяин.

— Я, — ответил привезенный, — догадываюсь, но это так странно, так непонятно, что я боюсь сойти с ума.

Голос привезенного был грубоват и хрипл.

— О, только не это. Ум берегите пуще всего, — ответил хозяин, — и, поверившись к Маргарите, сказал:

— Ну что ж... Благодарю вас за то, что посетили меня. Я не хочу вас задерживать. Уезжайте с ним. Я одобряю ваш выбор. Мне нравится этот непокорный вихор, а также зеленые глаза. Благодарю вас.

— Но куда же, куда я денусь с ним? — робко и жалобно спросила Маргарита.

С обеих сторон зашептали в уши хозяину — слева Фиелло, справа — Коровьев.

— Да выбросьте вы его к чертовой матери, — сказал хозяин, — так, чтобы и духом его не пахло, вместе с его вещами... а впрочем, дайте его мне сюда.

И тотчас неизвестный человек свалился как бы с потолка в залу. Был он в одних подштанниках и рубашке, явно поднятый с теплой постели, почему-то с кепкой на голове и с чемоданом в руках. Человек в ужасе озираясь, и было видно, что он близок к умопомешательству.

— Понковский? — спросил хозяин.

— Понковский, так точно, — ответил, трясаясь, человек.

— Это вы, молодой человек, — заговорил хозяин, — написали, что он, — хозяин кивнул на вихор и зеленые глаза, — сочиняет роман?

— Я-с, — ответил человек с чемоданом, мертвец.

— А теперь в квартире его проживаете? — прищурясь, спросил хозяин.

— Да-с, — плаксиво ответил человек.

— Это что же за хамство такое? — сурово спросил хозяин, а затем добавил рассеянно, — пошел вон!

И тотчас Понковский исчез бесследно.

— Квартира ваша таперича свободна, — ласково заговорил Коровьев, — гражданин Понковский уехали во Владивосток.

Тут качнулся светло-рыжий вихор, глаза тревожно обрattились к хозяину.

— Я, — заговорил поэт, покачнувшись от слабости, ухватился за плечо Маргариты, — я предупреждаю, что у меня нет паспортов, что меня схватят сейчас же... Все это безумие... Что будет с нею?

Сидящий внимательно поглядел на поэта и приказал: — Дайте гостю водки, он ослабел, тревожен, болен.

Руки протянулись к поэту со всех сторон, и он отпил из стакана. Его заросшее лицо порозовело.

— Паспорт, — повторил он упрямо и безумно.

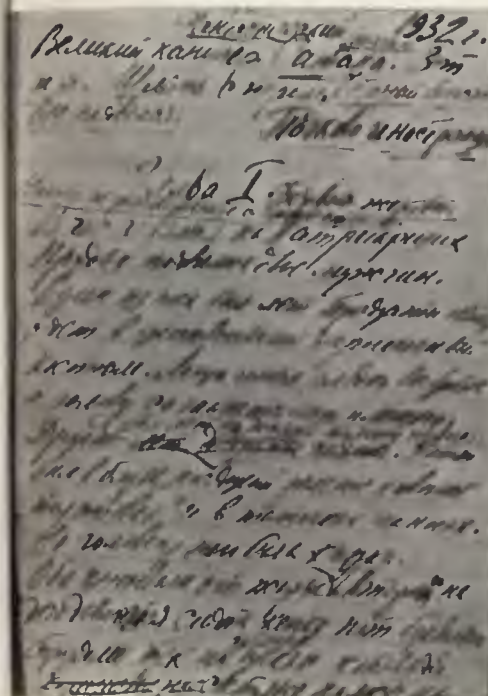
— Бедняга, — сочувственно произнес хозяин и покачал головой, — ну, дайте ему паспорт, если уж он так хочет.

Коровьев, все также сладко улыбаясь, протянул поэту маленькую книжечку, и тот, тревожно косясь в пол, спрятал ее под кацавейкой.

Маргарита тихонько плакала, утирая глаза большим рукавом.

— Что с вами будет? — спросил поэт, — мы погибнем!

— Как-нибудь обойдется, — сквозь зубы сказал хозяин.

КОММЕНТАРИИ

Шабаш

С. 68. Лишь только показались вдали розовое зарево, возмещающее Москву... — Предшествующая глава под названием «Губная помада и крем» заканчивалась так:

«Обсохнув, Маргарита на щетке перелетела на противоположный плоский берег.

8/XI.33.

Тут зудящая музыка послышалась ясно. На лужайке под группой дубков шло веселье, но видимо уже к концу, и компания была разнообразная. Под дубками весело плясали после купания четыре ведьмы и один козлоногий, вроде того толстяка. Зудящая му-

зыка исходила от толстомордых лягушек, которые, подвесив кусочки светящихся гнилушек на согнутые ивовые прутья, играли на дудочках. В стороне горел костер. Неподдалеку от него стояли две открытые машины марки «Линкольн», и на шоферском месте первым сидел здоровенный грач в клеенчатой фуражке. Знакомый боров, сдвинув кепку на затылок, пристроился к плетке с провизией и упивал бутерброды с семгой. Он жевал, но с драгоценным своим портфелем не расставался.

Багровые отсветы танцевали на живых горах, гнилушки освещали раздутые морды лягушек, от реки доносились последние всплески запоздавших.

Маргарита, неся щетку, подошла в тот момент, когда грач рассказывал борову о том, как ловко он угнал от «Метрополя» две машины. Грач показывал, как швейцар метался и кричал: «На помощь!».

Появление Маргариты произвело большое впечатление. Танец прекратился, и ведьмы стали всматриваться...

Наконец, та самая Клодиночка подошла к Маргарите и спросила ее, откуда она и кто такая?

— Я — Маргарита, — ответила Маргарита и воткнула щетку в землю.

Эти слова произвели необыкновенный эффект. Грач взял под козырек, боров снял кепку, а ведьмы зашептали, стали обнимать Маргариту, лягушки сыграли пискливый туш.

— Вот она! Вот она! А мы-то интересовались уже, где же вы! Мы думали, что вы купаетесь на другой реке.

Маргариту стали угощать. Боров предложил бутерброд с семгой, который он только что надкусил, за что Клодиночка ударила его по морде. Выступило из кустов какое-то рыло с коровьими рогами и тоже выпятилось на Маргариту.

Тут все вдруг зашепшало, стали изпод рук смотреть на месяц, закричали: Пора! В Москву!

Лягушки прекратили музыку. Решение было всем, чтобы не было скучно и не разбивать компанию — лететь в столицу в двух машинах. Боров в особенности хлопотал об этом. С хохотом и визгом набились две машины, погу-

ии и приказал Маргарите, — подойдите ко мне.

Маргарита опустила у ног Воланда из колени, а он вынул из-под подушки два кольца и одно из них надел на палец Маргарите. Та притянула за руку поэта к себе и второе кольцо надела на палец безмолвному поэту.

— Вы станете не любовницей его, а женой, — строго и в полной тишине проговорил Воланд, — впрочем, не берусь загадывать. Во всяком случае, — он повернулся к поэту, — примите от меня этот подарок, — и тут он протянул поэту маленький черный револьвер с золотой насечкой.

Поэт, все так же мутно и угрюмо глядя исподлобья, взял револьвер и спрятал его в глубоком кармане под кацавейкой.

— Вечер наш окончен, — объявил Воланд, — светает, я хочу отдохнуть. Все свободны.

При этих словах свет в люстрах стал убывать, толпа гостей растаяла в полумраке, и Маргарита почувствовала, что ее бережно ведут под руки по лестнице.

Продолжение в следующем номере

зали туда метлы, ухваты, в качестве шофера во вторую машину уселся изолоногий толстяк, который принял Маргариту за Маньку. И уже собрался тронуться, как произошел инцидент. Из-за деревьев высунулась темная фигура, приседая от удивления, вышла на середину поляны, и — в дрожащем освещении догорающего костра оказалась мужиком, который неизвестно как, ночью, залез на пустынную реку. Мужик остолбенел, увидев автомобили с пассажирами. Занес руку ко лбу.

— Только перекрестись! — каркнул грач, — а тебе — перекрещусь! В машинах заулюлюкали.

Грач заорал:

— Держи его!

Мужик, прыгая как заяц, кинулся, очевидно, обезумев, не разбирая дороги, и спышно было, как влетел в реку.

В машинах разразились хохотом, затем зажуужжали моторы, машины рванулись по лугу, поднялись в воздух.

Когда Маргарита, сдавленная со всех сторон нежными объятиями голых ведьм, обернулась, — ей в последний раз тускло блеснула печальная неизвестная река и меловой лунный утес.

...ее оглушил гром труб и ослепил свет. — вновь сопоставим со следующей рукописной редакцией:

«Первое, что поразило Маргариту, это та тьма, в которую она попала. Было темно, как в подземелье... Следующая за Коровьевым, Маргарита попала в совершенно необъятный зал. Здесь на золоченой тумбе горела одинокая свеча... — Вас, без сомнения, удивляет отсутствие света, — заговорил он. — Но не думайте, что мы из экономии не зажигаем ламп. Просто мессир не любит электрического света. Когда же начнется бал, свет дадут сразу и недостатка в нем не будет, уверяю вас».

С. 69. Это великая честь для меня... государь мой. — В этом месте вырван лист с очень важным текстом, поскольку после беседы Маргариты с Воландом начинался суд над покойниками. Но как Иванушка перешел в иной

мир — мы не знаем. И был ли Иванушка первым — тоже не известно. Но совершенно очевидно, что Булгаков вырывал и уничтожал наиболее острые места в тексте. Приводим небольшой отрывок текста из следующей полной рукописной редакции:

«— Ни в каком случае, мессир! — ясным и тихим голосом ответила Маргарита и, улыбаясь, добавила, — я умоляю вас не прерывать партии. Я полагаю, что шахматные журналы бешеные деньги заплатили бы за то, чтобы ее напечатать у себя.

Азazelло тихо, но восторженно крякнул.

Воланд поглядел внимательно на Маргариту и затем сказал как бы про себя:

— Кровь! Кровь всегда скажется... Он протянул руку, Маргарита подошла. Тогда Воланд наложил ей горячую, как огонь, руку, на плечо, дернул Маргариту к себе и с размаху посадил на кровать рядом с собой.

— Если вы так очаровательно любезны, — заговорил он, — а я другого ничего и не ожидал, так будем же без церемоний. Простота — наш девиз! Простота!

— Великий девиз, мессир, — чувствуя себя просто и спокойно, ничуть не дрожа больше, ответила Маргарита.

— Именно, — подтвердил Воланд... —

...на блюде оказалась мертвая голова с косым шрамом... и с колышком локматый в запекшейся крови на шею... — Далее несколько листов вырвано и вновь, очевидно, с редким по остроте содержанию. Елена Сергеевна фиксировала иногда в дневнике факты уничтожения Булгаковым части рукописи. Так, 12 октября 1933 г. она записала: «Утром звонок Оли (Бокшанской. — В. Л.): арестованы Николай Эрдман и Масс. Говорят, что за какие-то сатирические басни. Миша нахмурился... Ночью М. А. сжег часть своего романа».

Ниже приводится фрагмент из следующей полной рукописной редакции, по объему значительно уступающий уничтоженному.

«Тотчас перед группой Воланда появился слуга с блюдом, и на этом блюде Маргарита увидела отрезанную голову человека в засохших и замытых потеках крови, с приоткрытым ртом, с выбитыми передними зубами. Тишина продолжала стоять полнейшая, и ее прервал только где-то далеко послышавшийся звонок, как бывает с парадного хода.

— Александр Александрович, — громко сказал Воланд — и тогда веки убитого приподнялись, и на мертвом лице Маргарита, содрогнувшись, увидела живые, полные мысли и страдания глаза.

— Вот все и сбылось, — продолжал Воланд, глядя в глаза голове, — и голова отрезана женщиной, не состоялось заседание, и живу я в вашей квартире. Самая упрямая в мире вещь есть факт. Но теперь и вас интересует дальнейшее, а не этот уже совершившийся факт. Вы были горячим проповедником той теории, что по отрезанию головы жизнь в человеке прекращается, он уходит в темное небытие, в золу. Мне приятно сообщить вам в присутствии моих гостей, хотя они и служат доказательством совсем дру-

гой теории, о том, что ваша теория и солидна, и остроумна. Во всяком случае, одна теория, как говорится, стоит другой. Есть и такая, согласно которой каждому дано будет по его вере. Да сбудется! Вы уходите в небытие, и мне радостно сообщить вам, что из чаши, в которую вы превращаетесь, я выпью за бытие! Итак, чашу!»

...сказал Виучата. — Он же Варенуха.

...в городе имеется один человек, который... стремится стать покойником вне очереди... Некий гражданин по фамилии фон-Майзен. — Трудно поверить в неоспоримый факт: Булгаков 30 декабря 1933 года, накануне Нового года, как бы предсказал судьбу известного в то время в театральных кругах человека, «зарезав» его на одной из страниц своего романа о дьяволе. Бывший барон фон-Майзен (в последней редакции — фон-Майгель) в романе — это бывший барон Борис Сергеевич Штейгер — в жизни. Он состоял на службе в коллегии Наркомпроса РСФСР по внешним связям и подчинялся непосредственно А. С. Енукидзе, видному в то время государственному и партийному деятелю, члену этой коллегии. Бывший барон прекрасно знал иностранные языки и принимал участие в обслуживании дипломатического корпуса и иностранных гостей.

Вероятно, Булгаков был хорошо осведомлен о деликатной деятельности барона в качестве «служащего комиссии по ознакомлению иностранцев с достопримечательностями столицы», поскольку был вынужден очень часто соприкасаться с Аселем Сафроновичем Енукидзе, возглавлявшим правительственную комиссию по руководству Художественным и Большим театрами и решавшим многие театральные дела, в том числе касавшиеся драматурга (разрешение или запрещение булгаковских пьес, рассмотрение заявлений писателя на выезд за границу и т. д.). Во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что писатель едва ли стал бы выносить столь суровый приговор человеку, которого не знал или плохо знал. Заметим попутно, что Булгаков мог знать Штейгера еще по Киеву, где бывший барон одно время проживал.

«Казни» барона в романе, Булгаков затем часто встречался с ним на приемах в американском посольстве, в ресторанах, кафе. Это видно из дневниковых записей Е. С. Булгаковой. Приведем лишь некоторые из них. 23 апреля 1935 г.: «С нами в машину сел (при отъезде из американского посольства. — В. Л.) не знакомый нам, но известный всей Москве и всегда бывший среди иностранцев — кажется, Штейгер. Он — с шофером, мы — сзади». Очевидно, этот текст Елена Сергеевна записывала под диктовку мужа (так было очень часто), ибо здесь чувствуется саркастический юмор писателя, подчеркивающего невозможность общения с человеком-покойником. 3 мая: «У Уайли (сотрудника американского посольства. — В. Л.) было человек тридцать, среди них турецкий посол, какой-то французский писатель... и, конечно, Штейгер». Запись того же дня: «Вчера днем заходил Жуковичкий (журналист, также за-

нимавшийся обслуживанием иностранцев. — В. Л.)... Очень плохо отзывался о Штейгере, сказал, что ни за что не хотел бы с ним встретиться у нас». 18 октября: «Позвонили из американского посольства, зовут на... прием у Буллита... Пришли... Посол необыкновенно приветлив. Мы поздоровались. Миша отошел к роялю. Буллит подошел к нему и очень долго с ним разговаривал... К ним подходил Афиногенов. Только двое и было русских. Впрочем, еще Штейгер. Тот проявлял величайшее беспокойство, но околачивался адали...» 7 января 1936 г.: «После театра... поехали в шашлычную... Там были американцы и, конечно, неизбежный барон Штейгер...»

О реальной смерти барона Булгаков узнал 16 декабря 1937 года. В этот день в прессе был опубликован приговор Военной коллегии Верховного суда СССР по делу об измене родине и шпионаже в пользу одного из иностранных государств. Обвинялись — А. С. Енукидзе, Л. М. Карахан, другие высокопоставленные лица и... Б. С. Штейгер. Все были приговорены к расстрелу. Сообщалось, что приговор приведен в исполнение.

Итак, барон Б. С. Штейгер, «приговоренный» писателем к смертной казни 30 декабря 1933 года, был расстрелян 16 декабря 1937 года.

О реакции Булгакова на это сообщение мы ничего не знаем. В дневнике Е. С. Булгаковой это событие не зафиксировано, хотя все предыдущие и последующие подобные сообщения находили отражение в ее записях.

Но после столь трагической развязки у писателя была возможность изменить свое суровое решение, ибо основная работа над романом была еще впереди. Однако Булгаков своей «приговор» оставил в силе, изменив лишь способ смертной казни: вместо ножа барон получил пулю. Нож писатель припас для Иуды.

С. 70. ...в то время как деток у барона никогда не было. — Еще одна деталь, указывающая на прежнее осведомленность Булгакова о Б. С. Штейгере.

...Итак, милый барон, скажите... — Далее Булгаков поставил многооточие, видимо, не желая фиксировать на бумаге подробности казни (глава и без того пестрит обрывками текста).

...и еще раз все преобра... — В этом месте вырван лист. Очередное «преображение» свидетельствует о том, что Булгаков все более склонялся к изображению не «шабаша», а «великого бала у сатаны».

— А за... — Вырвано несколько листов.

...Тут Фивил... — Вновь обрыв текста.

...Солдатские штаны, грубые высокие сапоги... — По описанию внешности героя и его одежды видно, что доставлен к Воланду он не из лечебницы, а из иного учреждения.

Публикация глав романа и комментарии
Виктора Лосева

АРХИВЪ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Так жить совершенно нельзя»

Продолжая начатую в № 4 «Слова» рубрику «Письма в Кремль», переносим читателя из бурного периода «красногвардейской атаки на капитал» в не менее «славную» эпоху «военного коммунизма». Автор публикуемого ниже письма, также адресованного управделами Совнаркома Бонч-Бруевичу, — крестьянин Тульской губернии Михаил Петрович Новиков (1870—1939). О жизни и судьбе этого самобытного народного мыслителя уже рассказывалось в печати (см. журнал «Горизонт», 1989, № 1, с. 22—23). Это письмо-раздумье, датированное октябрём 1920 г., вне сомнения, отражает не только личные мысли автора, но и мировоззрение всего русского крестьянства, не принимавшего «навязанный грубым насилием социализм».

Социализм, навязываемый грубым насилием русскому народу, привел хозяйственную жизнь этого народа в такой тупик и застой, что грозит в недалеком будущем ужасным голодом.

И вот тому причины:

1) Т. и. капиталистический строй в хозяйственной жизни опирался на хозяйский интерес и заботу, на конкуренцию и соревнование, и двигался на принципе собственности. Социалистический строй, основывающийся все на обобществлении, уничтожил хозяина и его интерес, уничтожил личную инициативу и право работника и производителя на его труд и предприимчивость и не только отбил, но и в корне уничтожил стремление крестьянина хорошо и много работать, чтобы догнать и обогнать соседа, лучше его живущего, и у крестьян опустились руки.

2) Социалистический строй ввел монополизацию продуктов и предметов потребления и устанавливает их равномерное распределение, что равняет способного и неспособного, трудолюбивого и лентяя в их потреблении и, с одной стороны, также отбивает охоту трудолюбивого работать и припаст на черный день, а с другой, еще больше увеличивает лентяев и дармоедов, надеющихся на государственный паек. Правительство этого строя еще больше принуждено для этих лентяев и неспособных выдумывать совершенно ни на что не нужных должностей и мест и содержать их как паразитов.

3) Этот строй лишил землю хозяина и его любви к ней, и она стала плохо обрабатываться и плохо родить, и чтобы поправить дело, нужно или вернуть хозяину мелкую земель-

ную собственность в размерах трудовой нормы, или переделывать психологию человека, чего без изменения религиозных устоев сделать невозможно, а религию социализм отвергает.

4) Социализм лишил крестьянина интереса материального развития и приобретения, и они теперь совершенно не знают, чем им жить и чем интересоваться. Интересы же обобществления в труде и жизни им неизвестны и не могут быть ими усвоены, т. к. тому нет наглядных примеров.

5) Нарушив хозяйский интерес и трудолюбие, социалистический строй принужден был в разных формах установить трудовые повинности, или попросту крепостное право, которое хуже прежнего тем, что не имеет еще такой определенности и мучает крестьян, выдвигая все новые и новые неожиданные требования.

6) Новый строй потребовал с крестьян так много натуральных повинностей, что на выполнение разверстки, жалобы и споры из-за них мы тратим так много времени, что ни одного дня не бываем спокойны. Почти каждый день собрания и сходы, так что некогда и работать. По рассказам стариков старые крепостные порядки куда были лучше, т. к. приспособившись к оброку, или двум дням барщины, в остальном можно было быть себе и своему имуществу хозяином и, как говорится в сказках, жить да поживать, и добра наживать. Теперь все мы лишены собственности и у нас отбирают насильно и хлеб, и скотину, и инвентарь, и гоняют на разные принудительные работы, так что горя, нужды, злобы друг на друга, и, главное, злобы против так называемого советского правительства стало в 10 раз больше, чем было раньше, при монархическом строе. О прежней жизни крестьяне мечтают для будущего как о светлом рае. Мечтают, разумеется, не о царстве и губернаторах, а о том порядке, когда можно было иметь право на собственную землю и труд и свободно распоряжаться своим имуществом, о свободной торговле и хозяйской жизни промышленности, о денежных оброках вместо натуральных, о свободе распоряжаться своим временем и т. п.

Что стало со введением социализма?

1) На место одного старшины и писаря в волости 5 заведующих разными отделами, 15 служащих и 5 разного рода уполномоченных и контролеров, понуждающих крестьян с вооруженными отрядами исполнять их законные требования крепостнического характера.

2) Земля стала плохо и меньше размером обрабатываться, много остается пустующей земли, бывшей помещичьей, которая раньше даже исполно или арендно обрабатывалась крестьянами же.

3) К моменту нового урожая ни у кого не оствется запасов старого, все взято отрядами, так что в случае неурожая, прежде чем хлеб привезут из Сибири или Америки, люди умрут с голоду.

4) Истребляются хищнически леса, т. к. сразу оказалось, что всем крестьянам нужно по 2 избы и новые свраи, амбары, ради этого делятся отец с сыном, брат с братом, лишь бы только иметь возможность получить дарового леса для стройки. Страшно подумать, что будет дальше от этого истребления лесов.

5) По легкости разводов и браков люди потеряли стыд и, как магометане, разводятся с одной и женятся на другой, третьей жене, оставляя и жен и детей на произвол судьбы

и возбуждая тем суды, озлобление и месть.

6) Те негодные элементы деревни и города, которые прежде не умели или не хотели работать и занимались или воровством или хождением по миру, т. е. кормились подаем, теперь все или у власти, или в разного рода «отрядах» и уж не просят, не воруют тайно, а «по закону» отнимают среди дня у людей все, что им нужно, и, таким образом, имущество граждан законом не оберегается.

7) Говоря правдиво, все новшества и блага социалистического строя, для нас, крестьян, и выразились в этих вооруженных отрядах, через которые новое начальство и разговаривает с нами. Отряды по так называемой трудовой и гужевой повинности, гоняющие нас на принудительные работы по возке дров, рытью окопов, очистке линий, пилке дров и т. п., отряды продовольственные, отнимающие насильно из наших домов и амбаров наш хлеб, зерно и другие продукты, которые крестьяне добывают тяжелым трудом для своих семей, отряды карательные, огнем и пулеметами завоевывающие те деревни и волости, где крестьяне выходят из себя и, по инстинкту самосохранения, отказываются повиноваться всем жестоким требованиям из социалистического строя; отряды по ловле так называемых дезертиров, гонящие как зайцев по лесам и по полям молодых людей, еще мальчиков, принуждая их идти на войну со всеми врагами советской власти, т. е. со всем миром; отряды заградительные, отнимающие на дорогах и станциях у всех проезжающих и проходящих тот пуд хлеба или ковригу хлеба, которую каждый добыл с трудом для своих родственников, или для семьи. О, какие тут бывают душераздирающие сцены, передать этого пером невозможно!

Теперь будут еще отряды посевочные, которые должны будут насильно заставлять нас обрабатывать так называемые фондовые, т. е. чужие для нас земли на уничижительных условиях. Так, что людей, занимающихся производительным трудом, все уменьшается и труд этот становится немилым, нерадостным, а людей, отнимающих и поедаящих еще небольшие запасы и остатки все более и более и все так называемые завоевания революции, с социалистическим строем во главе, сводятся к тому, что вступит страшный и неизбежный голод и поляна смута и застой в производительном труде, и тогда слепому станет ясно то разрушительное и бедственное для жизни народа дело, которое принес нам социализм, выкраиваемый насильем из наших спии и труда потерявшими честь и совесть «вождями социализма».

Теперь как мы живем:
(т. е. крестьяне)

Хлеба ржаного досьта нет ни у кого, потому что так называемые излишки отобраны отрядами, а впереди неурожай от засухи. Добрая половина ест хлеб из овсянки. Картофель есть тоже не у всех, тоже отобран. Имеется очень понемногу овсяной крупы. Нет ни сахара, ни чаю, ни мыла, ни керосина, у многих нет даже соли. Национализированная промышленность не дает ничего (в год на человека не дали соли по фунту), все у спекулянтов, а покупать по 1000 руб. фунт соли у них, или фунт мыла, не многие в состоянии, тем более сахар по 2,5 тысячи. За отобранные у крестьян 10—15 пуд. хлеба платят 500—600 руб., и на них покупается только 1 аршин колечкору или катушка ниток. Теперь ввели яичную повинность и грозят не давать соли, пока ее не выполнят, за 30—40 яиц обещают фунт соли. Нет кос, гвоздей, дегтю; нет досок, тесу, но главное, нет свободы в личном труде и права распоряжаться произведениями его по своему усмотрению. Такова жизнь в социалистическом строе. Дорого заплатил бы каждый крестьянин, чтобы вернуть прежний порядок в хозяйстве, а так жить совершенно нельзя.

Крестьянин Михаил Новиков.

Ф. 369, карт. 396, ед. хр. 21
Публикация А. А. ФЕДУЛИНА и Ю. А. ДЕНИСОВА.

СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВ

Призраки прошлого

Минуло уже более пяти лет, как в нашей стране начал разгораться фонарь исторической гласности, призванный высветить наиболее затемненные и искаженные стороны отечественной истории. Однако свет этого фонаря, несмотря на его порой слепящую яркость, так и не затронул некоторые исторические темы, которые по каким-то негласным, никем не сформулированным правилам принято считать запретными. Думается, настала пора снимать застарелые табу со всех «скользких» исторических тем, только делать это нужно крайне осторожно и взвешенно.

Пожалуй, наиболее запретный характер среди «закрытых» исторических тем продолжают сохранять ныне те грани минувшего, которые связаны с различными аспектами так называемого еврейского вопроса в истории России, и в частности, проблемами антисемитизма и еврейских погромов. Щекотливость этой темы, имеющей определенное современное звучание, понятна, однако серьезная разработка ее давно назрела, и определенным шагом в этом направлении могло бы стать первоочередное рассмотрение того периода нашей истории, когда данная тема звучала особенно остро и тревожно, а именно — гражданская война.

Решая сегодня такую исследовательскую задачу, нам не обойтись без помощи талантливого русского историка Сергея Петровича Мельгунова (1879—1956), переживающего ныне на своей Родине как бы второе рождение после долгих лет забвения. Ему суждено было пройти тем крестным путем страданий и испытаний, который годы революционного лихолетья нивчтали многим русским интеллигентам. На этом пути историка ждали пять арестов, полтора года заключения в чекистских тюрьмах, громкий политический процесс, угроза расстрела и высылка за границу. В эмиграции всю оставшуюся жизнь Мельгунов посвятил воссозданию в своих исторических трудах основных вех развивавшейся на его глазах смуты. Благодаря этому он выдвинулся вскоре в самый первый ряд историков Русского Зарубежья. Его наследие огромно, и знакомство с ним еще ждет советского читателя*. Мы же обратимся сейчас лишь к одной теме, привлекавшей внимание историка и наиболее полно раскрытой им в статье

* В дореволюционные годы из-под пера С. П. Мельгунова вышло более 10 книг и брошюр, посвященных, главным образом, вопросам истории русской церкви. После высылки историка за границу в октябре 1922 г. им были написаны и изданы, не считая десятков статей, следующие труды: Дела и люди александрийского времени. Берлин, 1923; Крестный террор в России. 1918—1923. Берлин, 1923—1924; Н. В. Чайковский в годы гражданской войны. Материалы для истории русской общественности. Париж, 1929; Гражданская война в освещении П. Н. Милокова. Критико-библиографический очерк. Париж, 1929; Трагедия императора Колчака. Из истории гражданской войны на Волге, Урале и в Сибири (ч. I—III). Белград, 1930—1931; На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года. Париж, 1931; «Российская контрреволюция». Методы и выводы генерала Головина. Париж, 1938; Как большевики захватили власть. Октябрьский переворот 1917 года. Париж, 1939; Золотой месячный ключ к большевистской революции. Париж, 1940; Судьба императора Николая II после отречения. Историко-критические очерки. Париж, 1951; Легенда о сепаратном мире. Каиун революции. Париж, 1957; Мартовские дни 1917 года. Париж, 1961; Воспоминания и диспуты (т. 1—2). Париж, 1964. Последние три книги увидели свет уже после смерти историка в Париже в 1956 году.

«Антисемитизм и погромы», напечатанной в Париже в пятом выпуске журнала «Голос минувшего на чужой стороне» (с. 231—246), который издавал сам С. П. Мельгунов. Данная статья вызывает особый интерес, прежде всего потому, что она затрагивает совершенно неразработанную в советской исторической науке и неизвестную нашим читателям тему еврейских погромов на Украине и шире — антисемитизма в годы гражданской войны.

Сегодня в нашей стране вздорная идея вековой приверженности русского народа к антисемитизму ретанируется с небывалой настойчивостью, вплоть до использования в этих целях весьма очевидных провокационных действий (о них следует говорить особо). И как схожи рассуждения многих нынешних «глашатаев гласности» с постыдными откровениями на этот счет... «великого пролетарского писателя» М. Горького, который в послесловии к книге С. Гусева-Оренбургского «Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.» (Петроград — Берлин, 1921, с. 171—172) писал о «грязных подвигах христолобивого русского народа», о «разительном обилии садической жестокости, присущей русскому народу, очевидно, по натуре его, — натуре раба, который сам способен бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго... Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду «великих исторических деяний русского народа», и для меня ясно, что страсть к этой деятельности все возрастает у нас». Размышления о «зверстве», «безумии» русского народа довели писателя до жуткого по своей откровенности, особенно в свете всего пережитого этим народом, вывода, что «он заслужил все свои страдания в настоящем, заслуживает их в будущем». Иначе говоря, по Горькому, все выстраданное народом России в эпоху революционного взрыва есть не что иное, как суровая месть ему за еврейские погромы.

Оставим на совести «титана пролетарской литературы» его откровения и согласимся с выводом Мельгунова, что еврейские погромы в годы гражданской войны были вызваны, главным образом, разнузданностью в стране стихии и анархии, «отсутствием власти», «твердого государственного порядка». «Политическим катаклизмам соответствовали и погромные события», — писал он. Такого же мнения придерживался еврейский публицист И. М. Бикерман, оспаривавший утверждения, что в годы «братоубийственной» войны «евреям истребляли особую: «Допустим, что дело происходило так... Но в общем смысле разгромлена вся Россия... Если тут был погром, то — всеобщий; одних истребляли под одним видом, других — под другим» (Бикерман И. М. Россия и евреи. Сборник первый. Берлин, 1924, с. 58—59).

В статье Мельгунов оспаривает и чрезвычайно упрощенные представления о злостном антисемитизме всех властей, правивших на Украине до утверждения там большевиков (эти представления послужили, в частности, поводом для убийства еврейским националистом Ш. Шварцбардом в Париже в 1926 г. С. В. Петлюры). Автор справедливо пишет, что «и правительство Центральной Рады, и правительство Скоропадского, и правительство Директории бесспорно и активно боролись с еврейскими погромами. Если все эти власти были бессильны бороться с эксцессами, то причины лежат в стихийности последних». Немаловажны также приводимые Мельгуновым факты (их можно значительно дополнить), свидетельствующие о поддержке еврейскими партиями и организациями «украинских самостийников». Среди этих организаций были и сионисты, как всегда пытавшиеся разгрывать свою опасную игру. Д. С. Пасманник писал по этому поводу в сборнике «Россия и евреи»: «Те же сионисты и вообще еврейские националисты... поддерживали долгое время сумбурное правительство Петлюры-Винниченко даже и тогда, когда на Украине происходили ожесточенные антиеврейские погромы. Когда-нибудь мы расскажем подробнее эту печальную страницу в истории русского еврейства» (Указ. соч., с. 211—212).

Типичная ситуация: верхи еврейских националистических кругов как бы не замечают или даже в какой-то степени подталкивают эксцессы протка евреев, жертвуя в угоду своим политическим целям интересами еврейской массы.

Затрагивая в статье вопрос о еврейских погромах, совершенных на Украине Добровольческой армией, Мельгунов сожалел, что в печати еще не появился продолжавший работу И. Черикова «Антисемитизм и погромы на Украине. 1917—1919 гг.» второй том, готовившийся к изданию «Редакционной коллегией по сборанию материалов о погромах на Украине», которая действовала с начала 1919 г. и после переезда в 1920 г. за границу получила в Берлине официальное наименование «Ostjudisches Historisches Archiv». Этот том был издан в столице Германии лишь в 1932 году, принадлежал перу И. Б. Шехтмана и назывался «Погромы Добровольческой армии на Украине. К истории антисемитизма на Украине в 1919—1920 гг.». Можно с уверенностью утверждать, что знакомство с этой книгой не изменило бы оценок Мельгунова (его мнение на этот счет нам пока неизвестно), ибо и ее отличает та же тенденциозность, что и другие подобные издания (см., например, Штиф Н. И. Погромы на Украине. Период Добровольческой армии. Берлин, 1922).

Шехтман пришел в своей работе к заключению, что погромы при добровольцах не были «неизбежным эпизодом гражданской войны», а представляли собой факт «форменного крестового похода именно против еврейского населения в целом» (Указ. соч., с. 255, 259). По его мнению, «официальный антисемитизм» Добровольческой армии санкционировался сверху (Н. И. Штиф вообще заявлял, что в этом вопросе не было никакой разницы между белыми генералами и самими «громилами»), хотя автор предисловия к книге Шехтмана И. Чериков и вынужден был признавать, что погромов при Колчаке «не произошло... Не произошло потому, что Колчак их не хотел... Не хотел погромов и Врангель в Крыму — и их не было...» (с. 22). Выходит — погромы «хотел» не кто иной, как сам А. И. Деникин. Так ли это?

Мельгунов такую «тенденциозную ложь» отрицает, также как и утверждение о якобы «официальном антисемитизме» белой армии вообще. «...Погромы и в местах, где появлялись отряды Добровольческой армии, были также исключительно явлением стихийного характера», — писал он. В поддержку оценки историк может привести множество дополнительных фактов, свидетельствующих о борьбе командования Добровольческой армии против погромных настроений и действий (многие говорят хотя бы факты военио-полевых судов над погромщиками или устраниение в августе 1919 г. генералом В. З. Май-Маевским другого генерала — Хазова, командира 2-й Терской пластуноской бригады, за учиненный его частью погром в Смеле). Приведем лишь два приказа Главнокомандующего вооруженными силами Юга России. Первый был адресован 8 октября 1919 г. командующему войсками Киевской области и гласил: «Ко мне поступают сведения о насилиях, чинимых армиями над евреями. Требую принятия решительных мер к прекращению этого явления, применяя суровые наказания к виновным». Второй адресовался всем вооруженным силам Юга России и был издан 23 января 1920 г.: «Недавно мы были у Орла, но ряд тяжких ошибок привел нас аиов в Кубань. Теперь, когда мы накалие решительного наступления, нам нужен победа над собой. Пусть помнит каждый, что одной из причин крушения фронта и развала тыла были насилие и грабежи... Если начальники не возьмутся сразу за искоренение зла, то новое наступление будет бесполезно. Требую жестоких мер, до смертной казни включительно, против всех, творящих грабеж и насилие, и против всех попустителей, какое бы высокое положение они не занимали».

В своих «Очерках русской смуты» Деникин ничуть не лукавил, когда писал, что «если бы только войска имели малейшее основание полагать, что высшая власть одобрит только относится к погромам, то судьба еврейства была бы гораздо несравненно трагичнее». (Берлин,

б. г., т. V, с. 146). И не случайно в этой связи в белой армии имели хождение слухи, что Деникин якобы «продался жидам». В одной из бесед Главнокомандующего с еврейскими делегациями в августе 1919 г. он откровенно признавался: «...Я старался и стараюсь возможно ослабить его (еврейского вопроса) остроту. Но устранить его совершенно я не в состоянии». Деникин называл следующие основные причины погромов, весьма далекие от упрощенных интерпретаций многих еврейских публицистов: «зверинные инстинкты, поднятые войной и революцией», «всеобщая распушенность, развал, утрата нравственного критерия и обесценивание человеческой крови и жизни», «резко враждебное отношение к нам еврейства на всей территории вооруженных сил Юга России», «явное, бьющее в глаза засилье евреев во всех областях советского управления» (т. V, с. 147—148, 150).

На последнюю причину обращал особое внимание и Мельгунов, считая ее одной из основных в ряду факторов распространения антисемитизма. Он подчеркивал, что погромы «так часто питались именно молвой о сочувствии евреям большевикам» и что в рядовой психологии происходило отождествление «большевизма с еврейством и во всяком случае еврейской психологии с интернациональной».

Серьезное исследование сформулированной Мельгуновым проблемы о «склонности к революционному максимализму еврейской интеллигенции и полунинтелигенции» и о «непомерном участии» евреев в большевистской власти еще впереди. Мы же лишь напомним, что лица еврейской национальности составляли значительную часть, а то и подавляющее большинство членов руководящих органов почти всех левых партий — большевиков, меньшевиков, эсеров, народных социалистов, анархистов и др. В этой связи любопытно постановление сионистского съезда в Петрограде в 1917 г., согласно которому кандидаты в члены Учредительного собрания от еврейства должны были проходить, где это возможно, исключительно по еврейскому списку, а там, где этого сделать было нельзя, сионисты обязаны были поддерживать русские социалистические партии не правее партии народных социалистов. Какая трогательная приверженность к социальной идее!

В. Жаботинский, один из лидеров мирового сионизма, в статье «Еврейская революция» (так он называл Февральскую революцию) объяснял наличие в России значительного числа «евреев-революционеров», или, как он выражался, «преизобилие евреев в рядах крамолы», особым «национальным настроением» борющегося за «равноправие» еврейского народа, таким настроением, благодаря которому из этого народа «должен был выделиться известный процент революционеров». Чтобы получить права, нужна была революция, но, как писал Жаботинский, «революции не было. Надо было вызвать ее. И эту роль взяли на себя евреи. Они — легко воспламеняющийся материал, они — грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжелой на подъем России». Евреи, таким образом, выступили, согласно Жаботинскому, «застрельщиками великого дела», «разбудили политическое сознание в 130-миллионном народе», «подняли красное знамя... так высоко, чтобы увидали и Тамбов, и Саратов, и Кострома, — чтоб увидали и сказали друг другу: «Пойдем за ним...» Знамя было поднято, и так высоко, и с таким шумом, что Кострома несомненно увидела» (Владимир (Зеев) Жаботинский. Избранное. «Библиотека-Алия» (Israel), 1989, с. 183—184, 186—187).

После победы Великого Октября среди руководящих лиц новой власти оказалось весьма значительное число выходцев из еврейской среды. Существуют различные подсчеты на этот счет. Согласно одному из них, например, среди 22-х членов Совета Народных Комиссаров РСФСР в середине 1918 г. 17 человек были евреями. По этому поводу уже цитировавшийся ранее Д. С. Пасманик замечал: «Но нельзя же отрицать, что значительное количество евреев участвовало во всех большевистских безобразиях и содействовало кристаллизации Советской власти. Очень правильно было отмечено: само появление боль-

шевизма было результатом особенностей русской истории, русского «национального» духа, но организационность большевизма была создана отчасти деятельностью еврейских комиссаров... Ответственно ли еврейство за Троцких? Несомненно» (Россия и евреи, с. 212).

Близкую к этому оценку событий дал не кто иной, как М. И. Калинин, заявивший в ноябре 1926 г.: «Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полунинтелигентская городская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление... В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент, еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления» (Первый Всесоюзный Съезд ОЗЕТ в Москве. Стенографический отчет. М., 1927, с. 65). Через десять лет В. М. Молотов отмечал, что «еврейский народ... дал много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает все новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма. Всем этим определяется наше отношение к антисемитизму и к антисемитским зверствам, где бы они не происходили» (Правда, 1936, 30 ноября).

После подобных высказываний понятными становятся те особенно жестокие преследования, которым подвергались в Советской России проявления антисемитизма. Первый декрет на эту тему был издан уже 26 октября 1917 г. Вторым съездом Советов вместе с Декретами о мире и земле. Свое развитие он получил в издании 27 июля 1918 г. постановлении СНК о борьбе с антисемитизмом. «Совет Народных Комиссаров объявляет антисемитское движение и погромы евреев, — говорилось в нем, — гибелью для дела рабочей и крестьянской революции и призывает трудящийся народ социалистической России всеми средствами бороться с этим злом».

Совнарком предписывает всем Совдепам принять решительные меры к пресечению а корню антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить вне закона» (Известия, 1918, 27 июля). По свидетельству А. В. Луначарского, последний абзац, придавший постановлению характер специального уголовного закона, приписал «красными чернилами своею собственной рукой» В. И. Ленин, когда ему для подписки декрет принес Я. М. Свердлов (Луначарский А. В. Об антисемитизме. М.—Л., 1929, с. 38).

Пройдет 12 с половиной лет, и в январе 1931 г. Сталин заявил в ответ на вопрос, поставленный Еврейским телеграфным агентством: «В СССР строжайше преследуются антисемитизм, как явление, глубоко враждебное советскому строю. Активные антисемиты караются по законам СССР смертной казнью» (Шварц С. М. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952, с. 100). А своих слов, как известно, Сталин на ветер обычно не бросал. (Своеобразный «культ» истории: многие нынешние «антисталинисты» горячо ратуют за принятие особого уголовного закона о борьбе с антисемитизмом, наподобие того, который действовал с 1918 года).

В первые годы Советской власти дело усугублялось еще и тем, что пресечение антисемитизма возлагалось на органы ВЧК, где засилье еврейского элемента особенно сильно бросалось в глаза. Свидетельств тому множество. В. Г. Короленко, которого никто не заподозрил в подыгрывании антисемитизму, переживая в Полтаве смутные годы, был прекрасно знаком с деятельностью большевиков и, в частности, чекистов. В своем дневнике он оставил в 1919 г. следующие записи: «Среди большевиков — много евреев и евреек. И черта их — крайняя бестактность и самоуве-

ренность, которая кидается в глаза и раздражает». «Большевизм на Украине уже изжил себя... Мелькание еврейских физиономий среди большевистских деятелей (особенно в чрезвычайке) раздражает традиционные и очень живучие юдофобские инстинкты» (В. Г. Короленко в годы революции и гражданской войны. Вермонт (США), 1985, с. 162, 165).

С. П. Мельгунов издал в 1924 г. в Берлине воспоминания некоего В. Фишера «Записки из местечка», в которых содержится очень интересное свидетельство. Однажды Фишер разговорился с одним коммунистом, заявившим, что евреи в партии «играют главную роль» и «в общем портят дело», проявляя излишнюю жестокость. «То, что говорил коммунист о евреях, было показательно, — писал Фишер. — Я сам уже от многих слышал жалобы, что многие дела в Чеке не кончались бы так трагически, если бы не вмешательство чекистов-евреев: русский чекист, говорил, уже смягчался, но вмешивался еврей, — и дело кончалось скверно... И вот антисемитизм на моих глазах проник в красную армию, были целые отряды, охваченные страстной ненавистью к евреям. Мнение, что большевизм — еврейское дело, сложилось в населении быстро и было вполне понятно: у нас, по крайней мере, большинство являвшихся большевистских деятелей были евреями» (На чужой стороне, Берлин, 1924, т. VII, с. 120).

Другой источник по интересующей нас теме Мельгунов издал в девятом томе сборника «На чужой стороне» (Берлин, 1925). Это были показания в октябре 1919 г. Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков, учрежденной Деникиным, бывшего следователя Киевской губчека М. И. Болеросова. Коснувшись вопроса о национальном составе чекистского органа, последний утверждал, что «по национальностям можно смело говорить о преимуществе над всеми другими евреями. Ввиду того, что число сотрудников «чека» колебалось от 150—300, то и точные цифры привести здесь нельзя. Я не ошибусь, если скажу, что процентное отношение евреев к остальным сотрудникам «чека» равнялось 75:25, а командные должности находились почти исключительно в их руках». Далее следовала подробная характеристика руководящих лиц Киевской губчека и ужасных методов их «очистительной» революционной работы. Из 21 упомянутого Болеросовым имени 17 человек были евреями.

Любопытная деталь! Как сообщал бывший следователь, «1-го мая (1919 г.) раздался по «чека» клич: в целях агитационных требуются расстрелы евреев. Немедленно представить соответствующие дела. Кроме того, на видные должности в «чека» не назначать евреев, и вот, в результате этого, идет перестройка...» (Указ. соч., с. 117—121, 132, 137). Причиной этих внезапных действий стала секретная директива из центра, нацеленная на смягчение чрезвычайного представительства в чекистских органах лиц еврейского происхождения и показательное включение таких лиц в число подвергающихся репрессивным мерам. Однако, как показал Болеросов, позже выяснилось, что почти все руководители, покинувшие Киевскую губчеку после неожиданного перестроения, оказались во главе Всекрымской чека, где им предоставилась возможность еще сильнее обогатить свой карательный опыт.

В Москве не могли не замечать того ущерба, который наносила авторитету власти «еврейская проблема». Обратимся к свидетельству Л. Д. Троцкого. В своей речи на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК РКП(б) 26 октября 1923 г. он оценивал свое еврейское происхождение как серьезный «политический момент». «Я прекрасно помню, — продолжал Троцкий, — как 25 октября, лежа на полу в Смольном, Владимир Ильич говорил: „Т. Троцкий! Мы вас сделаем наркомвнуделом. Вы будете давить буржуазию и дворянство“. Я возражал. Я говорил, что, по моему мнению, нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам, я считал, что будет гораздо лучше, если в первом революционном Советском правительстве не будет ни одного еврея. Владимир Ильич говорил: „Ерунда. Все это пустяки“. Но, несмотря на это его отношение, все же, видимо,

мои доводы и на него отчасти действовали. Во всяком случае, я избежал назначения на пост наркомвнудела и был назначен руководителем нашей иностранной политики... Когда встал вопрос о необходимости организовать наши военные силы, остановились на мне; должен сказать, что против назначения на пост наркомвоенно моя оппозиция была еще более решительна. И... после всей работы, проделанной мною в этой области, я с полной уверенностью могу сказать, что я был прав. Я не говорю о прямых результатах своей работы... но... я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Помните, как сильно мешало в острые моменты, во время наступлений Юденича, Колчака, Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей. Это мешало сильно... И в тот момент, когда Владимир Ильич предложил мне быть зампредомнаркома (единоличным замом) и я решительно отказывался из тех же соображений, чтоб не подать нашим врагам повода утверждать, что страной правят евреи, Владимир Ильич был почти согласен со мной. Внешне он, правда, этого не показывал и, как раньше, говорил: „Ерунда, пустяки“, — но я чувствовал, что он это не так говорит, как раньше, что он соглашается со мной в душе» (Вопросы истории КПСС, 1990, № 5, с. 36—37).

В этих словах много рисков, но Троцкий правильно улавливал воздействие своей фигуры на разжигание в стране антисемитских настроений, хотя сам он и любил называть себя не евреем, а интернационалистом, да еще таким, у которого национальный момент вызывает «брезгливость и даже нравственную тошноту». И. М. Чериковер запечатлел эту роль Председателя Реввоенсовета следующим образом: «Исключительно опасным возбудителем была при этом личность Троцкого. Почти в каждом погроме повторялось одно и то же: «Это вам за Троцкого». Троцкий персонализировал собой всю Советскую власть; никаких других большевистских имен для Добровольческой армии не существовало. Почти нет ни одного антисемитского воззвания, ни одной статьи, где не повторялось бы это имя» (Шехтман И. Б. Указ. соч., с. 15—16).

Любому вдумчивому человеку должно быть ясно, что еврейская национальность многих представителей большевистской гвардии не могла не накладывать определенный отпечаток на их настроения, взгляды и политические действия, тем более, что занимали они зачастую именно «командные посты». Многие объясняют хотя бы слова Мельгунова: «Бесправный, сделавшийся привилегированным, всегда мстит, подчас даже бессознательно, за прошлые унижения». После них понятие становится, скажем, заявление председателя Кунгурской ЧК Гольдина: «...Для расстрела нам не нужно ни доказательств, ни допросов, ни подозрений. Мы находим нужным и расстреливаем, вот и все!» (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918—1923. Нью-Йорк, 1989, с. 179).

Да, Мельгунов, безусловно, прав, когда он пишет о важности «определения состава так называемой революционной демократии», особенно учитывая то обстоятельство, что многие из ее числа оказывались людьми, «не только не думающими об общих интересах России, но и прямо враждебными ей...» Надо только подходить к исследованию этой «скользкой» проблемы чрезвычайно ответственно и взвешенно, не нагнетая излишние эмоции, но и не впадая в «чрезмерную шепетильность», которой страдала русская интеллигенция в дореволюционные времена, когда, по словам историка, «из деликатности и такта» о «евреемичего неелестного нельзя было сказать» (как, впрочем, и сегодня, хотя и по несколько другим причинам).

В статье Мельгунов выражает резонное удивление в связи с очевидной склонностью подавляющей части еврейских публицистов «преуменьшать роль еврейских элементов в большевистской работе» и обходить благосклонным молчанием действия самих большевиков, в том числе стихии вспыхивавшие при их власти еврейские погромы. В этой связи понятно недоумение автора тем, что подготовители издания о погромах на Украине, получившего

«поистине интернациональную» базу, не употребили 1/1000 доли своей энергии для «характеристики большевицкого террора, террора системы, а не стихии», «явления более ужасного, чем стихийное движение, рождавшееся на почве невежества и тьмы...»

А ларчик открывался просто. Заинтересованные в подобном издании международные еврейские круги весьма дружелюбно относились в то время к Советской власти и находили со стороны ее представителей всемерную поддержку в сборе и издании материалов о погромах на Украине. Тем самым большевики убивали сразу «двух зайцев»: выставляли в черном свете своих бывших противников и представляли в глазах западного общественного мнения в образе гуманных борцов с проявлениями национализма. Показательно, что в конце 20-х годов литература об антисемитизме, весьма сходяжая по своим оценкам с зарубежными изданиями, очень активно печаталась в СССР (авторами брошюр на эту тему выступили тогда, например, А. В. Луначарский, Ю. Ларин, С. Г. Лозинский, Л. Лядов, Н. А. Семашко и другие видные большевики).

В 1990 г. в еженедельнике «За рубежом» (№ 28, с 16—19) были опубликованы главы из книги французского журналиста Б. Лекаша «Когда Израиль умирает...», написанной им при активном содействии советских властей и изданной в СССР в 1928 г. в издательстве «Прибой». Можно только приветствовать ознакомление читателей с давно забытой книгой. Но не слишком ли броско было давать к этим главам заголовок «За двадцать лет до Освенцима» и утверждать, что «если бы люди извлекли уроки из того, что произошло в 1918—1920 годах на Украине, в Белоруссии, на юге России, то, возможно, не было бы Освенци-

ма, Майданека, Бабьего Яра». Неужели автору этих строк не ясна существенная разница между погромными эксцессами периода гражданской войны и целенаправленной политикой уничтожения евреев, проводившейся фашистами? Не слышится ли здесь отголосок нарочитых стремлений уличить русский, украинский и белорусский народы в склонности к шовинизму фашистского образца? Да и приводимая автором предисловия к публикации Ю. Поляковым цифра жертв еврейских погромов на Украине — около 300 тысяч человек, не может не представляться явно завышенной. Достаточно сослаться хотя бы на книгу С. Гусева-Оренбургского. На основании анализа огромного массива документов, он исчисляет четко установленную цифру погромных жертв на Украине в 35 тыс. человек, но добавляет, что общее число погибших (включая неучтенные жертвы) достигает 100 тыс. человек (Указ. соч., с. 14). Близкие к этим цифрам данные приводит и Шехтман (Указ. соч., с. 25—26).

Учащающиеся ныне попытки запугать население страны, впридачу и общественное мнение Запада наступлением в СССР новой волны антисемитизма свидетельствуют о том, что это кому-то очень и очень выгодно. Однако воздвигается такое химерическое здание на зыбком песке. И нам сегодня впору еще раз повторить слова историка Мельгунова: «Призраков прошлого, пугающих боязливых, мы не боимся. Не должны их бояться и евреи, те из них, которые ощущают себя русскими гражданами, как французы, немцы, итальянцы, живущие в Швейцарии, прежде всего ощущают себя швейцарцами».

Малознакомый Ленин

О Ленине написаны не десятки, не сотни, в тысячи тысяч страниц, но из этой громадной литературы отнюдь не видно, в каких условиях материального существования протекала его жизнь. Были ли эти условия для него благоприятны или ему приходилось испытывать нужду и лишения? Откуда шли нужные ему денежные средства? Приносил ли их литературный заработок или были иные и более существенные источники существования? На что жил Ленин со времени его возмужалости — до октября 1917 года, когда революция, вознес его к власти, тем самым сделала Ленина гигантской исторической фигурой! Подчеркиваем «тем самым», так как если бы этого не было, Ленин умер бы простым малоизвестным эмигрантом, и о нем вспоминали бы не больше, чем о Бабье, Блвике или Ткачеве. Безбрежную литературу о Ленине плодили его эпигоны, последователи, адепты материалистического понимания истории, объясняющие деление общества на классы и положение людей — их экономической ситуацией. Энгельс 17 марта 1883 года в надгробной речи на могиле Маркса поведаль, что «подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органического мира, Маркс открыл закон развития человеческого истории: тот, что последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями, простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилища и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.» Ленин не был бестелесным существом,

неподчиненным «открытому» якобы Марксом закону: прежде чем заниматься проповедью мировой революции и всем прочим, ему нужно было «есть, пить, иметь жилища, одеваться». Спрашиваем еще раз: откуда, из каких источников Ленин имел денежные средства, дававшие ему возможность удовлетворять свои элементарные потребности и вести ту жизнь, которую он вел! Вопрос, несомненно, законен, прост до крайности и, казалось бы, на него можно было бы найти ясный ответ в бесчисленных советских биографиях Ленина. Именно этого в них нет. Ни в одной биографии об этом не говорят. Больше того — советские биографы настойчиво, сознательно вопрос этот избегают, отстраняют, изворачивают. А между тем, если его хорошо разобрать, проанализировать, это позволяет заглянуть за кулисы показной жизни Ленина, войти в мир повседневных житейских его забот, склонностей, привычек — и тем самым даст возможность видеть не героическую ипостась личности Ленина, которая торжественно представляется его революционной, политической, литературной деятельностью, а другую, гораздо менее известную, заслоненную и резко расходующуюся с ленинским лицом грозного божества, низвергающего старый мир. Обрисовать вторую ипостась — показать Ленина в «домашних туфлях» — тем более желательно, что это в некоторой степени приближает нас к «тайне» появления исторических личностей. На примере Ленина видно, что великие люди, перестраивающие мир и жизни народов, могут быть в повседневной жизни самыми обыкновенными людьми. В условиях случайности и в особой исторической обстановке лишь некоторая специфическая,

присущая им, часть психики (ее-то и требуется исследовать) делает из них историческую личность. В числе материалов для портрета Ленина «в домашних туфлях» — важные не «стилизованные» «Воспоминания» его супруги Крупской, в гораздо более письма Ленина к родным. Но из одних, конечно, мало. Отыскивать «кусочки» нужных сведений следует всюду, где только это можно, и при этом убеждаться, насколько утомляюще, мучительно и большая ложь, идущая из семьи Ульяновых и из-под пера советских биографов, препятствуют дать в дополнение к политической биографии правдивую картину «как и на что жил Ленин». Все-таки попробуем это сделать.

Н. ВАЛЕНТИНОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. Этим вступительным словом «от автора» Николай Владиславович Вольский (Н. Валентинов) открывает свою книгу «Малознакомый Ленин», вышедшую в Париже в 1972 г. В прошлом марксист, некоторое время большевик, лично знакомый с Лениным, еще с 1904 года Николай Владиславович посвятил много лет изучению биографии Ленина и семьи Ульяновых. Создал три книги литературно-исторических исследований — «Встречи с Лениным», «Ранние годы Ленина» и «Малознакомый Ленин», — в СССР пока не издававшихся. Пристрастный читатель нашего журнала наверняка обратил внимание на публикации Н. Валентинова на страницах «Слова» (№ 11, 1989 г.; № 11, 1990 г.), отличающиеся не только своеобразным литературным стилем, но и тщательной, исторически выверенной достоверностью. Эти достоинства отличают и книгу «Малознакомый Ленин», главы из которой мы начнем печатать в ближайших номерах.

ИВАН ИЛЬИН

За национальную Россию

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

16. Семья

Человек рождается не только в недрах родины, но и в лоне семьи. Семья есть первая родина. Родина есть великая, национальная семья. Как соты пчелиные состоят из запечатанных ячеек с благоухающим медом, так жизнь народа состоит из семей: каждая ячейка отделена и запечатана, и все-таки все они вместе сражены в единство: в каждой ячейке свой мед, но из этих медов состоит единый мед целого улья. Разружьте ячейки — и вытечет мед, и распавшуюся вошину отдадут на переплавку...

Семья вырастает из любви, живет любовью, родит и растит любимых детей. Поэтому она есть первая школа любви и жертвенности. Кто убивает семью, тот гасит любовь в своей стране. Тогда остается одна разрушительная ненависть.

То, что нужно сейчас России, — это умение любить крепко и долго. Ей нужна любовь долгого и глубокого дыхания. Где же научатся ей русские дети, если не в крепкой, единобрачной семье своих родителей?

Только в семье любовь чиста, верна и органически-строительна. Вне семьи — она становится распутной и приучает людей к безответственности, измене, внахрии и общественному распаду: безответственные и распущенные родители плодят беспризорных людей.

Нам не удастся ни освободить, ни возродить Россию — без чувства национального достоинства, без веры в благие силы своего народа. Где же научатся этому русские дети, если не в своей родной семье? Где загорится этот огонь национальной гордости, если отец и мать не будут блюсти его словом и делом? Кто внушит нашим детям веру в Русский Народ, если русская семья развевает и растеряет эту веру?

То, что нужно России навеки, — это сила русского национального характера. Исторически этот характер закладывался в суровой русской природе; он закалялся в войнах; приобретал глубину и благородство в молитвах; выковывался в монастырях и в армии. Но хранилищем его была прежде всего русская семья. И ныне эта семья должна по-

Продолжение. Начало в №№ 4—6/1991.

нести и осуществить свое призвание: она должна превратить самые нужды, беды и лишения свои в школу характера для своих детей, чтобы новое русское поколение получило тот крепкий закал, ту стоическую выдержку, ту свободу небоязливости духа, без которых нам не воссоздать порядка в России.

Семья есть первая школа взаимного доверия, солидарности и дисциплины. Именно здесь человек учится подчиняться и властвовать в знак любви и справедливости. Таким образом, семья дает человеку первые начатки правосознания.

В семье русский ребенок должен научиться первой основе гражданственности: умению чтить авторитет и в то же время оставаться внутренне свободным. Он должен научиться здесь чести, жертвенности и справедливости. Здесь он должен въяе и вживе понять, что значит «один за всех, все за одного». Ибо он сам однажды создаст семью, новую семью следующего поколения и внесет в нее тот самый дух, который он бессознательно вынес из впечатлений своего детства.

Семья есть родовой очаг всех здоровых традиций. Человечеству нелепо начинать все сначала каждые двадцать лет. Опыт и мудрость накапливаются тысячелетиями. Культура без традиции — невозможна; а традиция передается верно и полно только в знак любви и заботы, т. е. в семье.

Семья есть трудовой очаг, трудовое, наследственное единение людей. Где прочна семья, там народ работает и богатеет, там цветет народное хозяйство.

Семья дает человеку два священные первообраза: образ любящей чистой матери и образ сильного и благостного отца. Через них душа учится прилепиться к родине-матери и возноситься к Богу-Отцу. И кто промешет эти два первообраза через всю жизнь, тому никакие дьявольские соблазны не будут страшны.

Вот в каком смысле семья есть хранилище национального духа и здорового правосознания.

17. Что есть истинный национализм

Есть закон человеческой природы и культуры, в силу которого все великое может быть сказано человеком или народом только по-своему, и все гениальное рождается именно в лоне национального опыта, уклада и духа. Денационализуясь, человек теряет доступ к глубочайшим колодцам духа и к священным огням жизни. Ибо эти колодцы и эти огни всегда национальны: в них заложены и живут целые века всенародного труда, страдания, борьбы, созерцания, молитвы и мысли. Национальное обезличение есть великая беда и опасность: человек становится безродным изгоем, беспочвенным и бесплодным скитальцем по чужим духовным дорогам, обезличенным интернационалистом, а народ превращается в исторический песок и мусор.

Всей своей историей и культурой, всем своим трудом, созерцанием и гением каждый народ служит Богу, как умеет. И для этого служения каждый народ получает свыше дары Святого Духа и земную среду для жизни и борьбы. И каждый по-своему приемлет эти дары и по-своему создает свою культуру в данной ему земной среде.

И вот, национализм есть уверенное и страстное чувство, — что мой народ действительно получил дары Святого Духа; что он принял их своим инстинктивным чувствительным и творческим претворил их по-своему; что сила его жива и обильна, и призвана к дальнейшим великим, творческим свершениям; что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние», как залог его величия (формула Пушкина), и независимость государственного бытия.

Итак, национальное чувство есть любовь к историческому облику и к творческому акту своего народа.

Национализм есть вера в его духовную и инстинктивную силу; вера в его духовное призвание.

Национализм есть воля к творческому расцвету моего народа — в земных делах и в небесных свершениях.

Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его истории, его души, его талантов, его недостатков, его духовной проблематики, его опасностей, его соблазнов и его достижений.

Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви и веры, из этой воли и этого созерцания.

Вот почему истинный национализм можно описать как *духовный огонь*, возводящий человека к жертвенному служению, а народ — к духовному расцвету. Это есть *восторг* от созерцания своего народа в плане Божиим, в дарах Его Благодати. Национализм есть *благодарение* Богу за эти дары; но он есть и *скорбь* о своем народе, если народ оказывается не на высоте этих даров.

В национализме чувстве источник *достоинства* (Суворов: «Помилуй Бог — мы русские!»), источник *братского единения* («Постоим за дом Пресвятыя Богородицы»), источник *правосознания* («Грозно служить и честно править»).

Но истинный национализм учит и покаянию, и *смирению* — при созерцании слабостей и крушений своего народа:

«За все, за всякие страдания,
За всякий попорный закон,
За темные отцов деянья,
За темный грех своих времен,
За все беды родного края, —
Пред Богом благодати и сил,
Молитесь, плача и рыдая,
Чтоб Он простил, чтоб Он простил!»
(Хомяков).

Истинный национализм открывает человеку глаза и на *национальное своеобразие других народов*: он учит не презирать другие народы, а чтить их духовные достижения и их национальное чувство, ибо и они причастны дарам Божиим, и они претворили их по-своему, как могли. Он учит еще, что *интернационализм* есть духовная болезнь и источник соблазнов; и что *сверх-национализм* доступен только настоящему националисту: ибо создать нечто прекрасное для всех народов может только тот, кто утвердился в творческом лоне своего народа. Истинное величие всегда почвено. Подлинный гений всегда национален.

Такова сущность истинного национализма. И мы не должны колебаться в нем, внимая соблазнам псевдохристианского или безбожного интернационализма.

18. О здоровом правосознании

Напрасно думают о праве и о государстве, что им есть дело только до «внешнего поведения» человека; что если это «внешнее поведение» в порядке, то внутренняя жизнь человека безразлична. Это западно-европейское понимание права, сложившееся в девятнадцатом веке, глубоко ошибочно и таит в себе множество опасностей. Ибо на самом деле право и государство обращаются к *внутреннему миру* человека, они чтут в нем *свободного субъекта права* и подса-

зывают его *само-сознанию* и его *право-сознанию*, что именно ему по закону «можно» (полномочия), «должно» (обязанности) и «нельзя» (запреты). Поэтому в каждом государстве правопорядок зависит не только от «законов» и от «полиции», но прежде всего и глубже всего — от *правосознания граждан*.

Все, что человек творит, он творит изнутри; и если он хочет сделать что-нибудь хорошее, то он должен сам стать внутренне лучше. В этом нравственная аксиома христианства.

Поэтому мы, русские люди, должны прежде всего обуздать, воспитать и укрепить в добре свои души. Жадные люди создадут хищную государственность; завистливые люди создадут общественный строй злобы и террора; продажные люди сведут все к взятке и предательству. России же нужны люди с христиански укорененным, честным и крепким правосознанием.

Поэтому мы должны научиться: ставить дело родины, как Божье дело, выше своего личного интереса; помышлять о служении России, а не о личной карьере; служить не соблазну, неподкупно, по совести и по справедливости; на власть смотреть не как на почет и выгоду, а как на бремя, обязывающее и ответственное.

Мы должны утвердить в себе чувство собственного духовного достоинства, уважая в себе подобие Божие и значение русского человека. Только это застрахует нас от всяческой кривизны и низости.

Мы должны обуздать в себе беспредметное честолюбие и тщеславие, жадность, зависть, мстительность, склонность к озлобленному напору и отпору. Без этого мы не внушим к себе доверия, не создадим ни порядка, ни мира.

Мы должны развить в себе самообладание, дисциплину и чувство духовного ранга. Эти свойства необходимы всякому гражданину, тем более всякому организатору, чиновнику и правителю. Кто не умеет повиноваться, тот не способен повелевать.

Мы должны научиться чтить закон и добровольно, накрепко вменить себе в обязанность его соблюдение, — соблюдая при этом не букву закона, а *скрытый в каждом законе дух порядка, справедливости и братства*.

Мы должны чтить в каждом человеке бессмертную душу, брата *пред лицом Божиим и свободного субъекта права*.

Каждый русский должен быть нам дорог как носитель русского огня и русского будущего.

Помышляя о России, мы должны всегда идти не от частей к целому (от людей, сословий, классов — к государству), но от целого к частям, понимая, что государство не только дает права и выгоды, но требует от всех служения и жертв. Один за всех, все за одного. Только жертвою и служением восстановим Россию.

Таковы черты здорового и могучего *христианского правосознания*. Мы должны усвоить его сами и перелать его другим. Кто не усвоит его, тот извратит политическое единение людей и не выдержит бремени власти.

19. О политической деятельности

Тот, кто хочет *политически* служить России, должен прежде всего понять, в чем состоит *сущность политики*, и верно настроить свою душу для нее. При этом он, может быть, скоро убедится, что он не призван к такой работе, что в душе его нет надлежащих сил и умений; и тогда он поступит правильно, если сосредоточит свои силы на другой работе, а в политике уступит первенство другим, призванным. Надо раз навсегда покончить с вредным предразсудком, будто политика есть дело легкое, общедоступное и не требующее ни особых способностей, ни знаний, ни подготовки. Ибо на самом деле политика есть дело сложное и трудное, требующее дара и искусства.

Нам надо начать с того, чтобы извлечь идею государства и политики из той *предреволюционной пошлости*, в которую

совлекает эти идеи демократический строй, и из той революционной *гизы*, в которую эти идеи брошены коммунистическим строем. Политика совсем не есть сочетание из демагогической агитации и слепого, полупродажного «голосования», из честолюбивой толкотни, партийной интриги и беспринципного компромисса; так обстоит обычно в демократиях. Но политика не есть и смешение насилия и коварства, свирепости и лжи, она не есть темное дело презренных плутов, где чиновник становится вымогателем или разбойником, а авантюрист или уголовный преступник выходит в чиновники; так обстоит дело в большевизме.

Политика есть дело *правовой и справедливой организации* национального бытия. *Организация*: значит, необходима *воля, такт, прозорливость в распознавании людей, жизненное чутье* и знание законов общественной жизни (социологическое, юридическое, экономическое, историческое образование).

Эта организация должна быть *правовая*: значит, необходимо *здоровое правосознание, чувство ответственности, способность к подчинению и к власти, патристическое и национальное чувство, честь и честность*.

Эта организация должна быть *справедливая*: значит, необходима *живая совесть, любовь к людям, религиозная и нравственная укорененность души*.

Следовательно, политика требует не ловкого проходимца и не хитрящего интригана, а человека настоящего (волевого и духовного) качества. Отсюда в высшем смысле слова *аристократическая* природа государства, значение духовной традиции, отбора характеров и профессиональной подготовки. При этом аристократия (правление лучших) — разумеется, не по рождению, не по сословию, не по богатству, а по *качеству и достоинству* лица. Нельзя вводить такой политической строй, при котором всякий бесстыдный и карьерист будет выдвигаться наверх только потому, что он сумеет стать угодным массе. Выдвигаться должны *лучшие* люди, призванные к политической деятельности.

После революционной ставки на жадность, на слепоту, на трусость и на бесчестие — России спасет только *ставка на качество*. Из хаоса, из разложения, из оскудения — есть только один путь: к сосредоточенно благородной воле, к волевой дисциплине, к интенсивному труду, к *отбору и выхождению лучших национальных сил*. Надо *творчески* развязать *качественные силы России*.

Русская политика нуждается прежде всего в *честной верности*. Что могут построить бесчестные и продажные руки? Революция уже дала ответ на это.

России нужны *опыт и умение* — во всех областях: от генерального штаба до кооперации, от торговли до полиции. Нам надо приобретать этот опыт и это умение, чтобы отдать их России.

Россия будет голодать по *знанию и способным* людям, — на все поприщах: от бухгалтерии до медицины, от профессуры до агрономии, от церкви до армии. И особенно — в политике.

России необходимы *воля и талант*. Их нельзя ничем заменить: ибо талант творит новое, а воля строит и держит организацию народной жизни. Революция скомпрометировала партийный отбор; новый отбор должен быть деловым, предметным, а не партийным.

Дорогу честности! Дорогу знанию и таланту! Дорогу русскому гению! Новая, *качественная эпоха* жизни нашей родины, эпоха, которая довершила бы все успешное, исцелила бы и заростила бы все язвы революционного времени. *Качество* необходимо России: люди верные, волевые, знающие и даровитые; крепкая и гибкая организация; напряженный и добросовестный труд; выработанный, первостепенный продукт; высокий уровень жизни. Необходима верная и мудрая, справедливая и предметная политика; политика, ведомая честью и прозорливостью, а не политиканством, мятущееся в честолюбии, кривоизгибная и в целом обмане.

Только так создадим новую, сильную и национальную власть в России.

20. О власти

Есть русская национальная идея власти, выношенная русской историей, вскормленная и освященная православным христианством. Согласно этой идее христианин берет власть не из честолюбия, а из *желания служить Богу и людям*. Поэтому он чувствует свою ответственность даже тогда, когда никто с него не взыскивает; именно поэтому он никогда не злоупотребляет властью.

Власть есть *духовная сила*; она поκειται на уважении и доверии, на согласии людей повиноваться авторитету. Это согласие надо беречь, оно драгоценно. Если его разочаровать и растратить, то власть сведется к страху и насилью.

Кто принимает власть, хотя бы самую малую, тот принимает не только *полномочие* распоряжаться, но и *обязанность* распоряжаться. Отныне он обязан укаывать людям, что им «можно», «должно» и «нельзя»; конечно, — в определенных ему пределах. И за неисполнение этой обязанности он подлежит суровой ответственности.

Только тщеславные люди пьянеют от власти; только глупцыпадают в «административный восторг» и в суетню; только неумелые люди начинают возвышать голос и махать руками. Власть есть бремя; надо нести его *достойно и спокойно*. Всякая власть имеет свои *пределы*; необходимо их строго соблюдать, не впадая в «превышения». Власть организует и движет жизнь, *безделье* власти разрушает живой порядок. Власть должна *имитировать* людям; необходимо, чтобы люди ее уважали; кого они не уважают, тому они не повинуются. Надо, чтобы люди постоянно ощущали, что власть *хочет добра*, что она *неподкупна и справедлива*, что она *сильна и тверда* и что ее дело *действительно* *удается ей*. Внешние усилия власти не должны бросаться в глаза; пусть людям кажется, что дело идет *само собою*. И только тогда, когда неповиновение явно подрывает престиж власти, необходимо уметь показать, что она *сильна и даже грозна*.

Власть есть проявление *духовного достоинства и воли*. Кто вручает власть неслепым людям, тот губит ее. Кто вручает власть безвольному, тот подрывает ее. Власть призвана выбирать, решать, предписывать, настаивать и поуждать. Кто к этому не способен, тот *должен быть устранен от власти*. Властвующий обязан проявлять государственный авторитет и вести борьбу за него. Для этого ему необходимы независимость и мужество; он не должен и не смеет бояться толпы. В серьезном и критическом столкновении властвующий должен быть готов *умереть на своем посту*.

И при том он должен всегда: помнить Бога, блюсти верность России и не бояться ответственности.

Было бы, однако, величайшим заблуждением, если бы кто-нибудь захотел утверждать, будто государственная власть «всемогуща» и должна поэтому впитать в себя и как бы поглотить всю жизнь народа.

Все духовное в жизни зарождается, зреет и творится в *самодельности человека*, по его внутреннему, таинственно-органическому почину (Аристотель выражал это термином «*аутоут*», буквально: «через самого себя»). Государственная власть ставит себя в нелепое и смешное положение, когда начинает предписывать веру, молитву, любовь, вдохновение, творчество, добродетель или иные духовные состояния. Столь же безнадежно и вредно подавляет свободный почин людей и в области хозяйства и труда. Жизнь народа подобна не машине, а растению: к ней надо присматриваться и приспосабливаться, ей можно осторожно помогать и устранять ее болезненные проявления. Но замечать ее — нечестно; а произвол будет для нее губителен. И государственная власть всегда должна помнить, что ее настоящее призвание состоит в том, чтобы *служить живому организму* народа, защищать его и оберегать, а не подавлять.

Окончание в следующем номере.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Пришло время новой подписной кампании, которая — в этом не приходится сомневаться — будет проходить в гораздо более трудных условиях, чем год или два назад. Трудных для всех изданий без исключения — как для «правых», так и «левых», как «демократических», так и «патриотических» [берем эти слова в кавычки, поскольку в нашей действительности настолько все смешано, что ни одно из них не соответствует своему значению полностью]. Прошлогоднее повышение цен оказалось лишь первой пасточкой невиданной эскапации цен на бумагу (в пять-шесть-десять раз), на полиграфические услуги (в пять-шесть раз), на распространение изданий по подписке через монопольную систему «Союзпечати» (до 90% от номинала каждого номера журнала). Потому и мы ожидаем повышения цены на журнал в два раза. Возможно, каждый номер «Слова» будет стоить в 1992 г. три рубля. Правительство оказалось не в состоянии контролировать цены на бумагу, являющуюся ныне не менее ценным «сырьем», чем нефть или газ. Оно позволило превратить торговлю бумагой на внутреннем рынке в один из самых доходных «подпольных» промыслов, практически не предприняв ни одной серьезной попытки противостоять мародерству «черного» рынка.

Вот таким образом нас приучают к законам книжного и газетно-журнального рынка, которые у нас еще не вступили в действие в полную силу. Мы лишь стоим на пороге этого рынка, который и будет диктовать: что, как, кого, где и какими тиражами издавать... Идеологический диктат сменится диктатом коммерческим, диктатом денег, противостоять которому будет не менее трудно, чем былым ЦК с их гласными и негласными запретами.

Можно, конечно, сослаться на книжное изобилие в странах с развитой рыночной экономикой. Но при этом нельзя забывать, что почти во всех этих странах книга — предмет роскоши, а не первой необходимости. Хорошо изданная книга — не по карману даже университетскому профессору, не говоря уже о студенте или пенсионере. А домашние библиотеки — вообще редкость. Конечно, помимо дорогих, там существуют и дешевые издания, тиражи которых исчисляются миллионами. Но это в основном те же самые детективы, фантастика, «чернуха» и «порнуха», которые сейчас наводнили и наши прилавки. На подобную коммерческую литературу и у нас в скором времени будут вполне доступные цены. Зато подлинная духовная пища окажется не доступной для миллионов...

Все ссылки на рыночную западную экономику в данном случае не очень составительны еще и потому, что традиции русского книгоиздания Сытина и Суворина, равно как традиции издания литературно-художественных журналов, являются достижением и достоянием не европейской, не американской, а нашей отечественной культуры. Недаром почти все ее выдающиеся представители, включая Достоевского, Крылова, Жуковского, Пушкина, Ивана Киреевского, братьев Анских, Некрасова, Карамзина, издавали журналы, превращая их в свои гражданские трибуны. В России не было партий, их заменяли журналы, выражавшие разные общественные идеи и позиции.

Ничего подобного не учитывается в тех «рыночных» отношениях, в которые нам предлагается вступить, как в воду, не зная броду. Но в том-то и дело, что он есть, этот «брод» — наши великие русские традиции.

Все это имеет самое непосредственное отношение к нашему журналу, поскольку он не относится к числу коммерческих и не стремится стать таковым. Единственное, на что мы надеемся, так это на поддержку наших читателей, которым журнал интересен, судя по почте, именно своим содержанием, своими публикациями. Тем более, что за последний год-полтора [об этом свидетельствуют письма в редакцию] у журнала стал складываться свой круг читателей. Читателей внимательных, вдумчивых, не утративших способности сохранять свою точку зрения и здравый смысл даже в наше время крайностей и навязчивой политизации сознания.

Надеемся, что афиша «СЛОВО-92» дает представление об основных направлениях наших творческих поисков в новом году. Хотя далеко не все планы мы можем сейчас раскрыть, поскольку в них тоже есть момент «коммерческой тайны». Единственное, что мы не скрываем от своих читателей (да и конкурентов тоже), так это стремление выпускать журнал, не похожий ни на какой другой.

Так что судьба журнала теперь будет зависеть только от вас, подписчиков. Напоминаем лишь, что помимо индивидуальных подписок можно организовывать совместные (на несколько семей, на трудовые коллективы). Такая практика вполне оправдывает себя, тем более, что при новых ценах мало кто сможет позволить себе подписаться сразу на два-три журнала, два-три газеты. При коллективных подписках эти возможности увеличиваются. Добивайтесь безвозмездных ссуд на подписку по месту работы, требуйте подписать «Слово» в районные, сельские, городские, вузовские библиотеки... А редакция, со своей стороны, будет добиваться увеличения розницы (сейчас она не превышает 11 тыс. экз.), осуществления подписки также и через книжные магазины (что упростит получение книг по абонементу «Слова»).

Уверены, что эти наши общие усилия окажутся не напрасными. Нам удастся сохранить «Слово» для вас, наши читатели...

Редакция «Слова»

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Журнал продолжит публикацию свидетельств первоисточников — о современниках, архивных документов, публицистики, ее трагедии и следствиях, используя при этом пока еще малоизвестные хранилища, остающиеся для этого пока еще малодоступные «спецхраны», а также — истинные портреты вождей революции, «пламенных революционеров».

До конца этого года редакция в разделе «Архив русской революции» опубликует повесть Евгения Гагарина «Возвращение корнета» и «Дневник» генерала Михаила Дроздовского. А также в рубрике «Красный террор» — рассказы Аркадия Аверченко из сборника «Нечистая сила», запiski Е. Гаук «В подвалах ЦК», в рубрике «Глазами очевидца» — страницы из неопубликованных дневников генерала А. Журавлева о голоде в Поволжье в 1919—1921 годах, мемуары белогвардейского полковника Ж. Дуйе «Москва без покровов». Редакция продолжит свою ленинскую — статьи Н. Валентинова, А. Авторжанова, В. Флерева, А. Нагловского, Б. Суварина.

В ближайших номерах текущего года редакция очерком о церковно-государственной деятельности митрополита Филарета (Дроздова) открывает новый раздел «Устроители Земли Русской», который будет продолжен в будущем году серией материалов о российских государственных, общественных деятелях, сыгравших видную роль в становлении и укреплении нашей державы.

В 1992 году журнал продолжит поиск новых тем в разделах, уже ставших традиционными: ВЕЧНЫЕ НАРОДНАЯ ЖИЗНЬ, ИСТОКИ, РУССКАЯ МЫСЛЬ. Подписчики получат абонементы на издания «БЕЛОЙ КНИГИ РОССИИ» (Товарищество Русских художников) и книги прозы и публицистики других издательств страны, книги по истории, философии, репринтные издания.

Наш индекс — 70110 в каталоге «Союзпечати», в разделе центральных журналов.

ЗАКОН БОЖИЙ.

В каждом номере — духовная литература, проза, поэзия, публицистика, православный и народный календарь, основы богословия, современные проповеди, духовные призывания — дневники, письма, воспоминания, страницы истории русской церкви XX века, ее подвижники, великомученики и святые. Уже в этом году мы расскажем о московских праведниках.

ВСТРЕЧИ В РУССКОМ ЗАРУБЕЖЬЕ.

В этом разделе представят судьбы героев Белой России и Белой идеи по письменным источникам и семейным архивам русской эмиграции. Впервые в номере уже в этом году из номера в номер будет широко показана литература, архивы русской эмиграции, «волны» русских эмигрантов, советских узников концлагерей, перемещенцев». Еще в 1991 г. на «невозвращенцев». Еще в 1991 г. на страницах журнала будет широко отмечен столетний юбилей мыслителя Ивана Солоневича, увидят свет главы из неопубликованного в СССР романа Каратаева (Аргентина).

ЖУРНАЛ РЕДАКТИРУЮТ:

Арсений Ларионов,
главный редактор
Виктор Калугин,
заместитель
главного редактора
Артедий Игнатьев,
главный художник

Владимир Бондаренко,
обозреватель

Алексей Тимофеев,
обозреватель

Елена Егорунина,
обозреватель

Юрий Чернелевский,
обозреватель

Марина Подгорская,
заведующая секретариатом

Художественно-
технический
редактор
Е. М. Верба
Технический
редактор
Н. Н. Козлова
Корректор
Е. И. Табашникова

Во всех случаях обнаружения
полиграфического брака
в экземплярах журнала
обращаться на Тверской
полиграфкомбинат по адресу,
указанному в выходных
сведениях.

Вопросами подписки и
доставки журнала занимаются
предприятия связи.

Сдано в набор 24.04.91.
Подписано в печать 05.06.91.
Формат 84×108/16.
Бумага Зiemeнская 100 гр.
Печать глубокая и офсетная.
Усл. печ. л. 8,40+0,84+0,42.
Усл. кр.-отт. 21,42.
Уч.-изд. л. 13,20+1,04.
Тираж 180 000 экз.
Заказ 2164.
Цена 1 р. 50 к.

Адрес редакции:
129272, Москва,
Суцесский вал, 64.
Телефон для справок:
281-50-98

Ордена Трудового Красного Знамени
Тверской полиграфический комбинат
Государственного комитета
СССР по печати. 170024,
г. Тверь, пр. Ленина, 5.

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал.

Учредитель —
Госкомпечать СССР
и трудовой коллектив
редакции журнала.
Издаётся с сентября
1936 года
№ 7. 1991.

Издательство
«Книжная палата», журнал
«Слово», 1991.

В Н О М Е Р Е

ВРЕМЯ

Митрополит Виталий. Порабощение душ

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Г. Вагнер. Дорога к храму

ИСТОРИЯ

Ф. Морозов. Привычка свыше нам дана
И. Розенталя. Неврученные Нобелевские премии
Кое-что из жизни Штирлица
Нео-Сильвестр. Кто совершил злодеяние?!

ИСКУССТВО

Арс. Кузьмин. Вопреки забвению
А. Борисов. Вечный странник океана
Письма П. М. Третьякову

ЗАКОН БОЖИЙ

Раздел первый
Раздел второй

ЛИТЕРАТУРА

В. Розанов. Сны золотые
С. Золотцев. В сумерках просвещения
А. Жуков. Осенние песни о весне
В. Катанян. Последние дни
Ф. Сухов. Стихи
Г. Климов. Князь мира сего
Е. Плехова. Русь моя, милая Родина...

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. БУЛГАКОВА

М. Булгаков. Великий канцлер

АРХИВ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Так жить совершенно нельзя». Письма в Кремль
С. Дмитриев. Призраки прошлого
Н. Валентинов. Малоизвестный Ленин

МАНИФЕСТ РУССКОГО ДВИЖЕНИЯ

И. Ильин. За национальную Россию

Обращение к читателям

НАШИ АВТОРЫ — ПИСАТЕЛИ

Василий Афонин,
Дмитрий Белашов,
Василий Белов,
Виктор Бокор,
Леонид Бородин,
Владимир Бушин,
Иван Васильев,

Бронтой Бедюров,
Михаил Воздвиженский,
Олег Волков,
Сергей Воронин,

Михаил Ворфоломеев,
Михаил Вострышев,
Юрий Галкин,

Татьяна Глушкова,
Глеб Горбовский,
Павел Горелов,

Глеб Горышин,
Владимир Гусев,
Николай Дорошенко,

Борис Екимов,
Анатолий Жуков,
Станислав Золотцев,

Юрий Кузнецов,
Станислав Куняев,
Валентин Курбатов,

Виктор Лихоносов,
Михаил Лобанов,
Вячеслав Марченко,

Олег Михайлов,
Евгений Носов,
Михаил Петров,

Юрий Прокушев,
Валентин Распутин,
Валерий Рогов,

Эрнст Сафонов,
Всеволод Сахаров,
Сергей Семанов,

Эдуард Скобелев,
Валентин Сорокин,
Борис Споров,

Николай Старшинов,
Федор Сухов,
Анатолий Ткаченко,

Иван Уханов,
Леонид Фролов,
Евгений Чернов.

Русь моя, милая Родина...

Станислав Епифанов.
Село Константиново.
В горнице дома-музея

Очерк о художнике на стр. 66

23-1-19

АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

К 125-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ХУДОЖНИКА

Эссе о художнике
читайте
на стр. 28

Луниая ночь. Медведь на охоте. 1899

Собаки на нартах. Новая Земля. 1901

СЛАВО

